Сентябрь-Декабрь 1917 ПТРГ

ЛѢТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

А. НОВОСЕЛОВЪ. Бѣловодье.
ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Лѣсной житель.
Ф. ШАЛЯПИНЪ. Автобіографія.
М. МОРАВСКАЯ. Стихотворенія.
В. БРЮСОВЪ. Учители учителей.

Цѣна 5 руб.

Открыта подписка

на 1918 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ

Соціалъ-Демократическую газету

НОВАЯ ЖИЗНЬ

2-й годъ изданія.

Вслѣдствіе все увеличивающихся расходовъ по изданію газеты, мы вынуждены установить слѣдующую подписную плату

съ 1 января до 1 апрѣля 1918 г.:

	на 3 мѣс.	на 2 мѣс.	на 1 мѣс.
Въ Россіи	16 р. 75 к.	11 р. 50 к.	6 р. — к.
За границу . . .	19 » 75 »	13 » 50 »	7 » — »

Рабочимъ и солдатск. клубамъ, кооперативамъ, народнымъ домамъ, народнымъ библіотекамъ и народнымъ учителямъ, при непосредственномъ обращеніи въ главн. контору: на 3 мѣс.—15 р. 85 к.; на 2 мѣс.—10 р. 75 к.; на 1 мѣс.—5 р. 50 к.

Подписка принимается только съ 1-го по 1-е число. При коллективной подпискѣ—10% скидки. Перемѣна адреса—1 р. Отдѣльн. №№—30 к.

Въ виду неисправной работы почты, Главная Контора, въ цѣляхъ своевременной высылки газеты, проситъ озаботиться заблаговременной высылкой подписной платы.

Главная контора газеты „НОВАЯ ЖИЗНЬ".

Петроградъ, Невскій пр., 64.

Отвѣтств. ред. **В. Десницкій.** (В. Строевъ).

Издатель **А. Н. Тихоновъ.**

9444

Лѣтопись

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

496608

№ 9—12.

СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ. 1917

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ
БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

33366

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ОТЪ РЕДАКЦІИ 5
II. А. НОВОСЕЛОВЪ. Бѣловодье. 6
III. ВЯЧ. ШИШКОВЪ. Лѣсной житель. Сказка-быль. 69
IV. Ф. ШАЛЯПИНЪ. Автобіографія. 86
V. М. МОРАВСКАЯ. Стихотворенія. 152
VI. В. БРЮСОВЪ. Учители у учителей 157

Отъ редакціи.

Хозяйственный развалъ Россіи, принявшій нынѣ характеръ соціальной катастрофы, съ особенной силой и въ первую очередь отозвался на организаціяхъ и предпріятіяхъ, обслуживающихъ культурные потребности страны: цѣлый рядъ журналовъ и издательствъ принуждены были за послѣднее время уменьшить или вовсе пріостановить свою работу.

Не избѣжала, къ сожалѣнію, этой участи и «Лѣтопись».

Неодолимыя техническія и хозяйственныя затрудненія заставили редакцію «Лѣтописи», послѣ двухъ лѣтъ напряженной работы, отказаться, на время, отъ дальнѣйшаго изданія журнала.

Нечего говорить о томъ, что мы дѣлаемъ это съ большимъ сожалѣніемъ и горечью.

Единственнымъ нашимъ утѣшеніемъ служитъ сознаніе, что двухлѣтняя дѣятельность «Лѣтописи», протекавшая въ весьма тяжелыхъ условіяхъ царскаго режима, не взирая на постоянную цензурную опасность, висѣвшую Домокловымъ мечомъ надъ журналомъ, не взирая на ожесточенную борьбу со стороны буржуазной и оборонческой печати,—все же не прошла безслѣдно для русской демократіи.

Мы можемъ съ гордостью сказать, что въ дѣлѣ разоблаченія истиннаго характера той міровой бойни, которая доживаетъ теперь свои послѣдніе дни, въ томъ расцвѣтѣ идей революціоннаго интернаціонализма, которыя съ первыхъ же дней Революціи стали ея боевыми лозунгами;—нашему журналу принадлежитъ хотя и скромная, но неотъемлемая роль одного изъ первыхъ застрѣльщиковъ, и что въ этомъ отношеніи наши усилія никогда не оставались одинокими—насъ поддерживали сочувствіе и солидарность нашихъ друзей и читателей.

Вспоминая объ этомъ съ благодарностью, мы шлемъ нашимъ сотрудникамъ и читателямъ товарищескій привѣтъ и надѣемся, что рано или поздно внѣшнія препятствія, мѣшающія нашей совмѣстной работѣ, будутъ устранены и страницы «Лѣтописи» вновь станутъ ареной борьбы во имя политической свободы, соціальнаго равенства и пролетарскаго Интернаціонала.

БѢЛОВОДЬЕ.[1]

V.

Петровки были на исходѣ. Бѣловодцы собирались въ походъ.

Теперь часто на деревнѣ видѣли Бергала: его брали съ собой. По вечерамъ онъ бывалъ у Хрисанфа. Они подолгу разговаривали послѣ ужина въ глухомъ крылечкѣ. Иногда подходили и другіе мужики, чаще всѣхъ Асонъ съ Назаромъ, но Панфила тамъ не было видно. Прихворнулъ опять старикъ. Какъ-то тронется въ путь? Не въ послѣдній ли разъ?

Народу собиралось уходить немного. И Хрисанфъ и Панфилъ послѣ долгихъ споровъ выбрали новый невѣдомый путь. Если все будетъ благополучно, можно выслать гонца; тогда и остальные тронутся. Съ семьей поднимались только двое — Назаръ да Анисимъ.

Сынъ Назара, Иванъ, съ той поры, какъ стали говорить о сборахъ, все тоскуетъ, ходитъ съ темнымъ лицомъ. Надо уважить отцу. Какъ онъ тамъ, одинъ-то? Уже къ старости дѣло, да и проситъ пойти. Но какъ оставить Акулину? Не упуститъ Гараська. Евсей такъ и прочитъ ее за Гараську Фомы Гундосаго, объ осени свадьбу играть собирается.

Акулины не видно давно: на пасѣку угнали. Это тоже не спроста. Не дѣвичье тамъ дѣло. Знать, Фома съ Евсеемъ ужъ по рукамъ ударили, а дѣвку хоронятъ. И вдругъ смертной тоской загорѣлся Иванъ. Всегда скромный и тихій, не умѣющій отвѣтить на Гараськины насмѣшки, онъ заметался, вспыхнулъ лютой ревностью.

Отдать Акулину? Никогда? Никому!

Повидать бы ее, да за бѣлокъ на пасѣку — не ближній путь.

Но вотъ Акулина вернулась. Пришла ночью пѣшкомъ, вся ободранная въ кровь на розсыпяхъ.

На другой день подъ вечеръ вышла въ ельникъ за деревней. Иванъ туда пробрался косогоромъ.

Вотъ густая, до земли опустившая свои черныя лапы, старая толстая ель. Здѣсь прошлымъ лѣтомъ въ первый разъ они встрѣтились одинъ на одинъ: ушли съ полянки. Все дурили, смѣялись, а потомъ присѣли отдохнуть, да и проболтали до ночи...

Скотская тропинка извивается въ кустахъ веревочкой. Идти по ней легко. На душѣ такъ радостно и жутко. А вдругъ еще нѣтъ Акулины? Ель-то вотъ ужъ, совсѣмъ близко... Распахнулъ послѣдніе кусты и растерянно остановился. Подъ одной изъ старыхъ вѣтокъ, прислонясь къ ней головой, сидѣла Акулина. Улыбнулась, расцвѣла во все лицо и молча хлопнула рукой о землю.

Иванъ опустился съ ней рядомъ. Самъ тоже такой ясный и радостный. Не замѣчаетъ даже и того, что не сказалъ: «здорово»! Акулина поправила на головѣ цвѣтную гарусную шаль, повитую жгутомъ и протянула раненыя руки.

— Глянь-ка! Изукрасилась.

— Гдѣ это?

Она улыбнулась...

— Пошла съ пасѣки за ягодами... Ну, заблудилась по ключамъ-то... ходила, ходила да Собачьей рѣчкой на деревню вышла.

— Соба-ачьей?! — ужаснулся Иванъ. — Ты ври-и!

Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ ей въ сѣрые глаза, и въ памяти проносилась картина ущелья. Бурливая порожистая рѣчка... Острые утесы одинъ за другимъ... Между ними — розсыпи, по которымъ нельзя шагу сдѣлать, чтобы не скатиться внизъ и не обрѣзаться на сланцевыхъ осколкахъ... Кусты, столѣтнія коряги... Только собаки забѣгаютъ въ него, да Бергалъ за козлами...

— Одурѣла дѣвка! На деревню, што-ли, поманило? А?

— Не знаю.

Сказала уже безъ улыбки, но въ этомъ «не знаю» было такъ все понятно и близко обоимъ.

Иванъ обнялъ ее за плечо и притянулъ къ себѣ.

— Ой! Тихонько ты! Рука-то ноетъ, отбила на камняхъ.

— Рази, гдѣ упала?

— Прямо къ рѣчкѣ скатилась. Чисто всю исколотило. Колѣнки въ кровь снесла.

Говорила тихимъ шопотомъ, уткнувшись головой ему въ складки кумачевой рубахи.

Иванъ, забывшись, снова тиснулъ за плечо.

Въ сердцѣ поднималось то жгуче-туманное чувство, съ какимъ всякій разъ онъ вспоминалъ Акулину. Сначала стыдился его и боялся. Казалось, что съ нимъ только однимъ бываетъ такъ. Надо работать, а тутъ въ голову ни вѣсть, что забьется и мутитъ, и кружитъ, будто пива медоваго выпилъ. Всѣ послѣдніе дни, какъ ни работаетъ, какъ ни устанетъ, а до вторыхъ пѣтуховъ не можетъ глазъ сомкнуть. Все стоитъ передъ глазами Акулина, — будто манитъ его. А то вспоминается, какъ на полянкѣ отрѣзала она Гараськѣ. Прилипъ къ ней хуже липучки-травы, никакъ не отдерешь. Самъ пьяный, все хохочетъ, скалитъ зубы, а какъ рядомъ сядетъ — за рубаху лѣзетъ. Дала ему локтемъ прямо въ рожу.

— Отвались, окаянный!

Вспыхнулъ, загорѣлся Гараська.

— Тебѣ бы Ваньку подкатить?

— Да не тебя ужъ, чортовъ зять!

— Такъ Ваньку?

И не утерпѣла Акулина, крикнула въ слезахъ:

— Отвались ты, окаянный! Богомъ прошу!.. Милъ онъ мнѣ!.. Въ ковшичкѣ воды его бы выпила, а тебѣ ни въ жизнь не дамся!

Вся поляна ахнула: Гараська не спуститъ посмѣшища, не таковскій онъ.

Съ тѣхъ поръ оба боятся его.

— Ишь, вѣдь дура, убралась какъ.

Акулина прижимается крѣпче. Такъ вотъ сидѣть бы и день и другой, никуда не уйти отъ Ванюшки, никого не видѣть. А онъ откинулъ осторожно сарафанъ и гладитъ колѣни.

Рука нѣжно скользитъ по горячему тѣлу. Въ голову ударило что-то пьяное, тяжелое.

Но Акулина спрятала колѣни, и разомъ все потухло. Понялъ, что не такъ теперь надо. Еще крѣпче прижалъ ее, а она упала головой въ колѣни и, закрывая ноги сарафаномъ, повернулась лицомъ кверху, — всегда такъ дѣлала, когда встрѣчались здѣсь.

— Што на деревнѣ? Сказывай.

— Въ отправку скоро... Раза два-то, можетъ, и приду сюда, а потомъ ужъ...

Онъ съ болью улыбнулся.

— Гараську приведешь...

— Ду-урной, какой ты.

Акулина съ обидой вздохнула и круто отвернулась.

Сквозь кусты черемухи ей видно въ мелкіе просвѣты у корней деревню. Избы все такія жалкія, не больше пчелиной колодки, и всѣ сѣренькія, одинаковыя. Солнце уже сѣло за бѣлкомъ. Внизу тускнутъ, темнѣютъ дружныя деревья надъ рѣчушкой. По дальнимъ ложбинамъ ползетъ сѣрая муть. Скоро подниметъ ее изъ долины до самыхъ бѣлковъ. Отъ деревни по вѣтру наноситъ жильемъ. Акулина смотритъ на деревню, и передъ ней встаютъ всѣ мелочи лѣтняго вечера. Мать несетъ изъ погребушки молоко и озирается по сторонамъ, — Пахомку ищетъ, а тотъ навѣрное у Петьки — въ «Зелено» играетъ... Отецъ ходитъ по амбарамъ — щупаетъ замки... Вотъ за ветлами изба Фомы. Жить въ ней, чо ли, придется? Съ Гараською!..

Жутью и холодомъ пахнуло въ душу. Будто подвели къ обрыву и толкаютъ. Едва передохнула, чуть не крикнула. Обернулась порывисто, схватила Ванюшку за плечи.

— Не останусь я тутъ, не останусь! Смерть мнѣ безъ тебя... Возьми съ собой!.. Не бросай!.. Ванюшка!

Онъ растерянно смотрѣлъ на нее.

— Да какъ это? Что ты, Акулина! Обумись!

— Нѣтъ не останусь, не останусь! — съ ужасомъ твердила она, обвивая его шею руками.

— Пойдемъ вонъ куда... Поди, слышала, кто назадъ-то приходитъ. На смерть можно сказать. Мужикамъ — за бѣду, а вашему брату...

— Тамъ и бабы будутъ... съ сѣдла не свалюсь, хошь куда доѣду.

Иванъ замолчалъ. Нежданной радостью пахнуло на него, будто нашелъ дорогую потерю.

— Я еще на пасѣкѣ все обзаботила. Лошадей двухъ возьму. Одну — Бѣлку, помнишь по-веснѣ-то скинула? А другую — Каренькаго. Подъ сѣдломъ онъ хорошъ; зыбъ сюда, зыбъ туда. Добро. Можно выспаться... Приданыя обѣ. Тятя самъ благословилъ... Сухарей вотъ только... Она заду-

малась: — А я муки нагребу полнехоньки сумины, да масла, да меду. Никого не обьѣмъ.

Уже отхлынулъ страхъ, пропала нерѣшительность. Боялась сказать, а теперь такъ легко. Но Ванюшка все молчитъ. Наконецъ ,словно проснувшись, засмѣялся радостнымъ, свободнымъ смѣхомъ и, обнявши ее сильными руками, притянулъ къ себѣ.

— Ну, дѣвка! Съ этакой не пропадешь! Бѣловодка голимая. Куда загнула! А что-же Гараська-то? Какъ его? Значитъ съ горки, да внизъ?

— Подь, ты къ духу вмѣстѣ съ нимъ. Бергаленокъ окаянный! Съ души меня претъ, какъ увижу его.

— Всѣ не краше его, — съ серьезнымъ лицомъ протестовалъ Ванюшка, — но каждое ругательство по адресу Гараськи было слаще меду и хотѣлось слушать, слушать безъ конца.

— Не возьмутъ старики, — вдругъ нахмурился онъ, вспоминая дѣйствительность:: — тоже съ мозгомъ народъ.

Акулина насмѣшливо сгримасничала.

— Дуру нашелъ! Кто-то пойдетъ къ старикамъ. Обойдется безъ нихъ.

— Никуда отъ стариковъ.

— Выѣду съ пасѣки... Коней тамъ теперь кормимъ. Тятя глазомъ не сморгнетъ, какъ я утянусь. Сумы въ сопкахъ схороню наканунѣ.

Иванъ блаженно улыбался, качалъ головой. Не было словъ, и не хотѣлось говорить. Вотъ она, съ нимъ! Развѣ можетъ быть что нибудь лучше! Развѣ не статнѣй она всѣхъ, не красивѣй! Передъ ней всѣ дѣвки будто облглоданный коровами кустарникъ передъ пихточкой, будто звѣзды передъ мѣсяцемъ. Досталось же счастье! Не всякому дается. Вѣрно. Богъ благословилъ. Вмѣстѣ съ ней и жизнь до могилы вести. Хозяйка — на завидаль. А какъ кичку надѣнетъ — загляднешься.

— Не оставлю. Пойдемъ, — въ сладкомъ волненьи шепчетъ онъ, наклоняясь къ самому ея лицу: — женкой будешь... Дѣдушка обрачитъ, не откажется.

Въ мертвой темнотѣ еловыхъ вѣтокъ кто-то шумно шевельнулся. Хрястнулъ сухимъ трескомъ подломившійся сукъ. Оба вздогнули и испуганно вслушались. Но вверху по-прежнему — ни шелеста, ни вѣтерка.

— Али бѣлка, али сычъ, — догадался Иванъ.

— Ну его!

Сама въ нѣгѣ закрыла глаза и потянулась по ребячьи, выгибая спину.

— И пошто ты такая? — Чуть слышно спрашивалъ онъ.

— А какая же?

— Чортъ тебя знаетъ... Голова съ тобой болитъ безъ водки.

Уже сильно стемнѣло. Подъ горой, на болотѣ, старательно скрипитъ дергачъ. Невидимая крохотная пташка все еще пырскаетъ въ ближнихъ кустахъ и, поднявшись на вершинку, безъ конца твердитъ свою несложную, звонкую пѣсню. Съ полу отъ рѣчки то потянетъ тепломъ, то пронизаетъ сыростью.

Глаза у Акулины потемнѣли. Только вскинетъ ихъ — будто омутъ откроется. Сладко и боязно искать его дно. Не оторвешься, не уйдешь. А сама огнемъ горитъ. Жаромъ пышетъ отъ тѣла...

Не замѣтилъ, какъ рука скользнула за разстегнутый воротъ. Шершавая ладонь съ дивной лаской легла на испуганно вздрогнувшую грудь и мигомъ потушила испугъ, разбудила ее. Акулина положила свою руку сверху, придавила, что есть силы, еще и еще. Пусть больнѣе будетъ, пусть потомъ дольше, дольше болитъ грудь, вплоть до слѣдующей встрѣчи...

Глаза манятъ глубиной. Силы нѣтъ въ нихъ смотрѣть.

— Не отдамъ, никому не отдамъ!..

Шопотъ тонетъ въ складкахъ сарафана на груди... И оборвались слова, погасли. Все ушло назадъ...

Были только двое. Была тайна великая, какъ міръ, глубокая, какъ небо . . . . . .

Чернымъ тяжелымъ сукномъ лежала ночь въ долинѣ, когда они спустились по крутому склону къ рѣчкѣ.

— Такъ завтра?

— Ладно, ладно, — соглашалась Акулина. — Только не приперъ бы Гараська... Ему на ухо нечистики подносятъ... Думала сегодня подкатится, да видно робить привалили.

— Поглядимъ, какъ придетъ! — съ задоромъ отзывался Ванюшка, ныряя въ кутахъ. — На бергалятъ желѣзко по рукѣ найдется...

А заснувшая старая ель словно только ждала, когда подальше отойдутъ ея гости. Лишь затихли шаги, въ ея плотныхъ вѣтвяхъ кто-то грузно шевельнулся, закачалъ ихъ и поползъ по стволу, ломая хрупкіе сучки.

— На бѣловодье собрались! — вылѣзая изъ-подъ ели, злобно хохоталъ Гараська.

— Святую обитель отыскивать!.. Блудитъ подъ елками!

Онъ оправилъ штаны и рубаху, постоялъ немного, что-то думая, потомъ плюнулъ на то мѣсто, гдѣ примяли траву и, скверно вычурно обругавши Акулину, скользнулъ въ темноту.

VI.

Никитишна безропотно несла черезъ года свое горе, глубоко затаенное, никому неповѣданное, и всѣ привыкли видѣть на лицѣ ея застарѣлую, тихую скорбь. Словно схимница, принявшая обѣтъ невозмутимой кротости, плела она скучный, изо-дня-въ день одинаковый узоръ своей жизни. Но, много лѣтъ сбиравшіяся, тучи опускались на сѣдую голову все ниже. Вотъ уже средина лѣта. Бѣловодцамъ скоро въ путь. Панфилъ опять повеселѣлъ, помолодѣлъ и вечерами долго молится, а днемъ съ утра хлопочетъ надъ дорожными запасами.

На воскресенье вечеромъ послѣ горячей бани Панфилъ ушелъ въ моленную къ вечернѣ. Никитишна долго чесала въ крылечкѣ свою голову роговымъ щербатымъ гребешкомъ, перебирая на рукахъ серебряныя пряди, потомъ успѣла подоить, прибрать корову, обошла по хозяйству и уже накрыла столъ для ужина, а старика все не было.

— Затянулся къ Хрисанфу. Сговоръ тамъ теперь. На другой, видно, хочетъ жениться.

Она горько улыбнулась своимъ мыслямъ, но сейчасъ же отпугнула ихъ, какъ надоѣдливую муху, и пошла опять въ несчетный разъ по вросшимъ въ землю, ея ровесникамъ, клѣтямъ и амбарушкамъ, всюду находя неотложное дѣло.

Въ сумеркахъ вышла на улицу, сѣла тамъ на приваленное къ стѣнѣ бревно и тутъ только почуяла тупую боль, боль въ разбитомъ старомъ тѣлѣ. Не хотѣлось уже ни хлопотать, ни думать о домашнемъ. Сидѣла маленькая, сгорбленная непримѣтная, а по широкой улицѣ плелись хмѣльные мужики. Ихъ голоса, — одинъ задорно-высокій и тре-

бующій, другой глухобухающій непонятныя слова — мѣшались съ настойчивымъ собачьимъ лаемъ. Видно было, какъ рослыя, тяжелыя фигуры безъ пути сорвались въ темнотѣ и то сходились носомъ къ носу, то порывисто бросались въ стороны.

— Онъ это кобылу-то мою! А? — икая и отплевываясь, звенѣлъ ржавой струной тотъ, что былъ выше: — са-аловую! Можетъ онъ понимать? А?

— Ца-аганъ! Язва его задави! — буравилъ тишину другой, и тяжкія слова его, какъ падающіе съ утеса камни, пропадали, гдѣ-то тутъ же, словно уходили въ землю.

— Вотъ! Ты хорош... хорошай человѣкъ, Петро Степанычъ... тьфу! Вотъ!.. Я ему грю... горю ему... ннѣ-ѣтъ, братъ, насъ за это мѣсто не уку-у-сишь. Вѣрно? А? Вѣрно я говорю?

Тѣни подвигались медленно. Никитишна старалась разглядѣть, узнать ихъ.

— Ишь, назюкались бласловленные. Другого-то никакъ не вспомнить... Ахъ, ты, матушка моя, да это вѣдь зять Бухваловскихъ! Пріѣхалъ, видно. Вотъ Бухвалиха его накроетъ.

Никитишна вздрогнула: она и не замѣтила, какъ подошелъ Панфилъ.

— Заждалась, поди, къ ужну?

Голосъ у него былъ кроткій, извиняющійся.

— Ну, дакъ время ужъ, мотри. Народъ, однако, весь отужинался.

Хотѣла выспросить, куда ходилъ, да по привычкѣ промолчала. Покряхтѣла, тяжело поднялась, опираясь костяшками пальцевъ въ бревно, и пошла за Панфиломъ.

Въ крыльцѣ они оба едва взобрались по скрипучей крутой лѣстницѣ и оба говорили старыя слова о томъ, что надо бы подколотить расшатанныя доски, подпереть ихъ снизу, да ужъ вмѣстѣ и всю избу обиходить къ осени. Изба высокая, хорошая изба. Одинъ лѣсъ кондовый чего стоитъ— рубили старики на выборъ, когда деревню заводили — полъ и потолокъ изъ аршинныхъ, расколотыхъ надвое бревенъ, черезъ сто лѣтъ не погнется. Но не доходятъ руки.

— Суета все, то, да се, — хозяйственно говорилъ въ темнотѣ Панфилъ.

Такъ хотѣлось вѣрить этимъ простымъ мужицкимъ словамъ, и Никитшна вѣрила, опять надѣялась на что-то радостное, свѣтлое.

Отыскавши привычной рукой на полочкѣ сальный огарокъ въ самодѣльномъ подсвѣчникѣ, она ощупью попала въ отворенную дверь и, пока дошла до печки, натолкнулась на Панфила, тихо творившаго у самаго порога краткую молитву, запнулась за полѣно, наступила на хвостъ кошкѣ.

— Прости Господи ,чисто безъ глазъ. У-у-, изжаби те хвостатая!

Но и въ брани было больше благодушія, чѣмъ злобы.

Она быстро раздула на горячей загнетѣ лучину, и, какъ только вспыхнулъ огонь, мухи шумно снялись разомъ съ потолка и со стѣнъ и безтолково закружились по избѣ роями. Сашина ушла, куда-то въ уличную темь.

Оплывшая свѣча горѣла неспокойно — черная свѣтильня загибалась, обвисала, и пламя исходило копотью. Пушисто-сѣрые ночные мотыльки, ворвавшись черезъ выбитое стеклышко, довѣрчиво летали вокругъ пламени, садились на него и, обожженные, безпомощно крутились по столу на спинкахъ. На нихъ наползали мѣдно-золотые тараканы, останавливались, мудро шевелили тонкими усами и, испуганные, быстро убѣгали подъ столешницу.

Никитишна, не затихая, шваркала ногами по полу. Панфилъ сидѣлъ на лавкѣ. Утомленный длиннымъ хлопотливымъ днемъ онъ отдыхалъ. Мысли о томъ, большомъ и значительномъ, все еще властно проходили въ головѣ, но старуха бросила съ шестка тяжелое полѣно — и все пропало. Панфилъ вздрогнулъ и вглядѣлся въ уголъ.

— Что она тамъ? Все хлопочетъ, день-деньской не уймется.

И, какъ гость, давно не бывавшій въ этой чистой и теплой избѣ, онъ оглядѣлъ всѣ стѣны, печку, потолокъ. Все было такое же, какъ у другихъ, но откуда, когда и какъ попало оно въ избу, этого Панфилъ не могъ сказать: все это шло мимо него. Особенно странными казались ему пестрые, расшитые причудливымъ узоромъ, рушники. Спускаясь по стѣнамъ отъ потолка до лавокъ, они придавали избѣ нарядный хозяйственный видъ. Сама ли вышивала ихъ Никитишна иль нанимала дѣвокъ за ведро медоваго квасу для парней на вечеркѣ—никогда объ этомъ не подумалъ, не спросилъ да и самыя полотна—хотя видѣлъ ихъ комую, разсматривалъ онъ сгорбленную, одряхлѣвшую каждую минуту—разглядѣлъ только теперь. Словно незна-

фигуру старухи въ подоткнутомъ за поясъ темномъ сарафанѣ, съ головой, повязанной по кичкѣ теплой шалью. Въ душѣ родилось что-то теплое, хорошее, и крѣпко захотѣлось сказать его, подѣлиться думами, спросить совѣта, но Никитишна, подойтя къ столу съ ковригой хлѣба, посмотрѣла упорно въ глаза, готовая спросить Богъ знаетъ о чемъ, и онъ мгновенно встряхнулся, выбросилъ изъ головы житейское, опять наморщилъ лобъ. А за нимъ потухла и Никитишна.

За ужиномъ, неторопливо черпая изъ чашки горячія постныя щи въ прикуску съ перистымъ зеленымъ лукомъ, они скупо говорили малозначущія обиходныя слова.

— Съ конями неладно у Хрисанфа, мокрецъ навалился... Мается теперь, подлечиваетъ.

Никитишна насторожилась.

— Былъ тамъ, видно?

Панфилъ низко нагнулся надъ чашкой, разыскивая мелкіе куски картошки.

— Былъ... старики потолковать сбирались.

Онъ тихо улыбнулся и покачалъ головой.

— Бѣда съ этимъ Евсеемъ. Разговору много, а того гляди останется. Опять на пасѣку уплелся.

— Какъ ему не утянуться? Добро блюдетъ, — горячо сказала Никитишна, и въ словахъ ея былъ нескрываемый укоръ. Но, спохватившись, она мирно добавила: — куда ему! Настасьюшка заточитъ, съѣстъ, не пу-устить Настасьюшка.

— Вотъ, скажи, взяла силу баба,—самому себѣ говорилъ Панфилъ: — кажись и немудреная, а по мужицки правитъ.

— Такихъ-то не бросаютъ, — думала Никитишна. — Вотъ увязаться бы, такъ и ты подумалъ бы... Сказать ему? разсказать, какъ живу тутъ одна-то, какъ побираюсь? Докуда маяться? Случись — умри, и глаза прикрыть некому...

Но пока сбиралась съ мыслями, Панфилъ наѣлся. Облизнулъ надломленную ложку, заглянулъ въ нее и положилъ передъ собой горбушкой кверху.

— Слава тебѣ, Господи... Досыта...

Длинные желтые пальцы, сложенные въ двоеперстіе, опустились птичьимъ клювомъ на высокій лобъ и, на

мгновенье задержавшись, быстро побѣжали по плечамъ, на животъ и обратно.

Никитишна смотрѣла, какъ онъ крестится, какъ истово и просто шепчетъ длинную молитву, и опять онъ былъ передъ ней чужимъ, далекимъ, мірскимъ избранникомъ, опять она боялась и не знала его.

— Собирался народъ-то, — медленно тянулъ Панфилъ, отодвигаясь по лавкѣ къ окну: — ужъ одному бы, а то тянутъ и тянутъ. Тамъ, гляди, опять разсохнется все дѣло.

Никитишна взглянула искоса и вытерла горстью смор-щенныя впалыя губы.

— Кто идетъ-то?

Она знала, кто идетъ, но такъ хотѣлось разговору, откровенности.

Панфилъ послюнявилъ пальцы, сощипнулъ нависшую свѣтильню и вытеръ руку о подолъ рубахи—все медли-тельно, спокойно.

— Идутъ немного. Асонъ въ первую голову,—онъ загнулъ къ ладони тонкій длинный мизинецъ:—Хрисанфъ—это два, потомъ—Анисимъ съ бабой, Назаръ съ бабой да съ Иваномъ... вотъ. Бергалъ еще путается. Не къ добру этотъ, да Хрисанфъ возстаетъ за него.

Онъ поцарапался, собираясь что-то сказать, и обернулъ лицо къ старухѣ.

— Бабы, вотъ, идутъ... ничего себѣ, думаютъ справиться. Можетъ и пройдемъ... Куда здѣсь одной-то?.. Тоже вѣдь никакъ-нибудь двинемся, съ припасомъ да съ оглядкой...

Дрогнула Никитишна, совсѣмъ повѣрила, да нѣтъ—не тѣ слова, не такъ надо звать.

«Куда тебѣ со мной! Поперекъ дороги стану»,—обид-чиво думала Никитишна, едва прожевывая корку.

— Ну да и вправду,—живо закончилъ Панфилъ:—хлебнешь тамъ горечка, какого и не видывала. Сперва про-вѣдаемъ, да тогда ужъ всей деревней... Вѣрнѣе будетъ.

— «Испугался; думалъ стану проситься»...

Никитишна сдержала подступившія слезы.

— Ступайте съ Богомъ. Гдѣ намъ, грѣшнымъ, всѣмъ-то.

Скорѣй встала и загремѣла опять посудой въ закуткѣ, стараясь не показывать лицо къ огню.

Ночью Никитишна не спала до вторыхъ пѣтуховъ.

Тихо, тихо лежала она на скрипучемъ голбцѣ, а на умъ приходили такія жалостливыя слова, что бороться со слезами уже не было силъ, и они бѣжали ручейками по щекамъ и по носу, обильно смачивая изголовье—лохматый овчинный тулупъ. Никитишна боялась громко всхлипывать—не услышалъ бы Панфилъ на полатяхъ—старалась спрятаться лицомъ въ густую кислую шерсть. Жизнь разстилалась передъ ней безконечной пестрой полосой съ горемъ, съ радостями, съ незажившими до старости ранами, и то мелькала солнечнымъ пятномъ веселая вечерка, гдѣ Никитишна—румяная Машенька—до смертной устали отплясывала передъ парнемъ, то ненастной хмурой ночью наплывала сиротская доля. Тошно и темно становилось тогда на душѣ и хотѣлось плакать голосомъ, плакать громко-громко въ тонъ той мухѣ, что съ самаго вечера звенѣла въ паутинѣ подъ матицей.

VII.

Петровъ день выдался мятежный, нерадостный. Не ходили по улицамъ дѣвки, щеголяя бисеромъ и лентами, за ними не слѣдили парни и не гремѣли дружнымъ хохотомъ, подкарауливши врасплохъ неразлучныхъ подругъ. По заваленкамъ—пусто. А солнце, какъ нарочно не торопится. Купаетъ землю въ жаркомъ золотѣ, бѣлыми ключами гонитъ съ горъ снѣга. Высоко, высоко ушло оно въ небо отъ студеныхъ вершинъ и кажется, что никогда ему оттуда не вернуться.

Но за сборами, за предпрощальной суетой не замѣтили, какъ круто повернуло солнце книзу, какъ смѣнился знойный день прохладнымъ вечеромъ, какъ поползла изъ глубокихъ щелей тихая черная ночь, закрыла пади и вершины горъ, схоронила землю до утра.

Бѣловодцы тянутся гуськомъ по косогору. Деревню пока еще слышно: она сразу за рѣчкой. Разбуженныя необычной суетой, собаки лаютъ тревожно, настойчиво. Кое-гдѣ виднѣются огни—такіе неувѣренные, слабые. Кажется, что огоньки перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто. Мелькнетъ то здѣсь, то тамъ и вдругъ потухнетъ, а то разомъ вспыхнетъ ихъ нѣсколько—перемигнутся, дрогнутъ, и опять не видать. Всадники часто оборачиваются и, не замедляя шага лошади, ловятъ эти, будто имъ кивающіе, огоньки. Тревожная

БИБЛИОТЕКА Академии Наук СССР

тоска сжимаетъ сердце. Все оставили—родню, хозяйство, теплую толстую печь...

Въ головѣ стоитъ еще прощальный плачъ, съ которымъ провожала ихъ деревня. Вспоминаются отдѣльные выкрики изъ темнѣвшей на другомъ берегу толпы, когда уже перебродили рѣчку. Много было слезъ и суеты. И друзья и недруги, словно по сговору, собрались проводить. Сплетни и дрязги забылись. Ни къ чему это въ такое время. До того ли!..

Теперь толпа уже расходится. Идутъ по улицамъ группами, толкуютъ о нихъ, вспоминаютъ Панфила, какъ онъ совсѣмъ по особому кланялся каждому въ ноги... Запираютъ наглухо ворота, стелятся, ложатся спать.

Не отгонишь мысли о деревнѣ.

Другъ за дружкой, молча, ѣдутъ всадники. Растянулись по крутому косогору отъ подола до средины. У каждаго по два коня, завьюченныхъ тяжелыми сумами.

Когда выступали, впереди поѣхалъ дѣдушка Панфилъ съ раскрытымъ мѣднымъ складнемъ на сѣдлѣ въ колѣняхъ, а теперь продвинулся Хрисанфъ. Старику-то гдѣ же! Повернетъ неладно, а потомъ выпутывайся по тропинкамъ. Въ серединѣ одна за другой качаются въ широкихъ сѣдлахъ Царья—Назарова баба, да Анисиха Василиса. Грузными клочками увязли онѣ въ сѣдлахъ—не сшибешь, не стащишь. Обѣ вволю наревѣлись и дуются теперь на кого-то, будто ихъ кровно обидѣли.

Огоньки пропали. Косогоръ все круче забираетъ вправо; выше и плотнѣе становится лѣсъ. Но все это пока еще—свое, родное. Василисѣ даже кажется, что она отправилась всего только на пашню, и сейчасъ же вспоминается дѣйствительность. Она вздыхаетъ глубоко и оборачивается, стараясь разглядѣть на извивахъ тропинки лошадь мужа, а разглядѣвши, сдержанно кричитъ:

— Анисъ! А! Ты это, чо ли?

— Ну, кого тебѣ?

— Ладно, ладно, поѣзжай... Я такъ.

Голосъ у нея низкій, грудной.

— Подпруга-то не хлябаетъ? — Допытывается Анисимъ.—Не пойметъ того, что бабѣ только надо было слышать его голосъ.

Василиса отвѣчаетъ нехотя:

— Ничего пока, держитъ... Самъ засѣдлывалъ...

Но, минуту спустя, ей уже хочется использовать непривычную заботливость.

— Сумины вотъ ерзаютъ. Быдто на бокъ тянетъ...

— А ты поддергивай... Слышь? Поддергивай, говорю...

Тетка Дарья откровенно хохочетъ.

— Иззаботила совсѣмъ!..

Она закидываетъ голову и звонко кричитъ:

— Сядь ты съ ней вмѣстѣ на рыжуху.

— Неловко на сѣдлѣ-то, — въ тонъ ей отзывается Анисимъ.

Да, знать, не во-время съ шутками вылѣзли. Никто не откликнулся веселымъ словцомъ.

Подъ горой бѣжитъ рѣчка. Ея ропотъ, чѣмъ выше дорога, сливается въ баюкающій ровный шумъ, и, если долго слушать, то начинаетъ казаться, что тамъ шелеститъ густой камышъ подъ вѣтромъ. Но вѣтра нѣтъ. Онъ гудитъ по снѣговымъ вершинамъ, а внизу, какъ въ ямѣ—не пахнетъ въ лицо, не дрогнетъ глубоко заснувшая трава. Лѣсъ черный, пугающій, застылъ въ своемъ молчаніи. Стволовъ не видно. Они тонутъ въ непроглядной темнотѣ и лишь тѣ, что стоятъ подлѣ самой дороги, изрѣдка рисуются прямыми толстыми колоннами. Тамъ, гдѣ колонны подступаютъ къ тропинкѣ вплотную, набитыя туго сумины то одна, то другая шебаршатъ по корявымъ стволамъ. А подъ плотнымъ навѣсомъ листвы—одна сплошная заросль кустарниковъ и большетравья. Къ самымъ сѣдламъ тянетъ свои крылья папортникъ, сверху кроютъ широкими лапами листья гигантскихъ борщевниковъ, а тяжелыя шляпы ихъ тонутъ въ хвоѣ нижнихъ вѣтокъ. Небо опустилось на вершины огромныхъ деревьевъ. Въ рѣдкіе просвѣты между ними оно блещетъ крохотными огоньками. Звѣзды—какъ оконца. Черезъ нихъ на заснувшую землю брызжетъ тонкими лучами свѣтъ того невѣдомаго міра, что закрытъ отъ суетной земли непроницаемой завѣсой. Какъ тамъ ослѣпительно свѣтло! Какъ радостно!

Панфилъ, качаясь на стременахъ, поднимаетъ глаза къ небу, но не съ жалобой и не съ мольбой. Ничего ему не надо. Ликующимъ смѣхомъ смѣется душа. Будь одинъ—запѣлъ бы вполголоса, какъ любилъ это дѣлать всегда, священные стихи, да на людяхъ не умѣетъ, и не хочется. Не

кѣрилъ все, казалось, что конца не будетъ сборамъ, и вотъ тронулись, пошли. Въ послѣдній разъ! Назадъ онъ не вернется. Онъ это знаетъ, какъ точно знаетъ и то, что Бѣловодье будетъ найдено.

Панфилъ молитвенно смотритъ на звѣзды.

— Господи, Господи! Благодарю Тебя, Всесильный.

Онъ бодро выпрямляется въ сѣдлѣ, вдыхаетъ полной грудью свѣжій воздухъ и начинаетъ охорашивать коня. Къ сѣдлу на длинномъ поводѣ привязана другая лошадь. Она покорно тянется въ хвостѣ. Панфилъ потрогалъ ея поводъ, подвернулъ кафтанъ подъ ноги и, невольно дрогнувъ отъ ночного холодка, опять сгорбился, ушелъ въ свои думы... Никитишна? Пошли ей Господи. Ни роду, ни племени Всѣхъ ребятъ схоронили... На кого осталась? Старуху уважаютъ, да ужъ все не то... Перестала роптать. На проводинахъ шибко убивалась, а не сказала поперекъ ни слова...

Панфилу вспомнилась вся жизнь, и до слезъ стало больно за старуху. «Какъ дойдемъ на мѣсто, надо вывезти ее». Мечты захватили его, понесли черезъ пустыни. Чудилась новая опрятная деревня. Съ того лѣта заживутъ они уже по новому и никуда, никуда онъ не уйдетъ изъ дому. Только бы обѣтъ исполнить, а тамъ можно и пожить спокойно.

И вдругъ обжигаетъ огнемъ. Дьяволъ это путаетъ. Про деревню шепчетъ окаянный, да про теплую избу, отводитъ отъ обители. Нельзя, нельзя! Обитель прежде...

Его будитъ бодрый окликъ сзади. Назаръ тоже вспомнилъ проводины и хлопоты старосты.

— Василій-та! А? Ладно коробокъ заплелъ? Быдто ничего себѣ не знаетъ, прилетѣлъ на рѣчку: «Е-етто кто тутъ? Куда сбеленились! Спять за границу? Безъ пашпорта? Сейчасъ вернись, не то съ пикета поворотятъ!..

Назаръ подражаетъ густому басу старосты, и это выходитъ забавно. Всѣ смѣются, но не столько надъ Назаромъ, сколько тому, что Василій такъ умно увернулся.

— Ему тоже, братъ, спину покрывать берестомъ не по ндраву, — хохочетъ въ темнотѣ Анисимъ, засѣдатель прибѣжитъ: «Чего смотрѣлъ, староста! Бѣловодцамъ потакаешь. Ложись! Втесать ему сотню березовыхъ!..» А теперь ему што! Вѣстовой по утру на пикетъ поѣдетъ—такъ и такъ...

Хрисанфъ слышитъ разговоръ и молчитъ. Онъ ѣдетъ впереди на молодомъ задорномъ жеребцѣ. Жеребецъ, волнуясь за кобылъ, идущихъ сзади, часто коситъ туда глазами и чутко слушаетъ родную поступь. Хрисанфъ, подбоченясь, все смотритъ и смотритъ въ таинственную темь, и не темную ночь, не небесныя оконца видитъ онъ—видитъ жаркій сіяющій день, огромныя невѣдомыя горы, а за ними необъятный просторъ... На грядѣ холмовъ, встающихъ поперекъ дороги, показались всадники. Они машутъ руками, кричатъ и бѣгутъ вразсыпную... Хрисанфъ понесся имъ на перерѣзъ.... Вотъ, вотъ!.. Не уйдутъ!.. Быстро вскинулъ ружье и прицѣлился. Гулкій выстрѣлъ толкаетъ въ плечо. Въ головѣ зашумѣло. Лошадь спотыкается о подкатившіися подъ ноги трупъ киргиза... Собака живучій! Зѣваетъ!.. Надо лошадь поймать. Неужели покупать ихъ тутъ?..

Но и въ самомъ дѣлѣ жеребецъ неловко спотыкается о придорожный камень, падаетъ на колѣни и, испуганно всбросивши голову, сбивается съ мѣрнаго шага на рысь. Едва усидѣвшій Хрисанфъ натягиваетъ поводъ такъ, что лошадь скалитъ зубы и мотаетъ головой. Онъ вполголоса ругается и вслѣдъ за тѣмъ зычно кричитъ:

— Куда смотришь! Гляди у меня! Нно!.. Ты!

Жеребецъ, словно стыдясь за оплошность, начинаетъ еще больше нервничать.

Выше и выше дорога. Уже обогнули всю гору. Лѣсъ окончился, открылась падь. Она темнѣетъ слѣва бездной, а справа—оголеный давними пожарами, крутой, высокій склонъ. По нему кое-гдѣ торчатъ мертвыми столбами обгорѣлые пни. А выше гладкимъ-гладкимъ скатомъ тянется онъ къ небу. Не найдешь ему конца. Дорожка мягкая. По сторонамъ ея двумя невысокими стѣнами стоитъ темная густая трава. Лошади срываютъ на ходу лохматые пучки и, перевалпвая языкомъ желѣзо, жуютъ громко, старательно. Онѣ быстро отдохнули отъ лѣсного подъема. Теперь цѣлыхъ пять верстъ до самой вершины рѣчушки—все по склону ни ниже, ни выше. Люди, зная это, распустились въ сѣдлахъ. Теперь не надо поминутно наклоняться, отводить руками вѣтки, лбомъ не ударишься о корявый сучокъ. Надъ головой—просторъ. Мерцающее тысячами огоньковъ, опять ушедшее въ свои высоты небо такъ величественно и спо-

койно, что подъ надежнымъ покровомъ его невольно хочется закрыть глаза и чуточку вздремнуть.

Всѣ уже давно молчатъ. Только въ послѣднемъ звенѣ неуемный Назаръ чуть слышно наговариваетъ что-то лошади. А сонъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ. Онъ безпокойно поворачивается въ сѣдлѣ, подолгу щурясь въ темноту, и, наконецъ, окликаетъ Назара:

— Погляди, што-ли, парень...

— Чего это?—беззаботно отзывается Назаръ.

— Да погляди, молъ... Ровно бы бергала не слыхать.

Назаръ тоже смотритъ и смѣется:

— Куда ему дѣться? Ползетъ... Эй! Иванша, — весело кричитъ онъ черезъ голову Асона:—Сенечки не слышно?

— Тутo... ѣдетъ,—гдѣ-то совсѣмъ близко говоритъ Иванъ, но такъ непривѣтливо, словно его разбудили не во-время.

Назаръ какъ будто хочетъ оправдаться.

— То-то! Не завязъ-ли, молъ, гдѣ... Ишь вѣдь ноченькуто Богъ благословилъ... Ежли чо съ конемъ неладно—не распутаешься.

Асонъ неодобрительно ворчитъ.

А бергалъ придерживаетъ лошадь. Одному свободнѣе. Бодро и чутко сидитъ онъ въ сѣдлѣ. Не проронитъ ни слова. Все слушаетъ, но не людей—отъ нихъ онъ ничего не ждетъ—душа его слушаетъ дивную ночь. Много ихъ, мертвыхъ ночей, провелъ онъ одинъ-на-одинъ, да это совсѣмъ не такая. Она сулитъ что-то опять, разсказываетъ, какъ ребенку, жуткія дикія сказки... Жизнь ломаетъ эта ночь...

Дробнымъ шагомъ идутъ лошади, позвякивая серебромъ на сѣдлахъ. Внизу, по подолу горы шумитъ невидимая рѣчка. Съ пади тянетъ сыростью и, потому, все больше зябнется.

VIII.

Рѣчку извершили только къ свѣту. Перевалъ былъ тяжелый, но свѣжіе кони осилили. Все осталось внизу—безъ устали бѣгущіе потоки, темные лѣса, хутора и деревни—все утонуло въ океанѣ мутной мглы. Надъ головой—предутреннее, стали подобное, небо. Подъ ногами—красная, безплодная земля. Широка и покойна поднебесная лысина, едва прикрытая лоскутьями снѣжныхъ ковровъ.

Лишь въ одной сторонѣ, неподалеку отъ дороги, торчитъ уродливымъ наростомъ каменный утесъ, а подъ его защитой уцѣпились крѣпкими корнями и живутъ три кедра—карла, три околдованные небомъ смѣльчака, дерзнувшіе перешагнуть земныя грани. Вѣтви ихъ ушли въ сучки. Вся жизнь малютокъ-стариковъ—холодна и скучна. Выросшимъ подъ дикія пѣсни метелей, непонятна имъ нѣжная пѣсенка случайно залетѣвшей птицы. Но надъ ними, на старомъ утесѣ часто отдыхаетъ свободный орелъ...

Мутные растрепанные клочья сырого тумана, вырываясь съ вѣтромъ, быстро проплываютъ по землѣ и исчезаютъ въ пади. На зябномъ сквознякѣ прохватываетъ дрожь. И люди и лошади спѣшатъ къ привалу. Вотъ только бы пройти сѣдло, спуститься къ полосѣ лѣсовъ.

Когда шли мимо кедрачей, Ванюшка пріотсталъ, свернулъ туда и осмотрѣлъ внимательно сучки.

— Много шишокъ-то набилъ?.. Угости, штоль, орѣхомъ,—хохоталъ Назаръ, когда тотъ вернулся.

Ванюшка, чѣмъ-то сильно обрадованный, скалилъ зубы и молчалъ, пряча въ пазуху завязанный тремя узлами кумачевый лоскутъ.

Дорога скользнула въ уклонъ. Уже скрылся за сѣдломъ утесикъ. Внизу обозначается вершина рѣчки. Тропинка сначала несмѣло огибаетъ крутыя мѣста, но вдругъ падаетъ и вмѣстѣ съ ключемъ, не отступая отъ извилистаго русла, уходитъ по щели въ долину. Земля тѣнистая, слабая, напитана ключами. Кони подтянулись. Они зорко смотрятъ въ землю, пробуютъ копытомъ, гдѣ ступить, и, сильно присѣдая на хвостъ, съ тревожнымъ храпомъ, то скользятъ по мокрой глиняной катушкѣ, оставляя вытянутыми передними ногами глубокія борозды, то дробно чмокаютъ копытами и подбираютъ задъ. Люди опустили поводья, предоставили себя уму и ловкости животныхъ. По сторонамъ опять встаетъ стѣной, тяжелая подъ утренней росой, трава. Рѣдко кто ее тревожитъ—наклонилась надъ тропинкой и купаетъ до колѣнъ студеной влагой, пробивая армяки и кафтаны.

Но вотъ ключи слились и идутъ уже бойкой рѣчушкой, оголяя груды мелкихъ валуновъ. Дорога все отложе, и скоро глинистыя кручи остаются сзади.

Опять начинается лѣсъ,—чѣмъ ниже, тѣмъ строже и гуще. Тропинка то и дѣло опускается къ водѣ. Идти погру-

дамъ скользкихъ камней трудно, тяжело. Холодная, бѣлесая во мглѣ, вода бурлитъ и мечется. А надъ рѣкой уходятъ въ небо острыми вершинами ряды вѣчно парадныхъ пихтъ, многостолѣтнихъ лиственницъ, уютныхъ, пышныхъ елей.

Ночь медленно идетъ къ тѣснинамъ горъ, а вслѣдъ за ней съ одинокихъ подзвѣздныхъ вершинъ опускается утро. Небесные ночные огоньки блѣднѣютъ, тухнутъ въ сѣромъ свѣтѣ. Небо—холодное, мертвое. Мѣстами по нему ползутъ гуськомъ, чернѣвшіе въ ночи провалами, а теперь такіе бѣлые-бѣлые небесные лебеди, и на глазахъ людей творится чудо—свѣтъ рождается въ самомъ себѣ. Порозовѣли лебеди и вспыхнули. Совсѣмъ уже свѣтло. Пропала тайна лѣса. Онъ проснулся, началъ длинный яркій день. Въ его тѣни запѣли птицы. Неземными переливами полутоновъ играетъ воздухъ. Еще невидимое солнце, на шлили утесовъ, на вершины снѣжныхъ горъ кидаетъ пятна краски. День идетъ царственной поступью. Онъ близко, онъ подходитъ! Изъ за дальняго гребня, четко вычертившаго свои зубцы на огненномъ небѣ, поднимается солнце. Оно бьетъ прямо въ глаза, слѣпитъ и заливаетъ падь...

Хрисанфъ, щурясь, подставляетъ руку козырькомъ и смотритъ на дальній лужокъ. Тамъ подлѣ черной ели виднѣются двѣ лошади. Онъ безсознательно натягиваетъ поводъ.

— Погляди-ка, Панфилъ.

И не успѣлъ Панфилъ оглянуться, какъ жеребецъ, насторожившись, заржалъ звонко и радостно, сильно подбирая брюхо.

— Кого это закинуло?.. Не Афанасій ли съ маральниковъ тянется?

— Афанасію зачѣмъ? — протестовалъ Хрисанфъ: — никакъ не по пути.

Забота перекинулась другимъ, и всѣ, приподнимаясь на стременахъ, смотрятъ въ даль.

Иванъ ерзаетъ въ сѣдлѣ, оправляется и попусту кричитъ на соловка.

Нехорошая встрѣча. Свои всѣ дома, значитъ, заѣхалъ чужой. Но послѣ короткихъ размышленій снова прибавили шагу. Вотъ подъ деревомъ и человѣкъ виднѣется

— Баба!—не то удивленно, не то торжествующе кричитъ Назаръ.

— Правильно! Баба!

— А лошади Евсѣевы,—добавляетъ Хрисанфъ.

Всѣ забыли усталость. Ожиданіе встрѣчи было жутко и радостно. Вѣдь совсѣмъ ушли отъ людей и отъ міра. Ночь за ними бросила тяжелую завѣсу, навсегда отрѣзала, и вдругъ—живой человѣкъ, кто бы онъ ни былъ.

Когда спустились въ ложбину, и отъ елей остались только стройныя вершины, любопытство сдѣлалось мучительнымъ. Наконецъ, поднялись. Задорно и привѣтливо заржали лошади.

— Акулина!—вырвалось у всѣхъ.

Она лѣниво поднялась съ разложенныхъ суминъ. Стоитъ, потупясь, неуклюжая, толстая въ широкомъ зипунѣ, крѣпко стянутомъ мужицкой опояской. Сбоку въ ножнахъ длинный ножъ. На головѣ глухой повязкой шаль.

Обступили ее. Бабы лѣзутъ впередъ.

— Господи Исусе!—шепчетъ Василиса и сейчасъ же испуганно спрашиваетъ:

— Ты откуда, дѣвка? А?

Молчаніе.

— Гляди, гляди! Двѣ лошади! Сумины!—насмѣшливо тыкаетъ плетью Хрисанфъ, не замѣчая Акулины. Онъ уже понялъ въ чемъ дѣло. — Совсѣмъ бѣловодкой обрядилась. Вѣрно, Евсей за себя посылаетъ.

Но онъ быстро мѣняетъ тонъ и, слегка наклонясь въ сѣдлѣ, говоритъ повелительно:

— Укладывайся-ка, дѣваха! Вотъ что!... Завьючить поможемъ... Укладывайся, да качай до деревни. Къ вечеру подъѣдишь. Не могу насъ. Безъ тебя запутаемся...

— Да ты того, постой....—нерѣшительно перебиваетъ Панфилъ:—можетъ, ей чего-нибудь... Кто ее знаетъ...

Акулина поднимаетъ кулаки къ лицу и голоситъ:

— Дя-яденька-а Хрисанфъ!.. Пойд-ду... Ей-Богу, ну, пойду-у.

— Ккуды-ы ты пойдешь?—оретъ Хрисанфъ. Онъ хочетъ сказать что-то еще, но плюется и кричитъ:

— Ходу, ходу! Пошли!

Самъ круто поворачиваетъ лошадь на тропинку.

Но Назаръ протестуетъ:

— Дѣвку бросить што-ли? Какъ она? Одна то... Ты пошто Акуляша... убѣгла?

Голосъ у него добрый, отеческій, и Акулина не выдерживаетъ. Она громко всхлыпываетъ и, опять обращаясь къ Хрисанфу, взываетъ:

— Дяденька Хрисанфъ!

Знаетъ, что вся сила въ немъ.

А онъ:

— Хрисанфъ! Хрисанфъ! Кого я тебѣ?

Молча, оглядываетъ ее и презрительно смѣется:

— Са-аплюха!

Какъ подъ струей холодной воды, Акулина взрагиваетъ, отнимаетъ руки и, ни на кого не взглянувши. садится на сумины лицомъ къ дереву.

Панфилъ качаетъ головой и ласково ворчитъ что-то подъ носъ. Асонъ хмуро смотритъ подъ ель и, тяжело дыша, собирается сказать свое громкое слово. Но Ванюшка разбилъ нерѣшительность. Все сидѣлъ въ сѣдлѣ какъ на иголкахъ, краснѣлъ и уклонялся отъ проницательнаго взгляда отца, а когда замѣтилъ, что мать неодобрительно поджала губы и вотъ-вотъ метнетъ Акулинѣ обиду, вскочилъ съ сѣдла и сильно хромая на затекшихъ въ дорогѣ ногахъ, весь красный, какой то не свой, подошелъ къ Акулинѣ, поймалъ ее за руку и поташилъ повелительно къ отцовской лошади. Дѣвка ошалѣла, смотритъ и не знаетъ куда. Иванъ не видитъ никого. Перехватило горло. Палъ на колѣни, увлекая Акулину, дуется, хочетъ громко сказать, а голосу нѣтъ, какъ во снѣ, когда гонятся волки или медвѣдь насѣдаетъ. Наконецъ сказалось.

— Тятенька!.. Мамонька!.. Благословите!

Акулина смутилась, потеряла съ лица и мольбу и угрюмость, смотритъ въ сторону, будто ищетъ, куда скрыться. Иванъ что-то лепечетъ, но никто не слышитъ его словъ. Все это кажется такимъ несуразнымъ, неожиданнымъ. Хрисанфъ, не скрывая любопытства, подвигаетъ лошадь и, лихо подбочениваясь, какъ то особенно лукаво смотритъ Назару въ глаза. Тотъ поперхнулся. поглядѣлъ на всѣхъ и, мгновенно входя въ роль, застрожился:

— Ты мнѣ сынъ, али нѣтъ? А? Сынъ ты мнѣ, али нѣтъ?—И, воображая, должно быть, отрицательный отвѣтъ, еще больше повысилъ голосъ:—Ты этого... того! Не могешь! Вотъ што, пріятель!

Дальше онъ не зналъ, что сказать, да и не хотѣлось

говорить. Онъ давно все видѣлъ и давно мечталъ ввести въ домъ Акулину, породниться съ Евсѣемъ наперекоръ Гундосому, но все это представлялось необыденно-праздничнымъ, «какъ у всѣхъ», съ двухнедѣльной гулянкой, шумомъ, суетой и, главное, дома, а тутъ выходитъ вонъ что... Боролись два чувства. Но вспомнивши, что на него, на отца, теперь всѣ смотрятъ, опять закуражился.

— Поперекъ еще лежишь!.. Можно разговаривать... Посмотримъ! — взвизгиваетъ онъ, болтая рукой.

Акулина вырвалась и убѣжала къ дереву, уткнулась головой въ сумины, словно прячась отъ великаго позора.

— Посмотримъ, какъ ты это безъ отцовскаго то, безъ благословенія управишься...

И не понялъ Иванъ отцовскаго сердца. Вскочилъ, затрясся, чуть не взвылъ.

— Я тебѣ собака?—закричалъ онъ въ морду Назаровой лошади:—собачью жизнь мнѣ хочешь?... Я... Я... Самъ-то жилъ?.. Домомъ, хозяйствомъ... Моего тамъ поту не мало. Куда меня погналъ? Хочу тоже, хочу домомъ жить!

— Иванъ!—рѣзко крикнулъ Асонъ, ударяя лошадь каблукомъ, да такъ, что она заплясала:—И-иванъ!

Ванюшка съежился, затихъ на полусловѣ. Онъ уже не вѣрилъ себѣ, что могъ такъ сказать. Кому! Отцу!

Дарья затянула, было, голосянку, что-то наговаривая нехорошее, обидчивое, но Назаръ прикрикнулъ:

— А уймись ты!.. Испрожадь васъ въ душу, въ горло!

Онъ уже и въ самомъ дѣлѣ обозлился. Зачѣмъ то соскочилъ съ коня и, сильно покачнувшись на отсиженныхъ ногахъ, еще больше вскипѣлъ.

— Куды отъ васъ, отъ окаянныхъ?.. Забѣжаться бы въ лѣсъ!

— Брось, Назаръ, не шуми.—Мягко вступился Панфилъ:—Кого тутъ? Оно, конешно, дѣло твое, сказать, истинное, ну да кого тамъ...—неловко заикнулся и обратился уже ко всѣмъ:—Разсѣдлаться бы?... Станъ тутъ богатѣющій.

— Надо разсѣдлаться,—радостно откликнулся Анисимъ.

Хрисанфъ благодушно покрутилъ головой и, грузно падая съ сѣдла, захохоталъ:

— На свадьбишку, значитъ, наклюнули... То-то, смотрю я, у Назара будто жбанчики съ квасомъ въ суминахъ хлюпаютъ. Мужикъ запасливый.

И этого было достаточно, чтобы скрасить непріятность, заговорить свободно, громко, какъ будто ничего и не случилось.

IX.

Въ суетѣ событіе померкло, къ нему сразу привыкли и лишь украдкой взглядывали на Акулину, а она изъ кожи лѣзла, чтобы угодить. Съ упорствомъ, тяжелымъ молчаніемъ брала она котелки, спускалась по камнямъ къ рѣчушкѣ, черпала студеную воду и разставляла посудины передъ костромъ, у котораго хозяйничалъ Хрисанфъ.

Народъ разбрелся по кустамъ, прибирая поклажу. Только Бергалъ въ сторонѣ. Онъ обходитъ лошадей, осматриваетъ спины, поднимаетъ ловкими руками переднія ноги и шатаетъ подковы—нѣтъ ли ослабѣвшихъ. За лошадь онъ умретъ: у него кромѣ лошади нѣтъ ни друзей, ни товарищей. Ему все равно—своя она или чужая. Но попроси доглядѣть—оборветъ на словѣ, фыркнетъ и уже не прикоснется: не для тебя, молъ, дѣлаю. У него съ собой и инструментъ.

Обошелъ всѣхъ, погладилъ, каждой что-то тихо-тихо сказалъ на ухо. У Анисимова воронка одна подкова надломилась. Долго щупалъ ее и ворчалъ, потомъ нашелъ Анисима и буркнулъ сердито:

— Подкову-то што-ли, достань.

— Аль изломалась?

— Ну.

— Вотъ бѣда, скажи!.. Сейчасъ я...—Онъ долго копался въ сумѣ, пересыпая тамъ запасное желѣзо, и все говорилъ виноватымъ извиняющимся, голосомъ, а Бергалъ уже обхаживалъ Акулинину пару.

Бабы у костра мѣсили саламатъ—въ кипящіе котелки засыпали мелко истолченныхъ сухарей и заправляли масломъ.

Ванюшка успѣлъ уже слазать на утесикъ за рѣчкой, притащилъ въ полѣ и шапкѣ груду черныхъ шумящихъ листьевъ бадана, чтобы сварить чаю. Хрисанфъ одобрительно крякнулъ. Когда Иванъ наклонился къ костру, онъ щурясь отъ дыма, не то серьезно, не то шутя, кивнулъ на Акулину и вполголоса замѣтилъ:

— А дѣвка ладная, мотри. Не пропадетъ... Зря я облаилъ ее...

Панфилъ ходитъ и присматривается. Давитъ его нехорошее молчаніе. Надо что-то сдѣлать, чтобы снова всѣ заговорили, отворили душу, будь тамъ хоть одно худое—все равно... Не будетъ такъ добра, пока не скажутъ...

Когда снятые съ пылу котелки задымили вкуснымъ запахомъ въ тѣни у ели, Панфилъ, умывшись надъ ключемъ, безъ шапки, подошелъ къ стройной молоденькой пихточкѣ и въ десятый разъ оправилъ складень, укрѣпленный на серебряномъ стволѣ. Потомъ попятился и, постоявши передъ образомъ со сложенными на груди руками, закрестился часто-часто, кланяясь въ поясъ. За нимъ стояли всѣ, тоже кланяясь и наговаривая шепотомъ знакомыя съ дѣтства слова. Сотворивши молитву, Панфилъ повернулся къ народу, провелъ рукой по жидкой бородѣ и оглядѣлся.

— Акулинушка! — кротко позвалъ онъ, всматриваясь черезъ кустъ.—Ты пошто же не подходишь?

— Брось тамъ шариться, поди сюда!—уже рѣшительнѣй крикнулъ Асонъ.

Акулина, потупляя глаза, стала сзади, съ Бергаломъ. Иванъ, задержавшійся у потниковъ, видя общіе взгляды, поспѣшилъ подойти.

Панфилъ оглядѣлъ всѣхъ спокойно.

— Вотъ, братіе, пошли мы... Сущіе далече мы, путешествующіе, какъ въ святомъ писаніи... Да... Съ помощью Божьей пошли, со угодниками со святыми... Съ миромъ надо. Теперь намъ никто и ништо. Не жди себѣ помощи. Земля да небо да ты. Ближе надо одинъ къ другому. Въ согласіи дѣло-то спорится... Сегодня вотъ неладно вышло. На душу грѣха прибавили. А сердце то, оно уже и того, закаменѣло. Нѣту въ немъ правды, нѣту спокою. Змѣей шипучей извиваетъ... Нѣтъ... Съ согласья надо, братіе, надо сообча. Ежли не по ндраву тебѣ что, не хоронись, а говори передъ всѣми. Ежли міромъ положили, повинуйся, не ропщи.

— Вѣрно!.. Такъ, такъ!.. — кивалъ Асонъ, стоя впереди другихъ.

— Безъ этого не выйти намъ на истинный путь... Сегодня сомустилъ лукавый. Побороть его надо, правдой побороть.

Панфилъ заглянулъ черезъ головы и строго поманилъ Акулину.

— А ну-ка, подь сюда, дѣвка.

Съ убитымъ лицомъ, едва-едва переступая, подошла она.

— Вотъ сюда стань...

Панфилъ строго оглядѣлъ ее.

— А поясни теперь намъ, откуда это ты и какъ и пошто.

— Дѣданька, Панфилъ! — заревѣла Акулина, падая въ ноги.

Но онъ наклонился, взялъ за локоть и строго приказалъ:

— Не валяйся! Встань!

Поднялась Акулина, оборвавши рыданія.

— Отцовское благословеніе имѣешь?

Помолчала и чуть слышно отвѣтила:

— Нѣтъ.

— Какъ же ты?

— Убѣгла... Съ пасѣки...

— А пошто такъ? Богу послужить пошла, али какъ?

Молчитъ.

— Не почтила родителевъ. Грѣхъ великій приняла!— Панфилъ сильно повышаетъ голосъ: — Тяжкій грѣхъ сотворила!..

Акулина безпомощно уткнулась въ конецъ шали и плачетъ, сгорбившись, вся вздрагивая.

Асонъ нахмурился, вздыхаетъ:

— Грѣхи наши... Охо-хо! Царица матушка, небесная!..

Панфилъ разглаживаетъ бороду и громко спрашиваетъ:

— Какъ же, братіе? Овца заблудящая... Міромъ, значитъ, порѣшимъ. Какое ваше слово?.. Куда ее?

Акулина все ниже опускаетъ голову.

Неяснымъ шорохомъ прошли надъ ней слова, пугающія непонятной тайной. Но Хрисанфъ сказалъ громко и открыто:

— Идетъ пущай.

— Какъ ее одну-то?—Спрашиваетъ Асонъ.

И радуясь подсказанному слову, всѣ возбужденно зашумѣли.

— Возьмемъ! Пущай идетъ! — покрылъ всѣ голоса Хрисанфъ.

Панфилъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ положилъ свою руку на голову Акулины.

— Значитъ, счастье твое. Акулинушка.

Онъ уже скинулъ притворную строгость.

— Иди съ миромъ, сердешная.

Панфилъ взялъ ее за руку и, отыскавши глазами Ивана, поманилъ его. Тотъ подошелъ испуганный, покорный.

— Вотъ чего Ванюшка и ты... Акулина... Мое дѣло теперь никакошное... Въ вашей судьбѣ есть хозяинъ, побольше меня... Какъ отецъ съ матерью... Къ отцу подите...

Онъ повернулъ ихъ лицомъ къ Назару, а самъ глубоко, глубоко, касаясь перстами травы, поклонился народу.

— Бога ради, меня грѣшнаго простите, ежли чо неладно вамъ сказалъ.

Ему отвѣтили общимъ поклономъ.

— Насъ прости, отецъ!

Назаръ мирно, но съ серьезнымъ и грустнымъ лицомъ шагнулъ къ Ивану.

Тотъ грохнулся въ землю.

— Прости меня, тятенька!

— Изобидѣлъ меня сынъ родной, крѣпко изобидѣлъ. А кажись бы, слова худова отъ отца не слыхивалъ... Теперь вотъ тоже сомустилъ всѣхъ. Откуда это, парень, у тебя? Ровно бы раньше не такой былъ, Иванша. А?

— Тятенька, прости!

— Ты это кого задумалъ? Жениться?

Иванъ швыркаетъ носомъ.

— Жениться, говорю, задумалъ?

— Благословите, тятенька, мамонька. — вдругъ рѣшительно поднялъ голову Иванъ:—Гараськѣ я ее не дамъ... Убьюсь, а не дамъ... Ежли чо... Дочерью будетъ, не скажетъ поперекъ... А Гараськѣ не дамъ.—Онъ вскочилъ и говорилъ все громче, сильно волнуясь:—Пошто мнѣ нѣту мѣста?.. Всѣ, поди, не лучше нашего...

Панфилъ тронулъ его за плечо.

— Не ропщи, сынокъ, не ропщи. Помоли лучше угодника, чтобы сердце родительское оборотилъ къ тебѣ.

Хрисанфъ, улыбаясь, что-то маячитъ Назару. И встряхнулся Назаръ.

— Ээхъ!—крякнулъ онъ, отмахнувшись рукой:—Мать! Поди сюда! Да поди ты, што-ли!

Дарья, нехотя, подвинулась.

— Кого тебѣ опеть?

— Кого? Сноху тебѣ въ новую горницу.

Умиленно и растерянно смотрѣли всѣ, когда они благословляли молодыхъ.

Котелки уже сильно простыли. Пока разсаживались на травѣ, бабы снова подогрѣли ихъ и, перекидывая съ руки на руку раскаленныя душки, поставили посудины въ кругу разложенныхъ на небольшихъ холстинкахъ ломтей хлѣба. Молча и старательно таскали жирный саламатъ большими ложками, густо посыпали солью толстые ломти.

Чай пили долго, со вкусомъ, и ѣда умиротворила. Самъ собой завязывался оживленный разговоръ. Акулину никто не затрагивалъ. Даже Дарья только сокрушенно вздыхала, раздражая мужа. Ее мутила прошлогодняя обида на дѣвку за какія то сплетни. Акулина съ уставшимъ лицомъ едва шевелилась. Сидѣвшій рядомъ съ ней, Асонъ все косился на нее, присматриваясь и, должно быть, тронутый забитымъ видомъ, стукнулъ ложкой въ ея руку.

— Ты мнѣ, дочь, скажи-ка вотъ чего... Какъ ты сбѣгла то? А?

Акулина покраснѣла, громко швыркнула носомъ и сейчасъ же нахмурилась.

— Съ пасѣки ушла.

— Нѣтъ ты поясни мнѣ, какъ ты это удумала? А?

— Къ Гундосому итти? Небось, удумаешь!.. Объ осени свадьба, говорили...

— Та-акъ.

Асонъ, опершись кулаками въ толстыя ляжки, осмотрѣлъ ее внимательно.

— Вѣдь отчаянность экая! Н-ну! Быдто въ гости ушла!.. Ну и какъ же ты не заблудила?

— Иванъ направилъ, куда надо.

— Та-акъ... Значитъ спозаранку снюхались. Старики то. можетъ. сколько годовъ это дѣло мозговали, а у васъ безъ хлопотъ.

Онъ повернулъ лицо къ Ивану.

— А ты почемъ же чуялъ, что она прошла тутъ? Али звѣремъ по слѣду тянулся?.. Кабы не пустили, да запуталась въ ущелинахъ?

Иванъ вспомнилъ что-то. Загорѣлое лицо само собой

поплыло въ откровенную улыбку. Рукой пошарилъ за рубахой и не сразу вытянулъ обрывокъ кумачу.

— На кедрачахъ отмѣтину оставила.

Дѣвка сконфузилась, вспыхнула и наклонилась вплотную къ холстинкѣ.

Назаръ поднесъ, было, кусокъ къ губамъ, да такъ и застылъ. Похлопалъ глазами, ища себѣ сочувствія, взглянулъ на лоскутъ, на Ивана и хихикнулъ:

— Вотъ-те, язви те!.. А я это думаю... Ха-ха-ха!

Онъ прожевалъ кусокъ, запилъ изъ чашки и прибавилъ резонно:

— Супротивъ прежняго нонѣшны умомъ. парень ку-у-ды-ы!.. Скажи, отколь чего берется?

— Народъ дошлый, чего говорить, — согласился Анисимъ.

— Ну па-а-рень — идетъ въ ворота, — опять насѣлъ Асонъ, — Нѣтъ, дѣвка-то, дѣвка! Собралась, завьючилась, поѣхала!.. На пашню долѣ собираются.

Хрисанфъ, поднявшись. и уходя къ лошадямъ. кинулъ внушительно:

— Не пошелъ Евсѣй, отъ бабы отлипнуть боится — дочь ушла. Вотъ и все тебѣ. Кого тутъ разговаривать!

Анисимъ взъерошилъ черные съ отливомъ волосы и. щуря угольки-глаза. захохоталъ:

— Уважила дочь!

Бергалъ украдкой улыбнулся. Ему ясно представлялось, какъ теперь шумитъ Евсѣй. И, словно подхвативши его мысль. Назаръ встрепенулся:

— Погоня. мотри, будетъ. Евсѣй теперь гу-гу! Вихремъ землю деретъ.

— Никого не доспѣетъ,—отозвался Иванъ. рѣшительно вставая и крестясь:—Не бараны, поди. По колодкамъ теперь шарится да дымкомъ окуриваетъ... Акулина на деревню лошадей ковать поѣхала.

— Штобы-те!—заливался Анисимъ.

Иванъ солидно одернулся, накинулъ шапку и повелительно взглянулъ на Акулину:

— Ты дохлебывай что-ли. Сумины надо раскладать.

Она покорно по бабьи откликнулась:

— Сичасъ я. Разсупонь поди, ремни то. Не могла. Росой смочило. затянулись шибко.

Догоняя Ивана. она, продолжала все тѣмъ же дѣловитымъ тономъ:

— Надо тамъ бадейки досмотрѣть: не потекъ бы медъ.

И эта дѣловитость разоружила всѣхъ. кому на верхосытку такъ хотѣлось пошутить надъ дѣвкой.

Оглянувшись на нее, Анисимъ восторженно тряхнулъ головой:

— Дѣвка! А? Нѣтъ, ты, парень, — обернулся онъ къ Назару: — не мутись. Вотъ тебѣ мой сказъ. Не мутись! Золото дѣвка! Твое дѣло теперь какое? Куды ты и што ты. Ни дому, ни печки. Скажи, дура нашлась. потянула...

Дарью прорвало:

— Скажи на милость! Калачомъ медовымъ не манили. Не хуже бы сосватали. Изба. поди не безъ угловъ...

Всѣ захохотали:

— Изба!... — торжествовалъ Асонъ:—Супротивъ этого не скажешь. Изба, однимъ словомъ, молодяжничкомъ огорожена. синимъ небомъ принакрыта, на полу — зелено.

Онъ развелъ руками въ стороны.

Дарья обидчиво подвинулась за кругъ и, громко вздыхая, занялась своей торбочкой.

Польщенный Назаръ не сдерживалъ улыбки.

— Кого тамъ! Обидно, слышь, то: не по-людски выходитъ. А дѣвка, што говорить...

— Ты, ты-ты!—оборвалъ его Бергалъ, крича на жеребцовъ, — покусайси-и!

Онъ проворно вскочилъ.

Подошелъ Хрисанфъ.

— Складываться бы, штоли? Какъ бы не скатило кого оттоль.—Онъ краснорѣчиво показалъ на перевалъ.

— Это ты правильно. — согласился Панфилъ: — Кони поѣдятъ—сѣдлаться.

Все сильнѣе припекало.

Солнце плавно поднималось на небо. Лѣсъ стоялъ тихій и радостный. Неумолчно кипѣла и ворчливо пѣнилась рѣчушка. Обсохшая трава стлалась цвѣтистыми коврами по лѣснымъ прогаламъ. Свѣтлой и красивой жизнью жила глубокая долина. огороженная, въ небо уходящими отвѣсами.

X.

За день ушли далеко. Не достать, никому не сыскать. Только небо видитъ темныя, глубокія, лѣсами поросшія, падн, а надъ ними—горы, мрачные, гранитные утесы и снѣга. Шпили утесовъ въ ключья разрываютъ безпріютныя, кочующія надъ землею облака. Высоко, высоко, выше хмурыхъ тучъ, вздымаютъ они царственно гордыя головы. А горсточка дерзкихъ упрямо и настойчиво идетъ по ихъ груди. Дорогъ здѣсь нѣтъ. Одна дорога—смѣлая мечта. Она ведетъ черезъ бездонные провалы и гранитныя поля, черезъ старый-старый темный лѣсъ, которому конца нѣтъ по долинамъ.

На закатѣ разсѣдлались.

— Эко мѣсто—добро! — выйдя на опушку, радовался разомлѣвшій отъ ѣды Назаръ.

Лугъ, заросшій большетравьемъ, уходилъ зелеными полянами, куда-то вслѣдъ за рѣчкой, разлучая горы.

Панфилъ, тихій и кроткій, подойдя, всталъ рядомъ.

— Ты мотри, каку травищу гонитъ!

Ничего не отвѣтилъ Панфилъ, и оба молча радовались неразмѣнному богатству, глубоко вздыхая и почесываясь въ предвкушеніи спокойной ночи.

Бергалъ съ Хрисанфомъ крѣпко спутывали лошадей. Ихъ голоса—одинъ зычный, веселый, а другой раздраженно-отрывистый, — неслись черезъ густыя заросли съ большой полянки за рѣкой.

Бабы суетились подъ деревьями съ поклажей. Асонъ тутъ же починялъ испорченное днемъ сѣдло; все ворчалъ и сопѣлъ, да приморился, бросилъ. Сидитъ теперь и смотритъ. Акулина хлопотливо перетаскиваетъ пухлыя сумы, надсаживается, закусывая губы и краснѣя.

— Надсадишься, дѣваха,—сочувственно качаетъ головой Асонъ, — ты того бы... по травѣ волокла... Ну да и брось! Соберутъ мужики. Брось ли, чо ли, говорю!

— Пропаду безъ мужиковъ-то,—огрызается она. Сама ищетъ глазами Ивана. Гдѣ онъ? Вспомнила — ушелъ по рѣчкѣ удить хайрюзовъ. Оглянулась на Асона, — тотъ разуваетъ ногу, ничего не видитъ, — скользнула проворно въ кусты и, пробираясь по колючей заросли, бросилась по слѣду.

Далеко забрелъ Иванъ. Примятая трава ведетъ по берегу. Акулина изморилась, выдергала ноги на разбросанныхъ въ травѣ камняхъ. Скорѣе бы Ванюшка! Разсказать ему все...

Изъ-за густой черемухи со свистомъ поднялось непомѣрной длины удилище. Тускло блеснуло оно въ воздухѣ, передернулось, вздрогнуло змѣйкой и упало почти къ самымъ ногамъ, придавляя траву. И сейчасъ же съ шумомъ вылѣзъ изъ куста Иванъ.

— На тебѣ! — вскрикнулъ радостно онъ: — видно, притянула.

— Зря, поди, измаялся?

— А это што! Гляди! — онъ подкинулъ связку рыбокъ, нанизанныхъ на тонкіи прутъ.

Но Акулина смотрѣла растерянно, куда-то мимо, на рѣку.

— Хватитъ, што ли? — спрашивалъ Иванъ, играя связкой.

Акулина не отвѣтила.

— Пойдемъ еще маленько.

— Ты ничо не знаешь? — убито улыбнулась она.

Иванъ насторожился.

— Кого опять?

У Акулины по лицу и по губамъ перебѣжала неуклюжая улыбка. Дѣвка собралась что-то сказать, да не сумѣла, не хватило силы — какъ ребенокъ всхлипнула и, закрываясь руками, зарыдала. Все, что накопилось съ прошлой ночи, полилось неудержимыми слезами.

— Ой, тошнешенька мнѣ-а! Ой, тошнешенька-а! — голосомъ ревѣла Акулина, припадая впередъ.

Иванъ растерялся.

— На вотъ! На вотъ! Ты сдурѣла?

Акулина топнула ногой и, отбросивъ руки, показала красное, все непріятно-мокрое отъ слезъ, лицо.

— Гараську я зарѣзала! — громко выкрикнула и кулемъ опустилась въ траву.

Иванъ, раздавленный двумя словами, стоялъ надъ ней со спокойнымъ лицомъ. Онъ видѣлъ пестрый сарафанъ, подъ которымъ вздрагивали плечи, слышалъ грубо-низкій голосъ, повторявшій какое-то страшное слово, но все это было такъ далеко и непонятно, такъ незначительно и чуждо.

Наконецъ, очнулся. Непонятное смѣнилось жуткимъ страхомъ. А, можетъ быть, то была радость? Самъ потерялъ себя. Иванъ наклонился, упалъ на колѣни и, положивши руку на плечо Акулинѣ, а другой опираясь на камень, попытался приласкать:

— Не вой ты, моя...

Жалость и нѣжность вынесли изъ глубинъ яркое, горячее слово, но сказать его не могъ.

— Брось ли, чоли... Акуляша! А?

Въ головѣ проносится: «когда это и гдѣ? Гараську!»

Акулина надрывается, все ниже опуская голову, какъ будто хочетъ спрятать ее подъ тяжелую черную землю.

— Ахъ, ты! Вотъ скажи! Ну, уймись ли, какъ ли... Растолкуй хошь.

Онъ рѣшительно сѣлъ рядомъ и, обхвативши ее сильными руками, опрокинулъ къ себѣ на колѣни.

Акулина покорно уткнулась въ животъ.

— Съ пасѣки... съ са-а-мой...

— Ну?

— Ну, прилипъ тотъ...

Она утерлась рукавомъ и передвинулась, по-дѣтски, сухо всхлипывая.

— Бергаленокъ, што ли?

— Кому болѣ.

— Ну?

— Я это утре только съѣхала съ лохматой солки, а онъ и тутъ. Гляжу, у рѣчки шарится. На саврасомъ хлюпаетъ. Ѣдетъ будто бы тихонько этакъ. Куды тутъ, думаю? Свернула лѣсомъ, а онъ оборотилъ... Подъѣхалъ, скалится, проклятый. «Здорово што ли». — говоритъ. — Знать, по пути намъ?» У меня и рѣчи нѣту. Обомлѣла, молчу, дура дурой. Ну кого я съ нимъ доспѣю?.. Одинымъ-одна. А онъ крутитъ и крутитъ... Повернула на дорогу, а онъ слѣдомъ. Попути, говоритъ. А кого, тамъ, по пути — ни суминъ, ни припасу. Знамо дѣло, галится... — Акулина опять нервно вздрогнула и, закрывши глаза, сильно прикусила губу.

—Ну? — Иванъ нетерпѣливо теребилъ ея шаль.

— Ѣхали, ѣхали. Онъ все рядомъ норовитъ. Самъ болтатъ и болтатъ языкомъ. Я и спрашиваю: «ты куда же это?» — «Я-то, говоритъ, куда? Съ тобой пойду»... Зубы скалитъ... Помнишь, какъ подъ елкой-то? Можетъ, мы не

хуже»... — Ухватилъ меня ручищей вокругъ шеи, къ себѣ тянетъ. Понужнула я Бѣлку, а та сколыхнулась, дернула, я и вылетѣла изъ сѣдла. У ево саврасый тоже, какъ взыгралъ — оба повалились... Ой, тошнехонько!.. Облапилъ, значитъ... храпитъ звѣремъ...

— Ну?

— Такъ маленько—и удѣлалъ бы... Силушки нѣту моей. Да одну-то руку выкрутила... Ножомъ ударила въ лопатку... Выкатилъ бѣлки... Отпалъ...

Ванюшка дышалъ тяжело и отрывисто, будто видѣлъ все передъ собой. Вотъ-вотъ сорвется съ мѣста, бросится.

— Ссабака!

Акулина широко открытыми глазами смотрѣла куда-то внизъ и вдругъ въ ужасѣ вздрогнула, съежилась.

— Страсти-то, страсти! Куды я дѣнусь? Тошно мнѣ, тошно!.. Всее ноченьку дрожала. Куды не гляну — все онъ ползаетъ, корячится.

Она помолчала съ минуту, что-то вспоминая, и порывисто схватила за руку:

— Какъ побѣгла отъ него, обозвалъ нечистымъ словомъ. Самъ хрипитъ, а самъ по матерному... Потомъ утюнулся головой подъ камень.

— Ссабака! Бергалу и смерть по-бергальему.

— Ой, куды я дѣнусь! Грѣхъ-то, грѣхъ!

— И никакого тутъ нѣту грѣха. Кабы это человѣкъ, а звѣрь и звѣрь. Ежли волкъ, али кто, тамъ, на тебя напустится, въ зубы, поди, не полѣзешь. Онъ и звѣря вредня... Ну, дакъ какъ же не вредня? Ты смекай, кого онъ удумалъ?

Иванъ долго говорилъ, и злоба пропадала вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Акулина дѣлалась спокойнѣй. Облегченная разсказомъ, она тоже затихла, смирилась.

— Исповѣдаться бы дѣдушкѣ, — осторожно подняла она глаза.

Иванъ согласился:

— Какъ хошь. Онъ не броситъ, на поклоны поставитъ., Не великой грѣхъ твой.

— Исповѣдуюсь я.

— Ты себя сберегала, — продолжалъ свою мысль Иванъ. — Всякой такъ бы сдѣлалъ. Кому жизнь не дорога? Пошто онъ этакъ? Самъ неладно закрутилъ, оно и вышло...

Ласково и мягко говорилъ онъ. Слова его были такія

простыя, понятныя. Акулина имъ отдавалась вся, безъ раздумья, безъ тяжбы, тѣснѣе прижималась къ Ванюшкѣ, стараясь поглубже зарыться въ рубаху, а онъ гладилъ тяжелой ладонью ея голову, круглыя плечи и грудь.

— Ты не думай только. Не надо думать.

— Да какъ я? Не идетъ изъ головы.

Она передернулась, всхлипнула, вздрогнула.

— А ты о другомъ... Пройдетъ... Не сама вить, не нарошно... Богъ-то видитъ, пойметъ. Не обманешь его. Небось, видитъ.

Она затихла, вся ушла въ себя и распустилась, не отталкивая ласковой руки и ничѣмъ не отвѣчая на теплую нѣжность. Было столько мыслей бурныхъ, мятущихся, никогда неизвѣданныхъ. Жизнь съ рожденья тянулась такая простая, знакомая — сегодня, какъ вчера, и вчера, какъ сегодня, будто во снѣ ее видѣла, всю напередъ узнала. Да, обманулъ тотъ сонъ. Дорожка виляла, виляла и вывела къ такому, передъ чѣмъ растерялась душа, и стоять ей не на чемъ, повисла въ воздухѣ. Все ушло, все потерялось.

Не отрываясь долго, снизу вверхъ смотрѣла на родное сильное лицо. Знала на немъ каждую морщинку, но не умѣла понимать, того, что есть за мелкими морщинками. Тамъ другое лицо. Словно невзначай разгадала мудреную загадку. Вотъ онъ, тотъ, который все знаетъ и выведетъ— Ванюшка! Все теперь устроится. Ванюшка знаетъ какъ. Онъ знаетъ! Лежала тихая, покорная и отдавалась ему въ мысляхъ тѣломъ и душой, но не такъ, какъ иногда — до угару, до боли — нѣтъ, не такъ. И въ этой покорности было неизвѣданное счастье, было небо и солнце.

Очнулась отъ толчка: Иванъ подвинулъ затекшую руку.

— Разбудилъ, знать?

Она молча улыбнулась, поправляя волосы.

— Отдохни маленько.

Опять ничего не отвѣтила, покрутила головой и вытянулась въ ростъ.

За спиной въ лѣсу темнѣли тѣни. Пятна зелени, воды и камней потеряли свои краски. Сѣрой дымкой застилало всю долину.

— Ночь, мотри, идетъ, Ванюшка, — съ трудомъ вставая, показала Акулина на дальнюю кайму хребтовъ, изъ-

за которыхъ поднимался на небо украдкой молодой, бумажно-бѣлый, мѣсяцъ.

— А вить хайрюзовъ-то, знать, мы подавили, — смѣясь, потянула она длинный прутъ.

Иванъ улыбнулся.

— Пластать не надо, работы меньше.

Когда возвращались, Акулина на каждомъ шагу припадала въ малинникъ, набивая полный ротъ разсыпчатыми ягодами.

— Лошадей бы надо доглядѣть, — заботился Иванъ.

— Пойдемъ, пойдемъ!

Она поймала его за руку, и оба побѣжали вдоль рѣчушки, по-ребячьи прыгая черезъ большіе камни. Но по дорогѣ встала черная черемуха, раскинувъ лапы далеко надъ рѣчкой. Акулина, уцѣпившись за одну изъ вѣтокъ, вскрикнула:

— Ты глянь-ка, глянь! Чернымъ-черно отъ ягоды! Набрать-то вотъ бы! Наберемъ? Ну, давай ли, чоли, шапку!

Онъ покорно протянулъ ей мѣховушку и, подпрыгнувъ, наклонилъ развѣсистый сучокъ. На каждой вѣточкѣ висѣли длинныя сережки черныхъ мягкихъ ягодъ. Стоило до нихъ дотронуться, какъ ягоды дождемъ катились по ладони въ шапку, въ рукава и на траву. Ванюшка все старался отыскать корявые сучки, гдѣ ягода была крупнѣй и слаще. Акулина искоса взглянула на него, и что-то въ ней проснулось, хлынуло огнемъ по жиламъ. Будто годъ не видѣла. А онъ совсѣмъ уже не парень. Борода пушится. А ручищи-то, а плечи! Мужъ онъ, мужъ! Сынъ въ него издастся, капля въ каплю. Застыдилась своей мысли, вспыхнула, вплотную подошла къ нему и, пропустивши свою руку подъ его, тянулась къ вздрагивающимъ сережкамъ. Радостно и жутко было прикасаться къ его тѣлу, чувствовать тяжелую родную руку на своемъ плечѣ и у лица. Оттого ли, что рука такъ крѣпко пахла, или оттого, что сердце сильно билось, пальцы прыгали по листьямъ, не захватывая ягодъ.

— Обтрясла все дерево, — ворчалъ Ванюшка, крѣпко прижимая дѣвку свободной рукой. У Акулины закружилась голова, когда онъ, какъ бы невзначай, запряталъ грудь въ широкую ладонь и тиснулъ такъ, что духъ занялся. Но сейчасъ же выпустилъ и властно повернулъ на тропинку.

Станъ былъ близко. За рѣкой визгливо ржали жеребцы.

Гянуло дымомъ. Дальніе кусты сливались въ темную густую поросль. Вечеръ былъ тихій и теплый. Шагая сзади, Акулина все смотрѣла на могучую спину Ванюшки, на косматую, большую голову, и въ сердцѣ былъ великій праздникъ. Но кому было сказать объ этомъ? Развѣ только что Ванюшкѣ... Послѣ, ночью.

XI.

Золотые, горячіе дни чередовались съ непогодью, мокрыми туманами и зимней стужей подъ бѣлками, по ночамъ. Нерукотворными громадами тянулись горные хребты, и не было конца имъ. Они поднимались то выше, то ниже, замыкая дали тѣсными рядами стѣнъ. Но къ концу шестой недѣли горы снизились и порѣдѣли. Зелени подоловь растилались шире съ каждымъ переваломъ. Наконецъ, подъ вечеръ того дня, какъ миновали каменный курганъ, воздвигнутый невѣдомымъ народомъ на вершинѣ сопки, передъ глазами развернулась во всю ширь великая пустыня.

Пали стѣны. У предгорій, словно стражи-пограничники, возвысились мертвые сѣраго камня утесы, а тамъ, за ними, шли пологіе холмы, сливаясь съ гладью песчанаго моря, еще не яснаго, но властно захлестнувшаго далекій горизонтъ.

Въ послѣдней зеленой долинѣ сдѣлали привалъ на цѣлую недѣлю. Лошади, измученныя, похудѣвшія, со сбитыми спинами, поправлялись быстро. Люди усердно работали. Мужики чинили сбрую, вялили наловленную бродничкомъ рыбешку, выходили на охоту. Бергалъ все хлопоталъ у лошадей: разыскивалъ какія-то травы, жевалъ ихъ и прикладывалъ къ болячкамъ. Хрисанфъ съ Ванюшкой успѣли загнать двухъ архаровъ. Мясо тоже вялили, но соли было мало — жалѣли ее, — и въ сморщенныхъ кускахъ стали появляться черви. Бабы сбирали и сушили ягоды. Неизвѣстно, что тамъ ожидало, за послѣдними холмами. Собирали и прикладывали каждую крошку; подолгу, обстоятельно обдумывали всякую мелочь.

Наканунѣ выступленія вечеровали дольше, чѣмъ всегда. И лошадей, и сбрую, и поклажу привели въ порядокъ еще утромъ. День прошелъ въ мелкой починкѣ, а вечеромъ все не хотѣлось отойти отъ большого костра, какъ не хочется выйти изъ теплой привѣтливой горницы на холодную пустую улицу.

Ночь пришла тихая, звѣздная, прекрасная своей великой тайной, никѣмъ неразгаданной. Огромный широкій костеръ въ кольцѣ невысокихъ кустарниковъ уже погасалъ. Сгорѣли всѣ корявые сучки, натасканные за день, и въ срединѣ костра едва слышнымъ звономъ жалобно звенѣли раскаленные угли, утопая въ золѣ. Лишь по краямъ огнища вспыхивалъ то тутъ, то тамъ случайно уцѣлѣвшій прутикъ. Изсиня-бѣлая змѣйка проворно шмыгнетъ отъ костра, испепелитъ сухую вѣтку и угаснетъ, скроется. При отблескѣ послѣднихъ вспышекъ круглая полянка оживетъ, покажетъ всѣ свои углы, забитые страшными грудами скарба, и потонетъ въ темнотѣ. Ночь тогда кажется еще темнѣй и глуше.

Почти рядомъ съ костромъ и въ кустахъ слышенъ легкій говоръ—все не слится. Только Анисимъ да Назариха перекликаются черезъ поляну нуднымъ однотоннымъ храпомъ.

Асонъ кряхтитъ и кашляетъ, часто обрывая Панфила.

— Вотъ попущеніе божецкое; спать, однако, слышь, не дастъ. Асолодки пожевать бы, да теперь ее гдѣ? Не ищешь. Вся трава одинака.

— Асалодка — хорошо. — мирно отзывается Панфилъ...

Онъ помолчалъ и возвратился къ своему разсказу:

— Много ихъ тогда ходило, съ батюшкой съ покойникомъ. Всѣ разсыпались. Старики-то на особицу двинули. На семьдесятъ девятый день пришли, значитъ, къ морю. А оно это море—озеро святое безъ конца и безъ краю идетъ. И нѣтъ, говоритъ, ни погоды, ни вѣтру, а оно себѣ стонетъ, страшнымъ гудомъ гудетъ. А по зорямъ по вечерной и по утренней волна уймется, тихо станетъ. Такъ тихо, будто бы молится море святое. Звонъ тогда слышится. Издалека доноситъ, ровно изъ воды ли какъ ли говоритъ. Тихой, тихой звонъ, а шибко слышно, ровно поднесено подъ ухо, и столь-то колоколовъ тамъ звонитъ, что ни есть числа имъ...

Панфилъ съ кряхтѣньемъ поднялся и поправилъ изголовье.

— А звонъ-то этотъ съ острововъ идетъ...

Онъ не разъ разсказывалъ о морѣ-озерѣ и уже привыкъ на этомъ мѣстѣ останавливаться. Остановится и поглядитъ на слушателей.

— Съ острововъ... Кругомъ того моря пустыня великая. Берегъ такой, что какъ бы и не берегъ вовсе. Ежли въ пасмурный день, то и не знатко, гдѣ вода съ пескомъ сливается. Глазъ слезится, какъ посмотришь вдоль его. А острова-то, значитъ, на середкѣ. На самой середкѣ. Въ ясной день глядѣть, такъ видно ихъ. Не всякому только даются. Другой сколь не смотритъ, ничего не углядитъ. Слеза затягиваетъ зракъ. Не допущаетъ, значитъ. А ежли съ постомъ да съ молитвой, такъ ничего, откроются. Изъ воды это будто, лѣса поднимаются. И видно ихъ, и не видно. Больше сердцемъ чуешь. Далеко ужъ шибко. А въ тѣхъ лѣсахъ святые схимники. И монастырей тамъ, и храмовъ — несчесть! Все по старой вѣрѣ. Народъ русскій зашелъ, стало быть, съ царя Константина.

Хрисанфъ крѣпко крякаетъ гдѣ-то совсѣмъ близко въ кустахъ.

— Никакошная жизнь, пропащее дѣло. Первое дѣло тебѣ — слобода. Безъ этого, братъ, никуда. Не спасешься безъ нея.

— А какъ это... — Асонъ закашлялся, сѣлъ и, тяжело дыша, долго плевалъ въ сторону. — Прости меня, Господи!.. Какъ это святые-то отцы спасались, а? Скажи ты мнѣ, Хрисанфъ Матвѣичъ. А? Ровно бы грамотный, люди, читалъ въ писаніи. Кого хошь возьми, ну, кого ни возьми— всѣ изъ міру уходили, который — въ скитъ, который — въ пещеру...

— Вотъ ежли въ пещеру да одинъ — оно подходитъ. Ты думаешь, пошто онъ этакъ дѣлалъ? Слободы захотѣлъ, вотъ оно што. Одинъ онъ — самъ себѣ хозяинъ. Понялъ? Самъ себѣ хозяинъ. Не пришьешь, братъ, его! А какъ сердце въ покоѣ, оно и къ Богу ближе.

— Да ты постой, постой! — кричалъ Асонъ. — Не дай Богъ этакъ подумать, рази они въ угоду свою жили? Что они дѣлали? Вериги носили желѣзныя, въ кровь свое тѣло спущали... А посты какъ содержали! Вкуситъ ягоду малую да росинкой запьетъ. А которые, вонъ, предавались молчанію а то опять были такіе...

— Правильно сказываешь, сами грамотны, а только все это для виду дѣлалось, для положенія. Потому полагается отшельнику плоть свою измаривать.

Хрисанфъ говорилъ спокойно, и это особенно волно-

вало Асона. Старикъ чуть прилегъ и опять приподнялся на локтѣ.

— Ты пошто такъ, ты пошто?..

Хрисанфъ не слушалъ.

— Для слободы это, для себя такъ способнѣе. Плоть-то онъ и такъ и этакъ, а духу оно легче. Разъ пошелъ за этимъ дѣломъ, надо содержать себя въ полномъ обиходѣ. Мирской придетъ — ему подай и постъ, и вериги, и все. Какой это, скажетъ, исхимникъ, ежели нѣтъ порядку. А исхимнику-то легче...

— Нѣтъ, ты не мути, Хрисанфъ!

— Чего мутить? Не дляча мнѣ...

Хрисанфъ давно уже растянувшись на спинѣ, покрытый армякомъ, не отрываясь, вглядывался въ черную звѣздную глубь. Было что-то тамъ таинственно-жуткое, чего онъ никогда не замѣчалъ. Съ дѣтства видѣлъ эти звѣзды и ни разу не взглянулъ за нихъ, туда, въ небесную святую бездну. Теперь она была передъ глазами, вся открытая. Мысль робко скользила отъ свѣтила къ свѣтилу и словно утомленная, обезоруженная возвращалась на землю къ знакомымъ предметатамъ, и все земное ей казалось такимъ мелкимъ, незначительнымъ, понятнымъ. ,

Странно было, что Асонъ, проживший чуть не сотню лѣтъ, не могъ понять простого положенія: для порядку много дѣлаютъ тяжелаго, а какъ посмотришь—для себя же.

— Нѣтъ, ты не мути! — не унимался старикъ. — сказать теперь къ слову, на этомъ на морѣ скиты.... По-твоему тоже для себя?..

— Знамо дѣло. На міру не по ндраву, вотъ и сокрылись.

— Да вить старой вѣры, истинной! — надсаживался Асонъ, наклоняясь всѣмъ тяжелымъ корпусомъ къ Хрисанфу.

Хрисанфъ замолчалъ. Онъ боялся, что не выдержитъ,, а не хотѣлось оторваться отъ небесныхъ огоньковъ и своихъ мыслей.

— Ты куда же съ этимъ? Не допустятъ! Не допустятъ, мотри! Съ поганой-то думой. Нѣтъ, не можно...

И вскипѣлъ Хрисанфъ — помутнѣла глубокая синь, задрожали на ней звѣзды — круто расклонился и отшвырнулъ въ сторону армякъ.

— Ты не страшшай! Не страшшай, говорю!

Крикнулъ такъ, что гдѣ-то въ густыхъ вѣткахъ испу-

гажно, съ жалобнымъ пискомъ, забилась пріютившаяся на ночь птичка, а Назариха громко сглонула слюну и захрапѣла тономъ ниже.

Панфилъ безпокойно вздохнулъ:

— Кого вы это?.. Неладно мотри-ка, Хрисанфъ.

— Неладно! Говорилъ заранѣ, не будетъ согласья, несогласно пойдемъ. Я не махонькой тоже. Маракую, поди-ка куды вы потянули. А только мнѣ къ монастырю не по дорогѣ... вотъ што!

— Накажетъ те Господь, — подавленнымъ голосомъ тянулъ Асонъ, глухо ударяя кулакомъ въ сырую землю. — Накажетъ, накажетъ.

Хрисанфъ уже снова улегся и, взволнованный, весь будто въ струну натянутый, старался отвѣчать спокойно:

— Можетъ, и накажетъ. Люди мы... Подъ Богомъ ходимъ... А только туда не заманишь. Ежли мнѣ спасаться ужъ придетъ на сердце, въ старости, значитъ, такъ я уйду въ ущелины, въ самые камни, куда птица прилетитъ не всякій день... Въ скиту мнѣ не подходитъ. Тамъ покорство первѣе всего и ни ногой никуда. Море, оно похоронитъ... А ну какъ душа-то запроситъ слободы, да какъ въ море те потянетъ, на самое дно, къ нечистому въ колѣни... Бѣда!

Сенечка лежалъ на другой половинѣ за потухающимъ огнищемъ, обложенный суминами. Онъ не обронилъ ни слова, слушалъ съ сладкимъ перебоемъ въ сердцѣ и представлялъ себѣ, что это не Хрисанфъ, а онъ такъ говоритъ. Къ горлу подступало жгучее удушье. Сенечка привсталъ легонько, такъ, чтобы никто не разглядѣлъ и не разслышалъ.

— Чего Хрисанфъ притихъ? Боится? Не таковскій онъ. Вотъ тутъ ихъ прижать-то! Пусть жуютъ прожевываютъ... Молчитъ Хрисанфъ! Не такъ ихъ надо.

Мысли тѣснились одна другой злѣе. И откуда эта злость? Въ походѣ улеглась, было, не думалъ ни о чемъ о старомъ; сталъ даже бояться самого себя: къ нимъ недолго привыкнуть, а тамъ, смотришь, осѣдлаютъ, затянутъ, своимъ сдѣлаютъ. Да вотъ проснулось старое, полѣзло съ глубокаго дна, и нѣтъ ему удержу. Все опять вспомнилось.

— Міръ-то, парень, завсегда былъ подлый...

Сенечка и самъ не зналъ, какъ это вырвалось, а слова будто обрадовались, побѣжали юркими подкаменными ящерками.

— Подлый онъ... Нѣту въ немъ правды, совѣсти нѣту... Нѣтъ, нѣту... Не найдешь, не ищи... Одному все надо. Пока одинъ—живешь по совѣсти, а какъ вышелъ на міръ, привяжутъ те и поведутъ, и поведутъ, куда не хочешь... Потомъ самъ пойдешь. Бараны вотъ этакъ же... Ума-то своего нѣту. Одному надо сюда, другому въ эту сторону, а ихъ вонъ куда кнутомъ поворотили.

— Ты кого тамъ? — огрызнулся Асонъ. — Кого? взъѣлся опять?

— Ты одинъ — я одинъ,— уже выкрикивалъ Бергалъ, словно боялся, что не дадутъ сказать всего. — Каждый, значитъ, по образу и подобію Божьему... Ты ли, я ли — все одинъ фасонъ... Да пошто тебѣ дорога, а мнѣ чертоломины? Не по-божецки! А потому — все міръ. Пошто ты съ кнутомъ, а я на кобылѣ? Можетъ, я не хуже. А? Пошто такъ?

— Сеня, брось! — сердито оборвалъ Хрисанфъ.

— Одинъ-то, братъ, царемъ!.. Царемъ живешь! Возьми орла — она птица непокорная. Съ голоду подохнетъ, да не покорится. Ни въ жисть! Дакъ пошто человѣкъ?.. Человѣкъ пошто собакой скинулся?..

— Ну, брось ты, Сенечка! — съ досадой прикрикнулъ Хрисанфъ, зарываясь въ армякъ.

Асонъ въ волненіи никакъ не могъ найти необходимыхъ словъ.

— Плохо те били, Бергалъ... мало выколачивали... варнацкаго-то духу не выбили всего... — сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ и, сдержанно покряхтывая, опустился головой на потники.

Сенечка сразу замолкъ. Оборвалась въ его душѣ какая-то струна, оборвалась со жгучей болью. Снова вспыхнула злоба, залила пожаромъ и эту боль, и самого его, и небо — захлестнула заревомъ весь міръ. Какъ отъ сильнаго удара стѣснило духъ, тяжелымъ, угловатымъ камнемъ придавило грудь. Бергалъ упалъ затылкомъ на траву и замолчалъ. Замолчалъ теперь надолго, быть можетъ, на цѣлые годы. Будь онъ проклятъ, будь проклятъ! Развѣ можно съ ними говорить? Развѣ поймутъ они правду? Сенечкѣ казалось, что говорилъ онъ долго и много, говорилъ понятными словами. Нѣтъ, не поняли!

А сколько черныхъ, одинокихъ ночей ушло, пока онъ отыскалъ эту правду! Находилъ понемногу, по зернышку.

Запутали люди, развѣяли по всей землѣ. А онъ собралъ. Хрисанфъ, тотъ знаетъ тоже. Для виду только путаетъ...

Сенечка вздрогнулъ отъ сырости, потянувшей по кустамъ съ ключей, вздохнулъ прерывисто, давясь своимъ горломъ, и только тутъ увидѣлъ небо. Звѣзды тамъ... Темно и тихо... Небо никогда не звало Сенечку къ себѣ. Другихъ зоветъ, его не звало. Никогда онъ не подумалъ, что тамъ, какъ тамъ. Должно быть, чудно все устроено. И рай, и ангелы, и пророкъ Илья на колесницѣ. Какъ посмотришь пусто, а онъ проѣдетъ—грохотомъ оглушитъ. Горы стонутъ, какъ покатитъ шибко. Ѣдетъ по небу и мечетъ въ грѣшниковъ огненныя громовыя стрѣлы. Сенечка не разъ ихъ находилъ остывшими въ пескѣ у рѣчекъ и продавалъ Зиновьюшкѣ—старухѣ-шептухѣ. Та лекарство дѣлаетъ изъ громовой стрѣлы и корня Петровъ Крестъ отъ грыжъ отъ всякихъ—отъ жиленной, отъ суставной, отъ простой, отъ бѣлой и отъ нутренней сколотки.

Вѣрилъ Сенечка въ пророка, сильно вѣрилъ, считалъ, что это правильный святой: не какъ другіе, его видно, онъ себя оказываетъ. Да случилась неправда. Убилъ онъ у Сенечки недѣльнаго теленка. Лежалъ тотъ подъ елью за избушкой. А за что его было? Безъ пути пристукнулъ. Какой въ немъ грѣхъ, въ недѣльномъ-то? Не можетъ быть грѣха. А если за него, за Сенечку, такъ это не по правдѣ. Самого и наказывай. Къ чему животину губить? Не на то она родилась.

Сенечка не разъ дерзалъ противъ небеснаго. Бывало, по ночамъ откуда-то подкрадываются такія мысли, что и не скажешь ихъ: страшно сказать. Онъ старается не думать, не смотрѣть на небо. Можетъ быть, ему только не открывается, а другимъ тамъ видно все, что надо. Но одно онъ знаетъ хорошо—не тамъ надо правду искать. Не откроетъ ее Богъ, никому не покажетъ. Онъ спустилъ ее на землю, отдалъ людямъ, чтобы сами сохраняли. А они растащили ее по землѣ, развѣяли пескомъ и потеряли. Теперь ищутъ, вырываютъ другъ у друга, злобствуютъ, мечутся, у Бога молятъ помощи. А Богъ-то видитъ и молчитъ. «Ищите, молъ, ищите. Тутъ она, у васъ. Какъ помрете, да ко мнѣ явитесь, тогда скажу. Узнаетъ тогда каждый, по правдѣ онъ жилъ или нѣтъ»...

Сенечка ушелъ въ себя, затихъ, будто замеръ каждой

жилкой, и душой, и сердцемъ. Совсѣмъ близко, въ темнотѣ, стоитъ надъ нимъ кто-то или что-то. Стоитъ, наклонившись, готовя ударъ. Не пойметъ никакъ Сенечка, не думаетъ объ этомъ, а душа ожидаетъ. Вотъ-вотъ должно случиться это, страшное, неотвратимое. Но побѣжали мысли по небеснымъ огонькамъ, ушли въ былое, въ молодость, и Сенечка разсѣялся, забылъ Асона съ его подлыми рѣчами. Тѣло распустилось, млѣетъ въ сладкомъ отдыхѣ, да только душа не отходитъ. Закрылась наглухо, окостенѣла и никого теперь не впуститъ за тяжелыя двери. Знаетъ это Сенечка и радуется: самъ себѣ хозяинъ.

Асонъ мирно ворчитъ. Онъ поймалъ на лицѣ колючую козявку и не успѣлъ ее отбросить, какъ другая пулей врѣзалась въ густую бороду. Онъ осторожно выдираетъ жучка изъ волосъ и разговариваетъ самъ съ собой:

— Ишь, нанесло ее. Глазъ этакъ выхлестнетъ... Тварь Господня тоже вѣдь... По ночамъ ей показано...

Назаръ съ нимъ рядомъ нерѣшительно покрякиваетъ. Не дослушалъ Панфила. Надо бы спросить—потомъ забудется—а тутъ такъ все обернулось, что и разговаривать неловко. Обидно Назару. Онъ настроился на тихій, сладкій разговоръ, и вотъ пропало все. Но такъ хочется послушать правду, побывальщину. Панфилъ умѣетъ разсказать. Назаръ вслушивается и ловитъ ухомъ легкій вздохъ Панфила. Тотъ сокрушенно молчитъ.

Назаръ тихонько спрашиваетъ, будто самого себя:

— Дакъ, говоришь, на островахъ?

Панфилъ шевелится и отвѣчаетъ не сразу:

— Сказываютъ такъ. Не знаю, сколь правильно.

Въ его голосѣ звучитъ обида.

— Ну, а какъ же, значитъ, прознали-то про это самое, про монастыри, тамъ, и про вѣру?

— А ужъ такъ случилось... Люди видѣли.

Вотъ скажи-жь ты! Значитъ, удостоились?

И забылъ Панфилъ обиду.

— Ты, поди, помнишь Малафея?—повернулся онъ къ Назару:—на Малафеихѣ на рѣчкѣ?

— Ну, дакъ какъ же!

— Вотъ Малафеевъ-то родитель и угодилъ туда... Этакъ же случилось, пошли старики. Много пошло. Малафеевъ-то родитель, Агафонъ, и отбился. Лошади пристали,

што ли, только ушли всѣмъ таборомъ, а онъ остался. Говоритъ: «какъ справлюсь, догоню. Ступайте съ Богомъ»... Мѣсто каменное, гибельное мѣсто... Ушли, а онъ и не показывался больше .Сколь ни ждали—нѣту старика. Куда тутъ, гдѣ искать? Помянули душу православную, погоревали да и только. А потомъ, ужъ много лѣтъ прошло, вдругорядь какъ двинулись—вышли на это море—озеро. Тѣ же самые, значитъ, и вышли. Стали станомъ. Смотрятъ—къ вечеру, какъ утихло погодье, ѣдетъ къ нимъ лодка, вся черная. Скоро такъ ѣдетъ, а въ лодкѣ монахи, втроемъ сидятъ, и тоже въ черномъ. Наши ихъ встрѣтили съ почетомъ, на колѣни міромъ пали. Стали, значитъ, умолять, чтобы свезли къ себѣ, а тѣ и говорятъ:

— «Покажите намъ книги». Ну, показали. — «Нѣтъ, неправильныя книги. Наши вотъ какія». Пошли и пошли имъ выкладывать. Одно слово, знающіе люди. Покойникъ Данило Петровичъ съ ними, было, въ щеть пустился, да куда, братъ. Замолчалъ, накрысили... Такъ ничего и не доспѣли. А ужъ какъ просили-то Въ ногахъ валялись. По сто тысячъ поклоновъ на голову брали. Нѣтъ! Неправильныя книги. «Не осквернимъ, говорятъ, святой обители. Нельзя. Намъ, говорятъ, што. Намъ не жалко мѣста, сами рады, ежли кто придетъ, да лишь бы правильный. Вотъ, апрошлый годъ пришелъ старецъ Агафонъ, такъ тотъ съ правильными книгами». Ну, значитъ, наши какъ есть Милафеевъ родитель. «Живетъ, сказываютъ, Бога славитъ, молится»...

Панфилъ вздохнулъ.

— Крѣпкій былъ старикъ. Вѣру шибко держалъ.

— Ну, а тѣ какъ? Монахи? — справился Назаръ.

— Уѣхали монахи.

Панфилъ помолчалъ и добавилъ:

— Совсѣмъ уѣхали.

Полянка затихла. Но Хрисанфа подтолкнулъ нечистый подъ руку:

— Не помстило имъ съ монахами-то? А?

— Кого это ты? — кротко откликнулся Панфилъ.

— Да, говорю, съ монахами-то не помстило? Съ голодухи, можетъ. Все причудится... А то и концы, поди, хоронили. Старикъ былъ денежный. Сказываютъ, полную

сумину серебра китайскаго повезъ съ собой. Укокали, поди.

Ничего не отвѣтилъ Панфилъ.

Асонъ выждалъ минуту и, не слыша протестовъ, тяжело повернулся.

— Тьфу ты, богохульникъ! — плюнулъ онъ въ сторону: — Прости меня, Царица Матушка небесная...

Никто не отозвался даже вздохомъ. Только въ дальнихъ кустахъ, на краю поляны, прорывался легкій шепотъ. Тамъ лежалъ Ванюшка съ Акулиной. Подъ тяжелымъ домоткан-нымъ армякомъ верблюжьей шерсти они не чувствовали зябкой свѣжести. Акулина все не находила мѣста, не могла устроиться. Сначала долго говорила съ мужемъ. Потомъ не давали заснуть старики, а теперь нашла забота и тоска. О чемъ, по чемъ — она сама не знаетъ. Наконецъ, устроилась, прижалась крѣпче къ мужу, положила голову къ нему на сильное плечо. А Иванъ поминутно засыпаетъ. Говорить уже не можетъ. Молча проведетъ ласкающей рукой по горячей спинѣ, и остановится рука на полдорогѣ, повиснетъ мертвой тяжестью.

— Никакъ, заснулъ опять?—съ упрекомъ шепчетъ Акулина.

— Мгы-ы... кого тебѣ? А?

— Да, говорю, не могутъ тѣ уняться. Слышь, Асонъ съ Бергаломъ позубатили.

— Подь они!.. Спи-ли, чо-ли! Возится и возится... Первый спень — онъ слаще... послѣ не заснуть... Да ноги-то на улицу пошто суешь? Кака-нибудь нечисть привяжется. Давай ихъ сюда. Вотъ такъ... Ну, спи.

Покорная подъ сильными руками, Акулина сладко съежилась, будто встала между ней и людьми высокая, неодолимая стѣна. Она уже привыкла къ этому. Но тоска была съ ней. Отъ нея не спасали и стѣны.

Акулину никто не корилъ за Гараську. Бабы долго охали, шептались и плели свое несуразное, да мужики покончили. Не своей охотой добивалась, всякому жизнь дорога, и толковать тутъ нечего. А что погибъ онъ, такъ не сегодня-завтра все равно сложилъ бы варнацкую голову. Ему—по пути.

Прежде чѣмъ обрачить, Панфилъ поставилъ Акулину на поклоны. Заказалъ ей сорокъ тысячъ, да дѣвка выбилась изъ силъ, не могла на лошадь сѣсть, съ лица и съ тѣла

спала. Старикъ смиловался, сбавилъ по дорожному дѣлу. Разбитая, больная Акулина съ упорствомъ отбивала каждый день по сотнѣ, и съ каждымъ днемъ съ души отваливался лишній камень. Когда закончила. душа опять воскресла. Расцвѣла Акулина, снова стала, какъ и прежде: тѣломъ крѣпкая, упругая, душой — веселая, живая, радостная. Искупила вину, заплатила за все. Но по ночамъ подкрадывалось что-то безпокойное, неясное, и дѣвка металась въ тоскѣ, обдирая зубами высохшія губы. И не поймешь его, никакъ не разскажешь. То Гараська наступаетъ— щерится, то опять падутъ на память деревенскіе. Больше всѣхъ почему-то — братишка Пахомикъ... Подбѣжитъ къ окну съ улицы, взберется по вѣнцамъ и ляжетъ грудью на широкій подоконникъ.

— Нянька, а нянька. Обѣдать скоро?

— Погоди. не убрались.

— И-ись шибко манитъ, — сморщится Пахомикъ, но поскребетъ босыми загорѣлыми ногами по стѣнѣ и отпадетъ, будто въ яму провалится. Какъ за столь садиться — не найдешь.

Много путается въ головѣ. Всего и не собрать, не вспомнить. Но къ утру все пропадетъ. День въ работѣ, въ хлопотахъ, подумать некогда.

А тутъ еще совсѣмъ другое подступило, новое, страшное, близкое. Свое это. Свое и Ванюшкино. Третій день, какъ поняла его, почуяла сердцемъ. Тяжело одной-то, а сказать — не находится словъ.

— Ты! Ванюшка!

— Агы-ы... кого тамъ?

Акулина привстала, опустилась на него горячей грудью, прилипла къ самому лицу.

— Ваня!

Называла такъ рѣдко, лишь въ минуты близости.

Иванъ открылъ глаза, насторожился. Утомленный вечерними ласками, онъ осилилъ усталость и быстро проснулся.

— Ты чево не спишь-то? Рази холодно? Ложись вотъ такъ.

— Ваня!

— Ну?

— Боязно мнѣ што-то.

— Илю-юнь.

— Другой мѣсяцъ, однако, пошелъ... Привязалось, видно...

— Чево это?

— Да такъ.

Иванъ понялъ безъ словъ, вздрогнулъ, замеръ душой.

— Али што почуяла?

— Ага.

Она опрокинулась на спину и лежала, не покрытая по поясъ, не чувствуя холода.

Иванъ приподнялся на локтѣ, склонился надъ ней и гладилъ по лицу ладонью. Что было сказать и какъ сказать? Вдругъ явился окуда-то стыдъ. совсѣмъ особенный, не уличный, и то, что раньше было будничнымъ, простымъ, теперь стало выше давно знакомыхъ словъ и понятій.

Словно его чутко подслушивала ночь, Ванюшка наклонился еще ниже. подавляя шепотъ:

— Понесла?

Акулина не отозвалась, не шевельнулась. Онъ только видѣлъ черные провалы ея глазъ и чувствовалъ — глядятъ они не по дневному, не такъ, какъ на всѣхъ и всегда, а глядятъ самымъ днемъ. Иванъ обнялъ ее, тиснулъ крѣпко и прилипъ губами къ голой шеѣ...

Костеръ потухъ. По краю неба, въ глубинѣ долины, пала предразсвѣтная сѣрая занавѣсь, скрывая великую тайну — нарожденіе новаго яркаго дня.

XI.

Уже цѣлую недѣлю шли песками. Во всю ширь раскинулась пустыня, безконечнымъ моремъ уходя за горизонтъ. Лишь позади синѣющей невысокой каймой колыхались въ знойномъ маревѣ оставленныя горы. На нихъ оглядывались часто, но никто не говорилъ объ этомъ, хоронился отъ другихъ.

Пустыня встрѣтила сурово. Сухая, знойная, величественно строгая въ своемъ молчаніи, она ничего не сулила и ничѣмъ не радовала. Каждый зналъ, что здѣсь надежда— только на себя. Разъ осмѣлился — иди впередъ, иди, не останавливаясь, не сворачивая и не оглядываясь. Только

смѣлый пройдетъ. Будетъ жечь тебя, будетъ голодъ томить, будетъ смертью пугать — все иди, все впередъ.

Асонъ съ Панфиломъ много говорили о прежнихъ странствіяхъ, и къ нимъ прислушивались. И какъ было не вѣрить, глядя на Панфила? Онъ опять былъ впереди, онъ зналъ, куда ведетъ.

Идти старались по ночамъ: боялись, что лошади не вынесутъ зноя. Онѣ спали съ тѣла какъ-то сразу. Сухой, колючій саксаулъ не могъ имъ замѣнить душистыхъ зеленыхъ луговъ, а воды встрѣчалось такъ немного, и была она такая, что только мучительный голодъ и жажда заставляли пить ее сквозь зубы. На каждомъ дневномъ переходѣ попадались колодцы — съ широкимъ устьемъ небрежно разрытыя ямы. Прежде чѣмъ достать воды, подолгу приходилось выгребать сырой песокъ, идти дырой все вглубь и вглубь, а потомъ часами ждать, пока насочится вода...

Ночь была свѣжая, лунная. Ѣхали сгрудившись, стараясь держаться плотнѣе. Въ родныхъ горахъ не разъ случалось въ одиночку путаться ночами по глубокимъ падямъ и уремамъ, слышать трескъ подъ крѣпкою ногой косматаго «хозяина», ночевать въ покинутой избушкѣ разореннаго бродяги, сталкиваться носомъ къ носу съ темнымъ человѣкомъ, но все это было родное, свое. Пустынныя поля пугали мертвой мощью, нехорошей жуткой пустотой. Лучше бы кручи безумныя, чѣмъ эта, проклятая небомъ, застывшая навѣки, зыбь, давно покинутая всѣмъ живымъ.

При лунномъ свѣтѣ сѣрые пески лежали рябью, темными прерывистыми полосами. Чѣмъ дальше, тѣмъ мельче, короче и ниже становились полосы, сливаясь въ ровное, безгранно-огромное поле.

Съ самаго утра на душѣ не спокойно. Бергалъ отсталъ и не показывается. Случилось вечеромъ: у колодца застали небольшой калмыцкій караванъ. Хрисанфъ соблазнился, на коней позарился. Сталъ торговать — не вышло: выдавалъ за нихъ дешевле, чѣмъ за курицу. Обидно стало: вдругъ орда и на тебѣ — ортачится. Дальше — больше. Остальные поддержали. Асонъ съ Панфиломъ вспомнили былое, какъ насѣли, какъ вскинули ружья! Не дрогнула старая рука, наметанная на прицѣлахъ по калмыцкимъ головамъ... Долго кружились и кричали калмыки, попусту

разбрасывая стрѣлы, и не выдержали, побѣжали, побросавши все добро, оставивъ пятерыхъ убитыми. Сенечка дѣйствовалъ на славу, а какъ начали дѣлить, Хрисанфъ обидѣлъ, отобралъ вороного коня. Изъ-за этого коня Бергалъ и бился, только одного и видѣлъ, когда грѣхъ на душу принималъ — уложилъ двухъ человѣкъ да побывалъ на третьемъ, а Хрисанфъ налился кровью, подскочилъ и выхватилъ изъ рукъ поводья:

— Гдѣ тебѣ! Не къ рылу конь-то.

Сенечка осатанѣлъ, накинулся, да тотъ отшвырнулъ его, ногой притопнулъ и еще расхохотался:

— Какъ его забрало, парень!

Теперь Сенечка пропалъ. Когда пошли со стану, онъ остался. Думали, догонитъ, такъ бывало не разъ, а теперь и не придумаешь, куда его закинуло.

— Нѣтъ, скажи, кого онъ тамъ удумалъ? — снова вспомнилъ Назаръ, обращаясь къ Асону.

Старикъ солидно помолчалъ, поправился въ сѣдлѣ и нахлобучилъ глубже шапку.

— Надо такъ располагать, что обернулся... Безъ пути ему съ нами.

Онъ не одобрялъ Хрисанфа, но и отъ Бергала съ самаго начала не ожидалъ хорошаго.

— Лучше бы и не вязался. Міру не выноситъ, какъ поганый ладану, а самъ все вяжется.

— Душа, парень, ищется, — вставилъ задремавшій въ сѣдлѣ, Анисимъ: — жизнь-то шибко ужъ нескладная, собачья, прямо, такъ сказать, ну оно и манитъ къ людямъ.

— Ну дакъ ты пошто все выкамуриваешь? — внушительно спрашивалъ Назаръ, будто обращаясь къ Сенечкѣ: —Слова гладкаго не скажетъ, все съ гвоздями, съ закавыками. Покуль гладишь по шерсти — молчитъ, а поведи напротивъ — ерихорится.

— Да подавись онъ и конемъ-то! — отзывается Хрисанфъ. — Лошаденька такъ себѣ, запаренная, съ виду только манитъ. Будь онъ съ ней! Бери. Отдамъ...

Панфилъ придерживаетъ лошадь.

— Всякому, Хрисанфъ, не за любо покажется. Всѣмъ извѣстенъ Сенечкинъ обычай. Надо бы подальше.

— Да кому тутъ коня-то? Ну, скажи, кому отдать?

Добро бы, путный былъ. Сѣсть путемъ не сядетъ, все съ пенька таращится.

— Нѣтъ, ты шибко его не охаивай, — вступился Анисимъ, — съ лошадью онъ мастеръ.

— Мастеръ! Тоже выговоритъ... Да отдамъ, поди онъ къ ляду.

Самъ поддернулъ поводъ воронка и такъ сдавилъ его ногами, что лошадь захрапѣла, испугалась и шарахнула задомъ Василисину кобылу.

— Держи ли, чо-ли! — взвизгнула баба, хватаясь руками за гриву, — топчется и топчется...

— У-у ты, Азія! — рычитъ Хрисанфъ, еще сильнѣе забирая поводъ: — по обычаю видно... Только норовитъ, куда бы въ сторону.

Въ хвостѣ, за отбитыми съ баранты лошадьми, плетутся молодые.

— Жалко, слышь, Сенечку, — вздыхаетъ Акулина.

Иванъ что-то думаетъ и убѣжденно говоритъ:

— Не пропадетъ онъ.

Тяжелой поступью ныряютъ кони по холоднымъ песчанымъ холмамъ. Идутъ, понуря головы, лѣнивымъ шагомъ. Животы подтянуло. Во рту высохло и горячо. По привычкѣ, будто все еще не вѣря окружающему, наклоняютъ они головы и ищутъ пересохшими губами травы. Но губы прикасаются къ холодной и мертвой землѣ.

Кони чуютъ что-то необычное, смутно-тревожное. Все идутъ въ полуснѣ и вдругъ, словно по командѣ, высоко поднимутъ головы, насторожатся, вслушаются, глубоко потянутъ въ себя воздухъ. Тревога переходитъ къ людямъ, но никому не хочется сказать объ этомъ.

Передъ свѣтомъ отвоеванные кони стали безпокоиться. Потеряли и усталость. Бодро вскидываютъ головы, строчатъ ушами, озираются.

— Не Сенечку ли чуютъ?—высказалъ догадку Анисимъ.

— Бываетъ это, балуютъ, — успокоилъ Асонъ: — она животная степная, дикая. Взыграютъ вотъ, мотри.

Онъ обернувшись, крикнулъ:

— Эй, бабы! Поддержись, кто на калмычкахъ. Тетка Дарья! Ты, однако?

— Чо это?

— Да поддержись, молъ. Кони уросятъ.

Дарья и сама замѣтила.

— Моя-то все ушами хлопаетъ.

— Ну, вотъ то-то. Штобъ тебя не схлопала.

Хрисанфъ долго вслушивался. Наконецъ, когда ожившіи воронко и еще другой калмыкъ — буланый подъ Панфиломъ—звонко и надсадисто заржали, онъ не скрылъ безпокойства.

— Што за притча? Тутъ, мотри, не Сенечкой попахиваетъ.

— А кого тебѣ почудило? — пряча страхъ передъ чѣмъ-то, засмѣялся Назаръ.

— Да ужъ это, братъ, такъ — свату сватъ поклонъ заказываетъ.

Онъ натянулъ поводья.

— Осади-ка малость. Эй, Панкратычъ, придержи.

Всѣ задержали лошадей и, тѣсно съѣхавшись, осмотрели на Хрисанфа.

— Землю вотъ послушать, — отвѣтилъ онъ на общій молчаливый вопросъ, слѣзая съ лошади, — она не утаитъ, сейчасъ разскажетъ.

Остановившіяся лошади, какъ по командѣ, повернули головы, насторожили уши, и опять жеребцы залились, подбирая тощія брюха.

— Я боюсь, Ванюшка, — вздрагивала Акулина.

— Погоди ты... помолчи.

Онъ сознавалъ, что, можетъ быть, близко уже то, о чемъ такъ много говорили по деревнямъ, чѣмъ бѣловодцы такъ гордились. Смутно чувствовалъ, что имъ, закинутымъ въ пустыню, угрожаетъ что-то и это что-то не отъ нихъ и не съ ними пришло, а наслала его пустыня. Боязни не было. Хотѣлось открыто и смѣло посмотрѣть въ глаза тому, что надвигается изъ холодной, затянутой подлуннымъ сумракомъ, могильной дали. Онъ наклонился къ передней лукѣ и чутко слушалъ, вглядывался.

— Зря, поди все?—усумнился Анисимъ.—Гдѣ-нибудь отбилась лошаденка, шарится.

Хрисанфъ, едва передвигая ноги по песку, отошелъ и растянулся на землѣ, прилипъ къ ней ухомъ. Всѣ затихли. Прошло, казалось, много времени. Хрисанфъ вскочилъ. Его засыпали.

— Ну, сказывай!

— Слышно?

— Слышно, што-ли?

Онъ отвѣтилъ однимъ словомъ:

— Наступаютъ.

И никто не нашелся ничего сказать.

— Коней, такъ, десятка три, не меньше... Подвигаютъ ровнымъ шагомъ.

— Да кто это?—выкрикнула перепуганная Василиса.

— Насъ провѣдывать съ деревни ѣдутъ,—огрызнулся Хрисанфъ.

Панфилъ заторопилъ.

— Садись, садись! Поѣдемъ шибче. Ежли чо, такъ и уйти не хитрено.

— Куда уйдешь?—напылилъ Хрисанфъ,—куда уйдешь?

— Куда тутъ?—согласился Асонъ.

Дарья заскулила:

— Вотъ не надо было по-людски, такъ богъ послалъ... Отольется за разбой-то...

— Помолчи ты!—строго и испуганно крикнулъ Назаръ.

— А помолчи-ка самъ! Вотъ посмотрю, какъ завертишься. Ну, што теперь? Куды тутъ?.. Матушка царица, Богородица!..

— Ой-ой-ой! Да што это, скажи, намъ навязалось... — сквозь слезы вздыхала Василиса.

— Бабамъ въ кучу и молчать! — властно зыкнулъ Хрисанфъ. Не слушая жалобъ и стоновъ, онъ окинулъ взглядомъ всадниковъ и, сознавая силу, сталъ громко приказывать:

— Конямъ смѣну! Пересядь на заводныхъ! Полы за поясъ! Стремена огляди, узду! Подбери чумбуры! Сумины сдѣлай на отлетъ — какъ ежли уходить, такъ чтобы сбросить сразу. Да зря не бросай. Безъ харчей пропадешь. Стрѣляй не сразу — на двое. Покуль трое заряжаютъ — трое отбивайся. Цѣль въ упоръ! Сади на муху! Пистонъ обмѣни. Подсыпь на полку!..

Небо на востокѣ задымилось сѣрой мутью. Звѣзды потеряли яркія иглы — лучи: подходитъ утро. Станъ, готовый къ бою, ровнымъ шагомъ безшумно плыветъ по пескамъ. Разговоровъ не слышно. Лица строги и спокойны. Но старики и молодые поминутно смотрятъ, вслушиваются

въ бѣлесую глухую муть. Теперь уже ясно, что ихъ обходятъ, окружаютъ.

— И завсегда вотъ такъ, — бросаетъ спокойно Хрисанфъ, — заѣздомъ норовятъ собаки.

Кругъ понемногу суживался; скоро видно стало всадниковъ. Они двигались рѣдкими звеньями, все приближаясь, все затягивая такъ хорошо закинутую петлю.

И когда невмоготу стало терпѣть, когда цѣпь, казалось, захлестнула вокругъ горла, Хрисанфъ не выдержалъ. Высоко привставши на стременахъ, онъ страшно крикнулъ что-то непонятное, бросилъ дерзкій, требующій вызовъ. Кругомъ вздрогнули. А лошади нетерпѣливо перекликнулись и зашагали нервной поступью.

Въ цѣпи, будто выждавши должное, гдѣ-то справа, звонко крикнули, и не успѣли мужики взять на прицѣлъ, какъ въ воздухѣ взвыли грузными шмелями длинныя, тонкія стрѣлы. Дарья взвизгнула, взревѣла и тяжело упала на бокъ. Подъ Асономъ взбѣленился рыжій: вдругъ осѣлъ, поднялся на дыбы, лягнулъ кого-то задомъ и, взбѣшенный, ринулся отъ круга, унося въ своей шеѣ стрѣлу.

— Держи, Асонъ! Держи! — кричалъ Панфилъ, прицѣливаясь влѣво.

Грянули гулкіе выстрѣлы. Но снова прогудѣли ядовитые шмели, впиваясь въ сгрудившихся лошадей, и, словно по сигналу, цѣпь съ визгомъ и крикомъ захлестнула окруженныхъ. Мужики въ упоръ ударили огнемъ изъ широкогорлыхъ и длинныхъ стволовъ, безъ прицѣла, по намету. Тяжелыми черными комьями грохнулись двое въ песокъ, но остальные стиснули, въ мгновеніе смяли бабъ и мужиковъ, насѣли съ дикимъ ревомъ, потрясая копьями.

Хрисанфъ увидѣлъ, какъ Панфилъ съ плеча хлестнулъ нагайкой подскочившаго къ нему калмыка и вдругъ словно осѣлъ, потерялся съ коня, а надъ нимъ уже суетливо топтались съ побѣдными кликами двое: гдѣ онъ? Какъ съ нимъ?

— Ну, Панфилъ, не сдай же! Ну, не сдай, Панфилъ! — закричалъ Хрисанфъ, да такъ, что справа шарахнулась чья-то брошеная лошадь: — держись! Крути его!.. Прочь, собаки! Размож-жу-у!

Онъ ударилъ коня въ ребра и, держа ружье за стволъ,

взмахнулъ имъ, какъ дубиной. Кто-то дико вскрикнулъ, что-то хрястнуло подъ кованнымъ прикладомъ. Лошадь, скаля зубы, взвилась на дыбы и грудью врѣзалась въ свалку. На пескѣ, ворочаясь, пыхтѣлъ Панфилъ. Не сдержалъ, видно, старый двухъ крѣпкихъ молодыхъ волковъ. Хрисанфъ рѣзко опустилъ прикладъ и подъ нимъ въ предсмертной судорогѣ закрутилось что-то грузное, живое. Новый взмахъ — и Панфилъ уже былъ наверху, доканчивая дѣло своимъ вѣрнымъ ножомъ. Онъ работалъ молча, и Хрисанфа радовало, что старикъ такъ ловко и проворно управляется съ насѣвшими.

— Вали, Пафилъ! Вали! У-ухъ ты! Ого-го!

Онъ тигромъ рыкнулъ, круто повернулъ коня и совсѣмъ приготовился обрушиться туда, гдѣ съ визгомъ и ревомъ крутился живой черный клубокъ, какъ страшный ударъ по затылку чернымъ колпакомъ накрылъ все окружающее. Шапка свалилась. Снопомъ ослѣпительныхъ искръ, какъ освѣщенная полуночною молніей, вспыхнула въ глазахъ пустыня. Но свѣтъ погасъ, какъ и вспыхнулъ, мгновенно. Хрисанфъ зашатался и уже готовъ былъ опрокинуться съ сѣдла, какъ на горло легла петля. Едва держась на прыгающей лошади, онъ полусознательно приподнялъ руки и поймалъ у горла что-то крѣпкое, упругое. Побѣждая угасающую память, чуть открылъ глаза... Бергалъ!.. Или смерть въ его образѣ? Напрягъ всѣ силы, разомъ сбросилъ съ себя черный и душный колпакъ, оторвался отъ петли. Нѣтъ, нѣтъ! Это Бергалъ! Это Сенечка! Лѣзетъ вмѣстѣ съ лошадью, будто переѣхать хочетъ, злобно и страшно шипитъ. Вотъ выдернулъ ножъ!.. И загорѣлся Хрисанфъ, пожаромъ вспыхнулъ, бросился на Сенечку голоднымъ волкомъ, перевернулъ его черезъ сѣдло, грузно рухнулъ вмѣстѣ съ нимъ, подмялъ, ударилъ головой о землю, стиснулъ крѣпкими руками глотку... Бергалъ, умирая, хрипѣлъ, а надъ нимъ хрипѣлъ Хрисанфъ:

— Христопродавецъ! Собачье подхвостье! Вотъ куда! Такъ вотъ-те! Вотъ-те! Сволочь!

Раненая лошадь, потерявшая сѣдока, наткнулась на Хрисанфа, перепрыгнула, хлестнула его задомъ по спинѣ.

Хрисанфъ отпалъ отъ Сенечки, опомнился. Но чуть привсталъ, какъ на него наплыли толпой тѣ, куда онъ только что такъ рвался. Бабъ скрутили, волокутъ и отби-

ваются отъ мужиковъ. Пыхтятъ и гайкаютъ. А Ванюшка съ Анисимомъ работаютъ по головамъ. Но вотъ обломился Анисимъ — не остерегся задняго.

Хрисанфъ вскочилъ!

— Не сдай! Иванъ, не сдай!

Какъ пудовые молоты, опустилъ онъ жилистые кулаки. и погнулись, захрустѣли кости. Отъ бабъ разомъ отступили. Ванюшка поймалъ Акулину и не знаетъ, куда дѣться: помутился разумъ, растерялъ всю силу.

На Хрисанфа навалились трое, но надъ ними гаркнулъ кто-то пронзительнымъ и властнымъ крикомъ, ему отозвались во всѣхъ концахъ, и шайка хлынула въ пустыню...

Все пропало. Словно ничего и не было. Будто ураганъ пронесся. Налетѣлъ безумный, безпощадный, закрутилъ и разбилъ, и ушелъ, свободный, къ гранямъ неизвѣданной пустыни, унося съ собой надежды.

XIII.

Солнце поднималось надъ землей багровымъ шаромъ. И поблѣднѣвшая передъ его лицомъ лазурь, и, до земли пронизанный лучами-стрѣлами, сухой недвижный воздухъ, и пески, подернутые мертвой рябью — все было залито жаркимъ золотомъ. Но не жизнь и радость, не смѣхъ и пѣсни были въ знойномъ молчаніи — то было великое молчаніе смерти. Она была близко, была разлита всюду и, спокойная, открыто смотрѣла бѣловодцамъ въ глаза. Къ ней подошли вплотную.

Могилы Сенечки, Асона и Анисима почти не выдѣлялись изъ песчаныхъ холмовъ. Назаръ съ Панфиломъ молча мастерили крестики изъ завезенныхъ вѣтокъ саксаула, перевязывая ихъ суровой пряжей. Вѣтки, сухія и корявыя, плохо прилегали, и такъ они были изогнуты, что только страстное желаніе подсказывало, что у того и у другого получились не перепутанные дикимъ вѣтромъ пучки высохшей травы, а намогильные кресты.

Отпѣвали покойныхъ по полному чину, хотя гробовъ и не было. Панфилъ служилъ истово, спокойно и торжественно. Теперь, соорудивши крестики, опять молились и вздыхали. Василиса обезумѣла, лежитъ пластомъ и не шелохнется. Глаза открыты. Дышитъ и не дышитъ. Помутнѣло небо. Потерялось солнце. Все ушло куда-то, сдвинулось въ тусклыя дали. Что случилось? Гдѣ она?

— Все теперь ладно, — нарушилъ тяжкое молчаніе Панфилъ, оглядывая бугорки съ корявыми крестами.

Василиса вдругъ метнулась орлицей, грудью упала на могилу мужа.

Она не могла уже плакать, не могла причитывать. Отдала всѣ слезы сѣрому песку, а слова разбросала по вѣтру. Она стономъ выливала свою смертную боль и, упавши лицомъ въ землю, скребла ее пальцами, будто умоляла безстрастный песокъ развернуться и отдать ей Анисима.

Дарья скорбно наклонилась надъ ней и положила руку на плечо, но ничего не посмѣла сказать: пусть до конца изольется, пусть выплачетъ горе.

Всѣ сидѣли молчаливые, тяжелые. А солнце крыло раскаленнымъ одѣяломъ, и подъ нимъ становилось такъ душно, что хотѣлось уйти въ землю и отъ свѣта, и отъ зноя, и отъ этихъ могилъ. Велико было горе, но некогда было ему отдаваться. Между мертвецами и живыми вставала бездна, и чѣмъ выше поднималось солнце, тѣмъ чернѣй и глубже становилась пропасть, тѣмъ дальше и дальше уходили ея берега. Предстояло сдѣлать выборъ — перешагнуть черезъ могилы и дерзнуть идти въ пустыню или возвратиться къ гранямъ жизни.

Лошадей угнали. Уцѣлѣла Василисина рыжуха, но и та была исколота, изрублена. Воды и харчей оставалось такъ немного, что только дня четыре-пять можно было на нихъ продержаться. Все пропало вмѣстѣ съ лошадьми.

Хрисанфъ долго смотрѣлъ на песокъ и тяжело о чемъ-то думалъ, потомъ прошелъ глазами по всѣмъ лицамъ и остановился на Панфилѣ.

— Ну, Панкратычъ, сказывай, какъ помекаешь?

Голосъ былъ тихій и покорный. Панфилъ кроткимъ, но открытымъ и рѣшительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ кругомъ.

— Міромъ надо.

— Міромъ — это правильно. Вотъ и сказывай. Тебѣ начало класть.

— Говори, Панфилъ, — расклонился Назаръ, сдвигая на затылокъ кошомную шляпу.

— Говорить надо немного. Слова человѣческія, что песокъ въ пустынѣ: больше говоришь — глубже истину хоронишь.

Онъ помолчалъ, поправляя разбитую руку, оглянулся,

сдвинулъ брови, будто клалъ на вѣсы послѣднюю самую малую гирьку, и заговорилъ тѣмъ учительскимъ тономъ, къ которому привыкъ въ моленной.

— Господь насъ, братія, настигъ... не калмыки — Господь! Великое намъ испытаніе поставилъ. Такъ-то, разомъ, безъ искусу — гдѣ же! Пошелъ — и сразу все тебѣ открылось. Будто бы на пасѣку пріѣхалъ. Нѣтъ, ты огнемъ опали свою грѣшную душу, источи изъ сердца кровь, претерпи до конца... до конца претерпи!

Панфилъ возвысилъ голосъ.

— Безъ того нельзя помыслить! Страсти намъ Господь послалъ, большія страсти! А оно все къ лучшему. Къ лучшему, братія! Великое горе ниспослано. Душа-то пала, страхомъ убило ее. А это Господь намъ милости послалъ. Допустилъ, знать, до горна небеснаго, чтобы горемъ да слезами выжгли все поганое. Доброе это знаменье!

Хрисанфъ нетерпѣливо кашлянулъ и, глядя въ упоръ на Панфила, спросилъ громко:

— Значитъ, дальше пошли?

Панфилъ вздохнулъ.

— Назадъ-то некуда.

Хрисанфъ долго молчалъ, разсматривая каждую морщинку, каждый бѣлый волосокъ на лицѣ старика.

— А эти какъ? — показалъ онъ на бабъ. — какъ ты съ ними?

Назаръ совсѣмъ собрался сказать что-то свое накипѣвшее, но Иванъ перебилъ:

— Кого тамъ разговаривать! — выкрикнулъ онъ, вскакивая на ноги, — не пойдемъ никуда! Покуль цѣлы остались... куда еще? Дай Богъ выбраться!.. Баба у меня на сносяхъ ходитъ. Не пойду!

Акулина испуганно поглядѣла на Хрисанфа, а тотъ насупилъ брови.

— Молодой да шершавый! Помолчалъ бы, стариковъ послушалъ!

— Не пойду!

— Но, уймись-ли, чо-ли! — пригрозилъ Назаръ, вставая на колѣни.

— Ты, Панфилъ Панкратычъ, разбери теперь вотъ што! — волновался онъ, стараясь высказать набѣжавшія мысли: — коней-то нѣту, харчей-то — вотъ оно все тутъ, а

пески — конца имъ не видать. На смерть пойдемъ мы, Панкратычъ. Наказаніе, можетъ, и вправду намъ на милость, а только безъ харчей не пойдешь. Ну, куда безъ харчей?

Замолчалъ и, обтирая ладонью мокрый лобъ, взволнованно перебѣжалъ глазами по всѣмъ лицамъ. Ему казалось, что и словъ не сыщешь сказать убѣдительнѣй. Вѣдь такъ это просто, такъ понятно: нѣтъ харчей, нельзя идти.

Панфилъ, ни на кого не глядя, сказалъ тихо-тихо, будто самому себѣ:

— Близко тутъ.

Хрисанфъ прищурился.

— Докуда тутъ близко?

Но Панфилъ не отвѣтилъ.

— Вотъ чево, Панкратычъ!

— Сказывай.

— Не допустилъ Господь, наперекоръ идти намъ не съ руки. Вотъ оборотимся, да сызнова.

Панфилъ тяжело пересѣлъ съ ноги на ногу.

— Куда я? Мнѣ не обернуться. Я съ обѣтомъ.

Хрисанфъ начиналъ закипать.

— Обитель ты все... Гдѣ она? Кому указана? Надо до угодьевъ пробраться... Оттоль и къ обители можно...

— Нѣтъ, ужъ пойду, — спокойно отозвался Панфилъ.

Хрисанфъ насупился. Не могъ онъ, сильный и кипучій, выносить его голоса, такого кроткаго и тихаго, но всегда спокойнаго, рѣшительнаго.

— Такъ ты што тутъ? А? Хоронить всѣхъ хочешь? Разомъ што бы?

— Не кричи, Хрисанфъ Матвѣевичъ, — невозмутимо посмотрѣлъ ему въ глаза Панфилъ.

— Хоронить всѣхъ? Не пойдемъ! Вотъ до вечеру только, а потомъ одно намъ — назадъ подаваться. Назадъ! Доскребемся до горъ — значитъ, живы. Умирать не захочешь — дойдешь...

Дарья всхлипнула, взвыла:

— Выведи ты насъ, батюшка!—Она обернулась къ Хрисанфу и упала головой ему въ колѣни: — Выведи, Хрисанфъ Матвѣичъ! По гробъ, по конецъ своей жизни, вуду Бога молить... Пропадемъ мы тутъ... Разнесетъ, развѣетъ наши косточки.

Хрисанфъ не слушалъ.

— По мнѣ — этакъ, а тамъ какъ кому приглянется. Къ вечеру складаться...

Назаръ скорбно крутилъ головой.

— Ой да, и скажи, стряслось же! Вотъ напасть! А все Сенечка! Увязался, слышь, на грѣхъ, да на свою погибель. Вѣдь это что, скажи, выкинулъ! Съ ордой спознался! А?

— Собака драноглазая! — скрипнулъ зубами Хрисанфъ.

Онъ взглянулъ на могилу Бергала, вскочилъ, вырвалъ крестикъ, изломалъ и бросилъ.

— Крестъ! Куда ему съ крестомъ? Къ сатанѣ безъ креста хорошо... Колъ ему осиновый!

Панфилъ въ ужасѣ всталъ и, вихляясь на тонкихъ ногахъ, растопыривъ руки, бросился къ Хрисанфу.

— Што ты, што ты! Богородица съ тобой! Покойный онъ!

— Сенечка?! — дерзкимъ хохотомъ захохоталъ Хрисанфъ.

Старикъ, какъ стоялъ, уронилъ свои руки, ничего не могъ сказать и сѣлъ.

— Отвернулись! Уходятъ! Потерялъ былую силу. Ни словомъ, ни голосомъ ихъ не вернешь. Хрисанфъ теперь имъ сила. За Хрисанфомъ пойдутъ. Не отстать имъ отъ міра.

Онъ не слышалъ голосовъ за спиной и не видѣлъ, какъ прошелъ мимо Хрисанфъ. Голову тѣснили тяжелыя мысли, немощное тѣло побѣждало духъ. Передъ Панфиломъ поплыли въ волшебномъ маревѣ родныя горы, развернулись темные луга, напитанные влагой, напахнуло терпкимъ ароматомъ большетравья, и живой передъ нимъ стояла грязная деревня со знакомыми домами, съ моленной и гурьбой ребятишекъ на улицѣ. Спокойно тамъ, сытно... Все опять будетъ свое, родное. Примутъ съ радостью. Будутъ долго охать и разспрашивать, а тамъ пойдетъ постарому... Пасѣка брошена. Угодье-то какое! Лѣсу, лѣсу! А воды! И бѣжитъ она съ кручей, будто пѣсни поетъ. Не замолчитъ ни днемъ, ни ночью. И цвѣтовъ и травъ тамъ всякихъ! Красота Господня! Утромъ встанешь вмѣстѣ съ солнышкомъ, и нѣтъ тебѣ ни суеты, и не печали. На слезу позываетъ, какъ посмотришь. Молится каждая травушка,

стоитъ тихохонько, а молится. И лѣсъ, и горы, и букашка всякая, и солнышко — все смѣется ангельской улыбкой... День-деньской — по колодкамъ, а устали нѣту. Отъ пчелы отстать не хочется...

Панфилъ сидѣлъ, склонивши голову въ колѣни. Акулина, сама разбитая, пришибленная, не могла оторваться отъ Панфила. Она издали слѣдила за нимъ и жалѣла его женской, теплой жалостью.

— Одинъ! Куда онъ? Да и какъ съ нимъ? Умирать онъ собрался ужъ, што ли? На день, на два хватитъ, а тамъ сгинетъ... Можетъ быть, и передумаетъ? До вечера-то долго. Ой, дождаться бы только! Нѣту силушки сидѣть среди огня.

Солнце будто и не движется, остановилось въ небѣ. Акулина, спасаясь отъ жгучаго свѣта, прилегла на сумы и наглухо закрылась шалью. Господи! Да неужели же не выйдти! Не пожить въ деревнѣ по-людски, не походить за домомъ! Да вѣдь она бы избу-то держала, какъ игрушечку!.. Ванюшка хочетъ на полянкѣ выставить, за Иваномъ Елисѣичемъ, надъ самой рѣчкой. А на рѣчку—балконъ... расписной... Хозяйство сладить помаленьку. Все бы къ мѣсту, все въ порядкѣ. Мимо дому добры люди не прошли бы. Жить да радоваться... И вдругъ вспомнила... Ребенокъ! Замерла душа въ тоскѣ и сладкомъ трепетѣ. Словно съ жару студеной водой по спинѣ окатило. Промелькнуло то, какъ сказалъ Ванюшка: «баба у меня на сносяхъ ходитъ». И казалось, что это правда, что должно оно случиться скоро, что уже близко это страшное, великое, таинственное. Нѣтъ скорѣе, скорѣе! На деревню къ людямъ, въ свою избу!..

Акулина въ смятеніи откинула шаль. Солнце обожгло и ослѣпило ее, а въ его сіяніи стоялъ Панфилъ. Стоялъ безъ шапки, опустивши руки. Но это уже былъ не тотъ Панфилъ, что сидѣлъ на пескѣ безпомощный и немощный — сухое, длинное лицо его горѣло волей. Онъ стоялъ безъ движеній, безъ словъ, но по глазамъ, по каждой тонко-вырѣзанной складкѣ на лицѣ всѣ видѣли, что онъ рѣшился, что онъ остается одинъ, и никакія силы не вернутъ его.

XIV.

Вторыя сутки были на исходѣ, какъ Панфилъ все шелъ и шелъ. Море — озеро святое было близко. Когда солнце

накаляло и песокъ, и воздухъ, въ дальнемъ маревѣ вставали тѣнистыя рощи, и тогда Панфилъ съ новой вѣрой, съ новой силой смотрѣлъ въ сіяющее небо. Ему ночью было чудное видѣніе и онъ зналъ теперь дорогу. Въ котомкѣ у него лежала старая изъ старыхъ книгъ — благословеніе родителя, и съ этой книгой, вѣрилъ онъ, его пропустятъ. Книга правильная.

Плечи давитъ длинное, тяжелое ружье, горячимъ камнемъ налегла на голову пуховая шапка, ноги тонутъ, обрываются, скользятъ въ пескѣ, во рту давно ужъ сухо, глотку обжигаетъ съ каждымъ вздохомъ, по губамъ сочится кровь, а въ глазахъ нехорошо — темно и мутно. Но сквозь темь и муть опять маячатъ острова и рощи. Близко, близко! Только бы до берега! Припасть къ водѣ...

Но спустилось солнце съ неба — и пропали дивные лѣса...

Былъ третій полдень. И все также безъ границъ и безъ жизни разстилалась желтая пустыня. Панфилъ, маленькій, сгорбленный, переползалъ съ холма на холмъ, и высокое солнце видѣло лишь черную фигурку, въ безумствѣ борющуюся съ пустыней, да воробьиный дробный слѣдъ въ волнахъ песку.

Все медленнѣй и медленнѣй ползетъ безумецъ и вотъ-вотъ затихнетъ, остановится, и оборвется слѣдъ.

Панфилъ уже минутами не сознавалъ, идетъ ли онъ или стоитъ. Ему было все равно. Въ глазахъ потемнѣло. Лѣса ушли. И возроптала душа. Онъ давно уже бросилъ и ружье и кафтанъ, идетъ теперь, дѣлая послѣдніе шаги, чтобы пасть и не встать.

Совсѣмъ одинъ! Ушли! Теперь подходятъ къ первому колодцу. Жалость и боль за себя вызвали откуда-то послѣднія соленыя слезинки... Вспомнилось, какъ разставались.

Акулина подошла украдкой.

— Дѣдушка, пойдемъ ли, чо-ли... пропадешь тутъ. Гдѣ тебѣ?.. Послѣ... потомъ сходишь опять...

Сама плачетъ и хоронится, чтобъ не замѣтили.

До слезъ это тронуло. Не баба—золото. Сердце голубиное. Благословилъ ее горячей, старческой молитвой:

— Награди тебя Господи за доброту твою, за ласку...

Будто съ покойнымъ прощались, искушали сатанин-

скими рѣчами... Хрисанфъ не выдержалъ. Пойми его! Все бѣгалъ, рыкалъ, а какъ простились да ушли — вернулся. Далеконько были — прибѣжалъ.

— Ну, Панкратычъ, поднимайся. Будетъ! Ждутъ тамъ Безъ тебя не пойдемъ...

Ужъ не дьяволъ ли въ образѣ Хрисанфа? Сомустить хотѣлъ. Да не дался ему. Заклятіемъ великимъ отпугнулъ... Ушелъ ярый, съ богохульными словами...

И опять щемитъ сердце, да не осталось слезъ, все высохло.

— «Захотѣли бы, такъ на рукахъ силкомъ подняли... Лишній, вѣрно...»

Мысли путались и обрывались.

Вотъ опять! Опять видно! Панфилъ уже не вѣрилъ и остановился пораженный и испуганный: «Дьявольское навожденіе! Ничего тамъ нѣту. Дьяволъ путаетъ, глумится».

Но за ближнимъ длиннымъ гребнемъ встали темною каймой живые настоящіе лѣса. Нѣтъ, вотъ они, вотъ! А озеро!! Видно, какъ надъ нимъ повисли, опрокинувшись вершинами, высокія деревья. Вотъ когда оно открылось! Вѣрно, только такъ и можно подойти къ нему... Взропталъ! Не выдержалъ! Чуть не погибъ подъ самымъ берегомъ!

Панфилъ, спотыкаясь, добрелъ до холма и обезсилѣлъ. Подломились ноги, въ головѣ потемнѣло. Послѣднія силы убивалъ онъ, чтобы передвинуться вверхъ, и ползъ на острыхъ, высохшихъ колѣнкахъ, цѣпляясь пальцами за землю, будто сзади была пропасть.

Вотъ скоро, вотъ близко!

Выбрался на гребень... Страшно посмотрѣть... Глаза не открываются... Каждая жила струной натянулась, и поднялся онъ, словно выросъ изъ холма, во весь свой ростъ въ разорванной сѣрой рубахѣ, обтянутый по тонкимъ и длиннымъ костямъ задубѣвшей темной кожей... Открылъ глаза, всмотрѣлся..

Вплоть до свѣтлыхъ краевъ неба былъ песокъ... песокъ... песокъ...

И такъ же, какъ выросъ, ушелъ онъ въ холмъ. Палъ на землю и затихъ.

Но вѣрно, того только и ждало море-озеро святое. Подступило оно къ самому холму и открылось Панфилу

въ красотѣ своей великой съ островами, скитами и храмами. Ликующимъ, радостнымъ звономъ зазвенѣли, невидимые, по лѣсамъ и подъ водой колокола.

Подошла къ холму лодка.

Панфилъ ясный и спокойный поплылъ къ тихой обители.

Александръ Новоселовъ.

ЛѢСНОЙ ЖИТЕЛЬ.

(Быль-сказка).

I.

Пахомъ заткнулъ рукавицы за поясъ, огладилъ свою бурую лошаденку и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова. Дѣло было зимой; солнце свѣтитъ, да не грѣетъ: холодно.

Полемъ ѣхали. Дорогу снѣгомъ перемело, и кругомъ видны бѣлыя поля. А вдали лѣсъ синѣлъ.

Лошаденка шустрая, ногами работаетъ на совѣсть, старательная. Еще время къ полдню не подошло, въѣхалъ Пахомъ въ лѣсъ.

— Но ты, барыня! — весело крикнулъ онъ на лошаденку.

Та взмахнула хвостомъ, покосилась на Пахома.

Хоть день, а темно въ лѣсу, густымъ-густой стоитъ лѣсъ — хмурый.

А вотъ и полянка бѣлая, на полянкѣ остожье загорожено жердями, тамъ съ осени стогъ сѣна стоялъ, теперь нѣту, мужики все сѣно домой перевозили, а на снѣгу такъ, труха сѣнная осталась.

Только хотѣлъ Пахомъ закурить трубку, глядь, а изъ остожья какъ махнетъ какой-то огромный звѣрина, да прямо въ лѣсъ ударился.

— Ахъ, ты, Господи! — заоралъ Пахомъ. — Да вѣдь это сохатый, лось... Батюшки свѣты, а? Тьфу ты!.. Вотъ кабы ружье-то, а?!

Едва вымолвилъ онъ это, смотритъ — въ остожьи, на сѣнной трухѣ маленькій сохатенокъ лежитъ, парокъ отъ него теплый вьется.

Пахомъ бросилъ вожжи, къ остожью прыгъ, да сохатенка и облапилъ.

— Ишь ты, должно, только что родился... дите лѣсное...

Сохатенокъ смирный, не больше теленочка, сначала

побрыкался, потомъ притихъ, губами къ Пахому тянется — «покорми, дескать» — а глаза черные такіе, хорошіе...

Обрадовался Пахомъ:

— Вотъ счастье-то, батюшки мои... Вотъ счастье-то привалило. Увезу домой, выкормлю...

Пахомъ отладилъ его и призадумался, какъ же быть-то? Ежели сразу положить его на сани, да домой — дровъ не привезешь, баба заругается. Ежели начать дрова рубить, съ часъ времени пройдетъ, сохатенокъ безъ матки замерзнетъ...

— А вотъ я какъ...

Пахомъ быстро сбросилъ съ себя зипунъ, да на сохатенка и надѣлъ: переднія ноги въ рукава вставилъ, а полы запахнулъ на спинѣ и подъ брюхомъ подпоясалъ кушакомъ, да и положилъ сохатенка на бокъ:

— Ну, звѣренышекъ лѣсной, поляживай-ка со Христомъ... А мы съ Буркой живо справимъ дѣло. да и въ деревню тебя отвеземъ...

Сохатенокъ лежитъ на боку, мычитъ, переднія ножки въ рукавахъ, какъ въ брюкахъ.

Мужикъ улыбнулся, сдернулъ съ головы шапку, да сохатенку низкій поклонъ отвѣсилъ, будто своему первому другу-пріятелю:

— До свиданьица, Звѣрь Иванычъ, до свиданьица! — и захохоталъ отъ радости.

Да какъ же и не захохотать, да вѣдь кладъ въ руки дался, вѣдь этакая находка, его съ годикъ продержать, да заколоть ежели — надолго мяса хватитъ, а нѣтъ, такъ въ городъ продать какимъ господамъ для интереса, громадныя деньги дадутъ. Да и Тереха, парнишка его, ужо какъ радъ будетъ — товарища привезъ...

Пахомъ нахлобучилъ шапченку, да бултыхъ въ дровни:

— Но ты, квашня! помахивай!

Лошаденка припустилась во весь махъ, а Пахомъ съежился, дрожитъ, потому — морозъ, въ одной рубахѣ-то не жарко.

Онъ пріѣхалъ на свою дѣлянку, въ свой лѣсокъ и принялся топоромъ орудовать. Только щепки полетѣли, по лѣсу стукъ пошелъ, закряхтѣли сосны да березы, закачались, съ трескомъ на землю попадали. А Пахомъ покрикиваетъ:

— Дуй, не стой!.. Выручай, топорикъ-батюшка, рработай!

Отъ натуги мужика въ потъ бросило: сорвалъ шапку, поддѣлъ въ пригоршни снѣгу, да ну снѣгомъ лицо натирать. Третъ да прикрякиваетъ:

— Вотъ добро, вотъ сладко... — Лицо у Пахома прямо пышетъ, ядреное такое, красное. Опять за топоръ, ужь охапокъ пять дровъ накаталъ: —Рруби, Пахомъ, орудуй! — самъ на себя кричитъ.—А то какъ бы нашъ теленочекъ-то не тово.. не этово...

Наложилъ мужикъ цѣлый возъ дровъ, только въ передкѣ мѣсто для сохатенка, для лѣсного жителя оставилъ, и поѣхалъ обратно. А морозъ крѣпчать началъ, пришлось Пахому пѣшкомъ брести, а гдѣ такъ и въ припрыжку, потому холодомъ охватывать его стало. Ну, да ничего, дома въ банькѣ попарится, здоровье у Пахома крѣпкое, да и мысли веселятъ: вотъ-вотъ и остожье покажется.

— Ага... эвона, — сказалъ Пахомъ, обогналъ лошадь и побѣжалъ къ остожью.

— Батюшки свѣты, батюшки! — взвылъ у остожья Пахомъ.

— Да гдѣ-жъ онъ, варнакъ? Да куда-жъ это онъ, шельма, дѣлся-то?.. А?!

Нѣту сохатенка... Обѣжалъ Пахомъ остожье — нѣту! Онъ туда, онъ сюда, нѣту, какъ сгинулъ. Такъ въ зипунѣ и удралъ, видно, матка въ лѣсъ увела... И кушакъ съ собой унесъ.

Пахомъ чуть не плачетъ:

— Мазурики и больше ничего... Кругомъ обворовали... Какъ теперича будетъ десять верстъ въ рубахѣ-то бѣжать? Что теперича я бабѣ-то своей скажу? Вѣдь она меня живьемъ сожретъ...

А и вѣрно: баба у него, тетка Матрена, очень строгая, хоть росту небольшого, но на руку ерзкая: чуть что не по ней, живо въ бороду...

— Замерзну... вотъ те Христосъ, замерзну... Тьфу ты!— Онъ погрозилъ кулакомъ. — Ну, погоди... Попадись ты только мнѣ... А еще укрылъ его, ножки въ рукава, кушачкомъ подпоясалъ, какъ порядочнаго человѣка, а онъ вотъ какъ меня отблагодарилъ.

Пахомъ всю дорогу грѣлся — вприпрыжку, да бѣгомъ, встрѣчные окликали:

— Ты чего бѣжишь въ рубахѣ?.. Не лѣсовикъ ли напужалъ?

Но Пахомъ отмалчивался, только рукой махалъ. А тутъ вѣтеръ поднялся. Пахому невтерпежъ стало: онъ попридержалъ лошадь, вытрясъ изъ мѣшка сѣно, прорубилъ въ днѣ мѣшка три дыры, для головы да для рукъ, напялилъ на себя мѣшокъ и явился домой къ строгой своей хозяйкѣ, вродѣ гороховаго пугала. Онъ весь дрожалъ со страху и отъ холода.

II.

Такъ оно и есть. Лишь показался Пахомъ въ дверь, Матрена уставилась на него и крикнула:

— Это что за чучело?! А гдѣ зипунъ?

— Зипунъ? — переспросилъ Пахомъ виновато. — Зипунъ тамъ...

— Это гдѣ же тамъ?! А кушакъ?

— Кушакъ? — вновь переспросилъ Пахомъ и почесалъ за ухомъ. — И кушакъ тамъ...

— Да ты никакъ, соколикъ, пьяный.

— Что ты, сдурѣла?.. Неужто буду я о великомъ посту пить... Обворовали меня... обчистили...

— Какъ такъ? Кто же это?

— Кто... извѣстно, кто... Сохатенокъ съ маткой, съ сохатихой...

Тогда Матрена испугалась, она подумала, что Пахомъ сошелъ съ ума и разную чепуху городитъ. У ней подкосились ноги, она грузно шлепнулась на лавку и всплеснула руками:

— Мать владычица!..

Пахомъ тоже перепугался, тоже сѣлъ и сталъ стаскивать съ себя мѣшокъ.

— Ооей... Терешенька, сударикъ... Тятька-то нашъ съ ума сошелъ, — завыла баба.

А паренекъ Тереха на печи лежалъ, спать укладывался. Онъ приподнялся ,уставился глазами на тятьку и закричалъ благимъ матомъ.

— Цыть! — цыкнулъ Пахомъ. — Чего безъ толку гвалтъ подняли?.. Чего вы живьемъ-то меня хороните?.. Ни-

когда я съ ума не сойду, а случилась со мной комиссія, вотъ и весь сказъ... Слушайте...

Матрена утерла глаза фартукомъ, замолчала, Тереха тоже примолкъ, онъ даже улыбнулся и съ нетерпѣніемъ приготовился слушать тятьку.

— Дивное дѣло со мной стряслось... — началъ Пахомъ и покарабкался къ Терехѣ на теплую печку грѣться.

Тереха еще больше обрадовался, тятенькѣ возлѣ себя мѣсто расчистилъ, онучи въ уголъ сбилъ, тулупчикъ разостлалъ, чтобъ спину не пропекало, кота карноухаго межъ собой и тятькой положилъ, пусть и котъ Епишка послушаетъ тятенькину рѣчь. А Матрена гнѣвъ на милость сложила, у самовара возится, посудой чайной побрякиваетъ.

— Ну, теперича слухайте, какъ меня лѣсной житель околпачилъ, — сказалъ Пахомъ, затянулся трубкой и все пересказалъ, какъ было.

— Ахъ, ты дуракъ, ты дуракъ, — вдругъ раздался злой голосъ Матрены... — Такъ тебѣ, болвану нечесаному, и надо.

— Ну, а какъ же мнѣ?..

— Какъ же! — крикнула Матрена и постучала въ полъ клюкой. — Да ты бы его за ногу къ тычкѣ привязалъ...

— Да вѣдь... кабы знато, да вѣдомо, — оправдывался мужикъ...—Я отъ всей души, дай, думаю, обогрѣю Божью тварь, а онъ, видали, каку комедь со мной сыгралъ, а?

— Вотъ и ходи теперича въ моей кофтѣ... Козья борода...

Тутъ Тереха вступился за тятьку, жалко стало:

— Ты, маменька, не серчай... Пожалуста, не серчай... Я завтра утречкомъ сохатенка разыщу... Надѣну лыжи, да палку возьму, да два камня.. Еще съ собой Пестрю возьму, да кота мурлыку... Мы его живымъ заграбастаемъ...

— Поди, поди, сунься... Зайцы-то тебя залягаютъ, — подтрунивала надъ Терехой Матрена.

— А я зайцамъ хлѣбушка дамъ... не тронутъ...

Матрена поставила на столъ самоваръ и крикнула:

— Эй, мужики, идите чай пить!

Терехѣ пріятно было, что его мужикомъ назвали, но ему не хотѣлось слѣзать съ печки: угрѣлся, хорошо, духовито здѣсь, да и котъ мурлычетъ, трется карноухимъ лбомъ, гла-

зами въ темнотѣ поблескиваетъ ,сказку на разные лады ведетъ: курлы-мурлы.

Большіе чай начали пить, ржаными сухарями похрустываютъ, сахаромъ пощелкиваютъ. Надо бы и Терехѣ чашечку-другую опрокинуть, да не охота съ печки лѣзть. На печкѣ тепло, угрѣвно, котъ карноухій лапками перебираетъ, впускаетъ острые коготки въ Терехину рубаху, Тереха гладитъ кота встрѣчь шерсти, а шерсть у кота блеститъ, синимъ огнемъ переливаеся: курлы-мурлы, мурлы-курлы...

Въ избѣ потемнѣло, керосинъ, что-ли, выгорѣлъ, и чай пить бросили, пересталъ самоваръ попискивать, тихо стало, спать, что ли, улеглись.

А шерсть на кошачьей спинѣ свѣтится, а желтые глаза искрами полыхаютъ... Да ужъ котъ ли это?

— А кто же? Знамо, котъ, курлы-мурлы, — отвѣтилъ котъ по-человѣчьи.

— Нѣтъ, ты не котъ, — сказалъ Тереха.

— Нѣтъ, котъ.... Только колдовской... Я желаю съ тобой въ лѣсъ идти... Я желаю съ тобой лѣсного жителя ловить... Курлы-мурлы...

— Ой-ли?.. врешь?

— А вотъ онъ!.. Видишь!—крикнулъ котъ. — Гляди: вонъ онъ у сосны стоитъ, спину объ сучекъ чешетъ... Въ хозяйскомъ зипунѣ и кушакомъ зеленымъ подпоясанъ.. Ползи!

Тереха палъ на брюхо въ мураву траву и поползъ къ сохатенку.

Тереха ползетъ, а карноухій котишка съ дерева на дерево, какъ летяга-бѣлка, скокъ да скокъ.

— Вотъ онъ! Имай скорѣе! — мяукнулъ съ сосны котъ.

Тереха цопъ за кушакъ:

— Стой, не вырвешься! — да конецъ кушака-то вокругъ дерева и обвернулъ.

— Ну, здравствуй, лѣсной житель, — весело сказалъ Тереха и подбоченился.

— Здравствуй, — отвѣтилъ сохатенокъ и всталъ къ нему мордой.

— А ну-ка, вытряхайся изъ тятенькинаго зипуна... Ишь ты... — погрозилъ Тереха пальцемъ.

— А вотъ и не вытряхнусь... — отвѣтилъ сохатенокъ.

— Ну, тогда пойдемъ къ тятькѣ...

— А вотъ и не пойду.

Тереха задумался и сказалъ:

— Ну-къ я мамынькѣ пожалуюсь... Она тебя по башкѣ ухватомъ...

— А я мамыньку твою съѣмъ и тебя проглочу...

Тереха повѣрилъ, сѣлъ на кочку и заплакалъ.

Плачетъ, да носомъ пофыркиваетъ, плачетъ, да ротъ кривитъ.

— Ишь, рюмы-то распустилъ, — вразъ сказали и котъ и сохатенокъ. — А еще парнишка... Хуже всякой бабы...

Тогда Тереха плакать пересталъ и утеръ носъ рукавомъ рубахи.

— Кысъ-кысъ-кысъ, — поманилъ онъ кота-мурлыку.

Тотъ, хвостъ трубой, подошелъ къ парнишкѣ и прищурилъ глаза по хитрому.

— Слушай-ка, Тереха, — сказалъ котъ и облизнулся, словно послѣ сметаны. — А давайте-ка всѣ трое въ лѣсу жить... Чего намъ...

Терехѣ это понравилось. Онъ улыбнулся, а потомъ сказалъ:

— Да-а-а... А ежели вы убѣжите?.. У васъ по четыре ноги, у меня только двѣ... Не догнать мнѣ...

— Ну, объ этомъ не горюй, — мяукнулъ котъ. — Защурься!.. Я тебя заворожу.

Тереха защурился, а карноухій котъ Епишка зафурчалъ, напыжился, да какъ плюнетъ на Тереху. Тереха вздрогнулъ, перевернулся черезъ голову, глядитъ: вотъ такъ чудо! и самъ сохатенкомъ сталъ.

— Батюшки-свѣты! — крикнулъ Тереха... — Глядите-ка: вѣдь я тоже лѣснымъ жителемъ сдѣлался.

— Ну вотъ, братишка, — сказалъ сохатенокъ въ зипунѣ,—такъ ты моимъ братишкой и зовись, а я буду тебя лѣснымъ штукамъ обучать. Пойдемъ обѣдать.

— Какъ я буду обѣдать, — изумился Тереха, — ежели у меня ни рукъ, ни ложки нѣтъ?

— Вотъ, дурной... Мы прямо ртомъ ѣдимъ... Мохъ да траву, да листочки съ дерева...

— Ну, а я, ребята, буду васъ стеречь отъ охотниковъ, да отъ медвѣдей, да отъ собакъ съ волками, — сказалъ, котъ; онъ задралъ хвостъ трубой, вмигъ вскарабкался на вершину дерева и крикнулъ внизъ:

— Идите, ребята, въ праву руку, тамъ мхи хорошіе. А возлѣ мховъ солонцы вкусные, а возлѣ солонцовъ свѣтлая рѣчка течетъ... Мнѣ сверху-то хорошо видать...

— Вотъ добро, — сказалъ Тереха, — тамъ и чайкомъ можно побаловаться, у рѣчки-то...

Но лѣсной житель лягнулъ его легонько розовымъ своимъ копытцемъ и сказалъ:

— Какія неразумныя твои слова. Ни чаевъ, ни сахаровъ мы не признаемъ — хрустальной водой только пользуемся.

— Угу, — сказалъ Тереха и побѣжалъ вслѣдъ за сохатенкомъ.

Вотъ пришли они на моховое мѣсто... Господи, Боже мой, какихъ только мховъ тутъ нѣту! И сѣдые, словно крытые инеемъ, и зеленые, и черные какъ сажа, и алые, и словно васильки, свѣтло-синіе, ну, чисто дѣвья шаль съ разводами. Надо ѣсть, а тутъ глазъ не оторвешь, да и очень ужъ мягко ногамъ ступать, такъ бы и легъ, съ часочекъ повалялся бы.

— Я те лягу... Щипли, знай... Ночью полежишь! — сказалъ котишка. — Я, братъ, все понимаю, о чемъ ты думаешь.

Тереха наѣлся моху до отвалу, ажъ бока раздуло, а зипунъ на сохатенкѣ-товарищѣ по всѣмъ швамъ началъ потрескивать.

Ш.

— Ну, теперь айда на солонцы!..

Сохатенки побѣжали по лѣсу. Бѣгутъ, свѣжіе листочки съ деревьевъ обрываютъ, лакомятся.

А котъ сверху крикомъ кричитъ:

— Стой! Зачѣмъ вдоль изгороди ударились?... Вѣдь тутъ погибель, вѣдь это охотники подстроили. Вотъ, идитека за мной шажкомъ.

Котъ соскочилъ на изгородь, изогнулся весь, поточилъ когти и пошелъ мягкой ступью по жердямъ... Идетъ, мягко выступаетъ, жмурится, пѣсни поетъ: курлы-мурлы, а самъ зорко желтыми глазами землю осматриваетъ.

Вдругъ:

— Стой! — скомандовалъ котъ.

Сохатенки остановились, на кота уставились. Котъ на землю прыгъ и говоритъ:

— Вотъ, учитесь, ребята... Глядите: изгородь дальше идетъ?

— Идетъ.

— Тропинка вдоль изгороди вьется?

— Вьется.

— Что-жъ вы безъ меня такъ прямо и пошли бы?

— Прямохонько, вдоль изгороди.

— Ну, въ такомъ разѣ — дурни!

Котъ осторожно прошелъ впередъ по тропинкѣ, такъ, съ сажень не больше, и остановился:

— Вотъ, я прошелъ, потому что вѣсъ во мнѣ легкій — три фунта шесть съ половиной золотниковъ. А вы пойдете — сразу провалитесь, потому что тутъ яма, и охотникамъ на жареное попадетесь.

У Терехи со страху дыбомъ поднялась вся шерсть.

— Не бойся, я не выдамъ, — успокоилъ котъ. — Ну-ка, глядите... Видите, это мѣсто надъ ямой кой-какъ прутиками забросано, да жердями перекрыто, да мохомъ уложено, чтобы не такъ замѣтно? Ну те-ка, глядите-ка.

Котъ надулся, натопорщился, да какъ фыркнетъ: всѣ прутья, всѣ жердочки, весь мохъ прочь улетѣли, и открылась глубокая, въ сажень длиной, въ сажень шириной, въ сажень глубиной ямища.

Оба сохатенка въ сторону отскочили и замычали, какъ телята.

— Ничего, братцы, подходи, я разсказывать вамъ буду, —сказалъ мудрый котъ.

Онъ сѣлъ на пень, хвостъ въ мохъ спустилъ, пошевелилъ во всѣ стороны ушами, нѣтъ ли, дескать, медвѣдя близко, и, не торопясь, началъ, словно бы учитель въ школѣ:

— Эта тропочка, братцы мои, идетъ отъ солонцовъ къ рѣчкѣ. Ну, звѣри покушаютъ на солонцахъ соленыхъ кореньевъ, знамо дѣло, жажда долить начнетъ... Вотъ и идутъ звѣри прямой дорогой къ рѣчкѣ. Такъ тропу и проторили. Вотъ охотники возьми, да и наткнись на эту тропу. «А-а-а, вотъ оно что, звѣрючья дорожка», — сказалъ охотникъ, — ну-ка, я ихъ хитростью возьму». И сталъ вдоль тропинки изгородь ладить, чтобы звѣрь въ сторону съ тропы не свернулъ. А посередкѣ, на самомъ ходу тропу-то и перекопалъ ямой, да яму-то сверху закрылъ, чтобъ не видно было.

Ну, знамо дѣло, звѣрь, какъ захочетъ пить, айда по тропинкѣ къ рѣчкѣ да въ яму бухъ! Скокъ, скокъ, да гдѣ тутъ, развѣ выпрыгнешь узко. Пробуетъ землю рыть — не тутъ-то было, охотникъ въ яму, какъ въ колодезь, срубъ бревенчатый опустилъ.

Котъ вдругъ оборвалъ разсказъ и крикнулъ:

— Эй ты, Тереха-сохатенокъ! Ты что ушами хлопаешь, надо слушать, что я говорю!

— Да я грибъ нашелъ... Хотѣлъ мамынькѣ снести, да ни кармана, ни корзины нѣту...

— Какой мамынькѣ?! — осерчалъ котъ и сталъ бить себя по бокамъ хвостомъ. — Эти глупости надобно забыть Брось!.. Слушай!

Тереха застыдился.

— Ну, такъ вотъ, — сталъ продолжать премудрый котъ. — Бьется-бьется сохатый въ ямѣ, устанетъ. День стоитъ, ночь стоитъ, реветъ на весь лѣсъ, мучается, копыта всѣ расшибетъ о срубъ, кровь изъ копытъ сочится. Еще день стоитъ, еще ночь, другой разъ такъ отъ голода, да отъ горя и умираетъ. А то вдругъ услышитъ: собака взлаяла. Эхъ, замретъ сердце у бѣдняги. А собака ближе, ближе, вотъ и голосъ человѣчій — злой человѣкъ идетъ, охотникъ. Подойдетъ охотникъ, заглянетъ... Сейчасъ ружье съ плеча долой, у сохатаго вся шкура со страху задрожитъ, сердце обомретъ, на глазахъ слезы выступятъ: «Неужели, дескать, ты меня загубишь?»

— А куда же охотнику сохатый?

— Ха, чудаки какіе! Изъ шкуры очень хорошіе нагольныя рукавицы выдѣлываютъ, шерстью для городскихъ жителей матрасы набиваютъ, а изъ мяса щи варятъ. Сало — какъ сливочное масло, просто прелесть, на немъ тунгуски да и русскія бабы оладьи жарятъ. А самое вкусное — это сохатиныя вареныя губы. Мужики сильно одобряютъ, да и я какъ-то о Пасхѣ съ блюда добрый кусокъ утянулъ.

При этихъ словахъ котъ сладко зажмурился и облизнулся.

Даже пріятно вспомнить, — добавилъ онъ и замурлыкалъ пѣсню.

Мурлыкалъ, мурлыкалъ, да и заснулъ.

А озорница бѣлка сидѣла въ это время на вершинѣ кедра, держала въ лапкахъ кедровую шишку и зубами выко-

лупывала орѣхи. Она наморщила носъ, чтобы усы подались въ сторону, а то смолой запачкаешь — не отмоешь. Съ утра ѣстъ, наѣлась досыта, но орѣхи въ шишкѣ очень крупные, бросить жаль. Она набиваетъ ихъ за обѣ щеки про запасъ. Отъ этого щеки у ней оттопырились, а мордочка стала круглая, какъ картошка. Она все сверху видѣла.

— А котъ-то задремалъ, — пропищала тихонько бѣлка, не разѣвая рта, чтобъ не выпали орѣхи. — Ужо-ка я его...

Скокъ-скокъ, съ сучка на сучокъ, и начала внизъ головой бѣгомъ по дереву спускаться. Добѣжала до послѣдняго сучка, что надъ самымъ котомъ свѣсился, посмотрѣла на него, опять сказала:

— Спитъ. — Да какъ прыгнетъ ему на спину, да обратно по лѣсинѣ вверхъ.

— Ай! — закричалъ во всю мочь котъ и кувырнулся съ пня. — Ай-ай, охотники! Пулей меня навылетъ прострѣлили!

Сохатята въ сторону шарахнулись. А котъ имъ:

— Стой, куда вы? — Онъ отвернулся отъ сохатятъ, ужъ очень стыдно сдѣлалось — и тихонько проговорилъ:

— Это, должно быть, меня сова уклюнула, либо сонъ приснился.

Ну, бѣлка отъ хохота чуть не околѣла. До того надъ котомъ-засоней смѣялась, что чихать начала и всѣ орѣхи изъ-за щеки просыпала.

IV.

— Вотъ что, ребята, поѣдемте дальше, — велѣлъ котъ и пошелъ по извилистой тропинкѣ.

Долго ли, коротко ли шли они лѣсомъ, и выбрались на пригорокъ, на прогалысинку. Она вся истоптана, а кой-гдѣ легонькимъ налетомъ соли покрыта, словно инеемъ, соль сквозь земли отъ жаровъ проступаетъ.

Тереха-сохатенокъ лизнулъ — вкусно, и догадался, что это солонцы. По окраинамъ блеклая травка была, торчала сѣдыми кустиками.

— А отчего это земля изрыта? — спросилъ онъ кота.

— Не изрыта, а исчавкана... Звѣрье соль страсть какъ любятъ, вотъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ землей. Погодите-ка, сколько ихъ нахлынетъ. А мы, коты, народъ очень благо-

родный, образованный и этой глупостью не занимаемся, — сказалъ важно котъ. — Ну, лежите, а я пойду къ завтраку себѣ птицу изловлю. Видалъ я, молоденькія куропаточки бруснику недалечко поклевываютъ, ужо-ка я...

И ушелъ.

Сохатята долго лизали соль, траву просоленую ѣли, землю чавкали.

— А что же никакихъ лѣсныхъ жителей не видно? — спросилъ Тереха своего товарища. — Котъ навралъ, должно быть?

— Извѣстно, навралъ, — отвѣтилъ сохатенокъ.

Но въ это время вышелъ изъ лѣсу, облизываясь, котъ. Брюхо у него было толстое — наѣлся.

— Вы чего, ребята, объ лѣсныхъ жителяхъ заскучали, что ли?.. Ужо, погодите, я сейчасъ стану гостей замывать. Живо прибѣгутъ.

Котъ сѣлъ на кочку и принялся лизать лапу. Лизалъ, лизалъ, да за ухо. Какъ мочалкой третъ тамъ. Теръ, теръ, да снова лизать. Сидитъ, умывается.

Вдругъ, откуда ни возьмись — козелъ, за нимъ другой. Да не такіе, что по деревнѣ ходятъ, а съ огромными крутыми рожищами, а бородки у нихъ чуть-чуть.

— Зачѣмъ же такія рожищи у васъ, дяденьки? Сами вы небольшіе, а рожищи — страсть? — спросилъ Тереха козловъ.

Но тѣ фыркнули на Тереху и ни слова не сказали. Зато котъ сказалъ:

— Эти жители называются горные козлы. Тутъ каменныя высоченныя горы недалеко. Когда охотники загоняютъ козла на гору, на такую скалу, что ужъ оттуда никуда не дѣться, вотъ козелъ высмотритъ подъ собой каменную приступочку и, недолго думая, кувыркъ внизъ башкой. Да чего тутъ толковать! Вѣдь такъ складно не разскажешь. Ужо-ка я велю ему представить... Эй, дяденька-козелъ. Ну-ка покажи, сдѣлай милость, свою козлиную повадку.

— А гдѣ гора? Я бы показалъ, — подошелъ къ коту козелъ и тряхнулъ бороденкой.

— Гора? А вотъ гора — указалъ котъ лапой.

И вѣрно — вдругъ гора передъ ними выросла.

— Ого, — сказалъ козелъ и чуть попятился отъ кота-мурлыки. — Да ты, я вижу, котъ не простой.

— Я котъ сибирскій, ростъ богатырскій. Ну-ка, козья борода, полѣзай, благословясь.

Козелъ прыгъ-прыгъ-прыгъ, живо на самую маковку горы забрался, такъ, вродѣ маленькой собаченки сталъ оказывать.

— Бултыхайся! — закричалъ ему котище.

Козелъ выбрался на самый обрывъ, что и стоять то страшно, намѣтилъ внизу рожищами мѣстечко, да какъ ринется, хлопъ на рога, ажъ искры изъ каменьевъ высѣкъ, ажъ на сажень кверху подскочилъ, какъ мячъ, да опять на рожища палъ, да опять отпрыгнулъ. Потомъ зашатался и легъ.

— Ишь, какъ ему башку-то обноситъ, — объяснилъ котъ. — Кровь къ головѣ то прилила, округовѣлъ маленько.

А козелъ, знать отлежался, вскочилъ, да вприскочку, съ вывертомъ, забавно такъ, подбѣжалъ къ коту и что-то не по-русски проблеялъ.

— Ишь ты, — улыбнулся котъ, — даже говорить разучился... Ничего, пройдетъ.

Пока Тереха глазѣлъ, разиня ротъ, вся поляна звѣрьемъ покрылась.

— Охъ, сколько много ихъ пріѣхало! — удивился Тереха.

Тутъ и сохатые, и олени, и козлы, даже одна заблудящая коровенка откуда-то взялась. Прямо черно отъ нихъ.

Долго любовался Тереха на сохатыхъ. Вотъ такъ штука — раза въ два больше коровы, а рога у нихъ словно кусты, съ широкими, какъ тятькины ладони, отростками.

— Эй, православные... Подходи сюда, подходи... Буду рѣчь держать, — услыхалъ Тереха зычный, какъ изъ мѣдной трубы, голосъ и побѣжалъ вмѣстѣ со всѣми на середку, а тамъ, на самомъ пригорочкѣ, большой-пребольшой сохатый стоитъ, должно быть, старый — шерсть съ просѣдью.

— Вотъ что, ребята, — прогудѣлъ онъ. — У насъ съ сохатихой, съ хозяйкой моей, дите наше затерялось. Сдѣлайте такую Божескую милость, помогите отыскась. За угощеньемъ я не постою, ведра три пива выставлю, а ребятамъ мятныхъ пряниковъ въ городѣ куплю.

Тереха сглотнулъ слюну и поближе продвинулся, чтобъ послушать.

— А было дѣло такъ, — началъ сохатый и поднялъ

голову, отъ этого рога легли ему на спину, будто срубленныя лѣсины. — Паслись мы вдвоемъ съ сохатихой, жировали, жиръ копили себѣ. А сохаткѣ-то время телиться подходило. Ну, извѣстное дѣло, я за бабкой въ деревню побѣжалъ, за повитухой. Бабки не засталъ, на человѣчьи именины, что-ли, говорятъ, уѣхала. Я назадъ, а навстрѣчу мнѣ, чую, сохатиха мчится. Бѣжитъ, мычитъ, а сама горькими разливается: «И чего ты, говоритъ, старый пень, ушелъ? А я безъ тебя отелилась на остожьѣ сохатеночкомъ. Да только управилась, глядь, мужикъ ѣдетъ дрова рубить. Я испугалась, убѣжала — баба такъ баба и есть. Жуть на меня напала. А какъ вернулась, гляжу, сыночекъ мой въ зипунѣ мужичьемъ на боку лежитъ. Ну, я позвала его, пошли мы. Только отошли — глядимъ, парнишка, мужичій сынъ по травѣ ползетъ, крадется. А по вершинамъ колдовской котъ сибирскій прыгаетъ. Я того пуще испугалась, да къ тебѣ». — Вотъ какъ моя старуха обсказала, — закончилъ сохатый и крикнулъ: — Такъ, что-ли, бабка?

— Такъ, такъ, — промычала сохатиха, откуда-то изъ подъ горы.

— Съ того самаго дня бродимъ мы, бродимъ, не можемъ сохатенка разыскать, — печально проговорилъ сохатый и низко опустилъ голову.

— А тутъ какой-то путался въ зипунѣ, — проблеялъ козелъ.

— Да, да... И мы видали, — закричали жители, — да вотъ онъ... Эй, дьяконъ, выходи!

Всѣ захохотали и уставились на сохатенка въ зипунѣ. А тотъ хвостъ поджалъ, да тихонько такъ, по виноватому, трухъ-трухъ къ батькѣ.

— Тятенька, я здѣся.

Сохатиха подбѣжала, обнюхали съ сохатымъ сохатенка.

— Онъ самый, — сказала сохатиха.

— Нѣтъ, это пьяница какой-то, — усумнился сохатый и спросилъ по-строгому: — Кто тебя такъ вырядилъ, сказывай?!

— Пахомъ меня... дядя Пахомъ...

— Пошто къ намъ не бѣжалъ, сказывай!

— Это котъ меня... дяденька котикъ меня увелъ...

Тогда сохатый продулъ ноздри и на весь лѣсъ крикнулъ:

— Подать сюда кота! Живого или мертваго! Я его копы-

тами растопчу. Я ему покажу, какъ маленькихъ съ пути сбивать, колдовскимъ дѣламъ учить...

И всѣ звѣри закричали, ажъ отъ рева лѣсъ завылъ:

— Ищите кота! Мы его забодаемъ. Мы его съ горы... Въ пропасть спустимъ... Мы его... Мы ему...

Вотъ начали кота искать. Нѣту кота. Сбились искавши — не нашли.

— Ну, хитеръ, собачья шерсть, удралъ, — сказалъ сохатый. — Эй, товарищи, подсоби-ка съ сынишки эту рвань сбросить. Ишь онъ, быдто, что въ штанахъ...

Подбѣжали жители зипунъ срывать. И Тереха сохатенокъ подбѣжалъ. Кто рогами, кто зубами — живо распоясали.

Хвать — а въ карманѣ котъ прячется. Онъ все слышалъ и со страху въ зипунъ залѣзъ.

— А, эва онъ! — крикнулъ сохатый.

И всѣ звѣри закричали:

— Эва онъ, эва!.. Имай, хватай, держи!

— Стой, лѣсные жители! — не своимъ голосомъ заблажилъ котъ. — Я вижу!..

— Что ты, карноухій, видишь?

— Вижу! Сюда бѣда идетъ.

— Какая бѣда?

— Охотники на лыжахъ съ собаками.

— Чего мелешь? Какія лыжи, когда лѣто?! — всѣ наставили на кота рога.

— Стой! — вновь крикнулъ котъ. — Нѣшто не видите — снѣгъ валитъ?

Глядитъ — и вѣрно: бѣло кругомъ стало, а снѣгъ такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ.

— Убѣгай, жители, — скомандовалъ мудрый котъ Епишка. — Насъ мужики окружили, убѣгай!

Звѣри прислушались, всхрапнули, паръ изъ ноздрей струйкой вылетѣлъ, положили на спину рога и ну по сугробамъ пороть.

— Убѣгай, убѣгай! — стоналъ лѣсъ отъ рева, отъ топота.

— Убѣгай, кто куда, — громче всѣхъ кричалъ старый сохатый. — Да въ кривули бѣги, въ кривули! Петли дѣлай, чтобъ слѣды скрыть!.. Слѣды... Слѣ-ды-ы...

V.

Тереха перепугался, одни съ карноухимъ Елишкой остались, а промежъ деревьевъ и впрямь охотники замелькали, изъ ружей грохать начали, лѣсъ того больше взбудоражился, грохъ, да грохъ, такъ и катитъ изъ конца въ конецъ.

— А ты чего? — заругался котъ. — Хочешь, видно, мужикамъ на варево попасть?

Онъ вскочилъ Терехѣ-сохатенку на спину, вцѣпился въ шерсть и крикнулъ:

— Ну, бѣги проворнѣй! Я на тебѣ поѣду.

Тереха вильнулъ хвостомъ и понесся по сугробамъ. А сугробы высокіе, бѣжать трудно, неподатливо. Тереха запыхался.

А котъ знай кричитъ:

— Поѣзжай проворнѣй! Лупи во весь духъ, я гривенникъ прибавлю!..

У Терехи дыханье захватило. Мѣстность въ гору пошла, обрывъ на обрывѣ, того гляди въ пропасть сверзишься.

— Фью-ю! — посвистываетъ котъ. — Но ты, сивка-бурка, наяривай! — и вытянулъ Тереху кнутомъ.

— Ты что?!.. Вѣдь я, поди, не конь, — огрызнулся Тереха. — Слѣзай долой!

— Окружаютъ, окружаютъ!! — закричалъ что есть силы котъ.

Охотники стрѣлой на лыжахъ къ нимъ скользятъ. Съ горы, съ боковъ, со всѣхъ сторонъ — некуда Терехѣ дѣться. А справа ущелье, пропасть, ежели разбѣжаться — перескакнуть можно.

— Скачи! — крикнулъ котъ.

Тереха заметался.

— Скачи! Застрѣлятъ!

Глядитъ Тереха — охотникъ на него ружье наставилъ.

— Господи, благослови! — взмолилъ Тереха и прыгнулъ черезъ пропасть, да чебурахъ внизъ головой.

— Что тебя нелегкая-то носитъ! — заругался охотникъ тятькинымъ голосомъ и сгребъ Тереху за вихоръ.

Темно было. Сохатиная яма, что ли? Собаки тявкали.

— Эй, мать! — крикнулъ Пахомъ. — Чиркни-ка спичку.

Надо быть парнишка на меня упалъ. Сначала горшокъ съ печи сбросилъ, а тутъ и самъ мякнулся.

Зажгли огарокъ.

Тереха сидѣлъ на полу рядомъ съ проснувшимся тятькой и дико озирался.

А котъ намурлыкивалъ пѣсню и бодалъ Тереху въ ушибленное колѣно.

Вяч. Шишковъ.

Перепечатка воспрещается. Право на переводъ принадлежитъ автору.

АВТОБІОГРАФІЯ.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Окончаніе) *).

Изъ Оренбурга мы поѣхали въ Уральскъ, городъ, поразившій меня обиліемъ грязи и отсутствіемъ растительности. По серединѣ городской площади стояло красное кирпичное зданіе—театръ. Въ немъ было неуютно, отвратительно пахло дохлыми крысами и стояла жара, какъ въ банѣ. Мы сыграли въ этомъ склепѣ для усопшихъ крысъ одинъ спектакль, а на слѣдующій день прибылъ Цесаревичъ и насъ отправили къ атаману, гдѣ онъ завтракалъ, пѣть пѣсни на открытой сценѣ. Хоръ у насъ былъ небольшой, но чудесный. Каждый хористъ пѣлъ съ великою любовью, съ пониманіемъ. Я уже тогда былъ запѣвалой и съ великимъ увлеченіемъ выводилъ: «Куковала та сиза зозуля», «Ой у лузи» и прочія славныя пѣсни южанъ.

Торжество угощенія наслѣдника происходило на огромномъ дворѣ атамана, засаженномъ чахлыми деревьями. Подъ ихъ пыльной и рѣдкой листвой была разбита бѣлая полотняна япалатка; въ ней за столами сидѣли ряды великолѣпно одѣтыхъ мужчинъ и дамъ. Странно было видѣть такое великолѣпіе въ этомъ скучномъ, какъ бы наскоро построенномъ городѣ. Двѣ маленькія дѣвочки съ распущенными волосами поднесли Наслѣднику цвѣты, а какой-то толстый человѣкъ въ казацкомъ кафтанѣ навзрыдъ плакалъ.

Пѣли мы часа три и удостоились получить за это царскій подарокъ по два цѣлковыхъ на брата. Антрепренеру же подарили перстень съ красными и зелеными камнями. Городъ былъ обильно украшенъ флагами. Обыватели, бородатые старовѣры, казаки—настроены праздничнo, но какъ-то черезчуръ степенно и скучновато. Мы, хористы, остановились въ большомъ помѣщеніи надъ трактиромъ. Окна нашей

*) См. «Лѣтопись». № 1—8. 1917 г.

квартиры, похожей на казарму, выходили въ сторону базарной площади. Кто-то изъ хористовъ предложилъ:

— А что, братья, давайте устроимъ веселье и мы! Сложимся понемногу, купимъ водки, колбасы, хлѣба, пряниковъ, позовемъ въ гости съ базара казачекъ-торговокъ! Идетъ?

Такъ и устроили. Базарныя торговки ни мало не удивились, когда мы предложили имъ посѣтить насъ. Вечеромъ мы пѣли, плясали, и, наконецъ, пиръ нашъ превратился въ нѣчто подобное римскимъ оргіямъ. Утромъ, проснувшись гдѣ-то въ углу и, видя всюду распростертыхъ товарищей и торговокъ, я почувствовалъ себя не очень хорошо. И, какъ всегда, при всѣхъ случаяхъ прегрѣшеній моихъ, съ грустью, со стыдомъ подумалъ:

— А что, если бы Таня Рѣпникова узнала, какъ я живу, увидала бы эту картину?

Изъ Уральска мы снова возвратились въ Самару, потомъ поѣхали въ Астрахань, играли въ Петровскѣ, Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Узунъ-Ада. Началась для меня пестрая, обильная впечатлѣніями, пріятно тревожная жизнь бродяги. Я уже совершенно свободно говорилъ и пѣлъ по-украински. Мнѣ поручали маленькія роли. Я былъ доволенъ этой быстро бѣгущей жизнью. Только иногда сердце сжимала горячая тоска о чемъ-то.

Въ Кизиль-Арватѣ меня страшно поразилъ чугунно-литейный заводъ. Впервые въ жизни я видѣлъ, какъ расплавленный металъ льется точно густое красное масло. И особенно удивилъ меня одинъ рабочій: засучивъ рукавъ до плеча, онъ совалъ руку по локоть въ расплавленную массу, около которой я задыхался отъ жары, совалъ руку и вытаскивалъ ее даже не обожженной. При этомъ онъ смѣялся. Долго я не могъ понять этой магіи, пока одинъ изъ актеровъ, Иваненко, не объяснилъ мнѣ фокусъ.

Прекрасный человѣкъ и артистъ былъ этотъ Иваненко, но, какъ огромное большинство хорошихъ русскихъ людей, онъ пьянствовалъ, не щадя себя. Игралъ онъ восхитительно, такъ правдиво, такъ искренно, что я почти всегда плакалъ отъ какой-то необъяснимой радости. Особенно трогало меня, когда онъ въ «Невольникахъ» пѣлъ:

«Ой, зийшла заря та вечеровая».

Я всегда старался быть пріятнымъ и полезнымъ ему, но такъ обидно было мнѣ видѣть его пьянымъ.

— Сцена не Суконная Слобода, — думалось мнѣ — не надо бы пить!

А между тѣмъ, многіе артисты пили, и крѣпко.

Былъ у меня тогда товарищъ, Коля Кузнецовъ, землякъ мой, казанецъ. Это былъ человѣкъ чистоплотный, аккуратный. Онъ всегда имѣлъ простыню, — ни у кого изъ хористовъ не было простыни. Онъ особенно долго умѣлъ сохранять свое платье не запятнаннымъ и чистымъ.

Я разсказываю какъ будто все о пустякахъ, о мелочахъ, о маленькихъ людяхъ; но эти мелочи имѣли для меня огромное значеніе. Я на нихъ воспитывался. Мы вѣдь всѣ воспитываемся мелочами. То, чему учатъ насъ Шекспиры, Толстые, геніи міра, даже на разумъ нашъ не прочно ложится, а мелочи жизни, какъ пыль въ бархатъ, проникаютъ въ сердце, порою отравляя его, а порою облагораживая. И хочется разсказать о маленькихъ хорошихъ людяхъ. Большіе-то сами о себѣ разскажутъ. А эти вотъ, мелочь, безвѣстно живущая, безгласно погибающая,—о нихъ некому вспомнить. А вѣдь и они умѣютъ любить; имъ тоже доступно прекрасное; ихъ тоже мучитъ жажда хорошей жизни.

Коля Кузнецовъ былъ влюбленъ въ одну изъ артистокъ труппы. Однажды, въ Асхабадѣ, онъ вызвалъ меня изъ трактира Теусова, гдѣ я игралъ на бильярдѣ, и предложилъ мнѣ идти смотрѣть балъ, устроенный офицерами. Балъ разыгрывался на дворѣ офицерскаго собранія, но насъ, конечно, не пустили во дворъ. Мы влѣзли на заборъ и стали смотрѣть на танцующихъ. Танцовала съ офицерами и та артистка, которую любилъ Коля. Сидя на заборѣ, какъ галка, я вдругъ замѣтилъ, что Коля что-то пьетъ изъ бутылки, а черезъ двѣ-три минуты увидалъ, что онъ падаетъ съ забора.

— Отравился, — подумалъ я, прыгая на землю и едва удерживаясь отъ желанія позвать на помощь.

Но, къ счастью, оказалось, что мальчикъ хотѣлъ заглушить свою ревность лошадинымъ пріемомъ водки. Я отвелъ его домой и, Господи! какъ онъ плакалъ всю ночь до утра. Утѣшая его, я думалъ: «А любовь-то—не штучка!»— И немножко завидовалъ человѣку, который умѣетъ такъ сильно любить.

Дорогой изъ Асхабада до Чарджуй я пережилъ нѣчто.

что можно назвать и сквернымъ, и смѣшнымъ, смотря по вкусу. Когда я, сидя въ вагонѣ третьяго класса, ѣлъ хлѣбъ и колбасу съ чеснокомъ, въ вагонъ вошелъ Деркачъ, хозяинъ труппы, человѣкъ чудовищно и уродливо толстый.

— Выбрось въ окно чортову колбасу! Она воняетъ, — приказалъ онъ мнѣ.

— Зачѣмъ бросать? Я лучше съѣмъ!

Деркачъ разсвирѣпѣлъ и заоралъ:

— Какъ ты смѣешь ѣсть при мнѣ это вонючее?

Я отвѣтилъ ему что-то въ родѣ того, что ему, человѣку перваго класса, нѣтъ дѣла до того, чѣмъ питаются въ третьемъ. Онъ одичалъ еще болѣе. Поѣздъ какъ разъ въ это время подошелъ къ станціи, и Деркачъ вытолкалъ меня изъ вагона. Что мнѣ дѣлать? Поѣздъ свистнулъ и ушелъ, а я остался на перронѣ, среди какихъ-то инородныхъ людей въ халатахъ и чалмахъ. Эти чернобородые люди смотрѣли на меня вовсе не ласково. Сгоряча я рѣшилъ идти вслѣдъ за поѣздомъ. Денегъ у меня не было ни гроша. Вечерѣло, но надъ песками по обѣ стороны дороги стояла душная муть. Я шагалъ, облизываясь потомъ и, опасливо поглядывая по сторонамъ. Мнѣ разсказывали, что въ этихъ мѣстахъ водятся тигры и другія столь же непріятныя букашки. По полотну дороги, вдоль котораго я угрюмо шагалъ, шмыгали ящерицы. Далеко въ степи опускалось на песчанные бурханы огромное красное солнце. По небу растекался расплавленный чугунъ. Я чувствовалъ себя нехорошо: этакимъ несчастнымъ Робинзономъ, до его встрѣчи съ Пятницей. Кое-какъ добравшись до станціи, я зайцемъ сѣлъ въ поѣздъ, доѣхалъ до Чарджуя и, найдя тамъ труппу, присоединился къ ней. Деркачъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ меня. Я велъ себя такъ, какъ будто ничего не случилось между нами. Я очень опасался, что онъ оставитъ меня въ этихъ странахъ, гдѣ живутъ тигры, существуетъ «волосатикъ», ядовитый паучекъ, «кара-куртъ», скорпіоны, тарантулы, лихорадки и, наконецъ, безглагольные смуглые люди въ халатахъ и чалмахъ, съ бѣлыми зубами людоѣдовъ и страннымъ взглядомъ глазъ, которые какъ-бы щекочутъ замъ кожу.

Какъ сладокъ, яркій сонъ, помню Самаркандъ съ его удивительными мечетями и мальчиками въ бѣлыхъ халатикахъ на дворахъ мечетей. Жарко; тишина, мальчики, раска-

чиваясь, учатъ коранъ нараспѣвъ; гдѣ-то кричитъ отчаянно оселъ, ревetъ верблюдъ. Безшумно, какъ тѣни, проходятъ восточные люди по узкимъ улочкамъ, среди низенькихъ бѣлыхъ стѣнъ домовъ. Сонно поютъ муэдзины.

Бывало, идешь по такой улицѣ, а къ тебѣ подбѣгаетъ сартъ и убѣдительно ломанымъ языкомъ предлагаетъ дѣвочку, показывая на пальцахъ ея года:

— Дэситъ лэтъ — кочишь? Ую-й харошъ! Какъ живуй, ну! Одинасытъ лэтъ?

Я бѣгалъ отъ этихъ торговцевъ. Они возбуждали у меня страхъ.

Наконецъ, довольно долго покруживши по Азіи, мы вернулись въ Баку; на афишахъ я увидалъ, что въ Тагіевскомъ театрѣ играетъ французская оперетка М-мъ Лассаль. Въ числѣ артистовъ были: Семеновъ-Самарскій и его жена — Станиславская-Дюранъ. Я сейчасъ же пошелъ къ Семенову-Самарскому. Онъ принялъ меня радушно и обѣщалъ устроить у французовъ.

Въ малороссійской опереткѣ мнѣ жилось не очень легко и я былъ радъ возможности уйти изъ нея. Но когда я заявилъ объ этомъ женѣ Деркача, комической старухѣ и на сценѣ и въ жизни, эта дама дико обозлилась на меня:

— Мы хотѣли сдѣлать изъ тебя человѣка, а что вышло? Что? Свинья вышла!

Такія сцены для меня были не рѣдкость, но такъ какъ труппа относилась ко мнѣ довольно равнодушно и я никогда не чувствовалъ, что изъ меня пытаются что-то сдѣлать, — неожиданный гнѣвъ хозяйки удивилъ меня. Я удивился еще болѣе, когда хозяинъ отказалъ мнѣ выдать паспортъ. А когда я сталъ требовать, онъ зловѣще предложилъ:

— Пойдемъ въ участокъ; я передамъ тебѣ паспортъ при полиціи!

Я согласился. Пошли. Но дорогой онъ началъ чѣмъ-то угрожать мнѣ, повторяя часто:

— Вотъ мы увидимъ въ полиціи, какъ все это будетъ! Увидишь!

Признаюсь, мнѣ стало жутко. Я зналъ, какъ обращаются съ людьми въ полиціи. А тутъ еще, какъ будто въ поученіе мнѣ, когда мы пришли въ участокъ, тамъ уже кого-то били, кто-то неистово призывалъ на помощь, умолялъ о пощадѣ. Я испугался и сказалъ хозяину, что паспорта мнѣ не нужно,

— я остаюсь въ труппѣ. Мы возвратились въ театръ почти друзьями. Управляющій труппой былъ очень доволенъ этимъ. Но я все-таки вскорѣ пересталъ участвовать въ спектакляхъ малорусской оперетки. Это было вызвано такимъ грустнымъ случаемъ:

Однажды, играя Петра въ «Наталкѣ Полтавкѣ», мнѣ подали телеграмму; въ ней было сказано:

— Мать умерла. Пришли денегъ. Отецъ.

Денегъ у меня, конечно, не было. Хозяину я былъ долженъ. Посидѣвъ гдѣ-то въ углу, погоревавъ, я все-таки рѣшилъ попросить у хозяина впередъ. За 25 р. въ мѣсяцъ я игралъ отвѣтственныя роли, тогда какъ нѣкоторые хористы получали по 40. Выслушавъ меня, хозяинъ сунулъ мнѣ 2 р. Я попросилъ еще.

— Довольно, — сказалъ онъ. — Мало-ли, кто у кого умираетъ!

Это меня взорвало, и я пересталъ ходить на спектакли. А вскорѣ труппа уѣхала изъ Баку. Я остался въ городѣ безъ паспорта и поступилъ въ хоръ французской оперетки, гдѣ французовъ было человѣка три-четыре, а остальные евреи и земляки. Дѣла оперетки шли изъ рукъ вонъ плохо. Но, несмотря на это, мы превесело распѣвали разныя слова, въ родѣ:

— Колорадо, Ніагара, Шарпантье и о-де-ви...

Въ Баку не очень строго относились къ иностраннымъ языкамъ, и чепуха, которую мы пѣли, добродушно принималась за чистѣйшій французскій языкъ. Денегъ мнѣ не платили. Только однажды управляющій труппой нашелъ, что хористу французской оперетки не подобаетъ гулять въ мохнатой текинской шубѣ, далъ мнѣ записку въ какой-то магазинъ и я получилъ изъ магазина драповое на ватѣ пальто.

Но оперетка лопнула, и я буквально остался на улицѣ. Пальто пришлось продать. Питаться нужно было осторожно: только хлѣбомъ и чаемъ. А уже наступила зима. Подулъ холодный вѣтеръ. Съ неба посыпалась крупа. Полились безконечные дожди. Спать на лавкахъ въ саду было уже невозможно. Я и двое моихъ товарищей забирались въ деревянный циркъ, пустовавшій въ то время, и спали тамъ на галеркѣ, кутаясь въ мою текинскую шубу всѣ трое. Шуба была очень обширна, но все таки ея не хватало на троихъ, и должно быть поэтому, мои товарищи внезапно скрылись, ни-

слова не сказавъ мнѣ. Теперь одному мнѣ стало теплѣе спать, но еще труднѣе жить и я едва не втяпался въ исторію, которая могла бы увести меня далеко за Уралъ на казенный счетъ и уже не въ качествѣ пѣвца.

Не помню при какихъ обстоятельствахъ я встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, который называлъ себя бывшимъ драматическимъ актеромъ. Онъ былъ болѣе храбръ и ловокъ, чѣмъ я, и потому, не имѣя ни гроша въ карманѣ, умѣлъ жить въ какихъ-то «номерахъ» и гостиницахъ. Онъ очень убѣдительно рекомендовалъ мнѣ этотъ родъ жизни и я согласился попробовать. Мы занимали комнату, жили въ ней сутки. Хозяинъ требовалъ съ насъ денегъ, мы обѣщали ему заплатить и жили еще сутки, а потомъ скрывались незамѣтно въ другую гостиницу.

Но однажды мой товарищъ ушелъ одинъ и не возвратился, а хозяинъ заявилъ мнѣ, что не выпуститъ меня на улицу и не дастъ мнѣ ѣсть, если я не заплачу ему. Какъ быть? Голодая, я просидѣлъ въ плѣну двое сутокъ и, наконецъ, рѣшился бѣжать. Въ комнатѣ былъ балкончикъ, выходившій на дворъ, но на дворѣ день и ночь толпился какой-то народъ. Наконецъ, я замѣтилъ, что карнизъ подъ окномъ соединяется съ какой-то стѣной, и хотя стѣна была на высотѣ второго этажа, возвышаясь почти до крыши, однако,—чего не сдѣлаешь съ голода? Ночью я выбрался изъ окна на карнизъ, дополъзъ кое-какъ до стѣны, сѣлъ на нее верхомъ и, усмотрѣвъ за нею какую-то темную кучу, прыгнулъ внизъ. Я думалъ, что это навозная куча, но попалъ въ какіе-то обломки жести, желѣза и очутился на темномъ, пустынномъ дворѣ. Вышелъ на улицу и отправился въ одинъ изъ темныхъ притоновъ города, гдѣ бывалъ и раньше въ трудные дни. Онъ всегда былъ набитъ какими-то оборванцами. Я пѣлъ имъ пѣсни, а они угощали меня за это. Мнѣ казалось, что среди нихъ есть бѣглые каторжане. Большинство изъ этихъ людей не имѣло именъ, существуя подъ кличками. Особенно интересовалъ меня одинъ изъ нихъ по прозвищу «Клыкъ», чернобородый, курчавый человѣкъ, съ выбитыми зубами, низкимъ лбомъ и притягивающимъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Его нечесаные волосы ниспадали на глаза цѣлой копной. Голосъ его звучалъ властно, и было видно, что этотъ человѣкъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Я былъ увѣренъ, что этотъ человѣкъ удралъ съ каторги.

Онъ относился ко мнѣ очень хорошо, называя меня «пѣсенникомъ» и постоянно уговаривая:

— Пой, братъ! Ну, пой, прошу я тебя!

Я пѣлъ, а онъ плакалъ, иногда навзрыдъ,т очно женщина о любимомъ человѣкѣ, внезапно умершемъ. Это мнѣ нравилось въ немъ, и я готовъ былъ искренно привязаться къ нему.

Но однажды сей джентельменъ предложилъ вдругъ нѣсколькимъ ребятамъ, и мнѣ въ ихъ числѣ, пойти вечеромъ на площадь, гдѣ былъ циркъ, и зарѣзать тамъ какого-то торговца, который ходилъ въ штопаной одеждѣ, весь въ заплатахъ и у котораго, по увѣренію «Клыка», подъ заплатами было зашито множество денегъ. «Ребята» отнеслись къ этому предложенію вполнѣ одобрительно, а «Клыкъ» началъ распредѣлять роли. Все дѣлалось такъ просто, какъ будтобы грабежъ и разбой являлись предпріятіями хотя и не легкими, но вполнѣ признанными обычаемъ и закономъ. «Клыкъ» и мнѣ назначилъ роль въ этомъ дѣлѣ. Я долженъ былъ стоять на углу и слѣдить за полиціей. Не согласиться было невозможно. Хотя эти люди относились ко мнѣ прекрасно, не, если бы я отказался отъ участія въ «дѣлѣ», они, конечно, избили бы меня.

Когда наступилъ день, въ который рѣшили зарѣзать торговца, я не явился въ притонъ и больше ужь ни разу не показывался туда, боясь, что меня вздуютъ за «измѣну», или, что еще хуже, сочтутъ за шпіона.

Но, распростившись съ этими людьми, я потерялъ всякую возможность пить и ѣсть. Предлагалъ себя пѣвчимъ въ соборный хоръ, но безуспѣшно. Я былъ такъ растрепанъ, грязенъ, что меня, вѣроятно, принимали за пьяницу и вора. Началъ работать съ «крючниками» на пристани «Кавказъ и Меркурій» по 30 к. въ день. Это немного поддержало меня. Но тутъ разразилась холера, сразу принявшая характеръ ужасный: люди корчились на улицахъ, тамъ и тутъ валялись трупы, которые не успѣвали подбирать солдаты, вымазанные дегтемъ. Смерть гуляла по городу точно губернаторъ. Крючники разбѣжались со страха. Я снова остался безъ работы и хлѣба, питаясь почти исключительно морской опрѣсненной водой, которую пилъ весь городъ. Въ Баку царилъ нѣкій хаосъ довременный. Власти разбѣжались. Обыватели издыхали сотнями въ день, точно мухи осенью. Жизнь оста-

новилась. Только на вокзалѣ кипѣла работа: стоялъ грохотъ и шумъ. Но я и тутъ не могъ найти заработка.

Вдругъ фортуна улыбнулась мнѣ: я нашелъ на улицѣ ситцевый платокъ съ узелкомъ на одномъ концѣ его, а въ узелкѣ оказалось четыре двугривенныхъ. Я тотчасъ же бросился въ татарскую лавку ѣсть ляли-кэбабъ, наѣлся, пошелъ на вокзалъ и, предложивъ кондуктору оставшіяся деньги, попросилъ его отвезти меня въ Тифлисъ. Кондукторъ оказался добрымъ малымъ. Онъ взялъ съ меня до Тифлиса только 30 коп. И вотъ на тормазной площадкѣ товарнаго вагона я добрался до Тифлиса.

Какимъ-то образомъ я узналъ, что въ городѣ Семеновъ-Самарскіи и что офицеръ Ключаревъ собираетъ оперную труппу въ Батумъ. Въ эту труппу вступали: Вандерикъ и Флята-Вандерикъ, были выписаны: Вальтеръ, Люценко, Кругловъ. Среди хористовъ я встрѣтилъ Нейберга и двухъ товарищей, бросившихъ меня въ Баку.

Былъ Великіи постъ. По-русски пѣть запрещалось, а потому опера приняла названіе итальянской, хотя итальянцевъ въ ней было только двое: флейтистъ въ оркестрѣ и хористъ Понтэ, мой знакомый по Баку, очень славный человѣкъ. Вскорѣ меня заставили пѣть «Оверозо» въ «Нормѣ», для чего я долженъ былъ переписать свою партію поитальянски русскими буквами. Воображаю, какъ сладостно звучалъ итальянскіи языкъ въ моихъ устахъ!

Изъ Батума перебрались въ Кутаисъ. Здѣсь я съ честью пѣлъ кардинала въ «Жидовкѣ», Валентина въ «Фаустѣ», но вскорѣ кто-то изъ артистовъ,—чортъ его побери,—укралъ жену Ключарева, хозяина дѣла, уѣхалъ съ нею, и опера разлѣзлась.

Я воротился въ Тифлисъ съ хористами Нейбергомъ, Кривошеинымъ и Сесинымъ. Всѣ четверо мы поселились на одной квартирѣ. Сесинъ отличался изумительной способностью: куда бы онъ ни пріѣзжалъ, онъ немедленно находилъ себѣ невѣсту, ежедневно посѣщалъ ее, пилъ, ѣлъ, а иногда, пользуясь правами жениха, занималъ у родителей ея немножко денегъ. Въ Тифлисѣ онъ тоже немедленно нашелъ невѣсту и это было очень полезно для насъ: онъ почти ежедневно приносилъ намъ отъ нея котлеты, фрукты, хлѣбъ, снабжалъ насъ пятаками и гривенниками. Но, къ несчастью, въ Тифлисѣ ему не повезло. Операція съ невѣстой быстро

разстроилась и Сесинъ исчезъ изъ города. Трудно стало намъ безъ жениха.

Товарищи мои скоро устроились куда-то, а я, болѣе лѣнивый и не такъ ловко умѣвшій приспособляться къ жизни, остался одинъ и голодный. Хозяйка квартиры, добрая женщина, не очень настаивала на уплатѣ денегъ за квартиру, и я, отупѣвшій отъ неудачъ, спалъ. Когда спишь, не хочется ѣсть. Однажды я проспалъ болѣе 48 часовъ кряду.

Голодать по два дня я уже привыкъ. Но теперь приходилось жить, не вкушая пищи, по трое сутокъ, по четверо. Это ужъ не для меня.

Искалъ я работы, но безуспѣшно. Костюмъ у меня былъ оборванъ. Бѣлья вовсе не было, но все таки я ходилъ въ шляпѣ. аЗшелъ однажды на лѣсопильный заводъ,—рабочіе, глядя на шляпу, смѣются: «баринъ».

Голодать въ Тифлисѣ особенно непріятно и тяжело, потому что здѣсь все жарятъ и варятъ на улицахъ. Обоняніе дразнятъ разные вкусные запахи. Я приходилъ въ отчаяніе, въ изступленіе, готовъ былъ просить милостыню, но не рѣшался и, наконецъ, задумалъ покончить съ собой. Я задумалъ сдѣлать это такъ: войду въ оружейный магазинъ и попрошу показать мнѣ револьверъ, а когда онъ будетъ въ рукахъ у меня, застрѣлюсь. Теперь понимаю, что все это было затѣяно и глупо, и неосуществимо, но тогда я твердо рѣшилъ покончить съ собою такъ или иначе. Жить мнѣ очень хотѣлось, но какъ тутъ жить?

Когда я стоялъ у двери оружейнаго магазина, меня окликнулъ знакомый голосъ. Я обернулся и узналъ итальянца Понтэ.

— Что съ тобой, — тревожно спрашивалъ онъ. — Почему у тебя такое лицо?

Я ничего не могъ отвѣтить ему. Я заплакалъ. Узнавъ, что я голодаю четвертые сутки, Понтэ увелъ меня къ себѣ. Его жена тотчасъ же накормила меня макаронами. Съѣлъ я ихъ невѣроятно много, хотя мнѣ было стыдно передъ женою Понтэ.

Эта встрѣча съ итальянцемъ, его радушіе и макароны подкрѣпили мои силы. На другой-же день я прочелъ афишу, которая извѣщала, что въ такомъ то саду будетъ разыгранъ любительскій спектакль. Я пошелъ въ этотъ садъ, встрѣтилъ у входа въ него человѣка, одѣтаго эксцентрично, какъ цир-

ковой артистъ. Онъ почему-то обратилъ на меня вниманіе, сталъ разспрашивать, кто я, что со мною. Я разсказалъ. Тогда этотъ человѣкъ, оказавшійся актеромъ Охотинымъ, увелъ меня въ отдаленную аллею сада и предложилъ спѣть что-нибудь, и, подумавъ, сказалъ, что дастъ мнѣ русскій костюмъ, въ которомъ я буду выступать на открытой сценѣ сада.

Садикъ былъ плохонькій, тѣсный. Публика посѣщала его неохотно. Но я усердно пѣлъ, получая по 2 р. за выходъ раза два въ недѣлю. Здѣсь я познакомился со служащими Управленія Закавказской дороги и, разсказывая имъ «за угощеніе» разные анекдоты, разсказалъ однажды и о моей запутанной жизни. Этотъ разсказъ вызвалъ общее сочувствіе. Мои слушатели, узнавъ, что я знакомъ съ канцелярской работой, предложили мнѣ подать прошеніе бухгалтеру дороги. Я подалъ и былъ зачисленъ писцомъ на жалованье въ 30 р. Это было тѣмъ болѣе кстати, что въ ту пору я жилъ не одинъ. Незадолго передъ этимъ я познакомился съ хористкой Маріей Шульцъ, очень красивой дѣвушкой, но, къ сожалѣнію, великой пьяницей. Однажды, въ трудные дни голодовки, она предложила мнѣ поселиться у нея. Она очень нравилась мнѣ, хотя лицо ея отекло отъ пьянства и въ поведеніи было что-то размашистое, непріятное. Но я чувствовалъ и видѣлъ, что у этого несчастнаго человѣка сердце доброе и милое. Когда я сказалъ ей, что намъ неудобно будетъ жить въ одной комнатѣ, она просто замѣтила:

— Ну какое-же неудобство! Когда вы будете раздѣваться, я отвернусь, а когда я буду раздѣваться — вы отвернетесь!

Это показалось мнѣ достаточно убѣдительнымъ и я переѣхалъ къ ней въ маленькую конурку. Марія спала на кровати у одной стѣны комнаты, а я—на полу, на какой-то мягкой рухляди—у другой. Вполнѣ естественно, что мы черезъ недѣлю перестали «отворачиваться» другъ отъ друга. У нея были кое-какія сбереженія, но, разумѣется, мы скоро проѣли ихъ. Потомъ она начала таскать въ закладъ свои юбки, простыни, и, наконецъ, мы очутились съ нею въ темномъ подвалѣ, безъ оконъ, куда свѣтъ проникалъ только черезъ стекло въ верхней филенкѣ двери.

Мучительно стыдно было мнѣ жить на средства этой дѣвушки и велика была радость моя, когда я получилъ зара-

ботокъ. Теперь я жилъ «семейно». Возвращаюсь со службы, а Марія готовитъ на керосинкѣ борщъ и поетъ. Подвалъ нашъ чисто выметенъ. Мы начали понемножку заводить кое-какія хозяйственныя вещи. Но мнѣ было ужасно тяжко видѣть Марію почти каждый вечеръ пьяной. Я уговаривалъ ее бросить пить. Да и сама она, я видѣлъ, хотѣла бы отдѣлаться отъ пьянства, но воли у нея не хватало. И я добился только того, что она стала прятать водку подъ кровать, напиваясь ночью, когда я засыпалъ. Такъ мы и жили жизнью, въ которой было кое-что пріятное, но которую я не пожелаю даже и недругу.

Я очень тосковалъ о театрѣ и когда ко мнѣ явился кто-то изъ товарищей хористовъ съ предложеніемъ устроить концертъ въ Коджорахъ, дачной мѣстности, въ сорока верстахъ отъ Тифлиса, я съ радостью согласился на это, взялъ на службѣ двухдневный отпускъ и отправился съ товарищами пѣшкомъ въ Коджоры. Собралось насъ человѣкъ восемь. Нами предводительствовалъ хормейстеръ Карлъ Вендъ, отличный хормейстеръ, хорошій человѣкъ и отчаянный алкоголикъ. Но концертъ не состоялся вслѣдствіе глубочайшаго равнодушія Коджорской публики и потому, что на несчастье наше небеса разразились какимъ-то доисторическимъ ливнемъ, ураганомъ, стихійнымъ безобразіемъ.

Много я видѣлъ хорошихъ дождей на своемъ вѣку, но никогда не испытывалъ такого ужаса! Валились деревья, съ горъ текли пѣнные потоки, летѣли камни, ревѣлъ вѣтеръ опрокидывая насъ, съ неба лились ручьи чуть не въ руку толщиной. Подъ этимъ ливнемъ мы возвращались въ Тифлисъ, боясь опоздать на службу. Я боялся этого больше всѣхъ. Подвигались мы едва-едва. Иногда приходилось становиться на четвереньки, чтобы вѣтеръ и вода не сбросили насъ съ дороги въ пропасть сбоку ея. Но все таки дошли благополучно. Обсушившись, я отправился на службу, но къ полудню почувствовалъ сильнѣйшій ознобъ и боль въ горлѣ. Меня тотчасъ же отправили въ желѣзнодорожный лазаретъ и тамъ помѣстили въ отдѣльную комнату. Оказалось, что у меня дифтеритъ.

— Пропадетъ голосъ! — съ ужасомъ подумалъ я. Тревожило меня и то, что Марія Шульцъ, не зная о болѣзни моей, вѣроятно страшно безпокоится. Я послалъ ей записку. Но когда Марія пришла, ее, конечно, не пустили ко мнѣ.

Въ лазаретѣ было мучительно скучно. Меня, кажется, забыли въ немъ. Докторъ не приходилъ и я валялся день за днемъ на койкѣ одѣтый въ какой-то арестантскій халатъ. Хотѣлось ѣсть, а мнѣ давали только какой-то жиденькій супецъ, хотя я чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ. Я умолялъ, чтобы меня отпустили домой, но сторожъ заявилъ мнѣ что черезъ недѣлю придетъ докторъ и тогда—можетъ быть. Черезъ недѣлю, да еще можетъ быть!

— Подите вы къ чорту, — рѣшилъ я, тихонько пробрался въ чуланъ, гдѣ лежало мое платье, переодѣлся, вылѣзъ въ окно и убѣжалъ домой.

Но когда я на другой день пришелъ на службу, меня не пустили заниматься, такъ какъ изъ лазарета дано было знать, что я убѣжалъ. Я чуть не со слезами доказывалъ начальству, что совершенно здоровъ и, наконецъ добился, что меня послали къ доктору, который и призналъ меня здоровымъ.

Вскорѣ я получилъ письмо отъ Семенова-Самарскаго. Онъ писалъ, что если я хочу, онъ можетъ устроить меня рублей на сто въ Казань, въ оперу Перовскаго, на вторыя роли. Можно получить авансъ на дорогу. Я вспыхнулъ великой радостью и тотчасъ телеграфировалъ: «Жду аванса», и черезъ нѣкоторое время мнѣ перевели изъ Казани четвертной билетъ. Въ тотъ же день я отказался отъ службы и объявилъ моей подругѣ, что уѣзжаю. Жалко было мнѣ ее, очень жалко, но театръ — прежде всего! Я купилъ банку какао. Марія сварила его и мы устроили прощальный пиръ, попивая какаю и распѣвая пѣсни.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное. Давно уже сослуживцы мои говорили мнѣ, что у меня хорошій голосъ и что мнѣ слѣдовало бы поучиться пѣть у мѣстнаго профессора пѣнія Усатова, бывшаго артиста Императорскихъ театровъ. И вотъ, въ день отъѣзда изъ Тифлиса, я вдругъ рѣшилъ:

— Пойду къ Усатову! Чѣмъ я рискую?

Пошелъ. Когда меня впустили въ квартиру пѣвца, прежде всего подъ ноги мнѣ бросилась стая мопсовъ, а за ними явился человѣчекъ низенькаго роста, круглый, съ закрученными усами опереточнаго разбойника и до-синя бритымъ лицомъ.

— Вамъ что угодно? — не очень ласково спросилъ онъ.

Я объяснилъ.

— Ну что-жъ, давайте покричимъ!

Онъ пригласилъ меня въ залъ, сѣлъ за рояль и заставилъ меня сдѣлать нѣсколько арпеджіи. Голосъ мой звучалъ хорошо.

— Такъ. А не поете ли вы что-нибудь оперное?

Такъ какъ я воображалъ, что у меня баритонъ, то предложилъ спѣть арію Валентина. Запѣлъ. Но когда, взявъ высокую ноту, я сталъ держать фермато, профессоръ, переставъ играть, пребольно ткнулъ меня пальцемъ въ бокъ. Я оборвалъ ноту. Наступило молчаніе. Усатовъ смотрѣлъ на клавиши, я на него—и думалъ, что все это очень плохо. Пауза была мучительная. Наконецъ, не стерпѣвъ, я спросилъ:

— Что же можно мнѣ учиться пѣть?

Усатовъ взглянулъ на меня и твердо отвѣтилъ:

— Должно.

Сразу повеселѣвъ, я разсказалъ ему, что вотъ — собираюсь ѣхать въ Казань пѣть въ оперѣ, буду получать тамъ 100 руб.; за пять мѣсяцевъ получу 500 руб., сто проживу, а четыреста останутся и съ этими деньгами я ворочусь въ Тифлисъ, чтобы учиться пѣть. Но онъ сказалъ мнѣ:

— Бросьте все это! Ничего вы не скопите! Да еще едва-ли и заплатятъ вамъ! Знаю я эти дѣла! Оставайтесь здѣсь и учитесь у меня. Днегъ за ученье я не возьму съ васъ.

Я былъ пораженъ. Впервые видѣлъ я такое отношеніе къ человѣку. А Усатовъ говорилъ:

— Вашъ начальникъ — знакомый мой. Я напишу ему, чтобъ онъ вновь принялъ васъ на службу.

Окрыленный неизвѣданной радостью, я бросился съ письмомъ Усатова къ моему начальнику, но оказалось, что мое мѣсто было уже занято. Убитый этимъ, я снова возвратился къ Усатову.

— Ну что-жъ, напишу письмо другому! — сказалъ онъ и отправилъ меня къ владѣльцу какой-то аптеки или аптекарскаго склада, человѣку восточнаго типа. Этотъ, прочитавъ письмо, спросилъ меня, знаю ли я какіе-нибудь языки.

— Малороссійскій, — сказалъ я.

— Не годится. А латинскій?

— Нѣтъ.

— Жаль. Ну, вы будете получать отъ меня 10 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ вамъ за два впередъ!

— А что нужно дѣлать?

— Ничего. Нужно учиться пѣть и получать отъ меня за это по 10 руб. въ мѣсяцъ.

Все это было совершенно сказочно. Одинъ человѣкъ будетъ безплатно учить меня, другой мнѣ же станетъ платить за это деньги!

Съ авансомъ изъ Казани у меня было 45 руб. Усатовъ велѣлъ мнѣ снять комнату получше и взять піанино на прокатъ. Если я возвращу авансъ, я буду не въ состояніи сдѣлать этого. Тогда я написалъ въ Казань, что внезапно захворалъ и не могу пріѣхать.

Это, конечно, нехорошо. Но я утѣшаю себя тѣмъ, что многіе и часто поступаютъ гораздо хуже ради болѣе низкихъ цѣлей.

Домашнія мои дѣла шли довольно плохо. Моя подруга становилась все болѣе несдержанной и я ничѣмъ не могъ помочь ей. Въ пьяномъ видѣ она была довольно сварлива и часто это ставило меня въ положенія, которыхъ я хотѣлъ бы избѣжать. Однажды она поругалась съ женою городового, жившей на нашемъ дворѣ. Городовиха назвала ее кличкой, зазорной для женщины. Я, въ свою очередь, обругалъ городовиху, а вечеромъ явился ея супругъ, началъ угрожать мнѣ, что упечетъ меня туда, куда Макаръ не гоняетъ телятъ, воронъ не заноситъ костей и даже еще дальше. Наконецъ, онъ бросился бить меня, но, хотя я очень боялся полиціи, однако, опытъ казанскихъ кулачныхъ боевъ послужилъ мнѣ на пользу и городовикъ былъ посрамленъ мною.

Домъ, въ которомъ жилъ я съ Маріей, былъ густо набитъ страннымъ сортомъ людей, которые интересовались всѣмъ, кромѣ самихъ себя. Нѣкоторые же изъ сожителей по дому усиленно интересовались мною. Такъ, напримѣръ, какой-то бородатый, свирѣпаго вида человѣкъ, одѣтый всегда въ бѣлую блузу и почти всегда полупьяный, любилъ наусьживать на меня свою собаку. Человѣкъ этотъ смотрѣлъ на все такъ, какъ будто весь міръ надоѣлъ ему смертельно, а я— особенно. Собака у него была большая и тоже свирѣпая. Бывало, иду я по двору, а онъ убѣждаетъ собаку:

— Гекторъ, возьми его, дьявола; пиль, Гекторъ! Куси его, шарлатана!

Собака, не торопясь, шла ко мнѣ. Я прижимался къ стѣнкѣ и умоляюще смотрѣлъ на нее, на ея хозяина. Онъ рычалъ; собака подражала ему. Эта забава очень не нравилась мнѣ, а человѣкъ возбуждалъ у меня чувство страха.

Особенно поразилъ онъ меня въ тотъ день, когда я собрался идти къ Усатову. Я очень много пѣлъ въ этотъ день и, выйдя изъ комнаты въ сѣни, услыхалъ сверху лѣстницы грозный голосъ:

— Въ дьякона бы тебя, чортовъ сынъ, а ты тутъ жить мѣшаешь всѣмъ, сволочь настоящая!

Я немедленно скрылся въ подвалъ.

Мнѣ было тяжело среди этой дикой публики, а Марія дѣлала мою жизнь еще болѣе тяжелой, пропивая вещи, со всѣми ссорясь. Однажды, проходя мимо какого-то духана, я увидалъ, что она пляшетъ лезгинку, а трактирные обыватели гогочутъ, щиплютъ ее, пьяную и жалкую. Я увелъ ее домой. Но она злобно сказала мнѣ, что когда мужчина пользуется ласками женщины, онъ долженъ платить ей за это, а я — голоштанникъ и могу убираться ко всѣмъ чертямъ. Мы поругались и Марія уѣхала въ Баку. Очень огорчилъ меня ея отъѣздъ. Она была единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ я могъ подѣлиться и горемъ, и радостью. Не скажу, что я очень любилъ ее, и не думаю, чтобъ она меня любила.— насъ, вѣроятно, связывала общность положенія, — но это все-таки была крѣпкая дружеская связь. А кромѣ того, женщина, какъ я уже сказалъ, всегда являлась для меня силой, возбуждавшей лучшее въ сердцѣ моемъ.

На урокахъ Усатова я познакомился съ его учениками. Ихъ было человѣкъ пятнадцать. Все — люди разнаго положенія и достатка: офицеры, чиновники, дамы изъ общества. Былъ среди нихъ Іосифъ Комаровскій, теперь помощникъ режиссера въ Большомъ театрѣ, басъ Стариченко, человѣкъ самонадѣянный и до смѣшного самолюбивый, и Павелъ Агнивцевъ, который впослѣдствіи сошелъ съ ума. Я очень увлекался его чудеснымъ голосомъ и мнѣ нравилась его солидная манера держаться на людяхъ.

Въ домѣ Усатова все было чуждо и необычно для меня: и мебель, и картины, и паркетный полъ, и чай съ бутербродами, которые такъ великолѣпно приготовляла жена

моего учителя, Марія Петровна. Очень удивляло меня и то, что ученики, нисколько не стѣсняясь, хохотали при профессорѣ и его женѣ, разсказывали другъ другу разныя исторіи и вообще держались совершенно свободно, какъ равные. Я впервые видѣлъ такія отношенія и, хотя они мнѣ нравились, но усвоить ихъ я не рѣшался. Былъ я тогда очень отрепанъ и грязноватъ и, хотя въ баню ходилъ часто, но держать себя въ чистотѣ не могъ: у меня была одна рубаха, которую я самъ стиралъ въ Курѣ и жарилъ на лампѣ, чтобъ истребить насѣкомыхъ, прочно поселившихся въ ней.

Однажды на урокѣ Усатовъ сказалъ:

— Послушайте, Шаляпинъ, отъ васъ очень дурно пахнетъ. Вы меня извините, но это нужно знать! Жена моя дастъ вамъ бѣлья и носковъ, — приведите себя въ порядокъ!

Я былъ сконфуженъ до слезъ. Я тогда еще не понималъ, что если мы дѣлаемъ добро людямъ, такъ не стѣсняемся формой. Я взялъ свертокъ бѣлья и на слѣдующій урокъ пришелъ чисто вымытый, выбритый. Усатовъ снова обратился ко мнѣ съ предложеніемъ—обѣдатьу него. Я поблагодарилъ, но обѣдать не пошелъ. Это ужь было совсѣмъ не по силамъ для меня! Видѣлъ я, какъ они ооѣдаютъ! За столомъ прислуживаетъ дѣвушка, подставляя разныя тарелки; на столѣ лежатъ салфетки, масса ножей, вилокъ, ложекъ. А кто знаетъ, какая ложка для чего и что какимъ ножемъ нужно рѣзать?

Но все-таки Усатовы заставили меня обѣдать у нихъ и я претерпѣлъ не мало мученія при этомъ. Подавались кушанья, не виданныя мною. Я не зналъ, какъ надо ѣсть ихъ. Въ тарелкѣ съ зеленой жидкостью плавало яйцо, сваренное вкрутую. Я сталъ давить его ложкой, оно, разумѣется, выскочило изъ тарелки на скатерть, откуда я его снова отправилъ въ тарелку, поймавъ пальцами. Зрители смотрѣли на мои операціи молча, но неодобрительно,—я чувствовалъ это. Претерпѣвъ эти пытки нѣсколько разъ, я, конечно, научился ѣсть, не смущая сосѣдей такими выходками, какъ напримѣръ, погруженіе пальцевъ въ солонку или выковыриваніе ногтемъ мяса изъ зубовъ. Но это дорого стоило мнѣ. Къ тому же Усатовъ имѣлъ благородную привычку говорить обо всемъ съ чарующей простотой, отъ которой у меня зеленѣло въ глазахъ.

— Шаляпинъ, не надо шмыгать носомъ во время обѣда!—совѣтовалъ онъ.

Но платковъ у меня не было, а когда пища горяча и вкусна, какъ же можно не шмыгнуть носомъ?

— Если вы будете ѣсть съ ножа, то разрѣжете себѣ ротъ до ушей,—поучалъ Усатовъ.

Затѣмъ убѣждалъ меня сидѣть за столомъ прямо, не трогать ножомъ рыбу и вообще очень усердно занимался моимъ свѣтскимъ воспитаніемъ.

Однажды онъ велѣлъ мнѣ разучить арію изъ «Фенеллы» и романсъ Бахметьева «Борода-ль, моя бородушка», а, когда я разучилъ эти вещи, онъ отправилъ меня знакомиться съ кружкомъ любителей музыки, помѣщавшимся въ домѣ Арцруки, на Грибоѣдовской улицѣ. Въ этомъ кружкѣ устраивались ученическіе и любительскіе спектакли и онъ существовалъ независимо отъ извѣстнаго «Тифлисскаго артистическаго кружка». Я познакомился съ любителями и сталъ аккуратно посѣщать собранія кружка.

На одномъ изъ концертовъ пѣла барышня въ пенснэ, съ черными глазками, задорно вздернутымъ носикомъ, одѣтая въ какое-то воздушное платье. Пѣла она романсъ Брауна:

— Плыви, моя гондола,
Озарена луной,
Раздайся баркаролла
Надъ сонною рѣкой...

Пѣвица показалась мнѣ неземной красавицей. Ея маленькій гибкій голосокъ очаровалъ меня. Я апплодировалъ ей, забывъ все на свѣтѣ, и ушелъ съ концерта въ состояніи восторга. Между прочимъ я видѣлъ, какъ она протянула изъ-за кулисы руку и нѣкто на сценѣ поцѣловалъ ее.

— Эхъ,—подумалъ я,—есть же такіе счастливцы!

Спустя нѣсколько дней, Усатовъ объявилъ мнѣ, что я буду выступать на концертахъ кружка, а кружокъ дастъ мнѣ за это стипендію. Онъ подарилъ мнѣ фракъ. Но Усатовъ былъ маленькій и толстый, а я—длинный и худой. По счастью у меня были пріятели портные. Они довольно ловко приспособили фракъ къ размѣрамъ моего скелета.

Наступилъ день перваго моего дебюта въ кружкѣ. Я вышелъ на сцену и запѣлъ: «Борода-ль, моя бородушка». Публика засмѣялась, хотя и добродушно. Я былъ увѣренъ,

что смѣются надъ фракомъ, но оказалось — надо мной: пѣлъ я о бородѣ очень трогательно, но никакихъ признаковъ бороды въ ту пору на лицѣ моемъ не было. Со сцены я казался совершеннымъ мальчишкой. Но когда я покончилъ съ бородой, мнѣ охотно апплодировали и, раскланиваясь, я замѣтилъ среди публики барышню, которая задѣла меня за сердце.

— Вотъ для кого надо пѣть!—рѣшилъ я.—Но что пѣть? И я спѣлъ на бисъ «Любви всѣ возрасты покорны».

Мнѣ показалось, что барышня апплодируетъ болѣе восторженно, чѣмъ вся другая публика.

Послѣ концерта танцовали и аккомпаніаторша вдругъ предложила мнѣ познакомить меня съ этой барышней. Я молча согласился и пошелъ къ ней черезъ весь залъ, по блестящему полу, пошелъ на кривыхъ, подгибавшихся ногахъ. Барышня тепло пожала мнѣ руку, наговорила комплиментовъ. Я отвѣчалъ ей невпопадъ и думалъ:

— Какой я дуракъ, какъ неуклюжъ!

Если бъ она предложила мнѣ проводить ее пѣшкомъ изъ Тифлиса въ Архангельскъ, я, конечно, согласился бы; если бъ я зналъ, гдѣ она живетъ, я ходилъ бы подъ ея окнами. Я былъ влюбленъ со всею силой юности.

Тутъ ко мнѣ подошелъ итальянецъ Фарина, одинъ изъ членовъ кружка, объявилъ, что я буду получать у нихъ 15 р. въ мѣсяцъ и предложилъ мнѣ помогать имъ всѣмъ, чѣмъ я могу помочь. Разумѣется, я съ радостью согласился и сталъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ затѣяхъ кружка: пѣлъ въ концертахъ, игралъ въ драмѣ — Разгуляева въ «Бѣдность не порокъ», Несчастливцева въ «Лѣсѣ», Петра въ «Наталкѣ-Полтавкѣ», — ставилъ декораціи, чистилъ лампы, завѣдывалъ бутафоріей и вообще работалъ за совѣсть.

Занятія у Усатова продолжались своимъ чередомъ. Профессоръ былъ чрезвычайно строгъ и мало церемонился съ учениками, особенно такими, каковъ былъ я. Если у меня что-либо выходило плохо, онъ выковыривалъ дирижерской палочкой изъ банки нюхательный табакъ и громко нюхалъ, а то закуривалъ папироску въ палецъ толщиной. Это были явные признаки его недовольства и раздраженія.

Слыша, что голосъ ученика начинаетъ слабѣть, Усатовъ наотмашь билъ ученика въ грудь и кричалъ:

— Опирайте, чортъ васъ возьми! Опирайте!

Я долго не могъ понять, что это значитъ — «опирайте». Оказалось, надобно было опирать звукъ на дыханіе, концентрировать его.

Увлеченный работой въ кружкѣ и, переживая волненія влюбленности, я сталъ учиться менѣе усердно и частенько выучивалъ уроки не очень твердо. Въ этихъ случаяхъ я прибѣгалъ къ такой уловкѣ: ставилъ на фортепьяно раскрытыя ноты, а самъ, отойдя въ сторону, скашивалъ глаза и читалъ съ листа. Но Усатовъ замѣтилъ это и однажды ловко всталъ между нотами и мною, закрывъ ихъ. Я пересталъ пѣть. Тогда онъ безцеремонно началъ колотить меня палкой, приговаривая:

— Лодырь, лодырь, ничего не дѣлаешь!

Эти истязанія стали повторяться довольно часто и понудили меня принять свои мѣры защиты. Инструментъ стоялъ четверти на полторы отъ стѣны. Я отодвинулъ его еще на вершокъ и, когда Усатовъ замахивался на меня палкой, я убѣгалъ за фортепьяно. Онъ былъ толстъ и не могъ достать меня, только кричалъ и топалъ ногами. Но однажды я такъ разсердилъ его, что онъ швырнулъ въ меня нотами и закричалъ неистово:

— Вылѣзай, чортъ проклятый! Вылѣзай, я тебя понялъ!

Я вышелъ. Онъ съ наслажденіемъ отколотилъ меня палкой и мы снова начали урокъ.

Впослѣдствіи, встрѣчаясь съ нимъ, мы вспоминали эти уроки палкой и оба хохотали. Хорошій человѣкъ былъ мой учитель!

Усатовъ приготовилъ со мною третій актъ «Русалки» для спектакля въ музыкальномъ кружкѣ, а, кромѣ того, серенаду Мефистофеля и трю. Худой и длинный, я былъ очень смѣшенъ въ костюмѣ Мефистофеля, но пѣніе публикѣ понравилось. Особенно же велико было ея впечатлѣніе, когда я началъ пѣть Мельника:

— Да, старъ и шаловливъ я сталъ.

И теперь помню, какъ жутко тихо стало въ залѣ, когда я спѣлъ эту фразу. Мнѣ страшно апплодировали, когда я кончилъ. Публика даже встала. А на слѣдующій день я прочиталъ въ газетѣ «Кавказъ» замѣтку, въ которой авторъ ея сравнивалъ меня со знаменитымъ Петровымъ. Замѣтка была подписана — Каргановъ. Я зналъ, что это былъ офицеръ-

саперъ, знатокъ и любитель музыки. Впослѣдствіи онъ написалъ книгу о Бетховенѣ.

Прочитавъ эту замѣтку, я съ трепетомъ душевнымъ почувствовалъ, что со мною случилось что-то невѣроятное, неожиданное, чего у меня и въ мечтахъ не было. Я, пожалуй, сознавалъ, что Мельникъ спѣтъ мною хорошо, лучше, чѣмъ я когда-либо пѣлъ, но все-таки мнѣ казалось, что замѣтка преувеличиваетъ силу моего дарованія. Я былъ смущенъ и напуганъ этой первой печатной хвалой. Я понималъ, какъ много отъ меня потребуется въ будущемъ. Усатовъ тоже хвалилъ меня:

— Ну что, лодырь? — говорилъ онъ, похлопывая меня по плечу: — То-то вотъ! Вотъ такъ-то!

Я не рѣшился сказать ему, что читалъ замѣтку Карганова. Совѣстно было.

Тѣмъ временемъ я продолжалъ встрѣчаться съ барышней. Ее звали Ольга. Отецъ ея, присяжный стряпчій, относился къ ней довольно равнодушно. Она жила съ матерью въ маленькой красивой квартиркѣ. Мамаша — простая женщина, смотрѣла на жизнь очень реально. Я скоро замѣтилъ, что ей больше всего нравятся тѣ богатые армяне, которые обращаютъ вниманіе на ея дочь. Вообще говоря, въ мамашѣ было что-то странное и, пожалуй, противное.

Ольга училась въ Петербургской консерваторіи, играла на роялѣ. Она очень хорошо и картинно разсказывала мнѣ о Петербургѣ, о томъ, какъ хорошъ этотъ городъ, какъ забавно кататься зимою на вейкахъ, и вообще она была очень интересной, очень милой дѣвушкой. Но взглядъ у нея былъ гордый, этакій «расточающій презрѣніе».

Я сталъ часто бывать у нея, хотя это не очень нравилось мамашѣ. Ольга аккомпанировала мнѣ. Я пѣлъ. Я любилъ ее больше, чѣмъ она меня. Я чувствовалъ, ей что-то мѣшаетъ отнестись ко мнѣ такъ беззавѣтно, какъ я относился къ ней. Но все-таки наши отношенія вскорѣ приняли вполнѣ опредѣленный характеръ, послѣ чего она разсказала мнѣ, что у нея уже былъ романъ съ тѣмъ композиторомъ, который написалъ любимый ею романсъ «Плыви, моя гондола».

— Теперь этотъ человѣкъ живетъ въ Америкѣ, — сказала она.

Мнѣ подумалось, что можетъ быть именно эта исторія мѣшала ей отнестись ко мнѣ такъ искренно, какъ я относился

къ ней, и что теперь, когда я все знаю, моя возлюбленная почувствуетъ себя ближе ко мнѣ. Но этого не случилось. Покровительственное отношеніе мамаши къ богатымъ армянамъ, возмущая меня, возбуждало мою ревность. Я началъ нервничать. Однажды мнѣ показалось, что Ольга, аккомпанируя мнѣ, нарочно фальшивитъ и путаетъ меня. Тогда я сказалъ ей довольно грубо:

— Не хочу заниматься съ вами!

Она швырнула въ меня коробкой конфектъ и вышла изъ комнаты. Я остался одинъ, ошеломленный. Это такъ странно было. Человѣкъ, который казался мнѣ духовно тонкимъ, который несомнѣнно былъ интеллигентнѣе меня, швыряетъ въ меня, какъ въ собаку, чѣмъ попало. Посидѣвъ нѣкоторое время одинъ, я пошелъ домой, чувствуя, что случилось что-то непоправимое. Свѣтъ померкъ предо мною и въ теченіе долгаго времени, до новой встрѣчи съ Ольгой, я чувствовалъ себя точно отравленнымъ или въ тяжеломъ похмѣлѣ.

Спать я не могъ. Кровать качалась подо мною, точно лодка на водѣ. Наконецъ, у меня не хватило силъ и я пошелъ къ Ольгѣ, но встрѣтилъ ее на улицѣ. Она первая подошла ко мнѣ, протянула руку и дружески попросила меня не придавать значенія ея глупой вспышкѣ. Мы помирились.

Но вскорѣ разыгралась исторія еще глупѣе. Однажды, когда мы съ Ольгой ѣхали въ фаэтонѣ, мы увидали, что насъ замѣтила мамаша, которая не была освѣдомлена объ отношеніяхъ между нами. Мы съ Ольгой, нѣсколько встревоженные, заѣхали въ магазинъ, купили чего-то и отправились на квартиру. Дверь оказалась запертой, — значитъ, мамаша еще не пришла. Я поставилъ самоваръ и, ожидая мамашу, мы сидѣли, мирно бесѣдуя. Я говорилъ Ольгѣ, что мнѣ хочется поступить на сцену, — тяжело мнѣ все-таки учиться на чужія средства, — просилъ ее не оставлять меня и, если случится, ѣхать вмѣстѣ со мною.

Въ это время за шкафомъ, около кровати, раздался какой-то странный звукъ: какъ-будто что-то лопнуло. Мы бросились къ шкафу и — каково было наше изумленіе, когда за шкафомъ оказалась мамаша. Возмущенная своимъ открытіемъ и тѣмъ, что мы тоже открыли ее, она начала колотить и меня, и дочь стуломъ. Ольга крикнула мнѣ, чтобъ я уходилъ. Я ушелъ и всю дорогу хохоталъ, какъ безумный, не потому, что мнѣ было смѣшно, а отъ нервнаго потрясенія.

И было мнѣ жалко, до слезъ жалко любовь мою за то, что въ нее вторгается пошлость.

Полагая, что послѣ такой сцены Ольга должна оставить мать, я послалъ ей письмо, въ которомъ извѣстилъ, что жду ее и что мы сумѣемъ прожить на 35 руб. въ мѣсяцъ, — все, что я имѣлъ тогда. Мнѣ не отвѣтили на мою записку и я заключилъ, что, видимо, Ольга помирилась съ матерью. Такъ оно и было, къ недоумѣнію моему. Я снова сталъ бывать у Ольги, какъ раньше, но юношескій романтизмъ мой заволокло сѣрое облако какихъ-то сомнѣній и подозрѣній.

Въ концѣ лѣта стали говорить, что зимою въ казенномъ театрѣ будетъ играть опера Любимова и Форкатти. Я еще не зналъ ни одной оперы, но все-таки спросилъ Усатова, не попробовать ли мнѣ поступить на сцену.

— Отчего же нѣтъ? Попробуемъ! Будете и пѣть, и учиться у меня. Надо только выучить нѣсколько оперъ. «Русалка и «Фаустъ» — это ваши кормильцы, такъ и знайте! Надо еще выучить «Жизнь за царя».

Я выучилъ эти три оперы. Въ одинъ прекрасный день къ Усатову явился Любимовъ слушать Агнивцева и меня. Агнивцевъ понравился ему и онъ заключилъ съ нимъ контрактъ по 250 р. въ мѣсяцъ. А я не понравился, хотя пѣлъ третій актъ «Русалки», — то, за что меня хвалили болѣе всего.

— Далекъ еще я отъ того, чтобъ играть на сценѣ, — съ грустью подумалось мнѣ.

Но кто-то посовѣтовалъ Любимову послушать меня еще разъ въ любительскомъ кружкѣ. Онъ послушалъ и на этотъ разъ я понравился ему.

— Я могу заплатить вамъ полтораста рублей въ мѣсяцъ. — предложилъ онъ.

— Эка хватилъ, — подумалъ я. — Я-бы и за половину пошелъ! Заключили контрактъ. Я сталъ ходить на репетиціи, и однажды услыхалъ, какъ дирижеръ Труффи говорилъ кому-то:

— Какой кароши колосъ у этотъ молодой мальшикъ!

Я страшно обрадовался.

Сезонъ начали «Аидой». Все шло очень хорошо, но вдругъ Амнерисъ зацѣпилась платьемъ за декорацію и никакъ не могла отцѣпиться. Я, верховный жрецъ, помогъ

ей, приподнявъ шлейфъ. А на другой день прочелъ въ газетѣ строгій выговоръ рецензента: недопустимо, чтобъ верховный жрецъ носилъ шлейфъ Амнерисъ.

Вскорѣ вышло какъ-то такъ, что весь басовый репертуаръ легъ на мои плечи, и я, неожиданно для себя, занялъ въ оперѣ первенствующее положеніе. Этому особенно помогли «Паяцы» Леонковалло, впервые поставленные въ Тифлисѣ. Роль Тонію легко укладывалась въ діапозонъ моего голоса и я довольно удачно игралъ ее. Опера ставилась часто и шла съ неизмѣннымъ успѣхомъ.

Я готовилъ роли, какъ блины пекъ. Бывало, сегодня назначатъ роль, а завтра ее надо играть. Если бъ у меня еще раньше не образовалась извѣстная привычка къ сценѣ, умѣнье держаться на ней, напряженная спѣшная работа была бы, навѣрное, и мучительна, и пагубна для меня. Но я былъ уже давно «театральнымъ человѣкомъ». У меня выработалась способность не теряться на сценѣ, и я слишкомъ любилъ свое дѣло для того, чтобъ относиться къ нему легкомысленно. И хотя у меня не было времени изучать новыя роли, я все-таки училъ ихъ на ходу, по ночамъ. Каждая роль брала меня за душу.

Я продолжалъ ходить къ Усатову. Онъ иногда похваливалъ меня, иногда строго распекалъ. Я всегда внимательно и съ любовью слушалъ поученія этого человѣка, который, вытащивъ меня изъ грязи, безкорыстно отдавалъ мнѣ свой трудъ, свою энергію и знанія. Какъ учитель пѣнія, онъ былъ, такъ сказать, механическій учитель, преподаватель внѣшнихъ пріемовъ техники. Но онъ хорошо зналъ музыку и любилъ ее. Онъ часто собиралъ всѣхъ насъ, учениковъ, и разсказывалъ намъ о томъ или иномъ музыкальномъ произведеніи, объясняя ихъ достоинства, указывая недостатки, воспитывая мой вкусъ.

Однажды въ музыкальномъ кружкѣ была поставлена сцена въ корчмѣ изъ «Бориса Годунова». Я игралъ пристава. И вотъ, когда Варлаамъ началъ пѣть свою тягостную, внѣшне нелѣпую пѣсню, въ то время, какъ на фонѣ аккордовъ оркестра Самозванецъ ведетъ разговоръ съ шинкаркой, я вдругъ почувствовалъ, что со мной случилось что-то необыкновенное. Я вдругъ почувствовалъ въ этой странной музыкѣ нѣчто удивительно родное, знакомое мнѣ. Мнѣ показалось, что вся моя запутанная, не-

легкая жизнь шла именно подъ эту музыку. Она всегда сопровождала меня, живетъ во мнѣ, въ душѣ моей и болѣе того — она всюду въ мірѣ знакомомъ мнѣ. Это я теперь такъ говорю, а тогда я просто почувствовалъ какое-то благоговѣйное сліяніе тоски и радости. Мнѣ хотѣлось плакать и смѣяться. Первый разъ я ощутилъ тогда, что музыка — это голосъ души міра, ея безглагольная пѣснь. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней сезона мнѣ дали бенефисъ за то, что я «оказалъ дѣлу больше услугъ, чѣмъ ожидали отъ меня», какъ выразился управляющій труппой. Я поставилъ сразу двѣ оперы: «Паяцы» и «Фауста» цѣликомъ. Я былъ выносливъ, какъ верблюдъ, и могъ пѣть круглыя сутки. За эту страсть къ пѣнію меня даже съ квартиръ выгоняли.

Но наканунѣ бенефиса умеръ комендантъ Тифлиса, генералъ Эрнстъ, человѣкъ очень похожій на скелетъ человѣчій. Былъ онъ невѣроятно сухъ, костлявъ. Лицо землистое, глаза мертвые. Про него разсказываютъ множество анекдотовъ, одинъ другого смѣшнѣе. Напримѣръ, вдетъ онъ въ непогоду по улицѣ и видитъ военнаго писаря въ галошахъ и бѣлыхъ перчаткахъ.

— Стой! — кричитъ Эрнстъ, — сними галоши!

Писарь снялъ и вытянулся, стоя въ грязи.

— Вытри галоши руками!

Писарь вытеръ грязь съ галошъ перчатками.

— Надѣнь галоши и ступай на двое сутокъ подъ арестъ.

Говорили, что, когда онъ начиналъ ругать жену, она садилась за роялъ и играла гимнъ, а генералъ тотчасъ становился во фронтъ. Въ театрѣ у насъ онъ сидѣлъ всегда въ ложѣ надъ оркестромъ, какъ разъ надъ ударными инструментами и мѣдью. Однажды замѣтивъ, что трубы, поигравъ немножко, молчатъ, онъ рѣшилъ, что это недопустимый безпорядокъ, вызвалъ директора театра и спрашиваетъ:

— Это почему же трубы не играютъ?

— У нихъ паузы.

— Что? А жалованье они получаютъ тоже съ паузами?

— Жалованье получаютъ, какъ всѣ.

— Потрудитесь-же сказать имъ, чтобъ они въ слѣ-

дующій разъ играли безъ паузъ! Я не потерплю лѣнтяевъ!

Когда я пѣлъ Гремина, Эрнстъ спросилъ кого-то:

— Кто этотъ молодой человѣкъ?

Ему сказали:

— Гм—м... странно! Я думалъ, что онъ изъ генеральской семьи. Онъ очень хорошо играетъ генерала.

Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ за кулисы, похвалилъ меня, но сказалъ, что костюмъ мой не полонъ — нѣтъ необходимыхъ орденовъ.

— И перчатки паршивыя! Когда вы будете пѣть генерала Гремина еще разъ, я дамъ вамъ ордена и перчатки!

И дѣйствительно, въ слѣдующій разъ онъ явился въ театръ задолго до начала спектакля, велѣлъ мнѣ надѣть костюмъ и, тыкая меня пальцемъ въ животъ, грудь, плечи, началъ командовать:

— Во фронтъ! Полоборота направо! Кругомъ—аршъ!

Я вертѣлся, маршировалъ, вытягивался струной и заслужилъ генеральское одобреніе. Вынувъ изъ платка звѣзду и крестъ, генералъ нацѣпилъ ордена на грудь мнѣ и сконфуженно сказалъ:

— Послушайте, Шаляпинъ, вы все-таки потомъ возвратите мнѣ ордена!

— Конечно, Ваше Превосходительство!

Еще болѣе сконфузившись, генералъ объяснилъ:

— Тутъ былъ одинъ — тоже басъ. Я далъ ему ордена, а онъ ихъ, знаете... того, пропилъ, что-ли, чортъ его возьми! Не возвратилъ, знаете...

Такъ вотъ этотъ чудакъ и умеръ какъ разъ наканунѣ моего бенефиса; я испугался, вообразивъ, что спектакль отмѣнятъ. Но не отмѣнили. Спектакль имѣлъ большой успѣхъ. Собралось множество публики. Мнѣ подарили золотые часы, серебряный кубокъ, да сбора я получилъ рублей 300.

А Усатовъ вытравилъ со старой когда-то поднесенной ему ленты слово «Усатову», написалъ «Шаляпину» и поднесъ мнѣ лавровый вѣнокъ.

Я очень гордился этимъ!

Сезонъ кончился. Что дѣлать дальше? Естественно, что мнѣ захотѣлось ѣхать въ Москву, центръ артистической жизни. Усатовъ одобрилъ мое намѣреніе и далъ мнѣ

письма къ управляющему конторой Императорскихъ театровъ, Пчельникову, къ дирижеру Альтани, Барцалу, режиссеру и еще кому-то.

Въ серединѣ мая, рано утромъ, я съ Агнивцевымъ отправился на почтовую станцію. Агнивцеву не повезло въ оперѣ. Онъ бросилъ пѣть въ серединѣ сезона. Пришла на станцію Ольга съ матерью. Я началъ уговаривать ее ѣхать со мною. Она отказалась. Ея отношенія ко мнѣ давно уже приняли характеръ того любопытства, съ которымъ смотрятъ на акробата въ циркѣ: свернетъ онъ себѣ шею въ этотъ вечеръ или завтра. Я чувствовалъ это обидное отношеніе, но все-таки любилъ дѣвушку. И когда лошади потащили насъ вдоль Ольгинской улицы по Военно-грузинской дорогѣ, сердце мое мучительно сжалось.

По Военно-грузинской дорогѣ я ѣхалъ первый разъ. Я много слышалъ о дивной красотѣ ея, но я ничего не видалъ, потому что все время плакалъ, хотя и стыдно было передъ товарищемъ, который дружески и безуспѣшно утѣшалъ меня. И только за Ананауромъ величественная красота Кавказа немного успокоила меня.

Во Владикавказѣ мы рѣшили дать концертъ. Сняли залъ, напечатали афиши, билеты, но ни одного билета не продали, и концертъ не состоялся. Это не обескуражило насъ. Агнивцевъ предложилъ ѣхать въ Ставрополь, гдѣ живетъ его родственникъ офицеръ, способный помочь намъ. Поѣхали въ Ставрополь. По скучной пыльной дорогѣ прибыли въ еще болѣе скучный городъ и тотчасъ отправились къ родственнику. Онъ принялъ насъ тепло и радушно, охотно началъ хлопотать объ устройствѣ концерта, а мы съ Агнивцевымъ стали искать аккомпаніатора.

Намъ сказали, что въ городѣ есть піанистка, ученица Рубинштейна, дали ея адресъ. И вотъ мы стоимъ предъ маленькимъ домикомъ со стеклянной террасой, бесѣдуя съ женщиной въ подоткнутой до колѣнъ юбкѣ, съ грязной тряпкой въ рукѣ. Она сообщила намъ, что ея барынѣ сейчасъ нехорошо, такъ что барыня легла въ постель.

— А все-таки я скажу ей, что кавалеры пришли.

Пригласила насъ войти въ комнату, а сама исчезла. Мы сѣли. Откуда-то изъ-за стѣны до насъ долетали тяжелые вздохи, стоны. Наконецъ, пріоткрылась дверь и

ошла женщина. Лицо у нея было синее, глаза болѣзненно расширены.

— Я дѣйствительно ученица Антона Григорьевича Рубинштейна, но сейчасъ ни аккомпанировать, ни вообще заниматься музыкой не могу! — объявила она и тотчасъ же исчезла, крикнувъ кому-то:

— Бѣги за бабкой!

Мы ушли, унося съ собою нѣкоторое недоумѣніе. У воротъ мы снова встрѣтили бабу въ подоткнутой юбкѣ. Она вертѣла головой направо и налѣво, очевидно, соображая, куда ей бѣжать. Когда я спросилъ, чѣмъ больна хозяйка, баба спокойно сообщила:

— Родить собралась...

Признаюсь, это вообще прекрасное намѣреніе въ данномъ случаѣ показалось намъ несвоевременнымъ и огорчило насъ.

Но родственникъ Агнивцева отправилъ насъ къ другой аккомпаніаторшѣ. Въ ту эпоху, очевидно, всѣ музыканты Ставрополя были женскаго пола. На этотъ разъ мы увидѣли передъ собой молодую блондинку съ пышными волосами, видимо, очень веселую. Она смѣялась надо всѣмъ, что мы говорили ей.

— Такъ вы хотите, чтобъ я аккомпанировала вамъ? — спрашивала она, заливаясь смѣхомъ. — Да, вѣдь, я съ Левинымъ играла! Понимаете? Съ самимъ Левинымъ!

Мы оба смутились, не зная, кто этотъ Левинъ.

Но все-таки просили ее помочь намъ, очень усердно просили. Однако, она рѣшительно сказала:

— Я не могу аккомпанировать артистамъ, которые никому не извѣстны! Но я могу дать вамъ записку къ одной барышнѣ...

Слово «барышня» она очень подчеркнула. Мы съ благодарностью взяли записку и отправились къ «барышнѣ». Пришли на окраину города, въ глухую улицу, къ длинному забору, за которымъ, среди бурьяна, возвышался небольшой покосившійся домикъ. На крыльцѣ дома лежала собака, похожая на кусокъ войлока. По двору развѣшано бѣлье. Мы долго, по очереди, стучали въ запертыя ворота. Наконецъ, какая-то очень недовѣрчивая женщина, разспросивъ подробно, кто мы, откуда и зачѣмъ, впустила насъ

во дворъ и вызвала на крыльцо дряхлую старушку съ трясущейся головой.

Агнивцевъ, какъ бывшій офицеръ, элегантно расшаркался передъ нею и спросилъ, здѣсь ли живетъ м-лль такая-то?

— Зачѣмъ вамъ ее?

— А вотъ у насъ письмо къ ней.

Убѣжденный, что имѣетъ дѣло съ бабушкой аккомпаніаторши, Агнивцевъ подалъ ей посланіе блондинки, и вдругъ мы увидѣли, что старушка вскрываетъ его.

— Виноватъ, — сказалъ Агнивцевъ, — письмо адресовано м-лль...

— Мамзель — эта я, — не безъ гордости сказала старушка.

Мы поняли, почему такъ весело смѣялась блондинка, рекомендуя намъ «барышню». Прочитавъ письмо, старушка сказала намъ, что уже лѣтъ тридцать не подходитъ къ роялю.

Наше положеніе становилось безвыходнымъ. Но какой-то добрый человѣкъ оповѣстилъ насъ, что въ городѣ есть еще одна аккомпаніаторша. Пошли къ четвертой. Эта жила въ какомъ-то оврагѣ и оказалась женою околоточнаго надзирателя, женщиной очень миловидной и привѣтливой. Выслушавъ нашу просьбу, она страшно покраснѣла и сказала намъ:

— Видите-ли, я мало училась, играю только для себя и едва-ли пригодна вамъ.

Мы умоляли показать намъ ея искусство. Играла она отчаянно, не имѣя никакого представленія о ритмѣ и движеніи пьесы. Ноты читала плохо, но все-таки кое-какъ мы ее научили. Я былъ все-таки настолько музыкаленъ, что самъ замедлялъ темпъ, когда она путала, но Агнивцевъ ужъ если начиналъ пѣть, то «чесалъ» до конца, не справляясь съ аккомпаниментомъ и не обращая вниманія на него. Я рѣшилъ, что во время концерта буду сидѣть съ женою околоточнаго у рояля и тыкать пальцемъ въ ноты, въ то мѣсто, куда убѣжитъ Агнивцевъ за время, пока она разбирается въ нотахъ.

Какъ бы то ни было, но концертъ состоялся и прошелъ не безъ успѣха. Особенно доволенъ былъ околоточный!

На другой день, взявъ билеты третьяго класса, мы

поѣхали въ Москву. Дорогой какіе-то милостивые государи ловко втянули меня въ игру въ три туза, и я проигралъ 250 рублей. Было стыдно, и я ничего не сказалъ объ этомъ Агнивцеву.

Москва, конечно, ошеломила насъ провинціаловъ, своей пестротой, суетой, крикомъ. Какъ только мы наняли комнату, я бросился смотрѣть Большой театръ. Грандіозное впечатлѣніе вызвали у меня его колонны и четверка лошадей на фронтонѣ. Я почувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ, маленькимъ предъ этимъ храмомъ.

На слѣдующій день отправился въ контору Императорскихъ театровъ. Въ передней сидѣли сторожа съ орлами на позументахъ, и было ясно, что они смертельно скучаютъ. Бѣгали какіе-то люди съ бумагами въ рукахъ, съ перьями за ушами. Все это мало было похоже на театръ. Сторожъ взялъ у меня письмо, недовѣрчиво повертѣлъ его въ рукахъ и сталъ лѣниво спрашивать:

— Это отъ какого Усатова? Кто онъ таковъ? Подождите!

Я присѣлъ на скамью-ящикъ, — типичная мебель строго-казеннаго учрежденія; въ ней обычно хранятся свѣчи, сапожныя щетки, тряпицы для стиранія пыли. Сидѣлъ часъ, полтора, два. Наконецъ, попросилъ сторожа напомнить обо мнѣ г. Пчельникову. Послѣ нѣкоторыхъ пререканій сторожъ согласился «напомнить», ушелъ и, приблизительно черезъ полчаса, сообщилъ мнѣ, что г. Пчельниковъ принять меня не можетъ и велѣлъ сказать, что теперь, лѣтомъ, всѣ казенные театры закрыты.

Внушительно, хотя и не очень вѣжливо.

Альтани и Авраменко жили въ Пушкинѣ. Я поѣхалъ къ нимъ, былъ принятъ ими болѣе любезно, но и они тоже сказали мнѣ, что сезонъ законченъ и что голоса пробуютъ у нихъ, въ казнѣ, великимъ постомъ. Но для меня великій постъ уже наступалъ: денегъ у меня почти не было. Мы съ Агнивцевымъ записались въ театральное бюро Разсохиной. Я отдалъ туда мои фотографіи, афиши, вырѣзки изъ газетъ. Разсохина пожелала слышать мой голосъ и, видимо, онъ понравился ей.

— Отлично! — сказала она, — мы найдемъ вамъ театръ!

Скоро деньги у меня и совсѣмъ исчезли. Мы съ Агнивцевымъ обѣдали въ трактирѣ за 50 коп. Мнѣ все еще не хотѣлось сознаться товарищу, что я проигралъ деньги, и я сталъ отказываться ходить обѣдать съ нимъ. Но одному сидѣть въ конурѣ, да еще безъ обѣда, было скучно, и дня черезъ два я сказалъ товарищу, въ чемъ дѣло. Онъ страшно изругалъ меня и предложилъ ѣсть на его счетъ, — послѣ я заплачу ему.

Павлуша Агнивцевъ былъ очень милый и добрый человѣкъ, но онъ былъ раздражающе аккуратенъ. Если онъ расходовалъ 7 коп., то записывалъ за мною 3½ коп. Это, конечно, правильно, однако, и скучно-же!

— Да запиши ты за мной 4 копѣйки! — просилъ я его.

Онъ возражалъ вполнѣ резонно:

— Зачѣмъ-же? Половина семи — 3½, половина пяти — 2½...

Отъ этой дружеской ариѳметики я уходилъ на Воробьевы горы и оттуда любовался величіемъ Москвы, которая, какъ все на свѣтѣ, издали кажется красивѣе, чѣмъ вблизи. Сидя тамъ въ одиночествѣ, я съ тревогой и грустью думалъ о себѣ, вспоминалъ мою жизнь, Тифлисъ, гдѣ мною было изжито не мало счастливыхъ часовъ, думалъ объ Ольгѣ, которой писалъ длинныя письма, все болѣе рѣдко получая отвѣты на нихъ. Не удалась мнѣ моя первая юношеская любовь...

Прошло съ мѣсяцъ времени. Въ началѣ іюля я получилъ отъ Разсохиной повѣстку, приглашавшую меня явиться въ ея бюро. Захватилъ съ собою ноты и побѣжалъ. Въ залѣ бюро сидѣлъ огромный дѣтина съ окладистой бородой, кудрявый, въ поддевкѣ, этакій широкогрудый, густобровый богатырь. На груди у него висѣло фунта три брелоковъ Смотрѣлъ онъ на всѣхъ внушительно и сердито. Вотъ это — настоящій Московскій антрепренеръ.

— Лентовскій, — сказали мнѣ.

Я уже слышалъ это знаменитое имя и немножко струсилъ, а Лентовскій, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, сказалъ Разсохиной:

— Можно.

— Пойте, — предложила Разсохина.

Я запѣлъ арію изъ Донъ-Карлоса, глядя въ затылокъ аккомпаніатора. Послушавъ немного, Лентовскій сказалъ:

— Довольно. Ну, что вы знаете и что можете?

Я разсказалъ, что знаю. А вотъ, что я могу — этого не знаю!

— «Сказки Гофмана» пѣли?

— Нѣтъ.

— Вы будете играть Миракля. Возьмите клавиръ и учите. Вотъ вамъ сто рублей, а затѣмъ вы поѣдете въ Петербургъ пѣть въ «Аркадіи».

Все это: лаконизмъ Лентовскаго, сто рублей, его густыя брови, брелоки — вызвало у меня подавляющее впечатлѣніе. Вотъ какъ дѣйствуютъ московскіе антрепренеры! Я подписалъ контрактъ, даже не прочитавъ, что подписываю, и, счастливый, бросился домой. Вскорѣ я подписалъ еще контрактъ на зимній сезонъ въ Казань, къ Унковскому, но въ бюро мнѣ сказали, что Унковскій требуетъ гарантію въ томъ, что я дѣйствительно пріѣду, и поэтому я долженъ подписать вексель на 600 рублей.

Я подписалъ и поѣхалъ въ Петербургъ, дружески простившись съ Агнивцевымъ.

Ему все не везло. За послѣднее время у него еще начались какія-то недоразумѣнія съ голосомъ: онъ пересталъ пѣть баритономъ и запѣлъ теноромъ. Проживъ тяжелую жизнь, полную неудачъ и разочарованій, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, будучи крестьянскимъ начальникомъ въ Сибири, буйно помѣшался и померъ.

По дорогѣ въ Петербургъ я представлялъ себѣ этотъ городъ стоящимъ на горѣ, думалъ увидѣть его бѣлымъ, чистымъ, утопающимъ въ зелени. Мнѣ казалось, что онъ не можетъ быть инымъ, если въ немъ живутъ цари.

Было немножко грустно увидѣть многочисленныя трубы фабрикъ и тучу дыма надъ крышами, но все-таки своеобразная хмурая красота города вызвала у меня сильное впечатлѣніе.

«Аркадія» тоже представлялась мнѣ роскошнымъ, невиданнымъ садомъ, но оказалось, что это нѣчто въ родѣ Панаевскаго сада въ Казани, такъ же тѣсно застроенно, съ такой же деревянной роскошью. Въ саду шли какіе-то спектакли. На открытой сценѣ пѣла великолѣпная шансонетная пѣвица Паола Кортэзъ. Я ежедневно ходилъ слушать ее, впервые видя столь талантливую женщину. Я не пони-

малъ, что она пѣла, но любовался ея голосомъ, интонаціями, жестами. Ея пѣсенки проникали куда-то глубже уха.

Прошло недѣли двѣ. Явился Лентовскій и начались какія-то безпорядочныя репетиціи, неладные спектакли. Оказалось, что хозяинъ предпріятія не Лентовскій, а буфетчикъ и у него съ Лентовскимъ тотчасъ же начались не только ссоры, но и драки. Знаменитый Московскій импрессаріо походя билъ буфетчика и, занятый этимъ дѣломъ, не особенно много обращалъ вниманія на оперу. Къ тому же его увлекала феерія «Волшебныя пилюли», для которой онъ пригласилъ весьма искусныхъ акробатовъ. Они лазали по деревьямъ, проваливались сквозь землю при громѣ и молніи, ихъ топили, давили, вѣшали. Все это было очень забавно, но, въ большомъ количествѣ — надоѣло.

Я игралъ Миракля, но «Сказки Гофмана» успѣха не имѣли. Публика не ходила въ садъ. Я долженъ былъ получать 300 р. въ мѣсяцъ, но кромѣ сотни рублей, данной мнѣ въ Москвѣ, не получилъ ничего. Часто я обращался къ знаменитому антрепренеру съ просьбой дать мнѣ два-три рубля, — онъ давалъ полтинники. А мнѣ ужъ надоѣдало голодать, да и неловко какъ-то заниматься этимъ въ столицѣ.

Въ концѣ сезона со мною случилось комическое, но непріятное происшествіе. Познакомился я въ саду съ какими-то двумя дамами, одна изъ которыхъ, по твердому убѣжденію Лентовскаго, была шпонкой. Но я интересовался ею отнюдь не съ этой стороны. Однажды я поѣхалъ съ нею и ея подругой куда-то на извозчикѣ. Ноги у меня были длинныя, и, сидя въ пролеткѣ, я долженъ былъ выставить ихъ на улицу. Поворачивая за уголъ, извозчикъ задѣлъ моими ногами за фонарный столбъ. Я взвылъ отъ боли, но мнѣ стало еще хуже, когда я увидалъ, что сапогъ мой разлетѣлся вдребезги. Дамы завели меня къ себѣ на квартиру, растерли ушибленную ногу, но онѣ не могли починить сапогъ! Я очень настойчиво просилъ у Лентовскаго денегъ на сапоги, но онъ не далъ. Къ счастью, у меня были новыя резиновыя галоши. Онѣ блестѣли, какъ лаковые сапоги. И я долго гулялъ въ нихъ по улицамъ великолѣпной столицы.

Сезонъ въ «Аркадіи» кончился скандально. Мнѣ нужно ѣхать въ Казань, а денегъ нѣтъ. Тутъ кто-то предложилъ

мнѣ вступить въ оперное товарищество, которое собиралось ставить спектакли въ Панаевскомъ театрѣ.

— У меня подписано условіе въ Казань.

— Это пустяки — условіе! Условіе — это ерунда!

Странно. Я думалъ нѣсколько иначе. Я былъ убѣжденъ, что если условіе заключено, необходимо выполнить его. Къ тому же я подписалъ векселъ на 600 р. Я задумался.

Уѣзжать изъ Петербурга не хотѣлось. Мнѣ нравились широкія улицы, электрическіе фонари. Нева, театры, общій тонъ жизни.

Однажды я пошелъ въ Панаевскій театръ, гдѣ собрались уже всѣ члены товарищества, во главѣ съ дирижеромъ Труффи, знакомымъ мнѣ, пошелъ и сказалъ, что готовъ вступить въ труппу. Я былъ хорошо встрѣченъ.

И вотъ я засѣдаю съ хорошими товарищами, мы подписываемъ какія-то бумаги, достаемъ откуда-то деньги, репетируемъ. Вдругъ, по случаю смерти Императора Александра Ш, объявили, что всѣ театры будутъ закрыты на шесть недѣль. Но мы начали «хлопотать» и намъ милостиво разрѣшили пѣть.

Спектакли пошли у насъ удачно. Мнѣ лично удалось быстро обратить на себя вниманіе публики и ко мнѣ за кулисы начали являться разные извѣстные въ музыкальномъ мірѣ люди. Всѣмъ нравилось, какъ я пою Бертрана въ «Робертѣ-Дьяволѣ» В. В. Андреевъ сообщилъ, что мною интересуются въ Маріинскомъ театрѣ, а вскорѣ вслѣдъ за этимъ мнѣ предложили сходить туда и спѣть что-нибудь Направнику.

Надо сказать, что однажды, когда я пѣлъ въ «Фаустѣ» «заклинаніе цвѣтовъ», публика единодушно, къ моему искренному удивленію, потребовала повторить арію. Это удивило и товарищей по сценѣ, — раньше на эту арію какъ-то не обращали вниманія. И вотъ, когда я рѣшилъ пойти къ Направнику, В. В. Андреевъ посовѣтовалъ мнѣ спѣть именно «заклинаніе цвѣтовъ». Направникъ былъ очень сухой человѣкъ, необщительный, сдержанный. Никогда нельзя было узнать, что нравится ему, что — нѣтъ. Прослушавъ меня, онъ не сказалъ ни слова. Но вскорѣ я узналъ, что мнѣ хотятъ устроить пробу на сценѣ Маріинскаго театра, въ присутствіи директора. Я зналъ, что этому

театру нуженъ басъ, такъ какъ знаменитый Мельниковъ въ то время уже кончилъ свою карьеру.

Разумѣется, я не мечталъ занять его мѣсто и былъ очень встревоженъ, когда мнѣ предложили для пробы приготовить арію Руслана, одну изъ коронныхъ Мельникова. Проба состоялась, но арія Руслана, видимо, не удовлетворила моихъ экзаменаторовъ и испытателей. Мнѣ предложили спѣть еще что-нибудь. Я спѣлъ четвертый актъ «Жизни за Царя», — арію и речитативъ. Арію я пѣлъ, какъ поютъ всѣ артисты, а речитативъ — по своему, какъ исполняю ихъ и теперь. Кажется, это вызвало у испытателей моихъ впечатлѣніе, лестное для меня. Помню, Фигнеръ подошелъ ко мнѣ, крѣпко пожалъ мою руку, и на глазахъ его были слезы. На другой день мнѣ предложили подписать контрактъ и я былъ зачисленъ въ составъ труппы Императорскихъ театровъ.

Радъ я былъ этому? Не помню, но, кажется, не очень, потому, что въ то время радостей у меня было много.

Продолжая пѣть въ Панаевскомъ театрѣ, я усердно продолжалъ развивать мои знакомства. Я хорошо подружился съ В. В. Андреевымъ, у котораго по пятницамъ собирались художники, пѣвцы, музыканты. Это былъ міръ новый для меня. Душа моя насыщалась въ немъ красотою. Рисовали, пѣли, декламировали, спорили о музыкѣ. Я смотрѣлъ, слушалъ и жадно учился. Часто съ этихъ пятницъ гурьбою отправлялись въ ресторанъ Лейнера — излюбленное мѣсто артистовъ, и тамъ тоже бесѣдовали и пѣли до разсвѣта. Тутъ я познакомился съ Мамонтомъ Дальскимъ, въ ту пору молодымъ и пользовавшимся успѣхомъ у публики.

Я часто выступалъ въ студенческихъ концертахъ и на благотворительныхъ вечерахъ. Однажды за мною пріѣхалъ В. И. Качаловъ, въ то время студентъ и распорядитель на вечерѣ. Онъ пріѣхалъ въ каретѣ. Это мнѣ страшно понравилось. До того я видѣлъ, что въ каретахъ разъѣзжаютъ только знатныя дамы, да архіереи. А теперь, не угодно-ли? — я самъ ѣду въ каретѣ!

Ахъ, какъ я былъ тогда молодъ и, скажу прямо, хорошъ въ наивности своей! В. И. Качаловъ что-то говорилъ мнѣ, о чемъ-то спрашивалъ, но я отвѣчалъ ему невпопадъ, поглядывая въ окна и вспоминая дѣтство, Казань, ночи, кото-

рыя я спалъ въ экипажахъ, когда работалъ у скорняка. Отъ этой кареты также исходилъ пріятный запахъ кожи и какой-то особенной матеріи.

Когда я вышелъ на эстраду Дворянскаго собранія, я былъ пораженъ величественнымъ видомъ зала, его колоннами и массой публики. Сердца коснулся страхъ, тотчасъ же смѣнившійся радостью. Я запѣлъ съ большимъ подъемомъ. Особенно удались мнѣ «Два гренадера». Въ залѣ поднялся неслыханный мною шумъ. Меня не отпускали съ эстрады. Каждую вещь я долженъ былъ пѣть по два, по три раза, и, растроганный, восхищенный настроеніемъ публики, готовъ былъ пѣть до утра.

Мои пріятели искренно поздравляли меня съ успѣхомъ. Всѣ говорили, что это сослужитъ мнѣ большую службу и въ казенномъ театрѣ. Разумѣется, я жилъ въ восторгѣ и все чаще выступалъ на благотворительныхъ вечерахъ, на студенческихъ концертахъ. Вскорѣ дошло до того, что однажды мы съ Дальскимъ провели курьезный вечеръ. Насъ пригласили участвовать въ какомъ-то концертѣ, но карету за нами не прислали. Мы рѣшили, что если за нами не ѣдутъ, такъ мы сами придемъ. Но куда? Отправились въ какой-то залъ и спрашиваемъ распорядителей концерта, не участвуемъ ли мы у нихъ.

— Нѣтъ, не участвуете, къ сожалѣнію, но если-бъ вы пожелали принять участіе...

Мы раздѣваемся, исполняемъ свои номера и ѣдемъ на слѣдующій концертъ. Снова попали не туда, гдѣ насъ ждутъ. Однако, и здѣсь я пѣлъ, Дальскій декламировалъ. Побывавъ не безъ удовольствія для самихъ себя и для публики въ четырехъ концертныхъ залахъ, мы такъ и не попали туда, куда были приглашены.

Я былъ отчаянно провинціаленъ и неуклюжъ. В. В. Андреевъ усердно и очень умѣло старался перевоспитать меня; уговорилъ остричь длинные «пѣвческіе волосы, научилъ прилично одѣваться и всячески заботился обо мнѣ. Это было необходимо, потому что со мною происходили всяческіе курьезы. Такъ, напримѣръ, пригласили меня въ одинъ очень барскій домъ на чашку чая. Я напялилъ на себя Усатовскій фракъ, блестяще начистилъ смазные сапоги и храбро явился въ гостиную. Со мною рядомъ сѣли какія-то очень веселыя и насмѣшливыя барышни, а я былъ

безобразно застѣнчивъ. Вдругъ чувствую, что кто-то подъ столомъ методически и нѣжно пожимаетъ мнѣ ногу. По разсказамъ товарищей я уже зналъ, что значитъ эта тайная ласка, и отъ радости, отъ гордости немедленно захлебнулся чаемъ.

— Господи,—думалъ,—которая-же барышня жметъ мою ногу?

Разумѣется, я не смѣлъ пошевелить ногою и мнѣ страшно хотѣлось заглянуть подъ столъ. Наконецъ, не стерпѣвъ сладкой пытки, я объявилъ, что мнѣ нужно немедленно уходить, выскочилъ изъ-за стола, началъ раскланиваться и вдругъ вижу, что одинъ сапогъ у меня ослѣпительно блеститъ, а другой порыжѣлъ и мокрый. Въ то-же время изъ подъ стола вылѣзла, облизываясь, солидная собака; морда у нея испачкана ваксой, языкъ грязный. Велико было мое разочарованіе и хохоталъ я, какъ безумный, шагая по улицѣ въ разноцвѣтныхъ сапогахъ. Андреевъ сказалъ мнѣ, что чай пить во фракахъ не ходятъ и что фракъ требуетъ лаковыхъ ботинокъ.

Въ контрактѣ съ дирекціей казеннаго театра было сказано, что я имѣю право на три дебюта и, что если я не понравлюсь на этихъ дебютахъ, контрактъ будетъ сочтенъ недѣйствительнымъ. Я тотчасъ-же заказалъ визитныя карточки «Артистъ Императорскихъ Театровъ». Мнѣ очень льстило это званіе. Я гордился имъ.

Первый дебютъ мнѣ дали въ «Фаустѣ». Уже тогда я мечталъ сыграть Мефистофеля такъ, какъ игралъ его впослѣдствіи и теперь играю, но начальство приказало мнѣ надѣть установленный имъ костюмъ, а гримъ, сдѣланный мною по своему, съ отступленіемъ отъ принятаго шаблона, вызвалъ въ театрѣ странное и насмѣшливое отношеніе ко мнѣ. Это меня нѣсколько смутило, расхолодило и, кажется, я спѣлъ Мефистофеля не очень удачно.

Затѣмъ, приказали мнѣ пѣть Цуниту въ «Карменъ». Эту роль я исполнилъ съ комическимъ оттѣнкомъ и вызвалъ ею лучшее впечатлѣніе.

Главный режиссеръ спросилъ меня, не знаю-ли я Руслана, и пояснилъ мнѣ, что на исполненіе мною этой роли будетъ обращено особенное вниманіе дирекціей. Я въ то время уже заразился той самонадѣянностью, которая, ка-

жется, свойственна всѣмъ молодымъ артистамъ. Я уже испыталъ успѣхъ въ Панаевскомъ театрѣ, на благотворительныхъ концертахъ, получалъ цвѣты отъ поклонницъ, частенько слышалъ сзади себя свое имя, произносимое особеннымъ волнующимъ шопотомъ. Похвалы товарищей, газетныя рецензіи,—все это вмѣстѣ взятое вскружило мнѣ голову и я думалъ о себѣ уже, какъ о выдающемся артистѣ.

Зная, какъ скоро я могу учить роли, я сказалъ режиссеру, что въ три недѣли я могу выучить не одного, а двухъ Руслановъ, если нужно.

— Учите,—приказалъ онъ.

Я тотчасъ нашелъ аккомпаніатора и на скорую руку за три недѣли яко-бы выучилъ партію. Но вотъ наступилъ день спектакля. Дирижируетъ Направникъ. Я нарядился русскимъ витяземъ, надѣлъ толщинку, наклеилъ русую бородку и вышелъ на сцену. Съ первой же ноты я почувствовалъ, что пою плохо и очень похожъ на тѣхъ витязей, которые во дни Святокъ танцуютъ кадрили и лансье въ купеческихъ домахъ. Понявъ это, я растерялся и, хотя усердно размахивалъ руками, дѣлалъ страшныя гримасы, это не помогало мнѣ. Дирижеръ, сидя за пюпитромъ, тоже дѣлалъ страшное лицо и шипѣлъ на меня:

— Шш!

На другой день въ газетахъ писали, что нѣкто Шаляпинъ, молодой артистъ, пѣлъ Руслана весьма скверно. Упрекали дирекцію за то, что она послѣ Мельникова поручаетъ такую роль, какъ Русланъ, музыкально-невѣжественному молокососу. И еще не мало горькихъ истинъ было сказано по моему адресу. Слава Богу, что это позорище совершилось въ самомъ началѣ моей карьеры! Это послужило мнѣ на пользу, отрезвило меня, заставило серьезно задуматься надъ самимъ собою и дѣломъ, которому я служилъ. Нахальство и самонадѣянность, которыми я былъ зараженъ, какъ рукою сняло съ меня!

Мнѣ назначили новыя репетиціи и дали пѣть Руслана еще разъ. Я пѣлъ нѣсколько лучше, но, испытывая страхъ вороны подъ дуломъ ружья, внутренно трепеталъ. У меня замирало сердце; мнѣ не хватало дыханія.

Дебюты кончились. Меня оставили на службѣ и поручили много ролей. Забравъ казенные клавиры, я переѣхалъ

на лѣто въ Павловскъ, вмѣстѣ съ моимъ однолѣткомъ Вольфъ Израэлемъ, віолончелистомъ Маріинскаго театра, и ежедневно началъ ходить къ Таскину, отличному музыканту и аккомпаніатору, доброму товарищу, разучивая съ нимъ мои партіи. Жилъ скромно: гулялъ по парку, ловилъ рыбу и размышлялъ, какъ надо играть ту или другую роль.

Мои товарищи и знакомые единодушно говорили мнѣ:

— Вамъ надо работать! Голосъ у васъ недурной, но вамъ не хватаетъ работы!

Я не особенно ясно понималъ, что это значитъ—работать. Я думалъ, что мнѣ нужно какъ можно больше пѣть вокализы, экзерсисы. Я дѣлалъ это. И все-таки слышалъ:

— Вамъ надо работать!

Но никто не могъ толково объяснить мнѣ, что и какъ я долженъ работать.

Начался сезонъ, но и тутъ «работать» мнѣ не пришлось. Мнѣ не давали пѣть. Я спѣлъ только Руслана и пошабашилъ. Потомъ въ прекрасной старой оперѣ Чимборозо «Тайный бракъ» я нѣсколько разъ игралъ графа. Игралъ Цунигу и больше ничего! Это очень тревожило меня, и я утѣшался лишь пѣніемъ въ благотворительныхъ концертахъ.

Но концерты требовали чуть не каждый разъ свѣжую рубашку. Я получалъ 200 р. въ мѣсяцъ, но такъ какъ, служа въ Панаевскомъ театрѣ, я подписывалъ всѣ бумаги, какія предлагали мнѣ подписать, и подписалъ бы даже приговоръ, осуждавшій меня на смертную казнь, то оказалось, что на меня обращено какими-то людьми взысканіе всѣхъ долговъ Панаевскаго товарищества. Поэтому, какъ только я поступилъ въ казенный театръ, вслѣдъ за мною въ кассу его посыпались повѣстки, исполнительные листы и прочая строго законная бумага. Съ меня взыскивали и 500 р., и 716, и тысячу и, наконецъ, даже пять тысячъ. Такъ какъ я въ судъ не ходилъ, боясь судебныхъ учрежденій, то рѣшенія суда состоялись заочно и всегда не въ мою пользу.

Въ кассѣ театра съ меня вычитали половину жалованія, и я получалъ въ мѣсяцъ сто рублей. На эти деньги трудно было жить! Навѣрное я платилъ-бы эти невѣдомые мною долги лѣтъ шестнадцать, если бы за меня не вступился М. Ф. Волькенштейнъ. Онъ взялъ у меня довѣренность,

выигралъ два послѣднихъ взысканія и освободилъ меня отъ необходимости работать на чужого дядю.

Въ театрѣ дѣла мои шли все хуже. Я зналъ, что всякій разъ, когда кто-нибудь изъ состава театральнаго совѣта предлагалъ дать мнѣ роль, большинство голосовъ отвергало это предложеніе. Разнообразные чехи прямо говорили, что если дать роль Шаляпину, такъ это будетъ «сплошной позоръ». До нѣкоторой степени я заслужилъ такое отношеніе тѣмъ, что спѣлъ Руслана скверно. Однако, оно казалось мнѣ несправедливымъ. Если я плохъ, поучите меня! Но учили меня тоже плохо.

Очень можетъ быть, что я былъ неуклюжъ на сценѣ. Можетъ быть, мои жесты были несовмѣстимы съ ритмомъ, но я былъ увѣренъ, что я знаю и чувствую русскій языкъ лучше, глубже, чѣмъ знаютъ его чехи. А режиссеръ Палечекъ поучалъ меня:

— Ви поэте—шлапа! Не «шлапа», а «шла-а-па» надо пѣть! Ви понимаэтэ: «шла-а-па»!

Онъ говорилъ:

— Когда ви поспѣшись исъ-за кулису со вашемъ длинномъ ногомъ...

А тутъ еще Дальскій, читая недѣльный репертуаръ, пилилъ меня:

— Нужно быть такимъ артистомъ, имя котораго стояло-бы въ репертуарѣ по крайней мѣрѣ дважды въ недѣлю. А если артиста въ репертуарѣ нѣтъ, значитъ, онъ не нуженъ театру.

И указывалъ мнѣ на Александринскій театръ:

— Вотъ смотри: понедѣльникъ, «Гамлетъ», играетъ Дальскій, среда, «Женитьба Бѣлугина», еще разъ Дальскій, пятница, «Безъ вины виноватые», снова Дальскій. А вотъ: «Русалка», поетъ Карякинъ, а не Шаляпинъ; «Рогнѣда», поетъ Черновъ, а не Шаляпинъ.

Эти реплики волновали меня.

— Что же дѣлать?—спрашивалъ я товарища.—Не даютъ мнѣ играть!

— Не даютъ, уйди, не служи!

Легко сказать—уйди, а куда? Съ горя я шелъ въ ресторанъ Лейнера. Частое посѣщеніе мною этого ресторана создало въ публикѣ легенду о моемъ непробудномъ пьянствѣ. Чѣмъ дальше шелъ сезонъ, тѣмъ больнѣе и труднѣе

становилось мнѣ. Особенно угнетали меня репетиции. На нихъ меня учили всѣ: режиссеръ, суфлеръ, хористы и даже, кажется, плотники.

В. В. Андреевъ особенно близко къ сердцу принималъ мои неудачи и старался всячески быть полезнымъ мнѣ, расширяя кругъ знакомствъ, поучительныхъ для меня.

Однажды, онъ привелъ меня къ Тертію Филиппову, о которомъ я уже слышалъ, какъ о человѣкѣ значительномъ въ мірѣ искусства, пріятелѣ Островскаго, поклонникѣ всего самобытнаго. Здѣсь я увидѣлъ знаменитую «сказательницу» Орину Ѳедосову. Она вызвала у меня незабываемое впечатлѣніе. Я слышалъ много разсказовъ, старыхъ пѣсенъ и былинъ и до встрѣчи съ Ѳедосовой, но только въ ея изумительной передачѣ мнѣ вдругъ стала понятна глубокая прелесть народнаго творчества. Неподражаемо прекрасно «сказывала» эта маленькая кривобокая старушка съ веселымъ дѣтскимъ лицомъ о Змѣѣ Горынычѣ, Добрынѣ, о его «поѣздочкахъ молодецкихъ», о матери его, о любви. Предо мной воочію совершалось воскресеніе сказки, и сама Ѳедосова была чудесна, какъ сказка.

А когда сѣли за ужинъ, началъ разсказывать И. Ф. Горбуновъ, поразившій меня талантомъ своимъ не менѣе, чѣмъ Ѳедосова. Впервые видѣлъ я, какъ человѣкъ двумя-тремя словами, соотвѣтствующей интонаціей и мимикой можетъ показать цѣлую картину. Слушая его бытовыя сценки, я съ изумленіемъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ магически извлекаетъ самое существенное изъ жизни Бузулуковъ, Самаръ, Астраханей и всѣхъ городовъ, въ которыхъ я бывалъ и откуда вынесъ множество хаотическихъ впечатлѣній, отложившихся на душѣ моей сѣрой пылью скуки.

Я пѣлъ разные романсы и тріо: «Ночевала тучка золотая» съ Карякинымъ и еще кѣмъ-то, причемъ Карякинъ такъ мощно произносилъ слово «тихонько», что стекла въ окнахъ звенѣли. Третій Филипповъ отнесся ко мнѣ очень ласково.

Въ другой разъ меня повели къ нему слушать удивительнаго мальчика, виртуоза на фортепьяно. Мальчикъ былъ худенькій, чахлый и какой-то незамѣтный. Но когда онъ сѣлъ къ инструменту и началъ играть, я даже недоумѣнно оглянулся, услыхавъ звуки неописуемой силы и нѣжности. Казалось, мнѣ показываютъ нѣкій таинственный фокусъ. Мальчикъ былъ—Гофманъ.

Чѣмъ больше видѣлъ я талантливыхъ людей, тѣмъ болѣе убѣждался, какъ ничтожно все то, что я знаю, какъ много нужно мнѣ учиться. Но какъ учиться, чему?

Бесѣдуя съ Дальскимъ, я не разъ говорилъ ему, что искусство, которому я служу, непонятно мнѣ, не удовлетворяетъ меня. Я жалѣлъ, что не играю въ драмѣ, потому что, мнѣ кажется, пѣніе не можетъ выразить такъ много, какъ живое слово. Дальскій, конечно, соглашался со мною, и тогда у меня явилась настойчивая мысль: нельзя ли соединить оперу съ драмой.

Въ концѣ сезона режиссеръ Кондратьевъ заявилъ мнѣ, что я буду пѣть мельника въ Русалкѣ.

— Мнѣ кажется, что это не моя роль,—сказалъ я, вспомнивъ, какъ холодно приняла публика Тифлиса мое исполненіе этой роли.

Но Кондратьевъ обругалъ меня глупцомъ и приказалъ готовиться къ спектаклю, назначенному утреннимъ въ прощеное воскресенье. Когда я училъ роль мельника, Дальскій предложилъ мнѣ прочитать ему вступительную арію. Я прочиталъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ Дальскій,—ты невѣрно понимаешь характеръ мельника. Это—не вертлявый, бойкій мужичонко, а солидный, степенный мужикъ.

Я тотчасъ понялъ мою ошибку. Въ Тифлисѣ я игралъ мельника, именно вертлявымъ мужичонкомъ.

Въ прощеное воскресенье я спѣлъ мельника съ большимъ успѣхомъ,—первымъ и единственнымъ за весь сезонъ. Мнѣ много апплодировали, поднесли вѣнокъ, но среди товарищей по сценѣ успѣхъ мой прошелъ незамѣченнымъ. Никто не поздравилъ меня, никто не сказалъ ласковаго слова. А когда я шелъ за кулисы съ вѣнкомъ въ рукахъ, режиссеръ, дѣлая видъ, какъ будто все это не касается его, отвернулся отъ меня и равнодушно засвистѣлъ.

Помимо неуспѣховъ моихъ, мнѣ противно было ходить въ театръ изъ-за отношенія начальства къ артистамъ. Я былъ увѣренъ, что артистъ—свободный, независимый человѣкъ. А здѣсь, когда директоръ являлся за кулисы, артисты вытягивались предъ нимъ, какъ солдаты, и пожимали снисходительно протянутые имъ два директорскихъ пальца, слащаво улыбаясь. Раньше я видѣлъ такое отношеніе только въ канцеляріяхъ. Здѣсь оно казалось мнѣ неумѣст-

нымъ. Однажды режиссеръ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе за то, что я въ Новый Годъ не съѣздилъ къ директору и не расписался въ «книгѣ визитовъ». Но мнѣ казалось унизительнымъ выражать начальству почтеніе черезъ швейцара, да я, кажется, и не зналъ, что существуетъ такая церемонія. Было и еще не мало мелочей, которыя очень тяготили меня. Я пересталъ гордиться тѣмъ, что считаюсь артистомъ Императорскихъ театровъ.

За весь сезонъ помню только одно пріятное впечатлѣніе—знакомство съ Римскимъ-Корсаковымъ, когда готовили «Ночь подъ Рождество». Съ огромнымъ интересомъ смотрѣлъ я на молчаливаго, вдумчиваго композитора, въ его глаза, скрытые за двойными очками. Казалось, что къ нему относятся не лучше, чѣмъ ко мнѣ, незамѣтному человѣку. Помню, какъ безцеремонно вычеркивали цѣлыя страницы его оперы, какъ онъ морщился, протестовалъ, а ему съ каменной настойчивостью доказывали, что если оперу не сократить, она покажется публикѣ скучной и длинной.

Можетъ быть, сокращающіе люди были правы, потому что часто интересное представленіе и прекрасная музыка дѣйствительно не нравились публикѣ, и она говорила:

— Какъ это скучно! Русскіе композиторы всегда такую тоску наводятъ!

Не нравилось, если въ операхъ нѣтъ такихъ арій, какъ напримѣръ: «На землѣ есть родъ людской» — и говорили:

— Вотъ «Трубадуръ»—это я понимаю!..

И вообще русская музыка была не въ почетѣ, какъ мнѣ казалось.

Однажды мнѣ захотѣлось спѣть въ концертѣ «Трепакъ» Мусоргскаго. Эта вещь страшно нравилась мнѣ. На репетиціи у артистки, которая устраивала концертъ, я встрѣтилъ извѣстнаго въ то время музыкальнаго критика. Онъ долженъ былъ аккомпанировать на концертѣ.

— Почему вы поете «Трепакъ»?—спросилъ онъ.

— Мнѣ очень нравится.

— Но вѣдь это же страшная мерзость,—сказалъ онъ любезно.

— Все-таки я спою ее...

— Ваше дѣло, пойте,—сказалъ онъ, пожавъ плечами.

— Дайте мнѣ ноты, чтобы я могъ хорошенько просмотрѣть ихъ дома.

Ноты я ему далъ, но, не надѣясь, что онъ способенъ хорошо аккомпанировать произведенію, къ которому относится такъ рѣзко и несправедливо, я просилъ Длусскаго аккомпанировать мнѣ на концертѣ. Критикъ, говорили, очень обидѣлся на меня.

На концертѣ, когда я спѣлъ «Трепака», мнѣ стало ясно, что и публика не любитъ такія вещи.

Впослѣдствіи, пріѣхавъ въ Петербургъ съ Мамонтовской оперой, я пѣлъ въ концертахъ рядъ вещей, надъ которыми много работалъ, но критикъ отнесся къ нимъ и ко мнѣ весьма недоброжелательно. Впрочемъ мнѣ думается, что критика и недоброжелательство — профессіи родственныя.

Въ концѣ Пушкинской улицы, за маленькой площадью, на которой стоитъ крошечный Пушкинъ, возвышается огромное зданіе, похожее на цейгхаузъ—вещевой складъ. Это—Пале-Рояль, пріютъ артистической богемы Петербурга. Въ мое время сей пріютъ былъ очень грязенъ и единственное хорошее въ немъ, кромѣ людей, были лѣстницы, очень отлогія. По нимъ легко было взбираться даже на пятый этажъ, гдѣ я жилъ въ грязненькой комнатѣ, напоминавшей «номеръ» провинціальной гостинницы. Въ портьерахъ, выцвѣтшихъ отъ времени, сохранилось много пыли, прозябали блохи, мухи и другія насѣкомыя. Въ темныхъ корридорахъ всегда можно было встрѣтить пьяненькихъ людей обоего пола. Скандалы, однако, разыгрывались не очень часто. Въ общемъ же въ Пале-Роялѣ жилось интересно и весело. Дальскій жилъ въ одномъ корридорѣ со мною. Къ нему постоянно приходили актеры, поклонники, поклонницы. Онъ охотно ораторствовалъ съ ними, зная все на свѣтѣ и обо всемъ говоря смѣло, свободно. Я внимательно вслушивался въ его бесѣды.

Часто бывалъ у насъ старикъ Гулевичъ, разсказчикъ, жившій въ числѣ «призрѣваемыхъ» въ «Убѣжищѣ для артистовъ». Это былъ человѣкъ своеобразно остроумный. Онъ самъ создавалъ удивительные разсказы о томъ, какъ ведутъ себя римскіе папы послѣ смерти, какъ Пій IX желалъ прогуляться по млечному пути, что дѣлается въ аду, въ раю, на днѣ морскомъ.

На Страстной недѣлѣ Гулевичъ сказалъ мнѣ:

— У насъ въ «Убѣжищѣ», конечно, тоже будутъ Пасху встрѣчать, но я приду къ тебѣ.

Въ субботу онъ явился съ какими-то узелками въ рукахъ. Я обрадовался, думая, что онъ принесъ пасхальныхъ яствъ и питій для разговѣнія, обрадовался потому, что у меня въ карманѣ ни гроша не было. Но оказалось, что Гулевичъ притащилъ десятокъ бумажныхъ фонариковъ и огарки свѣчей.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—самъ дѣлалъ цѣлую недѣлю! Давай развѣсимъ ихъ, а въ 12 зажжемъ! И будетъ у насъ иллюминація!

Когда я сказалъ ему, что фонарики—это хорошо, а разговѣться намъ нечѣмъ, старикъ очень огорчился. На несчастье дома никого не было. Дальскій и другіе знакомые ушли разговляться—кто куда. Грустно было намъ.

Вдругъ Гулевичъ поглядѣлъ на икону въ переднемъ углу, подставилъ стулъ, снялъ ее и понесъ въ корридоръ, говоря:

— Когда актерамъ грустно, они не хотятъ, чтобы ты грустилъ вмѣстѣ съ ними.

Въ корридорѣ онъ поставилъ икону на подоконникъ лицомъ къ стеклу.

Вдругъ является человѣкъ въ ливреѣ и говоритъ:

— Вы г. Шаляпинъ? Госпожа такая-то проситъ Васъ пожаловать къ ней на разговѣнье!

Эта госпожа была очень милой и знатной дамой. Меня познакомилъ съ нею Андреевъ, и я часто пѣлъ въ ея гостиной. Я отправился, взявъ пальто у корридорнаго,—мое пальто заложилъ или пропилъ кто-то изъ сосѣдей. Въ столовой знатной дамы собралось множество гостей. Пили, ѣли, смѣялись, но я помнилъ о старикѣ Гулевичѣ и мнѣ было неловко, скучно. Тогда я подошелъ къ хозяйкѣ и тихонько сказалъ ей, что хочу уйти, дома у меня сидитъ старикъ, ждетъ меня, такъ не дастъ ли она мнѣ разныхъ разностей для него.

Она отнеслась къ моей просьбѣ очень просто, велѣла наложить цѣлую корзину всякой всячины, дала мнѣ денегъ и черезъ полчаса я былъ въ Пале-Роялѣ, гдѣ Гулевичъ, сидя въ одиночествѣ и меланхолически поплевывая на пальцы, разглаживалъ свои усы.

— Чортъ побери!—сказалъ онъ, распаковывая корзинку,—да тутъ не только водка, а и шампанское!

Тотчасъ же принесъ икону, повѣсилъ ее на мѣсто и объяснилъ:

— Праздновать вмѣстѣ, а скучать—каждый по своему!

Мы чудесно встрѣтили Пасху, но на слѣдующій день, проснувшись, я увидѣлъ, что Гулевичъ лежитъ на диванѣ, корчится и стонетъ.

— Что съ тобой?

— Чортъ знаетъ! Не отъ доброй души дали тбѣ все это, съѣденное нами! Заболѣлъ я...

Вдругъ вижу, что бутылка, въ которой я держалъ полосканье для горла, пуста.

— Позволь,—куда же дѣвалось полосканье?

— Это было полосканье?—спросилъ Гулевичъ, поднявъ брови.

— Ну да!

— Гм... Теперь я все понимаю. Я, видишь-ли, опохмѣлился имъ, полосканьемъ, — сознался старикъ, поглаживая усы.

Въ такихъ вотъ смѣшныхъ и пустыхъ толуфарсахъ проходила моя «домашняя» жизнь въ Палэ-Роялѣ, а за кулисами театра я все болѣе чувствовалъ себя чужимъ человѣкомъ. Товарищескихъ отношеній съ артистами у меня не было. Да я и вообще не наблюдалъ ихъ на сценѣ казеннаго театра.

Что-то ушло изъ души моей и душа опустѣла. Казалось, что, идя по прекрасной широкой дорогѣ, я вдругъ дошелъ до какого-то распутья и не знаю—куда идти. Что-то необходимо было для меня, а что? — я не зналъ.

Кончился сезонъ. Я получилъ какія-то роли для изученія къ будущему сезону и раздумывалъ, куда-бы мнѣ поѣхать на лѣто. Какъ вдругъ пришелъ знакомый баритонъ Соколовъ и предложилъ мнѣ ѣхать на Всероссійскую выставку въ Нижній. Онъ восторженно разсказалъ мнѣ о составѣ труппы, о задачахъ, поставленныхъ ею, и я рѣшилъ ѣхать.

Я еще никогда не бывалъ на Волгѣ выше Казани. Нижній сразу очаровалъ меня своей оригинальной красотой, стѣнами и башнями кремля, широтою воднаго простран-

ства и луговъ. Въ душѣ снова воскресло счастливое и радостное настроеніе, какъ это всегда бываетъ со мной на Волгѣ.

Снялъ я себѣ комнатку у какой-то старухи на Ковалихѣ и сейчасъ же отправился смотрѣть театръ, только что отстроенный, новенькій и чистый. Начались репетиціи. Я познакомился съ артистами и между нами сразу-же установились хорошія, товарищескія отношенія. Въ частныхъ операхъ отношенія артистовъ всегда проще, искреннѣе, чѣмъ въ казенной.

Среди артистовъ былъ Кругловъ, которому я поклонялся, посѣщая мальчишкой казанскій театръ.

Вскорѣ я узналъ, что опера принадлежитъ не г-жѣ Винтеръ, а Саввѣ Ивановичу Мамонтову, который стоитъ за нею. О Мамонтовѣ я слышалъ очень много интереснаго еще въ Тифлисѣ отъ дирижера Турффи. Я зналъ, что это одинъ изъ крупнѣйшихъ меценатовъ Москвы, натура глубоко артистическая. Но Мамонтова въ Нижнемъ еще не было. У г-жи Винтеръ устраивались послѣ спектаклей интересные вечера, на которыхъ собиралась вся труппа. На этихъ вечерахъ я балагурилъ, разсказывалъ анекдоты, разные случаи изъ моей жизни. У меня было что разсказать. Эти разсказы пріобрѣли для меня сердечный интересъ товащей и я чувствовалъ себя прекрасно.

Однажды, придя на обѣдъ къ Винтеръ, я увидалъ за столомъ плотнаго, коренастаго человѣка съ какой-то особенно памятной монгольской головою, съ живыми глазами, энергичнаго въ движеніяхъ. Это былъ Мамонтовъ. Онъ посмотрѣлъ на меня строго и, ничего не сказавъ мнѣ, продолжалъ бесѣду съ молодымъ человѣкомъ, украшеннымъ бородкою Генриха IV. Это К. А. Коровинъ.

Какъ всегда, я началъ безпечно шутить, разсказывать. Всѣ смѣялись. Смѣялся и Мамонтовъ очень молодо и охотно. При немъ, Коровинѣ и Мельниковѣ, сынѣ извѣстнаго артиста, милое общество стало еще милѣе и живѣе.

Вскорѣ пріѣхалъ изъ Италіи балетъ. Какъ сейчасъ помню, удивительно веселый шумъ и гамъ, который внесли съ собою итальянцы въ нашъ театръ. Все, — всѣ ихъ жесты, интонаціи, движенія, — такъ рѣзко отличалось отъ всего, что я видѣлъ, такъ ново было для меня! Вся эта толпа удивительно живыхъ людей явилась въ театръ прямо съ

вокзала съ чемоданами, ящиками, сундуками. Никто изъ нихъ ни слова не понималъ по-русски и всѣ они были, какъ дѣти. Мнѣ показалось, что мой темпераментъ наилучше подходитъ къ итальянскому. Я тоже могъ неутомимо орать, хохотать, размахивать руками. Поэтому я взялъ на себя обязанность найти для нихъ квартиры. Я объявилъ имъ объ этомъ различными краснорѣчивыми жестами. Они тотчасъ окружили меня и начали кричать, какъ будто сердясь и проклиная меня. Но это была только ихъ манера говорить.

Пошли по городу искать комнаты. Лазали на чердаки, опускались въ подвалы. Итальянцы кричали:

—Саго, саго!

Хватались за головы, фыркали, смѣялись и, какъ я понималъ, были всѣмъ крайне недовольны. Я, конечно, убѣждалъ ихъ «мириться съ необходимостью», — на то я и русскій.

Какъ ни какъ, но, наконецъ, удалось устроить ихъ.

По мѣрѣ того, какъ я игралъ, Мамонтовъ все чаще являлся въ театръ и за кулисы. Онъ никогда не говорилъ мнѣ ни «хорошо», ни «плохо», но сталъ относиться ко мнѣ замѣтно внимательнѣе, ласковѣе, я-бъ сказалъ, нѣжнѣе. Надо сказать, что въ Нижнемъ я имѣлъ вполнѣ опредѣленный и шумный успѣхъ.

Однажды, гуляя со мной по Откосу, Мамонтовъ сталъ разспрашивать меня, что я намѣренъ дѣлать въ будущемъ. Я сказалъ, что буду служить въ Императорскомъ театрѣ, хотя мнѣ трудно тамъ. Онъ ничего не отвѣтилъ мнѣ на это и сталъ говорить о своихъ дѣлахъ на выставкѣ, о томъ, что кто-то не понимаетъ его.

— Странные люди, — говорилъ онъ.

Я тоже не понималъ его рѣчей. Въ другой разъ онъ предложилъ мнѣ:

— Поѣдемте на выставку!

Я зналъ, что Мамонтовъ — строитель какой-то желѣзной дороги и поэтому ожидалъ, что имъ выставлены машины, вагоны. Но каково было мое удивленіе, когда онъ привелъ меня въ большой тесовый баракъ, на стѣнахъ котораго были какъ бы наклеены двѣ огромныя картины, одна противъ другой.

Одна картина изображала Микулу Селяниновича и Вольгу-богатыря. Написана она была въ высшей степени

странно: какими-то разноцвѣтными кубиками, очень пестро и какъ-то безсвязно. До сей поры я видѣлъ картины, выписанныя тщательно, раскрашенныя, такъ сказать, изящно и напоминавшія гладкую музыку итальянскихъ оперъ. А это какой-то хаосъ красокъ.

Однако, Саввѣ Ивановичу эта картина, очевидно, нравилась. Онъ смотрѣлъ на нее съ явнымъ удовольствіемъ и все говорилъ:

— Хорошо! А, чортъ возьми...

— Почему это хорошо? — спросилъ я.

— Послѣ поймете ,батюшка! Вы еще мальчикъ...

Онъ разсказалъ мнѣ сюжетъ другой картины. Это была «Принцесса Греза» Ростана. И затѣмъ, по дорогѣ въ городъ, онъ горячо разсказалъ мнѣ, какъ несправедливо отнеслось жюри художественнаго отдѣла выставки къ Врубелю, написавшему эти странныя картины.

— Красильщики, — говорилъ онъ о членахъ жюри.

Все это очень заинтересовало меня и въ свободное время я сталъ посѣщать художественный отдѣлъ выставки и павильонъ Врубеля, построенный внѣ ограды ея. Скоро я замѣтилъ, что картины, признанныя жюри, надоѣли мнѣ, а исключенный Врубель нравится все больше. Мнѣ казалось, что разница между его картинами и тѣми, которыя признаны, та же, что между музыкой Мусоргскаго и «Травіатой» или «Риголетто».

Сезонъ шелъ весело, прекрасно. Въ театрѣ у насъ жила какая-то радостная и неизсякаемая энергія. Я съ грустью думалъ, что все это скоро кончится и снова я начну посѣщать скучныя репетиціи казеннаго театра, участвовать въ спектакляхъ, похожихъ на экзамены. Было тѣмъ болѣе грустно, что Мамонтовъ, Коровинъ и всѣ артисты труппы Винтеръ стали для меня дорогими и нужными людьми.

Но вотъ однажды Мамонтовъ, гуляя со мною по улицамъ Нижняго, предложилъ мнѣ перейти въ Москву и остаться въ труппѣ Винтеръ. Я обрадовался, но тотчасъ вспомнилъ, что контрактъ Императорскаго театра грозитъ мнѣ неустойкой въ 3600 рублей.

— Я могъ бы дать вамъ 6000 въ годъ и контрактъ на три года, — предложилъ Мамонтовъ. — Подумайте!

Среди итальянскихъ балеринъ была одна, которая страшно нравилась мнѣ. Танцовала она изумительно, лучше

всѣхъ балеринъ Императорскихъ театровъ, какъ мнѣ казалось. Она всегда была грустной. Видимо, ей было не по себѣ въ Россіи. Я понималъ эту грусть. Я вѣдь и самъ чувствовалъ себя иностранцемъ въ Баку, Тифлисѣ, да и въ Петербургѣ. На репетиціяхъ я подходилъ къ этой барышнѣ и говорилъ ей всѣ итальянскія слова, извѣстныя мнѣ:

—All gro and nte religioso moder to

Она улыбалась и снова лицо ея окутывала тѣнь грусти.

Какъ-то случилось, что она и двѣ подруги ея ужинали со мной послѣ спектакля въ ресторанѣ. Была чудесная лунная ночь. Мнѣ хотѣлось сказать дѣвицамъ, что въ такую ночь грѣшно спать, но я не зналъ слова грѣхъ по-итальянски и началъ объяснять мою мысль приблизительно такъ:

— Фаустъ, Маргарита, — понимаете? Бимъ-бомъ-бомъ. Церковь-кьеза. Христосъ нон Маргарита. Христосъ нон Маргарита.

Посмѣявшись, подумавъ, она сказала:

— Маргарита пекката.

— Ага, пекката,—обрадовался я.

И наконецъ, послѣ долгихъ усилій, онѣ сложили фразу:

La notta e gussi bella, que dormire e peccato.

— Ночь такъ хороша, что спать грѣшно.

Эти разговоры на русско-итальянскомъ языкѣ очень забавляли балеринъ и не менѣе меня.

Вскорѣ Торнаги, дѣвушка, которая такъ нравилась мнѣ, заболѣла. Я началъ ухаживать за нею, носилъ ей куриный бульонъ, вино и, наконецъ, уговорилъ ее переѣхать въ домъ, гдѣ я квартировалъ. Это облегчало мнѣ заботы о ней. Она разсказывала мнѣ о своей прекрасной родинѣ, о солнцѣ и цвѣтахъ. Конечно, я скорѣе чувствовалъ смыслъ ея рѣчей, не понимая языка.

Однажды, кажется, при Мамонтовѣ, я сказалъ, что, если бы я зналъ по-итальянски, то женился бы на Торнаги и вскорѣ послѣ этого мнѣ стало извѣстно, что Мамонтовъ оставляетъ балерину въ Москвѣ.

И все-таки мнѣ пришлось поѣхать въ Петербургъ, снова жить въ Пале-Роялѣ и ходить на казенныя репетиціи. Осень, туманъ и дождь. Петербургъ съ его электрическими фонарями пересталъ нравиться мнѣ.

Въ началѣ сезона мнѣ дали роль князя Вдадимира въ «Рогнѣдѣ» и на репетиціи все время ворчали, что эту роль

замѣчательно игралъ Мельниковъ, а вотъ у меня ничего не выходитъ. Показывали, какъ ходилъ Мельниковъ по сценѣ, что онъ дѣлалъ руками, но, очевидно, Мельниковъ былъ не похожъ на меня, а я на него,—изъ моихъ подражаній ему, дѣйствительно, получалось что-то курьезное! Я чувствовалъ, что та индивидуальность, которую я представлялъ себѣ княземъ Владиміромъ, не можетъ дѣлать жестовъ и движеній, которые навязывалъ мнѣ режиссеръ. Роль прошла блѣдно и единственно, чего я достигъ, это добросовѣстной отдѣлки ея музыкальнаго содержанія. По этому поводу мнѣ пришлось пережить много непріятностей съ Направникомъ. Но впослѣдствіи я понялъ, что Направникъ съ его педантичнымъ требованіемъ строго-ритмическаго исполненія ролей былъ правъ и что мое отношеніе къ ритму внушено мнѣ, благодаря именно работѣ со мною этого маститаго художника.

Спустя недѣли три послѣ начала сезона, пріѣхала Торнаги и стала уговаривать меня перебраться въ Москву къ Мамонтову. Скрѣпя сердце, я не согласился. Но вскорѣ меня охватила такая тоска, что я самъ бросился въ Москву и вечеромъ, въ день пріѣзда, сидѣлъ съ артистами въ ложѣ г-жи Винтеръ. Меня встрѣтили радостно и родственно. Въ театрѣ было скучновато. Публики собралось немного. По сценѣ ходилъ неуклюжій Мефистофель и, не выговаривая шестнадцати буквъ алфавита, тянулъ:

— Фонъ тфой тѣдскій бефмятефный...

Послѣ спектакля за ужиномъ у Тѣстова С. И. Мамонтовъ снова предложилъ мнѣ пѣть у него. Меня мучила проклятая неустойка за два сезона. Наконецъ, Мамонтовъ сказалъ, что даетъ мнѣ 7200 руб. въ годъ, а неустойку мы съ нимъ дѣлимъ пополамъ: 3600 платитъ онъ, 3600 — я.

И вотъ я снова у Мамонтова. Первый спектакль «Жизнь за царя» очень волновалъ меня. Вдругъ я не оправдаю довѣрія ко мнѣ товарищей, надеждъ антрепренера?

Но на другой день видный тогда театральный критикъ С. Кругликовъ писалъ въ отчетѣ о спектаклѣ:

«Въ Солодовниковскомъ театрѣ появился, кажется, очень интересный артистъ. Его исполненіе роли Сусанина было очень ново и своеобразно. Артистъ имѣлъ большой успѣхъ у публики, къ сожалѣнію, малочисленной».

Замѣтка имѣла вліяніе. На слѣдующія представленія

«Жизни за царя» публики собиралось все больше съ каждымъ разомъ.

Нужно было пѣть Мефистофеля въ «Фаустѣ». Я сказалъ Мамонтову, что роль Мефистофеля, какъ я игралъ ее до сей поры, не удовлетворяетъ меня. Я вижу этотъ образъ иначе, въ другомъ костюмѣ и гримѣ, и я хотѣлъ бы отступить отъ театральной традиціи.

— Ради Бога! —воскликнулъ Мамонтовъ. — Что именно хотите вы сдѣлать?

Я объяснилъ ему. Мы отправились въ магазинъ Аванцо, пересмотрѣли тамъ всѣ наличныя изображенія Мефистофеля, и я остановился на гравюрѣ Каульбаха. Заказали костюмъ. Въ день спектакля я пришелъ въ театръ рано, долго искалъ подходящій къ костюму гримъ и, наконецъ, почувствовалъ, что нашелъ нѣчто гармонирующее.

Явившись на сцену, я какъ бы нашелъ другого себя, свободнаго въ движеніяхъ, чувствующаго свою силу и красоту. Я былъ тогда молодъ, гибокъ, эластиченъ, и фигура моя больше подходила къ образу Мефистофеля, чѣмъ подходитъ теперь. Игралъ я и самъ радовался, чувствуя, какъ у меня все выходитъ естественно и свободно. Успѣхъ я имѣлъ огромный. С. Кругликовъ писалъ на слѣдующій день:

«Вчерашній Мефистофель въ изображеніи Шаляпина, можетъ быть, былъ несовершеннымъ, но во всякомъ случаѣ настолько интереснымъ, что я впредь не пропущу ни одного спектакля съ участіемъ этого артиста.»

Тонъ рецензіи былъ серьезенъ и совершенно не похожъ на обычныя замѣтки о спектаклѣ.

С. И. Мамонтовъ сказалъ мнѣ:

— Феденька, вы можете дѣлать въ этомъ театрѣ все, что хотите! Если вамъ нужны костюмы, скажите, и будутъ костюмы. Если нужно поставить новую оперу, поставимъ оперу!

Все это одѣло душу мою въ одежды праздничныя, и впервые въ жизни я почувствовалъ себя свободнымъ, сильнымъ, способнымъ побѣдить всѣ препятствія.

Я уже говорилъ о томъ, что опера, такъ, какъ она есть, не удовлетворяла меня. Я видѣлъ, что Даргомыжскій въ «Русалкѣ», явно придавая нѣкоторымъ фразамъ драма-

тизмъ, какъ бы стремился соединить оперу и драму въ одно цѣлое и видѣлъ, что, наоборотъ, пѣвцы и режиссеры всегда подчеркиваютъ въ операхъ моменты лирическіе въ ущербъ драмѣ, и тѣмъ обездушиваютъ, обезсиливаютъ оперу.

— Что такое опера? — полупрезрительно говорилъ Дальскій. — Въ операхъ нельзя играть Шекспира!

Я не вѣрилъ въ это. Почему же нельзя?

Въ то же время я видѣлъ, какъ рѣзко отличаются оперы Римскаго-Корсакова отъ «Риголетто», «Травіаты», «Фра-Діаволо» и даже «Фауста». Но разобраться въ этомъ, предъявить къ самому себѣ точныя требованія я не могъ и чувствовалъ себя сидящимъ гдѣ-то между двухъ стульевъ.

Теперь, когда Мамонтовъ предоставилъ мнѣ право работать свободно, я тотчасъ началъ совершенствовать всѣ роли моего репертуара: Сусанина, Мельника, Мефистофеля и т. д.

Мнѣ никто не мѣшалъ, меня не били по рукамъ, говоря, что я дѣлаю не тѣ жесты. Никто не внушалъ мнѣ, какъ дѣлали то или это Петровъ и Мельниковъ. Какъ будто цѣпи спали съ души моей.

Постепенно расширялся кругъ моихъ знакомствъ съ художниками. Однажды ко мнѣ за кулисы пришелъ Д. В. Полѣновъ и любезно нарисовалъ мнѣ эскизикъ для костюма Мефистофеля, исправивъ въ немъ нѣкоторые недочеты. Въ театрѣ и у Мамонтова постоянно бывали Сѣровъ, Врубель, В. В. Васнецовъ, Якунчикова, Архиповъ. Наиболѣе нравились мнѣ Врубель, Коровинъ и Сѣровъ.

Сначала эти люди казались мнѣ такими же, какъ и всѣ другіе, но вскорѣ я замѣтилъ, что въ каждомъ изъ нихъ и во всѣхъ вмѣстѣ есть что-то особенное. Говорили они кратко, отрывисто и какими-то особенными словами.

— Нравится мнѣ у тебя, — говорилъ Сѣровъ К. Коровину,—свинецъ на горизонтѣ и это...

Сжавъ два пальца, большой и указательный, онъ проводилъ ими въ воздухѣ фигурную линію, и я, не видя картины, о которой шла рѣчь, понималъ, что рѣчь идетъ о еляхъ. Меня поражало умѣнье людей давать небольшимъ количествомъ словъ и двумя-тремя жестами точное понятіе о формѣ и содержаніи.

Сѣровъ особенно мастерски изображалъ жестами и коротенькими словами цѣлыя картины. Съ виду это былъ че-

ловѣкъ суровый и сухой. Я даже сначала побаивался его, но вскорѣ узналъ, что онъ юмористъ, весельчакъ и крайне правдивое существо. Онъ умѣлъ сказать и рѣзкость, но за нею всегда чувствоволось все-таки хорошее отношеніе къ человѣку. Однажды онъ разсказывалъ о лихачахъ, стоящихъ у Страстного монастыря. Я былъ изумленъ, видя, какъ этотъ коренастый человѣкъ, сидя на стулѣ въ комнатѣ, вѣрно и точно изобразилъ извозчика на козлахъ саней, какъ великолѣпно передалъ онъ слова его:

— Прокатитесь? Шесть рубликовъ-съ!

Другой разъ, показывая Коровину свои этюды — плетень и ветлы — онъ указалъ на вѣеръ какихъ-то сѣрыхъ пятенъ и пожаловался:

— Не вышла, чортъ возьми, у меня эта штука! Хотѣлось изобразить воробьевъ, которые, знаешь, сразу поднялись съ мѣста... фррр!

Онъ сдѣлалъ всѣми пальцами странный жестъ, и я сразу понялъ, что на картинѣ «эта штука» дѣйствительно не вышла у него.

Меня очень увлекала эта ловкая манера художниковъ мѣтко схватывать куски жизни. Сѣровъ напоминалъ мнѣ И. Ф. Горбунова, который одной фразой и мимикой изображалъ цѣлый хоръ пѣвчихъ съ пьянымъ регентомъ. И, глядя на нихъ, я тоже старался и въ жизни, и на сценѣ быть выразительнымъ, пластичнымъ. Мой репертуаръ сталъ казаться мнѣ заиграннымъ, неинтереснымъ, хотя я и продолжалъ работать, стараясь внести въ каждую роль что-либо новое. Я зналъ, что у Римскаго-Корсакова есть опера «Псковитяка», но когда предложилъ поставить ее, чтобъ сыграть роль Ивана Грознаго, всѣ въ театрѣ и даже самъ Мамонтовъ встрѣтили мое предложеніе скептически. Но все-таки Мамонтовъ не протестовалъ противъ моего выбора, оказавшагося счастливымъ и для театра, и для меня Я попалъ на ту вещь, которая открыла предо мною возможность соединенія лирики и драмы.

Но когда я началъ болѣе внимательно изучать оперу, она испугала меня; мнѣ показалось, что все въ ней очень трудно, не по моимъ силамъ. Да и на публику, вѣроятно, не произведетъ никакого впечатлѣнія: въ оперѣ у меня не было ни аріи, ни дуэта, ни тріо, ничего, что требуется традиціей. Въ то время у меня не было такого великолѣпнаго

учителя, какъ В. І. Ключевскій, съ помощью котораго я изучалъ роль Бориса Годунова. Мнѣ приходилось пользоваться указаніями художниковъ, которые кое-что охотно объяснили и нѣсколько ввели меня въ пониманіе эпохи и характера Грознаго царя.

Но каковъ былъ мой ужасъ, когда я пришелъ режиссировать оперу и съ горькимъ изумленіемъ убѣдился, что роль Грознаго не идетъ у меня.

Я зналъ, что Грозный былъ ханжа. Поэтому слова его: «Войти, аль нѣтъ?» которыя онъ произноситъ на порогѣ хоромъ Токмакова и которыми начинается драма, я произнесъ тихонько, смиренно и ядовито. Въ томъ же тонѣ я повелъ роль и дальше. На сценѣ разлилась невообразимая скука и тоска. Это чувствовалъ и я, и всѣ товарищи. На второй репетиціи дѣло пошло не лучше. Я изорвалъ ноты, что-то сломалъ, бросился въ уборную и тамъ заплакалъ съ отчаянія. Пришелъ С. И. Мамонтовъ, похлопалъ меня по плечу и посовѣтовалъ дружески:

— Бросьте нервничась, Феденька! Возьмите себя въ руки, прикрикните хорошенько на товарищей да сдѣлайте-ка немножко посильнѣе первую фразу!

Я сразу понялъ свою ошибку. Да, Грозный былъ ханжа, но онъ былъ Грозный. Выскочивъ на сцену, я перемѣнилъ тонъ роли и почувствовалъ, что взялъ вѣрно. Все оживилось. Артисты, подавая реплики на мой «грозный» тонъ, тоже измѣнили отношеніе къ ролямъ.

Чтобъ найти лицо Грознаго я ходилъ въ Третьяковскую галлерею смотрѣть картины Шварца, Рѣпина, скульптуру Антокольскаго. Это не удовлетворило меня. Но кто-то сказалъ мнѣ, что у инженера Чоколова есть портретъ Грознаго работы В. Васнецова. Кажется, этотъ портретъ и до сихъ поръ неизвѣстенъ широкой публикѣ. Онъ произвелъ на меня большое впечатлѣніе. На немъ лицо Грознаго изображено въ три четверти. Царь огненнымъ темнымъ глазомъ смотритъ куда-то въ сторону.

Изъ соединенія всего, что дали мнѣ Рѣпинъ, Васнецовъ и Шварцъ я сдѣлалъ довольно удачный гримъ, вѣрную, на мой взглядъ, фигуру.

Опера была написана, кажется, въ 74 году, а въ 97 ставилась впервые. Естественно, что публика не знала ее, и, когда я выѣхалъ на сцену верхомъ, всѣ ожидали, что я

начну пѣть. Но занавѣсъ опустился, хотя никто ничего не пѣлъ. Несмотря на недоумѣніе, вызванное въ публикѣ этой нѣмой картиной, публика все-таки дружно и сердечно апплодировала, такъ что пришлось поднимать занавѣсъ нѣсколько разъ.

«Псковитянка» имѣла рѣшительный успѣхъ и прошла въ сезонъ разъ 15, всегда при полномъ сборѣ. Мамонтовъ тоже отнесся къ «Псковитянкѣ» съ восторгомъ, хотя онъ и былъ горячимъ поклонникомъ итальянской оперы. У него пѣли знаменитѣйшіе пѣвцы: Мазини, Таманьо, Ванъ-Зандтъ.

Кстати, многіе, какъ я слышалъ, говорятъ:

— Да, Мазини прекрасный пѣвецъ, но его нужно было слушать отвернувшись. Смотрѣть на него не слѣдовало.

Это не вѣрно, я думаю. Пѣлъ онъ, дѣйствительно, какъ архангелъ, посланный съ небесъ для того, чтобъ облагородить людей. Такого пѣнія я не слыхалъ никогда больше. Но онъ умѣлъ играть столь-же великолѣпно! Я видѣлъ его въ «Фавориткѣ». Сначала онъ какъ-будто не хотѣлъ играть. Одѣтый небрежно въ плохое трико и старенькій, странный костюмъ, онъ шалилъ на сценѣ точно мальчикъ, но вдругъ, въ послѣднемъ актѣ, когда онъ, раненый, умираетъ, онъ началъ такъ чудесно играть, что не только я, а даже и столь опытный драматическій артистъ, какъ Дальскій, былъ изумленъ и тронутъ до глубины души этой игрой.

Лѣтомъ 98 г. я былъ приглашенъ на дачу Т. С. Любатовичъ въ Ярославскую губернію. Тамъ, вмѣстѣ съ С. В. Рахманиновымъ, нашимъ режиссеромъ, я занялся изученіемъ Бориса Годунова. Тогда Рахманиновъ только что кончилъ консерваторію. Это былъ живой, веселый, компанейскій человѣкъ. Отличный артистъ, великолѣпный музыкантъ и ученикъ Чайковскаго, онъ особенно поощрялъ меня заниматься Мусоргскимъ и Римскимъ-Корсаковымъ. Онъ познакомилъ меня съ элементарными правилами музыки и даже немного съ гармоніей. Онъ вообще старался музыкально воспитать меня.

«Борисъ Годуновъ» до того нравился мнѣ, что, не ограничиваясь изученіемъ своей роли, я пѣлъ всю оперу, всѣ партіи: мужскія и женскія, съ начала до конца. Когда я понялъ, какъ полезно такое полное знаніе оперы, я сталъ

такъ же учить и всѣ другія, цѣликомъ; даже тѣ, которыя нѣлъ раньше.

Чѣмъ дальше вникалъ я въ оперу Мусоргскаго, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что въ операѣ можно играть и Шекспира. Это зависитъ отъ автора оперы. Сильно пораженъ былъ я, когда познакомился съ біографіей Мусоргскаго. Мнѣ даже, помню, жутко стало. Обладать столь прекраснымъ, такимъ оригинальнымъ талантомъ, жить въ бѣдности и умереть въ какой-то грязной больницѣ отъ алкоголизма! Но потомъ я узналъ, что не первый русскій талантъ кончаетъ этимъ и воочію убѣдился, что — на горе наше — Мусоргскій не послѣдній, который кончилъ такъ.

Изучая «Годунова» съ музыкальной стороны, я захотѣлъ познакомиться съ нимъ исторически. Прочиталъ Пушкина, Карамзина. Но этого мнѣ показалось недостаточно. Тогда я попросилъ познакомить меня съ В. І. Ключевскимъ, который жилъ тоже на дачѣ въ предѣлахъ Ярославской губерніи.

Поѣхалъ я къ нему, и старикъ встрѣтилъ меня очень радушно, напоилъ чаемъ, сказалъ, что видѣлъ меня въ «Псковитянкѣ» и что ему понравилось, какъ я изображалъ Грознаго. Когда я попросилъ его разсказать мнѣ о Годуновѣ, онъ предложилъ отправиться съ нимъ въ лѣсъ гулять. Никогда не забуду я эту сказочную прогулку среди высокихъ сосенъ по песку, смѣшанному съ хвоей. Идетъ рядомъ со мною старичекъ, подстриженный въ кружало, въ очкахъ, за которыми блестятъ узенькіе, мудрые глазки, съ маленькой сѣдой бородкой, идетъ и, останавливаясь черезъ каждые пять-десять шаговъ, вкрадчивымъ голосомъ, съ тонкой усмѣшкой на лицѣ, передаетъ мнѣ, точно очевидецъ событія, діалоги между Шуйскимъ и Годуновымъ, разсказываетъ о приставахъ, какъ будто лично былъ знакомъ съ ними, о Варлаамѣ, Мисаилѣ и обаяніи Самозванца. Говорилъ онъ много и такъ удивительно ярко, что я видѣлъ людей, изображаемыхъ имъ. Особенное впечатлѣніе произвели на меня діалоги между Шуйскимъ и Борисомъ въ изображеніи В. І. Ключевскаго. Онъ такъ артистически передавалъ ихъ, что когда я слышалъ изъ его устъ слова Шуйскаго, мнѣ думалось:

Какъ жаль, что В. І. не поетъ и не сможетъ сыграть со мною князя Василья!

Въ разсказѣ историка фигура царя Бориса рисовалась такой могучей, интересной. Слушалъ я и душевно жалѣлъ царя, который обладалъ огромной силой воли и умомъ, желалъ сдѣлать русской землѣ добро и создалъ крѣпостное право. Ключевскій очень подчеркнулъ одиночество Годунова, его юркую мысль и стремленіе къ просвѣщенію страны. Иногда мнѣ казалось, что воскресъ Василій Шуйскій и самъ сознается въ ошибкѣ своей,—зря погубилъ Годунова!

Переночевавъ у Ключевскаго, я сердечно поблагодарилъ его за поученіе и простился съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ. Позднѣе я очень часто пользовался его глубоко поучительными совѣтами и бесѣдами.

Начался сезонъ репетиціями «Бориса Годунова». Я сразу увидалъ, что мои товарищи понимаютъ роли неправильно и, что существующая оперная школа не отвѣчаетъ запросамъ твореній такого типа, какова опера Мусоргскаго. Несоотвѣтствіе школы новому типу оперы чувствовалось и на «Псковитянкѣ». Конечно, я и самъ человѣкъ этой же школы, какъ и всѣ вообще пѣвцы нашихъ дней. Это школа пѣнія—и только. Она учитъ, какъ надо тянуть звукъ, какъ его расширять, сокращать, но она не учитъ понимать психологію изображаемаго лица, не рекомендуетъ изучать эпоху, создавшую его. Профессора этой школы употребляютъ темные для меня термины «опереть дыханіе», «поставить голосъ въ маску», «поставить на діафрагму», «расширить реберное дыханіе». Очень можетъ быть, что все это необходимо дѣлать, но все-таки суть дѣла не въ этомъ. Мало научить человѣка пѣть каватину, серенаду, балладу, романсъ, надо бы учить людей понимать смыслъ произносимыхъ ими словъ,—чувства, вызвавшія къ жизни именно эти слова, а не другія.

На репетиціяхъ оперы, написанной словами Пушкина и Карамзина, недостатки оперной школы сказались особено ярко. Тяжело было играть, не получая отъ партнера репликъ въ тонѣ, соотвѣтственномъ настроенію сцены. Особенно огорчалъ меня Шуйскій, хотя его пѣлъ Шкаферъ, одинъ изъ артистовъ наиболѣе интеллигентныхъ и понимавшихъ важность задачи. Но все-таки, слушая его, я невольно думалъ:

— Эхъ, если бы эту роль игралъ В. І. Ключевскій!

Декораціи, бутафорія, оркестръ и хоръ, — все это было у С. И. Мамонтова довольно хорошо, но все-таки я сознавалъ,

что на Императорской сценѣ, при ея богатыхъ средствахъ, «Бориса Годунова» можно бы поставить неизмѣримо лучше.

Наступилъ день спектакля. Послѣ «Псковитянки» я сталъ, пожалуй, весьма популярнымъ артистомъ въ Москвѣ. Публика посѣщала спектакли съ моимъ участіемъ болѣе, чѣмъ охотно.

«Борисъ» сначала былъ встрѣченъ холодновато и вяло. Я немножко испугался. Но сцена галлюцинаціи произвела очень сильное впечатлѣніе и опера закончилась тріумфально.

Мнѣ было странно видѣть, что «Годуновъ» раньше не вызывалъ такого впечатлѣнія, а вѣдь эта вещь написана Шекспировски, сильно и красиво! Слѣдующіе спектакли публика слушала музыку болѣе чутко, съ перваго акта проникаясь красотами ея.

Я замѣтилъ, что каждая роль почти никогда не удавалась мнѣ сразу. Сколько я ни занимался, все-таки главная работа совершалась въ теченіе спектакля, и мое пониманіе роли углублялось, расширяясь съ каждымъ новымъ представленіемъ. Только Грозный удался мнѣ сразу, а всѣ другія роли становились тѣмъ болѣе значительны и выпуклы, чѣмъ чаще я игралъ ихъ.

Лѣтомъ 98 г., живя у Любатовичъ на дачѣ, я обвѣнчался съ балериной Торнаги въ маленькой сельской церковкѣ. Послѣ свадьбы мы устроили смѣшной какой-то турецкій пиръ: сидѣли на полу, на коврахъ и озорничали, какъ малыя ребята. Не было ничего, что считается обязательнымъ на свадьбахъ: ни богато украшеннаго стола съ разнообразными яствами, ни краснорѣчивыхъ тостовъ, но было много полевыхъ цвѣтовъ и не мало вина.

По утру, часовъ въ шесть, у окна моей комнаты разразился адскій шумъ — толпа друзей съ С. И. Мамонтовымъ во главѣ исполняла концертъ на печныхъ вьюшкахъ, желѣзныхъ заслонкахъ, на ведрахъ и какихъ-то пронзительныхъ свистулькахъ. Это немножко напомнило мнѣ Суконную Слободу.

— Какого чорта вы дрыхнете? — кричалъ Мамонтовъ. —Въ деревню пріѣзжаютъ не для того, чтобы спать. Вставайте, идемъ въ лѣсъ за грибами.

И снова колотили въ заслоны, свистѣли, орали. А дирижировалъ этимъ кавардакомъ С. В. Рахманиновъ.

* * *

Въ слѣдующій сезонъ мы поставили «Хованщину». Досифей былъ неясенъ мнѣ. Я снова обратился къ В. І. Ключевскому, и онъ любезно, подробно и ярко разсказалъ мнѣ о Хованскихъ, князѣ Мышецкомъ, о стрѣльцахъ и царевнѣ Софьѣ.

Сначала мы боялись, что оперу не разрѣшатъ намъ. Въ ней есть сцены, напоминающія богослужебныя дѣйствія. Но разрѣшили.

Первый спектакль прошелъ съ успѣхомъ, но не могу сказать, чтобъ эта опера вызвала у публики такое же впечатлѣніе, какъ «Борисъ», «Псковитянка». Слушали внимательно, но безъ энтузіазма. А мнѣ казалось, что Москва должна бы встрѣтить «Хованщину» особенно сердечно.

Кажется, на третьемъ спектаклѣ, когда я пѣлъ:

— Сестры, храните завѣтъ Господень! Во имя Господа силъ...», — съ галерки раздался оскорбленный московскій голосъ:

— А ты будетъ про Бога-то, довольно! Какъ не стыдно!

Всѣ струхнули, полагая, что послѣ этого случая оперу снимутъ со сцены, но, къ счастью, голосъ цензора съ галерки не дошелъ до ушей строгой власти.

С. И. Мамонтовъ все больше и больше увлекался русской музыкой. Мы поставили «Майскую ночь», «Царскую невѣсту» и «Садко», только что написаннаго Римскимъ-Корсаковымъ. Мамонтовъ сталъ принимать живѣйшее участіе въ постановкахъ, самъ придумывалъ разныя новшества, и хотя порою они казались нелѣпыми, но въ концѣ концовъ онъ былъ всегда правъ. Его артистическое чутье не обманывало его. Напримѣръ, въ «Садко», декораціи для котораго писалъ Врубель, изумительно изобразивший морское дно, С. И. ввелъ серпантинъ, танецъ, истасканный по эстрадамъ кафе-шантановъ, которому, казалось бы, нѣтъ мѣста въ серьезной оперѣ. Но балеринамъ сдѣлали прекрасные костюмы, и серпантинъ на днѣ морскомъ вышелъ чудесно, явившись чѣмъ-то новымъ и великолѣпно передавая волненіе морское.

Въ первомъ представленіи этой оперы я не участвовалъ почему-то, но такъ какъ артистъ, который пѣлъ Варяжскаго гостя, оказался слабъ, на второмъ спектаклѣ эту роль дали мнѣ.

Помню, когда я одѣвался варягомъ по рисунку Сѣрова, въ уборную ко мнѣ влетѣлъ самъ Валентинъ, очень взволнованный, — всѣ художники были горячо увлечены оперой «Садко» и относились къ постановкѣ ея, какъ къ своему празднику.

— Отлично, чортъ возьми! — сказалъ Сѣровъ. — Только руки ... руки женственны!

Я отмѣтилъ мускулы рукъ краской, и, подчеркнутые, они стали мощными, выпуклыми... Это очень понравилось художникамъ; они похвалили меня.

— Хорошо! Стоишь хорошо, идешь ловко, увѣренно и естественно! Молодчина!

Эти похвалы были для меня пріятнѣе аплодисментовъ публики. Я страшно радовался.

Чѣмъ больше я игралъ «Бориса Годунова», Грознаго, Досифея, Варяжскаго гостя и Голову въ «Майской ночи», тѣмъ болѣе убѣждался, что артистъ въ оперѣ долженъ не только пѣть, но и играть роль, какъ играютъ въ драмѣ. Въ оперѣ надо пѣть, какъ говорятъ. Впослѣдствіи я замѣтилъ, что артисты, желавшіе подражать мнѣ, не понимаютъ меня. Они не пѣли, какъ говорятъ, а говорили, какъ поютъ.

Въ то время, когда мнѣ стало ясно все это, приспѣлъ моментъ играть Сальери — задача болѣе сложная и трудная, чѣмъ всѣ предыдущія. Діалоги и монологи оперъ, игранныхъ мною, все-таки были написаны въ извѣстной степени по «старо-оперному», а Сальери цѣликомъ приходилось вести въ, такъ сказать, мелодическомъ речитативѣ. Я страшно, увлекся этой совершенно новой задачей и, зная, что все, что можетъ затруднить меня, мнѣ объяснитъ и облегчитъ С. В. Рахманиновъ, отправился къ нему. Великолѣпный, чудесный аристъ С. В.!

Всѣ музыкальныя движенія были указаны авторомъ «Моцарта и Сальери» обычными терминами: аллегро, модерато, анданте и т. д., но не всегда возможно было считаться съ этими указаніями. Иногда я предлагалъ Рахманинову измѣнить то или иное движеніе. Онъ говорилъ мнѣ:

— Здѣсь это возможно, а здѣсь нельзя.

И, не искажая замысловъ автора, мы нашли тонъ исполненія, очень выпукло рисующій трагическую фигуру Сальери. Моцарта пѣлъ Шкаферъ, артистъ, всегда относившійся съ любовью къ своимъ ролямъ. Съ огромнымъ вол-

неніемъ, съ мыслью о томъ, что Сальери долженъ будетъ показать публикѣ возможность сліянія оперы съ драмой, началъ я спектакль. Но, сколько я ни вкладывалъ души въ мою роль, публика оставалась равнодушна и холодна.

Я терялся. Но снова ободрили художники. За кулисы пришелъ взволнованный Врубель и сказалъ:

— Чортъ знаетъ, какъ хорошо! Слушаешь цѣлое дѣйствіе, звучатъ великолѣпныя слова и нѣтъ ни перьевъ, ни вляпъ, никакихъ ми бемолей!

Я зналъ, что Врубель, какъ и другіе — Сѣровъ, Коровинъ — не говорятъ пустыхъ комплиментовъ; они относились ко мнѣ товарищески серьезно и не однажды очень жестоко критиковали меня. Я вѣрилъ имъ и я видѣлъ, что всѣ они искренно восхищаются Сальери. Ихъ судъ былъ для меня высшимъ судомъ.

Послѣ представленія «Моцарта и Сальери» я убѣдился, что оперы такого строя являются обновленіемъ. Можетъ быть, какъ утверждаютъ многіе, произведеніе Римскаго-Корсакова стоитъ не на одной высотѣ съ текстомъ Пушкина, но все-таки я убѣжденъ, что это—новый родъ сценическаго искусства, удачно соединяющій музыку съ психологической драмой.

Великимъ постомъ 98 г. опера Мамонтова переѣхала въ Петербургъ, въ театръ консерваторіи, невыгодный для артистовъ въ смыслѣ акустическомъ, а также и для публики. Онъ представлялъ длинный корридоръ съ небольшой сценой въ глубинѣ. На сценѣ негдѣ было повернуться, и такія картины, какъ въѣздъ Грознаго или первый актъ Годунова, не очень удавались намъ. Тѣмъ не менѣе спектакли шли съ большимъ и все возрастающимъ успѣхомъ.

Однажды, послѣ моей сцены съ Токмаковымъ, я, сидя въ уборной, услыхалъ за дверью громовой, возбужденный голосъ:

— Да покажите-же, покажите его намъ, ради Бога! Гдѣ онъ?

Въ двери встала могучая фигура съ большой сѣдой бородой, крупными чертами лица и глазами юноши.

— Ну, братецъ, удивили вы меня!— кричалъ онъ. — Здравствуйте. Я забылъ вамъ даже здравствуйте сказать. Здравствуйте же! Давайте познакомимся! Я, ви-

дите ли, живу здѣсь, въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ бывалъ и за границей и, знаете ли, Петрова слышалъ, Мельникова и вообще, а такихъ чудесъ не видалъ! Нѣтъ, не видалъ! Вотъ спасибо вамъ! Спасибо!

Говорилъ онъ громогласно, «волнуясь и спѣша», а сзади его стоялъ другой, кто-то черный, съ тонкимъ одухотвореннымъ лицомъ.

— Вотъ мы, знаете, пришли. Вдвоемъ пришли; вдвоемъ лучше по моему. Одинъ я не могу выразить, а вдвоемъ... Онъ тоже Грознаго работалъ. Это Антокольскій! А я—Стасовъ Владиміръ...

У меня, какъ говорится, «отъ радости въ зобу дыханье сперло». Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на знаменитаго великана, на Антокольскаго и смущенно молчалъ.

— Да вы еще совсѣмъ молоденькій! Сколько вамъ лѣтъ — пятнадцать? Откуда вы? Разсказывайте!

Я что-то разсказалъ ему. Онъ растроганно поцѣловалъ меня и со слезами на глазахъ ушелъ. Антокольскій тоже сердечно похвалилъ меня. Оба они ушли, оставивъ меня задыхаться отъ счастья.

На другой день я зашелъ къ Стасову въ Публичную Библіотеку и снова увидалъ его юношескіе глаза, услышалъ кипучія, громогласныя слова.

— Ну, батюшка, здравствуйте! Очень радъ! Спасибо! Я, знаете, всю ночь не спалъ, все думалъ, какъ вы это ловко дѣлаете! Вѣдь эту оперу играли здѣсь когда-то, но плохо. А какая вещь, а? Вы подумайте, каковъ этотъ Римскій-Корсаковъ, Николай Андреевичъ! Вѣдь что можетъ сдѣлать такой человѣкъ, а? Только вотъ не всѣ его понимаютъ! Садитесь! Нѣтъ, не сюда, а вотъ въ это кресло!

Онъ отвязалъ отъ ручекъ кресла шнуръ, не позволявшій сѣсть въ него, и объяснилъ:

— Здѣсь, знаете, сидѣли: Николай Васильевичъ Гоголь, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, да-съ!

Я смутился, поколебался.

— Нѣтъ, нѣтъ, садитесь! Ничего, что вы еще молоденькій!

Этотъ человѣкъ какъ бы обнялъ меня душой своей. Рѣдко, кто въ жизни наполнялъ меня такимъ счастьемъ и такъ щедро, какъ онъ.

Онъ разспрашивалъ меня о моей артистической

карьерѣ, поругивалъ казенные театры, называя ихъ «Ваганьково кладбище», хвалилъ за то, что я ушелъ, не стѣсняясь неустойкой.

— Чортъ съ ними, съ неустойками! Что такое деньги! Деньги будутъ! Это всегда такъ: сначала не бываетъ денегъ, а потомъ явятся. Деньги—дрянь! А Савва Мамонтовъ молодецъ! Молодчина! Вѣдь какія штуки раздѣлываетъ, а? Праздникъ! А вѣдь раньше пустяками занимался—итальянской оперой! Римскій-Корсаковъ—тоже молодецъ. Ахъ, какъ я радъ! Русское искусство — это, батенька, рычагъ, это, знаете, бого-го! На Ваганьковомъ, конечно, ничего не понимаютъ! Тамъ министерство и прочее. Но это ничего! Всѣ люди — люди и будутъ лучше. Это ихъ назначеніе — быть лучше. Ничего!

Онъ потрясалъ бородою, кипѣлъ, кричалъ, размахивалъ руками, весь — неукротимая энергія, весь — боевой задоръ и безграничное русское добродушіе.

Онъ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ нашего театра. Бывало, выйдешь на вызовы, а среди публики колокольней стоитъ Стасовъ и хлопаетъ широкими ладонями. Если-же ему что-либо не нравилось, онъ, не стѣсняясь, громко ругался.

Въ «Новомъ Времени» появилась «разносная» статья. Въ ней доказывали, что «Псковитянка» плохая опера, а Грозный, въ изображеніи Шаляпина, тоже скверная штука. Читалъ я эту статью и съ огорченіемъ видѣлъ, что построена она очень логично, убѣдительно.

— Должно быть, авторъ — очень умный человѣкъ, — съ грустью подумалось мнѣ.

Я чувствовалъ себя октябрьской мухой. Но когда я зашелъ къ Стасову въ библіотеку, онъ встрѣтилъ меня боевымъ крикомъ:

— Знаю, читалъ! Чепуха! Не обращайте вниманія! Это не человѣкъ писалъ, а верблюдъ! Ему все равно! Ему что угодно! Сѣна ему — отворачивается, апельсинъ ему—тоже отворачивается! Верблюдъ! Я ему отвѣчу, ничего!

На слѣдующій день въ «Новостяхъ» была напечатана подъ заголовкомъ «Куриная слѣпота» статья Стасова. Въ этой статьѣ онъ яростно разбивалъ въ пухъ и прахъ всѣ положенія нововременскаго критика.

Всегда, какъ только на пути моемъ встрѣчались труд-

ности и я нуждался въ добромъ совѣтѣ, я шелъ къ Стасову, какъ къ отцу. Иногда даже нарочно пріѣзжалъ изъ Москвы поговорить съ нимъ и не было случая, чтобы Вл. Вас. не помогъ мнѣ.

Ему очень понравился Сальери. Восторженно отзываясь объ этой оперѣ, онъ убѣждалъ меня:

— Вамъ, знаете, необходимо сыграть еще одну замѣчательную вещь — «Каменнаго Гостя» Даргомыжскаго! Это—превосходное произведеніе! Вы должны сыграть его!

Просмотрѣвъ оперу Даргомыжскаго, я понялъ, что для Лауры и Донъ-Жуана необходимы превосходные артисты. Обычное исполненіе исказило бы оперу. Но, не желая огорчать В. В., я разучилъ всю оперу цѣликомъ и предложилъ ему спѣть всѣ партіи единолично... Онъ очень обрадовался, нашелъ, что это «великолѣпно», и вскорѣ у Римскаго-Корсакова устроенъ былъ вечеръ, на которомъ, кромѣ хозяина и Стасова, присутствовали братья Блюменфельдъ, Цезарь Кюи, Врубель съ супругой и еще многіе.

Я спѣлъ всего «Каменнаго Гостя», затѣмъ «Раешника», сатиру Мусоргскаго, «Пѣсню о блохѣ», «Семинариста» и много другихъ его вещей. Было удивительно весело!

За ужиномъ спѣли квартетъ Бородина «Сернада четырехъ кавалеровъ одной дамѣ»; Римскій-Корсаковъ пѣлъ второго баса, я — перваго, Блюменфельдъ—перваго тенора, а Цезарь Кюи — второго. Это вышло неописуемо забавно!

Особенно хорошъ былъ Римскій со своею сѣдой бородой, въ двойныхъ очкахъ. Онъ отнесся къ этой музыкальной шуткѣ такъ же серьезно, безъ улыбки, какъ относился къ «Каменному Гостю»:

— «Ахъ, какъ люблю я васъ»!—угрюмо выводилъ онъ. А веселый, старенькій Кюи такъ сладко повторялъ эту же фразу:

— «Ахъ, какъ люблю я васъ».

И всѣ четверо, едва удерживая смѣхъ, мы распѣвали:

— «Ахъ, какъ мы любимъ васъ»!

Больше всѣхъ восторгался и шумѣлъ, конечно, юный и сѣдобородый богатырь Вл. Вас. Стасовъ. Казалось, что это вовсе не почтенная компанія людей ,извѣстныхъ всей культурной Россіи, а суденческій вечеръ. Мнѣ казалось, что

всѣ эти прекрасные люди такъ же молоды, какъ я, и я чувствовалъ себя среди нихъ удивительно легко, просто. Незабвенный вечеръ!

Вл. Вас. Стасовъ очень пожалѣлъ, что «Каменнаго Гостя» нельзя поставить на сценѣ, но согласился со мною: партнеровъ у меня нѣтъ; роли Лауры, Жуана некому пѣть такъ, какъ требуютъ они.

— Но если найдутся артисты на эти роли, мы поставимъ оперу. Даете слово? — сказалъ онъ.

Я далъ слово, но, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось сыграть «Каменнаго Гостя» и до сего дня. Встрѣчаясь со мною, Стасовъ всегда напоминалъ:

— А за вами должокъ-съ, Федоръ Ивановичъ!

Но такъ и умеръ, великанъ, не увидавъ «Каменнаго Гостя» на сценѣ.

Удивительный человѣкъ! Помню, я немножко прихворнулъ во время сезона. Вдругъ ко мнѣ въ четвертый этажъ является Стасовъ. Въ то время ему было уже лѣтъ семьдесятъ. Я изумился.

— Владиміръ Васильевичъ, да какъ же это вы пѣшкомъ на такую колокольню?

— А вотъ шелъ домой и думаю: что-же это онъ хвораетъ? Дай-ка зайду, провѣдаю мнѣ по пути!

Онъ жилъ на Пескахъ, а я на Колокольной. Это все равно, какъ по пути изъ Кіева въ Москву заѣхать въ Астрахань. Сидѣлъ онъ у меня долго, разсказывая о заграничныхъ музеяхъ, о Миланскомъ театрѣ. La Scala. Эскуріалѣ и Мадридѣ, о своихъ знакомыхъ въ Англіи.

— Вамъ, батюшка, надо въ Англію поѣхать, да! Они тамъ не знаютъ этихъ штукъ. Это замѣчательный народъ— англичане! Но музыки у нихъ нѣтъ! «Псковитянки», «Бориса» нѣтъ! Имъ надо показать Грознаго, надо! Вы поѣзжайте въ Англію.

— Да вѣдь надо языки знать!

— Пустое! Какіе тамъ языки? Играйте на своемъ языкѣ, они все поймутъ! Не надо языковъ!

Любилъ этотъ рѣдкій человѣкъ русское искусство и глубоко вѣрилъ въ его мощь.

Ф. Шаляпинъ.

ЯПОНІЯ.

Весеннее небо надъ Токіо,
И вишни давно зацвѣли,
А люди, такіе жестокіе,
Дерутся гдѣ-то вдали.

Веселыя дѣти у пагоды
Улыбаются добрымъ богамъ,
А я знаю мертвыми падаютъ
Люди—далеко, тамъ...

И напрасно въ Асакуса паркѣ,
Тутъ, гдѣ пахнетъ зеленый чай,
Такъ привѣтно сіяютъ фонарики...

Вижу ясно сквозь блестки яркія
Мой далекій, печальный край.

Асакуса. Апрѣль.

ПЕЩЕРА ЕНОШИМО.

Здѣсь жилъ драконъ. Не бойтесь, дѣти,
Берите свѣчки поскорѣй.
Погибъ драконъ, какъ все на свѣтѣ,
Сраженъ богиней страшный змѣй.

И плещетъ море у пещеры,
Гдѣ жилъ драконъ на самомъ днѣ,
И плѣсень старой-старой вѣры
Такъ слабо пахнетъ въ глубинѣ.

И женщины въ шелку узорномъ,
И дѣти въ пестрыхъ кимоно
По галлереямъ бродятъ черпымъ,
Спускаясь весело на дно.

Журчитъ вода. Тихонько плещетъ.
Изъ темныхъ клѣтокъ—алтарей
Будда мудрый, Будда вѣщій
Глядитъ съ улыбкой на дѣтей.

Kamakuva. Enoshimo.

КАКЪ ВЕЗДѢ...

У европейскаго завода
Плыветъ зеленая рѣка.
Но тамъ часы стоятъ у входа,
Какъ стерегущая рука.

Онѣ отмѣтитъ опозданье,
Нельзя помедлить у рѣки,
И послѣдить, какъ вишни ранния
Роняютъ тихо лепестки...

И ты спѣшишь къ чужимъ машинамъ,
Ты запахнула кимоно...
День будетъ пыльнымъ, дымнымъ, длиннымъ,
Нельзя будетъ глядѣть въ окно,

Туда, гдѣ все нѣжнѣй и тише
Шумитъ зеленая рѣка
И отражаетъ кроны вишенъ,
Какъ розовыя облака.

ЧУЖАЯ СКАЗКА.

Въ окно заглядываетъ слива,
И сыплетъ на полъ лепестки.
О, вѣтеръ, вѣтеръ,—я счастлива,
Здѣсь, у невѣдомой рѣки!

Странный говоръ людей здѣшнихъ,
Все здѣсь радуетъ меня,—
И блѣдно-красный цвѣтъ черешни.
И ярко-красный цвѣтъ огня.

Три уголька въ зеленой кадкѣ
Моимъ рукамъ даютъ тепло.
Цыновки тутъ такія гладкія,
И въ дверкѣ синее стекло...

И эти дверцы раздвижныя—
Онѣ глядятъ въ міръ иной,
Гдѣ всѣ растенья голубыя
Подъ синимъ солнцемъ и луной.

САМУРАИ.

Онъ былъ сдѣланъ изъ картона.
Въ назиданіе народу.
И на выставкѣ, у входа,
Онъ стоялъ—опора трона.
И торжественно держалъ
Вѣеръ, зонтикъ и кинжалъ.

Былъ веселый вечеръ вешній,
Доцвѣтали черешни,
И гуляли по дорожкамъ,
Дѣти, странныя немножко:
Желтыя; въ тугихъ прическахъ,
Словно куколки изъ воска.
Шли, дурачились, играя,
И толкали самурая.

И нестрашно тамъ, у входа,
Онъ стоялъ,—гроза народа,—
Очень строгій и бонтонный,
Но картонный, ахъ, картонный!

Фонарики мерцали,
Колокольчики звенѣли,
И бутонами качали
Заалѣвшія камелли.
Еле слышно пахли вишни,
И подъ вѣтромъ, еле слышнымъ,
Въ тепломъ воздухѣ дрожалъ
Вѣеръ, зонтикъ и кинжалъ.

М. Моравская.

Токіо. Апрѣль.

УЧИТЕЛИ УЧИТЕЛЕЙ.

Древнѣйшія культуры человѣчества и ихъ взаимоотношенія.

(Окончаніе)*

6. *Эгейя и Египетъ.*

Общеніе между Эгейей и Египтомъ происходило не только въ области торговаго обмѣна, дѣловыхъ и дипломатическихъ сношеній и военныхъ столкновеній: между двумя великими цивилизаціями древнѣйшаго міра, несомнѣнно, существовало и оживленное взаимодѣйствіе въ области идей. Два народа, эгеицы (для краткости мы называемъ такъ народы, воспринявшіе эгейскую культуру) и египтяне, передавали одинъ другому свои религіозныя воззрѣнія, обмѣнивались научными познаніями, подражали въ художественныхъ созданіяхъ, заимствовали пріемы техники и ремеслъ. Въ настоящее время накоплено уже большое количество фактовъ, свидѣтельствующихъ, что существовалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ аналогій между культурами Египта и эгейской: въ религіозныхъ культахъ, въ представленіяхъ о мірѣ, въ искусствѣ, въ самомъ бытѣ, при всей огромной разницѣ между «восточнымъ», семитическимъ Египтомъ и «западной», арійской Эгейей. Зная постоянныя, многовѣковыя сношенія эгейцевъ съ египтянами, это можно было предвидѣть a priori, но нѣкоторые факты наводятъ на совершенно новыя, частью неожиданныя, соображенія.

Художники двухъ странъ, какъ мы отмѣчали, подражали одни другимъ: то эгейскіе мастера старались повторить египетскія издѣлія, то египтяне поддѣлывались подъ эгейскій стиль. На эгейскихъ вазахъ мы находимъ любимѣйшіе мотивы египтянъ: дикихъ кошекъ, лилій, гипопотамовъ, сфинксовъ. У египтянъ мы видимъ поддѣлки микенскихъ кинжаловъ, воспроизведеніе характернаго критскаго пейзажа, повтореніе эгейскаго растительнаго орнамента; можетъ быть, у эгейцевъ заимствовали египтяне, въ орнаментѣ, также спираль ** и свастику (крестъ съ загнутыми

---

* См «Лѣтопись» № 5—6, 7—8, 1907 г.

**) Вопросъ о проникновеніи спирали въ египетскій орнаментъ не можетъ считаться разрѣшеннымъ. Новѣйшія изслѣдованія обнаружили спираль уже въ орнаментѣ Древняго Царства, но, повидимому, египтяне позднѣе отказались отъ этого орнаментальнаго мотива и вернулись къ нему лишь подъ вліяніемъ эгейскаго искусства.

концами). Архитектура лабиринтовъ представляетъ сходныя черты съ архитектурой египетскихъ дворцовъ; эллинскія преданія опредѣленно говорятъ о двухъ лабиринтахъ: египетскомъ и критскомъ. Въ техникѣ строительства эгейцы, какъ египтяне, широко примѣняли такъ называемый «ложный сводъ» * Наконецъ, и египетскія пирамиды имѣютъ свою аналогію въ эгейскихъ «купольныхъ могилахъ». Во всѣхъ областяхъ искусства, доступныхъ нашему изслѣдованію, эгейцы и египтяне сближались между собой и наперерывъ спѣшили усвоить себѣ новыя завоеванія и успѣхи сосѣда.

Однако, самыя замѣчательныя аналогіи между мірами Египта и Эгеи относятся къ области религіозныхъ вѣрованій, къ тому культу умершихъ, который первый приходитъ на память при одномъ упоминаніи о странѣ фараоновъ. Что такое Египетъ въ обычномъ представленіи? Это — пирамиды, это — муміи, это — религія смерти, книга мертвыхъ, полагаемая на грудь покойнику, Осирисъ, судящій въ подземномъ мірѣ, посмертный судъ надъ фараономъ, именованіе кладбища «градомъ живыхъ». У Гоголя — «говоритъ Египетъ: народы, слушайте, я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жальче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти!» Не все въ этомъ популярномъ воззрѣніи вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической истинѣ, и наука вноситъ не мало коррективовъ въ разсказы античныхъ историковъ и старыхъ учебниковъ, но есть и много правды въ такомъ пониманіи египетскаго міровоззрѣнія. Вопросъ о смерти занималъ на первомъ мѣстѣ египетскую религіозную мысль, и заботы о сохраненіи тѣла послѣ смерти заполняли значительную часть жизни въ Египтѣ. Хотя и съ меньшимъ упорствомъ, но въ томъ же направленіи устремлялась и религіозная мысль эгейцевъ: и передъ ними неотступно стоялъ вопросъ, какъ сберечь свое смертное тѣло отъ тлѣна, какъ уготовать покойному такую могилу, въ которой онъ лежалъ бы, не тревожимый вѣка вѣковъ.

Эгейскія гробницы, по размѣрамъ и прочности, приближаются къ египетскимъ пирамидамъ, и въ эгейскихъ погребеніяхъ находятъ, если не настоящія муміи, то тщательно бальзамированныя тѣла покойниковъ, окруженныя всевозможными предметами домашняго обихода. Разумѣется, это относится къ погребеніямъ людей знатныхъ и богатыхъ, но то же самое должно сказать и объ Египтѣ, гдѣ могилы простолюдиновъ и ихъ муміи привлекали безмѣрно меньше - вниманія, нежели похороны фараоновъ. Поэтому, самыя замѣчательныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ

*) Какъ теперь выяснено, египтяне умѣли складывать и настоящіе своды еще въ періодъ Древняго Царства, такъ что сводъ отнюдь не является нововведеніемъ римлянъ или этрусковъ (см. соотвѣтствующія страницы у Chipiez); но сводъ не получилъ въ египетскомъ зодчествѣ дальнѣйшаго развитія, примѣнялся рѣдко и былъ, въ позднѣйшія эпохи египетской исторіи, совершенно забытъ.

самыя характерныя, гробницы Эгейи — тѣ, гдѣ сохранились, повидимому, тѣла царей, а среди нихъ— такъ называемыя «купольныя гробницы». На Критѣ такія могилы открыты только въ ихъ зачаточномъ видѣ: полное ихъ развитіе мы находимъ въ микенскій періодъ, на материкѣ Греціи: около самыхъ Микенъ, въ Орхоменѣ, въ Аттикѣ, въ Θессаліи, въ Лаконіи (близъ Вафіо). Самая грандіозная и притомъ наилучше сохранившаяся купольная гробница получила ошибочное названіе «Сокровищницы Атрея», данное ей первыми изслѣдователями и удержавшееся позднѣе. Находится она неподалеку отъ Микенъ, около городской крѣпостицы. Подобно большинству такихъ погребеній, эта гробницы выложена въ толщѣ холма, и частью высѣчена въ скалѣ, что также напоминаетъ Египетъ, гдѣ, въ позднѣйшую эпоху, гробницы высѣкались въ скалахъ (въ такъ называемой «долинѣ царскихъ гробницъ»). Размѣры «Сокровищницы Атрея»— исключительны, богатство ея убранства превосходитъ всѣ другіе памятники этаго рода, по крайней мѣрѣ изъ числа донынѣ открытыхъ: но, по своему устройству, особенностямъ каменной кладки, расположенію помѣщеній, по характеру положенныхъ въ гробницу предметовъ,— она является типичнымъ образцомъ такого рода сооруженій.

«Сокровищница Атрея», какъ и всѣ купольныя эгейскія гробницы, раздѣляется на три главныя части, получившія греческія названія: во-первыхъ, *дромъ* (или дромосъ)— ходъ, коридоръ, прорѣзанный въ толщѣ холма; во-вторыхъ, *θолъ* (или θолосъ)— самое купольное помѣщеніе; и, въ третьихъ, маленькая погребальная камера, которая въ «Сокровищницѣ Атрея» высѣчена въ самой скалѣ. Изъ дрома въ θолъ, т. е. изъ коридора въ купольный залъ вели великолѣпныя двери; по ихъ сторонамъ стояли двѣ колонны, расширяющіяся кверху и облицованныя мѣдью, въ видѣ орнамента фестонами; самыя двери были также облицованы мѣдью и пышно разукрашены; сверху надъ дверями былъ рядъ орнаментальныхъ розетокъ. Перекладина дверей состояла изъ одного колоссальнаго камня, вѣсомъ, больше 7.000 пудовъ (около 120.000 килограммовъ); надъ этой перекладиной былъ фронтонъ, изъ разноцвѣтныхъ камней, въ который входилъ равнобедренный треугольникъ, можетъ быть, заполненный рельефомъ. Въ цѣломъ эти двери или врата представляли нѣчто торжественное и роскошное: такой входъ долженъ былъ вести, если не во дворецъ живого властелина, то во дворецъ царя почившаго, но и по смерти чтимаго, какъ незримый, таинственно пребывающій владыка.

Соотвѣтственно съ роскошью входа, великолѣпенъ былъ и купольный залъ,—какъ бы тронный залъ царя, почивающаго рядомъ, въ своей погребальной камерѣ, но могущаго выйти, какъ бывало, выходилъ онъ къ приближеннымъ изъ своей опочивальни. Построенъ θолъ изъ огромныхъ тесаныхъ каменныхъ глыбъ, техникой, ложнаго свода: концентрическіе круги каменной кладки послѣдовательно уменьшались кверху, при чемъ каждый новый рядъ камней нѣсколько выдавался надъ преды-

дущимъ, низшимъ. Неровности были затѣмъ подтесаны по циркулю, такъ что получился совершенно гладкій сводъ, въ формѣ эллипсоида, яйцевидный. По стѣнѣ, на уровнѣ выше человѣческаго роста, шли двѣ широкихъ полосы рельефныхъ украшеній. Выше ихъ весь сводъ былъ украшенъ концентрическими кругами золотыхъ розетокъ. Современный человѣкъ, попавъ въ «Сокровищницу Атрея», когда она еще не была разграблена и разрушена, скорѣе всего вообразилъ бы себя стоящимъ въ какомъ-то величественномъ одно-купольномъ соборѣ, вспомнилъ бы куполъ св. Петра, парижскаго или римскаго Пантеона... Сводъ не имѣлъ оконъ, но тѣмъ поразительнѣе было, вѣроятно, производимое имъ впечатлѣніе, при блескѣ факеловъ, свѣтъ которыхъ сверкалъ на золотѣ безсчетныхъ розетокъ, но не могъ озарить огромности всего купола, такъ что высь его оставалась во мглѣ...

Третью часть «Сокровищницы» составляла маленькая погребальная камера. Тамъ лежали тѣла покойниковъ, удостоившихся погребенія въ этой торжественной усыпальницѣ. Тѣла были набальзамированы, облечены въ богатыя, царскія одѣянія, въ драгоцѣнныхъ нагрудникахъ, съ браслетами и перстнями на рукахъ; на лица были возложены золотыя, портретныя маски,—аналогія съ египетскими портретными покровами на муміяхъ. Около бальзамированныхъ тѣлъ были разложены разнообразнѣйшіе предметы, какъ домашняго обихода, такъ и имѣвшіе символическое значеніе. Здѣсь были великолѣпные кинжалы, покрытые тонкой инкрустаціей,—тѣ самые, которые такъ цѣнились любителями въ Египтѣ; прославленныя эгейскія вазы; разная утварь, золотая и серебряная; статуэтки боговъ, изображенія храма; натуральное страусовое яйцо; наконецъ, огромное количество золота въ кускахъ. Это обиліе золота, оправдывающее древнее названіе «Золотыя Микены», и дало поводъ первымъ изслѣдователямъ назвать гробницу близъ Микенъ—«Сокровищницей Атрея»,—ошибка крайне характерная: усыпальница была принята за мѣсто храненія царскихъ богатствъ, могилу сочли государственной сокровищницей *).

Созданіе «Сокровищницы Атрея» потребовало, конечно, огромнаго напряженія силъ всей страны, сходнаго съ тѣмъ, какое было вызвано построеніемъ большихъ пирамидъ въ Египтѣ. Должно было составить первоначально планъ всего сооруженія; затѣмъ заготовить матеріалъ,—громадное количество камня, изъ котораго были вытесаны отдѣльныя плиты; для перевозки и переноски этихъ плитъ, для поднятія на высоту нѣкоторыхъ монолитовъ, исключительной тяжести, требовался трудъ тысячъ рабочихъ и наличность особыхъ машинъ; далѣе слѣдовали работы землекоповъ, каменьщиковъ, металлистовъ, и т. под. Цѣлая армія ученыхъ мастеровъ и чернорабочихъ должна была

*) Планы и снимки съ остатковъ «Сокровищницы Атреевъ»—во всѣхъ иллюстрированныхъ работахъ объ Эгейѣ (въ атласѣ Винтера и др.). Реставрація—у Шипье.

долгое время, вѣроятно, нѣсколько лѣтъ, трудиться надъ сооруженіемъ «Сокровищницы»: чертить планы, разсчитывать, дѣлать математическія выкладки, выламывать камни, прокладывать для ихъ доставки новыя дороги, тесать, складывать, ковать, стругать, штукатурить, красить,—пока, наконецъ, не было воздвигнуто это чудо сепулькральной архитектуры. «Сокровищница Атрея» еще разъ свидѣтельствуетъ объ обширныхъ познаніяхъ эгейцевъ въ математикѣ и механикѣ, объ организованности ихъ жизни, объ неисчерпаемыхъ силахъ, которыя были въ распоряженіи ихъ повелителей... Между тѣмъ, «Сокровищница Атрея», какъ уже было сказано, не единственное сооруженіе въ такомъ родѣ; другія купольныя гробницы разбросаны по другимъ мѣстностямъ Греціи, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ сооруженій также огромны и пышно убраны. А какое количество гробницъ должно было погибнуть въ тѣхъ буряхъ, которыя за 30 вѣковъ, прошедшихъ съ паденія Эгейскаго міра, потрясали области Эллады: сколько могильниковъ было разграблено, разрушено, занесено землей, или, просто, еще не разыскано!

Все это позволяетъ провести почти полную аналогію между основными началами религіи египтянъ и эгейцевъ. Только «культомъ смерти», подобнымъ египетскому, можно объяснить дѣятельность эгейцевъ въ построеніи ихъ купольныхъ могилъ. Возведеніе гробницъ, въ родѣ «Сокровищницы Атрея», требовало огромной затраты энергіи и матеріальныхъ средствъ: лучшіе художники страны и толпы рабочихъ трудились надъ постройкой зданія, которое, по окончаніи, навсегда закрывалось отъ взоровъ всѣхъ живыхъ; драгоцѣннѣйшія вещи и цѣлыя богатства хоронились подъ землей, только затѣмъ, чтобы тѣло покойнаго царя было окружено роскошью, къ которой онъ привыкъ при жизни. Съ нашей современной точки зрѣнія представляется неизмѣримое несоотвѣтствіе между цѣлью, назначеніемъ сооруженія, и средствомъ, трудомъ, на нее затраченнымъ. Необходимо было, чтобы народныя вѣрованія, національная религія, придавали исключительное значеніе, какъ судьбѣ мертваго тѣла, такъ, вообще, вопросамъ посмертнаго существованія, чтобы такія сооруженія были возможны. Цари, тратившіе свои сокровища и употреблявшіе свой авторитетъ на постройку гигантскихъ гробницъ, да и самые мастера, работавшіе надъ ними, должны были вѣрить, что совершаютъ нѣчто особо-важное, служатъ священной цѣли, выполняютъ нѣкую религіозную обязанность: иначе никакая власть царя не могла бы населить долины Греціи этими таинственными куполами, въ которыхъ, замурованными, лежали груды золота и драгоцѣнностей. Въ Эгейѣ, какъ и въ Египтѣ, долженъ былъ существовать *культъ посмертной жизни*.

Эгейскія купольныя гробницы являются полной аналогіей египетскихъ пирамидъ. Какъ пирамиды, купольныя гробницы служатъ мѣстомъ, гдѣ покоится набальзамированное тѣло

покойнаго царя. Какъ пирамиды, эти гробницы требовали огромнаго труда для своего сооруженія. Какъ въ пирамидѣ, такъ въ эгейской гробницѣ, вокругъ покойнаго, клались драгоцѣнности, вещи домашняго обихода и символическія изображенія. Наконецъ, есть много сходства и во внѣшности пирамидъ и купольныхъ гробницъ. Тѣ и другія, имѣя широкое основаніе, суживаются кверху, по мѣрѣ приближенія къ небу; тѣ и другія сложены изъ большихъ каменныхъ плитъ; тѣ и другія имѣютъ узкій входной коридоръ, маленькую комнатку, служащую собственно мѣстомъ погребенія, и болѣе обширное помѣщеніе передъ ней. Въ купольныхъ гробницахъ есть еще какъ бы линейное отображеніе пирамиды: тотъ равнобедренный треугольникъ, который входилъ, какъ существенная часть, въ орнаментъ фронтона надъ дверями въ сводъ, въ купольную залу. Извѣстно, что многимъ другимъ народамъ, не исключая дикихъ, свойственно заботиться о сохраненіи мертваго тѣла и окружать покойника вещами, привычными для него при жизни, но у египтянъ и у эгейцевъ эти заботы достигали размѣровъ исключительныхъ: въ Эгеѣ и въ Египтѣ «культъ смерти» выросталъ въ основное религіозное убѣжденіе, господствующее надъ всѣми другими.

Однако, аналогіи въ религіозныхъ вѣрованіяхъ египтянъ и эгейцевъ далеко не ограничиваются однимъ только этимъ «культомъ смерти». Какъ ни скудны наши познанія и представленія о религіи эгейцевъ, мы уже можемъ отмѣтить цѣлый рядъ сходствъ въ ихъ вѣрованіяхъ и въ ихъ религіозныхъ обрядахъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о религіи, или, лучше сказать, о религіяхъ Египта. Одной изъ замѣчательнѣйшихъ параллелей является то особое значеніе, какое придавалось въ Эгеѣ, какъ и въ Египтѣ, образу *быка*. Извѣстно, что этотъ образъ занималъ видное мѣсто въ религіозныхъ представленіяхъ египтянъ, разныхъ эпохъ ихъ исторіи. Быкъ для египтянъ, какъ и почти для всего Древняго Востока, былъ символомъ силы и могущества. Въ халдоассирскомъ искусствѣ, напр., одно изъ первенствующихъ мѣстъ занимаютъ изображенія крылатаго быка. Въ египетскихъ гимнахъ фараонъ весьма часто уподобляется быку: «царь былъ какъ быкъ, мощный, рогатый, необоримый», пѣли египтяне. Греческій историкъ, Діодоръ (1, 62), свидѣтельствуетъ, что при нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ фараоны надѣвали маску быка (какъ, впрочемъ, въ другихъ случаяхъ, маски льва, змѣи и проч.). Въ болѣе позднія эпохи исторіи, въ Египтѣ широко распространился культъ *аписа*, особеннаго быка, съ характерными, установленными священнымъ преданіемъ, признаками; аписы именовались «сыны жизни», почитались сыновьями Осириса, при жизни имъ воздавались божескія почести, по смерти тѣло ихъ бальзамировалось «въ домѣ чистоты» и т. под. Такой культъ не могъ бы возникнуть, а тѣмъ болѣе утвердиться, еслибы не основывался на издревле шедшемъ почитаніи *быка*, какъ священнаго животнаго. Палермская надпись (одинъ изъ важнѣйшихъ египетскихъ докумен-

товъ) упоминаетъ сакральный *бѣгъ аписа*; о томъ же говоритъ Плиній (N.H., VIII); такой «бѣгъ», какъ мы сейчасъ увидимъ, особенно близко подходитъ къ религіознымъ обрядамъ эгейскаго міра. Вообще же можно считать установленнымъ, что египтяне почитали быка не меньше, а, можетъ быть, больше, чѣмъ другихъ своихъ «священныхъ животныхъ» (кошекъ, ихневмоновъ, ибисовъ, ястребовъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ еще—крокодиловъ, бегемотовъ, собакъ, выдръ, угрей, и т. под.)

На Критѣ, въ эпоху минойской культуры, культъ *быка* былъ едва ли не господствующимъ, какъ бы государственной религіей страны. Въ воспоминаніяхъ эллиновъ образъ быка тѣснѣйшимъ образомъ сочетался съ Критомъ, въ легендѣ о минотаврѣ и другихъ, связанныхъ съ ней. Согласно съ миѳомъ, жена критскаго тиранна Миноса, Пасифая, воспламенилась преступной любовью къ быку; греческій искусникъ Дедалъ построилъ особую деревянную корову, что дало возможность царицѣ насытить свою противоестественную страсть; плодомъ этого союза явилось чудовище, полу-быкъ, полу-человѣкъ, Минотавръ; тогда Миносъ приказалъ тому же Дедалу построить дворецъ-лабиринтъ, въ которомъ и былъ скрытъ быкообразный царевичъ... Къ этому примыкали разсказы о дани, которую платили Миносу аѳиняне, о поѣздкѣ Тесея, объ Аріаднѣ, о побѣгѣ Дедала, съ сыномъ Икаромъ, на восковыхъ крыльяхъ съ Крита, и т. под. Во всѣхъ этихъ миѳахъ можно открыть зерна исторической правды. Эллины могли изобразить критскаго царевича полубыкомъ, а его отцомъ считать быка—потому, что критскіе миносы сами именовали себя (какъ египетскіе фараоны) «мощнымъ быкомъ». Быкъ былъ національнымъ богомъ критскаго царства *, и, вѣроятно, критскія преданія разсказывали, что первоначально надъ Критомъ царствовалъ самъ богъ, т. е.—быкъ. Миносъ былъ постояннымъ земнымъ воплощеніемъ божества, *небеснаго быка*; супругой бога должна была быть *небесная корова*, отголоскомъ чего остается, въ эллинскомъ миѳѣ, имя Пасифая (Pasiphaè), что значитъ «всесіяющая»,—образъ звѣзднаго неба. И, въ полномъ согласіи съ этими предположеніями, надъ главнымъ входомъ въ Кносскій лабиринтъ стояло именно изображеніе быка,—верховнаго бога страны, покровителя царства и предка царствующаго государя.**

Изображеніе быка весьма часто встрѣчается въ эгейскомъ искусствѣ: на фрескахъ, на геммахъ, на вазахъ, и т.-д. Среди этихъ изображеній (иногда просто жанровыхъ, какъ на кубкѣ изъ Вафіо, или орнаментальныхъ) заслуживаютъ особаго вниманія тѣ, которыя служатъ какъ бы иллюстраціей къ упомянутому Палермской надписью «бѣгъ аписа» и вскрываютъ передъ нами цѣлую область эгейскихъ вѣрованій и жизни на Критѣ

* Разбору этого вопроса посвящена статья А. Захарова «Къ легендѣ о Миносѣ и Минотаврѣ» («Гермесъ», 1912), которой мы и слѣдовали, во многомъ, въ нашемъ изложеніи.

** Таково мнѣніе Aug. Fick. A. Cook и др.

Это—картины (фресковыя), рисунки и чеканныя изображенія, представляющіе нѣкую религіозную церемонію, съ участіемъ въ ней быка. Долгое время изслѣдователи хотѣли видѣть въ этихъ картинахъ—сцены, взятыя съ арены цирка, но теперь уже трудно оспаривать сакральный характеръ представленнаго на этихъ изображеніяхъ. Такъ, на одной фрескѣ въ Тиринѳскомъ дворцѣ, мы видимъ бѣгущаго быка, на спинѣ котораго сидитъ женщина *, на вазѣ, найденной въ Агіа-Тріадѣ, также изображенъ скачущій быкъ съ человѣческой фигурой на рогахъ; на фрескѣ въ Кносскомъ лабиринтѣ—скачущій быкъ, черезъ котораго прыгаетъ мужчина, а рядомъ стоитъ женщина, готовая сдѣлать такой же прыжокъ сходныя изображенія—на фрескахъ въ Орхоменѣ, на геммахъ, на особыхъ пластинкахъ, фарфоровыхъ и золотыхъ **. Многочисленность такихъ изображеній и серьезное отношеніе къ нимъ художниковъ исключаютъ мысль, что здѣсь представлены забавныя упражненія акробатовъ на аренѣ; трудно принять эти картины и за охотничьи сцены, такъ какъ врядъ ли на быковъ охотились на Критѣ, да и нѣтъ надобности, при охотѣ, прыгать черезъ быка и садиться ему на спину. Все заставляетъ думать, что на Критѣ существовалъ религіозный обрядъ, при исполненіи котораго священнослужители (іеродулы) должны были перепрыгивать черезъ свободно бѣгущаго быка, который символизовалъ собою божество. Быть можетъ, этотъ обрядъ былъ пережиткомъ человѣческихъ жертвоприношеній. Первоначально обожествляемому быку приносились въ жертву, отдавались во власть люди (плѣнные враги, или рабы, или особообреченные); съ теченіемъ времени, вѣроятно, цѣлыхъ столѣтій, это жертвоприношеніе перешло въ символическій обрядъ, который еще позднѣе выродился въ цирковое зрѣлище. Такая эволюція вполнѣ въ духѣ всей исторіи минойской культуры, въ которой мы видимъ постепенное исчезновеніе всего не только жестокаго и суроваго, но даже просто мужественнаго, въ томъ числѣ войны, замѣненной откупомъ, и охоты, превращенной въ безопасныя parties de plaisir.

Критяне позднѣйшихъ эпохъ, хозяева лабиринта, любили присутствовать на древнемъ религіозномъ обрядѣ «бѣга съ быкомъ», сакральное значеніе котораго было утрачено и который представлялъ просто интересное зрѣлище. Спеціально обученные жрецы и жрицы, бѣгуны и прыгуны, на аренѣ театра, въ лабиринтѣ, ловко увертывались отъ разъяреннаго быка, прыгали ему на спину, или перепрыгивали черезъ него, вызывая восхищеніе блазированныхъ зрителей. Разумѣется, въ этой потѣхѣ оставалась доля настоящей опасности, и могли быть случаи, когда животное поднимало на рога замѣшкавшагося іеродула. Но такая возможность должна была только придавать своеобразное очарованіе всему зрѣлищу, какъ именно

* Фреска воспроизведена въ извѣстныхъ школьныхъ таблицахъ С. Цибульскаго.

** Напомнимъ, что мужчины изображались у эгейцевъ, бурой краской, женщины—бѣлой.

она придаетъ острый интересъ и любимѣйшей потѣхѣ современной Испаніи: «бою быковъ». На Критѣ «скачки съ быками» были такимъ же «національнымъ» зрѣлищемъ, какъ «бои быковъ» въ Испаніи, и эгейскіе художники съ такимъ же усердіемъ запечатлѣли въ своихъ созданіяхъ любимѣйшее національное развлеченіе, съ какимъ «бои быковъ» запечатлѣны на безсчетныхъ полотнахъ, гравюрахъ и офортахъ знаменитѣйшихъ испанскихъ мастеровъ.

Пережитки быкопочитанія можно прослѣдить и въ исторической Элладѣ. По свидѣтельству Аристотеля (Аѳинская политія), въ Аѳинахъ существовалъ религіозный обрядъ, совершавшійся ежегодно и состоявшій въ томъ, что жена царя-жреца сочеталась бракомъ съ Діонисомъ въ *бычьемъ стойлѣ* (boukoleion). Такой обрядъ можетъ быть объясненъ лишь тѣмъ, что Діонисъ символизовался быкомъ*. Можно думать, что это почитаніе быка, какъ бога, перешло къ эллинамъ отъ эгейцевъ. Возможно, что то же самое вліяніе сказалось въ миѳѣ о Европѣ, въ которомъ въ образѣ быка является высшій изъ боговъ Зевсъ, и въ миѳѣ о Іо, превращенной въ телицу. Все это—отголоски древнѣйшаго быкопочитанія.

Изъ другихъ аналогій въ религіозныхъ вѣрованіяхъ египтянъ и эгейцевъ слѣдуетъ отмѣтить существованіе въ Египтѣ и на Критѣ «могилъ боговъ». Возникновеніе въ разныхъ странахъ этого понятія, казалось бы, по своему внутреннему строенію, противорѣчиваго, врядъ ли можно объяснить простымъ совпаденіемъ. Между тѣмъ, какъ въ Египтѣ, по свидѣтельству Плутарха (De Osir.), существовала чтимая «Могила Осириса», такъ на Критѣ, въ позднѣйшее время, показывали «Могилу Зевса»; вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ Египтѣ и на Критѣ продолжали мыслить и Осириса и Зевса — вѣчно-живущими, безсмертными богами. Надо добавить, что въ исторической Греціи насчитывался цѣлый рядъ такихъ «могилъ боговъ»: Діониса— то въ Дельфахъ,то въ Ѳивахъ, Кроноса— то въ Сициліи, то на Кавказѣ, Кереры, Аскленія, Герма, Арея, Посейдона, Гелія, Селены, Урана и др.**! Египетскій культъ боговъ совпадалъ съ культомъ мертвыхъ: египтяне чтили убитаго и погребеннаго Осириса; понятія *богъ* и *мертвецъ* для египтянъ не исключали другъ друга. Не такъ ли было и для минойцевъ, чтившихъ на Критѣ нѣкую могилу, которую позднѣйшіе эллины признали могилой Зевса? И не сказалось ли такое пониманіе божественнаго въ позднѣйшихъ вѣрованіяхъ эллиновъ, искавшихъ по всему свѣту, отъ Сициліи до Кавказа, могилъ, гдѣ погребены безсмертные боги?

Новѣйшія изслѣдованія: Ренана, Вилламовица, Фрэзера и др., установили вообще рядъ аналогій между религіозными

---

* Мнѣніе Фрэзера (Frazer, Lecture of the Early History, 1905); Вилламовицъ указываетъ еще на быкообразныя изображенія Діониса; впрочемъ, слово boukoleion толкуютъ и въ иномъ смыслѣ (Maas, Dieterich и др.).

** Вопросу посвящена особая статья А. Захарова «Могилы боговъ въ Греціи и на Востокѣ» («Гермесъ» 1913 г.).

воззрѣніями египтянъ и эллинскими культами. Поскольку мы можемъ искать въ вѣрованіяхъ Эллады отзвуки эгейскаго міра, постольку эти аналогіи могутъ подтверждать мнѣніе объ общности религіозныхъ идей Египта и Эгейи. Но, какъ бы ни рѣшался этотъ вопросъ въ подробностяхъ, несомнѣннымъ остается основный выводъ: что существовало глубокое сходство, въ отдѣльныхъ частяхъ — полное совпаденіе, въ религіи двухъ древнѣйшихъ культурныхъ міровъ: Египта и Эгейи. Косвеннымъ подтвержденіемъ этому служитъ рисунокъ на одной фарфоровой пластинкѣ, найденной на Критѣ. На рисункѣ изображено совершеніе какого-то религіознаго обряда. Толпятся эгейскіе юноши, въ характерныхъ завитыхъ локонахъ; въ центрѣ—эгейскіе жрецы, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, приносятъ жертву, а въ самой серединѣ стоитъ жрецъ-египтянинъ, національность котораго легко узнать по семитическимъ чертамъ лица, тщательно переданнымъ художникомъ, и по египетскому одѣянію *. Принимать участіе въ эгейскомъ религіозномъ обрядѣ египетскій жрецъ могъ лишь въ томъ случаѣ, если священнослужители обоихъ народовъ сознавали, что они служатъ и молятся однимъ и тѣмъ же богамъ. Вѣдь немыслимо было бы, напр., чтобы католическіе патеры стали служить обѣдню подъ предсѣдательствомъ буддійскаго жреца, или чтобы магометанскіе муллы пригласили въ мечеть, руководить ими, японскихъ бонзъ!

Чѣмъ же, однако, должно объяснять этотъ фактъ: единства религіозныхъ воззрѣній Египта и Эгейи? Былъ періодъ, когда историки, впервые ознакомившись съ существованіемъ ряда аналогій между Египтомъ и эгейскимъ міромъ, спѣшили сдѣлать изъ этого тотъ выводъ, что эгейская культура есть только сколокъ съ египетской. Считали, подтверждая это ссылками на рядъ отмѣченныхъ нами аналогій, что эгейская культура выросла и развивалась подъ всеобъемлющимъ вліяніемъ египетской. Въ эгейской культурѣ видѣли не самостоятельное историческое явленіе, а только видоизмѣненіе культуры египетской, подвергшейся различнымъ мѣстнымъ и временнымъ вліяніямъ на почвѣ Крита и Греціи. Такое сужденіе легко объясняется тѣмъ, что исторія Египта была издавна извѣстна европейскимъ ученымъ и, болѣе или менѣе, изслѣдована, а Эгейя являлась чѣмъ-то совершенно новымъ, неожиданнымъ, путала всѣ прежнія историческія концепціи. Человѣческой мысли, даже и научной, свойственна нѣкоторая инерція: прежде чѣмъ двинуться по новому пути, она всегда дѣлаетъ попытку остаться на старыхъ позиціяхъ. Такъ и историки, пытались первоначально остаться при старыхъ представленіяхъ о центральной роли египетской культуры въ древнѣйшіе періоды цивилизаціи, не вводя въ свою концепцію міровой эволюціи совершенно новаго начала, равноправнаго Египту: эгейскаго міра. Однако,

---

* Воспроизведеніе рисунка—во всѣхъ новѣйшихъ иллюстрированныхъ работахъ о Эгейѣ; частичное—въ «Гермесѣ» 1914 г.

такая точка зрѣнія, въ настоящее время, должна считаться окончательно отвергнутой, и нынѣ число ея защитниковъ уже крайне ограниченно. Признавая факты глубокихъ аналогій между Египтомъ и Эгейей, приходится рѣшительно отказаться отъ объясненія этихъ фактовъ *вліяніемъ* Египта на Эгейю.

Въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи внѣшняго обмѣна произведеніями искусствъ и ремеслъ, противоположныя категоріи фактовъ, какъ мы видѣли, уравновѣшиваютъ другъ друга. Находятъ, приблизительно, столько же египетскихъ вещей, привезенныхъ въ эгейскія поселенія, сколько эгейскихъ въ Египтѣ. Подражанія эгейскихъ художниковъ и мастеровъ египетскимъ также «балансируются» египетскими подражаніями эгейскимъ издѣліямъ. Если въ пріемахъ строительства въ эгейскихъ дворцахъ можно усмотрѣть египетское вліяніе, что съ другой стороны, эгейскіе мастера вызывались въ Египетъ, чтобы строить дворцы фараонамъ. Остаются лишь факты аналогіи между религіозными вѣрованіями и представленіями египтянъ и эгейцевъ. Однако, столько же причинъ объяснять эти аналогіи вліяніемъ Египта на Эгейю, сколько наоборотъ — эгейцевъ на египтянъ. Еслибы съ Эгейей европейскіе ученые познакомились раньше, нежели съ Египтомъ, весьма возможно, что нашлись бы историки, которые объявили бы весь древній Египетъ простой колоніей эгейцевъ!

И въ Египтѣ, и въ Эгейѣ мы нашли, говоря кратко, «культъ смерти»; и тамъ и здѣсь— особое почитаніе быка; и тамъ и здѣсь— могилы боговъ; и египтяне и эгейцы строили гигантскія, прочныя усыпальницы для бальзамированныхъ тѣлъ, — пирамиды и купольныя гробницы. Спрашивается: всталъ ли одинъ изъ двухъ народовъ первымъ на эти пути и затѣмъ повлекъ за собою своего сосѣда, подчинивъ его своему вліянію, или оба народа, египтяне и эгейцы (народы эгейской культуры), самостоятельно выработали аналогичныя религіозныя воззрѣнія, а потомъ заимствовали одинъ у другого лишь детали обрядовъ и вѣрованій? Имѣемъ ли мы дѣло съ единымъ стеблемъ, давшимъ вѣточку въ сторону, или съ двумя параллельными стеблями, можетъ быть выростающими, однако, изъ одного корня? Аналогіи въ религіи Египта и Эгейи столь же хорошо объясняются *общностью происхожденія*, какъ и заимствованіями: почему же вѣрить скорѣе во вліяніе Египта на Эгейю, а не въ общее вліяніе, и на Эгейю, и на Египетъ, какого-то третьяго источника? Поставленныя такъ, обѣ гипотезы— равноправны, но за вторую говорятъ нѣкоторыя соображенія, позволяющія не только въ нее «вѣрить», но и принимать ее съ извѣстной степенью научной *достовѣрности*.

Должно обратить вниманіе на то, что аналогіи между Египтомъ и Эгейей становятся все болѣе глубокими, чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ *идейныхъ* проявленій жизни. Въ ремеслахъ и техникѣ аналогіи брежжатъ слабымъ свѣтомъ; въ искусствѣ— разгораются яснымъ днемъ; въ религіозныхъ воззрѣніяхъ ослѣпляютъ, какъ неожиданный потокъ огнистыхъ

лучей. Между тѣмъ религія— всегда «святая святыхъ» народа, куда труднѣе всего проникаетъ чужеземное. Даже малокультурныя племена, принимая чужую цивилизацію, рѣшительнѣе всего обороняютъ свои вѣрованія, «вѣру отцовъ и дѣдовъ». Нужны были исключительныя историческія условія для быстраго торжества ислама, а христіанство, напр., встрѣчало упорное сопротивленіе тамъ, гдѣ легко воспринималась культура носителей христіанства. Допустить, что черты сходства въ религіозныхъ вѣрованіяхъ эгейцевъ и египтянъ являются результатомъ заимствованія, значило бы — признать всеобъемлющее вліяніе Египта на Эгейю. Это значило бы допустить, что, при первомъ столкновеніи съ Египтомъ, эгейцы стояли на самой низкой ступени развитія, что имъ въ области родной религіи защищать было нечего. Древнѣйшихъ эгейцевъ, въ такомъ случаѣ, должно представлять примитивными варварами, безъ разбора усваивающими себѣ все, что предлагаетъ болѣе сильный, болѣе развитой сосѣдъ.

Мы знаемъ, что древнѣйшую Эгейю никакъ нельзя представлять себѣ стоящей столь низко; мы знаемъ, что, придя въ соприкосновеніе съ Египтомъ, эгейцы не только сохранили полную самостоятельность во многихъ областяхъ культурной жизни, но весьма скоро и сами начали оказывать замѣтное вліяніе на египтянъ. Слѣдовательно, эгейцы были въ силахъ сопротивляться иноземному воздѣйствію, и было бы совершенно непонятно, еслибы эта сила сопротивленія измѣнила имъ какъ разъ въ самомъ существенномъ: въ защитѣ родной, національной религіи! Сохранивъ самобытность въ художественномъ творчествѣ, удержавъ самостоятельно выработанныя формы общежитія, оставшись вѣрными обычаямъ родной старины въ одеждѣ, въ обиходѣ жизни, какъ могли эгейцы легкомысленно и поспѣшно отречься отъ всего, во что вѣровали предки, забыть родныя святыни и покорно принять представленія о богахъ и загробномъ бытіи, идущія отъ другого народа? То былъ бы случай, совершенно единичный, не имѣющій себѣ подобнаго во всей исторіи человѣчества.

Но есть еще одинъ фактъ, который наноситъ гипотезѣ «египетскаго вліянія» едва ли не смертельный ударъ: эгейцы, будучи въ постоянныхъ сношеніяхъ съ египтянами, не приняли ихъ іероглифовъ, но остались вѣрны своимъ собственнымъ, національнымъ письменамъ! До сихъ поръ эти эгейскія, или какъ ихъ обычно называютъ, — «минойскія», письмена не дешифрованы, но уже собрано достаточное количество надписей, записей и текстовъ *, позволяющее уяснить себѣ общій характеръ этого письма. Установлены три типа минойскихъ письменъ, которые получили названіе: пиктографическій, іероглифическій и линеарный, при чемъ послѣдній подраздѣляется на два класса. Пиктографическія письмена имѣютъ написаніе то слѣва направо, то справа налѣво; іероглифическія — слѣва направо;

* Собраны А. Эвансомъ въ 2 томахъ «Scripta Minoa».

линеарныя 1-го класса — чаще слѣва направо, 2-го класса— всегда въ этомъ направленіи. Почти единогласно историками признается, что письмо это— буквенное, чѣмъ оно по существу отличается отъ картиннаго и слогового письма восточныхъ народовъ. Однако, письмена второго типа (іероглифическія) заключаютъ въ себѣ также идеограммы (можетъ быть, фонетическаго происхожденія) и въ нѣкоторыхъ частностяхъ совпадаютъ съ египетскими, оставаясь въ цѣломъ — самостоятельной системой. Именно, въ іероглифическомъ минойскомъ письмѣ есть нѣсколько знаковъ, которые почти буквально повторяютъ знаки египетскихъ іероглифовъ: символъ жизни, эмблема царя Нижняго Египта, детерминантъ человѣка и т. под. Но эти частныя совпаденія никакъ не позволяютъ говорить о единствѣ системы письменъ: минойскіе іероглифы все же независимы отъ іероглифовъ египетскихъ, органически входятъ въ систему самостоятельнаго, національнаго письма. Если бы эгейцы были подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ египтянъ, что подчинились даже ихъ религіознымъ вѣрованіямъ, отвергнувъ религію предковъ, было бы невѣроятно, что, одновременно съ тѣмъ, Эгейя не усвоила бы себѣ и египетскій алфавитъ, детально разработанный уже въ древнѣйшія времена. Если же эгейцы, на зарѣ своей исторіи, когда они впервые столкнулись съ египтянами, обладали уже такой разработанной системой письменности, которая могла успѣшно выдержать конкуренцію египетской,— столь же невѣроятно допустить, что Эгейя приняла чужую религію и заимствовала «культъ смерти» изъ Египта. Народная религія не могла слабѣе сопротивляться чужеземному воздѣйствію, нежели національная письменность.

На всѣ эти вопросы есть, повидимому, только одинъ правдоподобный и пріемлемый для науки отвѣтъ: аналогіи въ культурахъ Эгейи и Египта должно объяснить не вліяніемъ одного народа на другой, а общностью происхожденія этихъ культуръ. Та и другая, развиваясь самостоятельно въ теченіе тысячелѣтій, отправлялась отъ одной и той же исходной точки. Существовалъ, въ незапамятно-давнія эпохи исторіи, нѣкоторый х, нѣкоторый культурный міръ, который равно оказалъ свое вліяніе и на Эгейю и на Египетъ, далъ имъ обоимъ первый толчокъ къ развитію ихъ духовныхъ силъ. Такое предположеніе объясняетъ и то обстоятельство, что религіозная мысль, какъ египтянъ, такъ и эгейцевъ, пошла по одному и тому же пути и привела къ сходнымъ результатамъ, и тѣ отдѣльные факты, что въ культурѣ двухъ народовъ оказались почти тождественныя явленія, въ частности,— что нѣкоторые письменные знаки египтянъ и эгейцевъ совпали. Допуская, что въ основѣ культуръ египетской и эгейской лежитъ нѣчто единое, мы разрѣшаемъ большую часть загадокъ, представляемыхъ исторіей Эгейи. Мало того: гипотезой о существованіи этого х, этого древнѣйшаго культурнаго міра, властно вліявшаго на историческія культуры древности, мы разрѣшаемъ и многія другія загадки исторической науки. Отношенія между Эгейей и Египтомъ— только частный

случай, когда историческіе факты требуютъ принятія этой гипотезы. Достаточно бѣгло обозрѣть другіе древнѣйшіе культурные міры человѣчества, чтобы убѣдиться, что и ихъ исторія настоятельно требуетъ допущенія того же, пока невѣдомаго намъ, «икса».

7. *Пирамиды.*

Замѣчательно, что *начало* культуры, какъ эгейской, такъ и египетской, до сихъ поръ, рѣшительно ускользаетъ отъ всѣхъ изслѣдованіи историковъ. Мы уже отмѣчали, что даже самыя раннія созданія эгейскаго искусства отмѣчены чертами не только культурной зрѣлости, но какъ бы нѣкотораго декаданса; объяснить это можно только тѣмъ, что эгейское художество, при самомъ своемъ возникновеніи, находилось подъ воздѣйствіемъ другого, давно перешедшаго черезъ грань своей зрѣлости и клонившагося къ упадку. Новорожденную эгейскую культуру пѣстовали руки няни дряхлой и многоопытной. Нѣкоторые историки, имѣя въ виду эту раннюю зрѣлость Эгейи, сравнивали ее съ Аѳиной-Палладой, возникшей изъ головы Зевса въ полномъ вооруженіи. Такое сравненіе можно принять лишь съ нѣкоторыми ограниченіями, такъ какъ въ эволюціи Эгейи можно намѣтить нѣсколько послѣдовательныхъ періодовъ и прослѣдить развитіе отдѣльныхъ элементовъ отъ примитивизма къ совершенству. Но все же, памятники даже ранне-минойскаго періода, при всей элементарности ихъ обработки, указываютъ на ступень развитія, далекую отъ первобытнаго варварства. Эгейцы, какъ мы тоже говорили раньше, пережили первоначальныя стадіи своего духовнаго развитія гдѣ-то за предѣлами нашихъ наблюденій, вѣроятно,—на побережьѣ Атлантическаго океана, откуда выводитъ ихъ гипотеза Лихтенберга, и пришли на берега Эгейскаго моря уже въ обладаніи значительнымъ запасомъ знаній, навыковъ, умѣній, съ опредѣленными религіозными воззрѣніями, съ опредѣленно-сложившимся складомъ народнаго духа,

При раскопкахъ въ Кносскомъ дворцѣ, послѣ пластовъ, накопленныхъ многими десятками, если не сотнями, вѣковъ, свидѣтельствующихъ о примитивной культурѣ неолита, вдругъ сразу открываются стѣны перваго лабиринта. Ниже лежатъ остатки жизни грубой, дикой, слѣды жилищъ и вещи, которыя принадлежали племенамъ первобытныхъ звѣролововъ, охотившихся съ кремневыми копьями и стрѣлами, а тотчасъ надъ этимъ слоемъ—мощный фундаментъ огромнаго дворца, бронзовые и мѣдные кинжалы, черепки изящныхъ вазъ, золотыя бездѣлушки, тѣшившія мѣстныхъ красавицъ, предметы роскоши, довольства и у сложненной жизни. Такъ и въ исторіи: на берегахъ Эгейскаго моря, послѣ первобытныхъ племенъ, аборигеновъ страны, сразу являются эгейцы, народъ глубоко-культурный, имѣющій государственныя установленія, заводящій сношенія съ заморскими сосѣдями, оказывающій свое вліяніе на самое царство фараоновъ. Переходной стадіи нѣтъ; не автохтоны страны, путемъ медленной эволюціи, достигаютъ высшихъ ступеней развитія, но прихо-

дить совершенно другое новое племя, уже подготовленное къ восхожденію на высшія ступени духовной жизни. Отъ глазъ историка опять ускользаетъ таинственный моментъ зарожденія культуры, какъ въ біологическихъ наукахъ ускользаетъ моментъ зарожденія живого организма. Мы осуждены въ исторіи, какъ въ біологіи, изучать только развитіе, а не возникновеніе.

Почти то же самое приходится сказать о культурѣ Египта. Новѣйшія изслѣдованія возстановили длинный путь эволюціи египетской культуры, на протяженіи четырехъ тысячелѣтій. Въ настоящее время открыты въ Египтѣ могилы, относящіяся къ доисторической эпохѣ, на основаніи которыхъ можно судить о бытѣ тѣхъ людей, которые населяли долину Нила задолго до первыхъ фактовъ, отмѣченныхъ египетскими лѣтописями. Мы въ состояніи теперь прослѣдить постепенное развитіе у египтянъ научныхъ познаній, техническихъ пріемовъ, вкусовъ, отъ той эпохи, къ которой относятся грубыя фигурки, находимыя въ древнѣйшихъ могильникахъ, до пышнаго расцвѣта Оиванскаго искусства въ концѣ Средняго царства, до высшаго блеска египетской культуры во времена «имперіи» Рамсесидовъ и до упадка страны фараоновъ въ Саисскій періодъ и въ вѣка послѣ него... Явилась возможность написать и связную политическую исторію Египта, какъ то сдѣлалъ американецъ Брэстедъ, и исторію египетскаго искусства, какъ то сдѣлано въ блестящемъ предсмертномъ трудѣ знаменитаго французскаго египтолога Масперо *. Однако, спеціалисты знаютъ, что все же остаются въ египетской исторіи пробѣлы, и не только по отношенію ко второстепеннымъ деталямъ, но оставляющіе нерѣшенной загадкой наиболѣе существенные вопросы. Двѣ такихъ загадки касаются самаго начала египетской культуры.

Какъ это ни странно, но должно признаться, что *происхожденіе* египетскаго искусства, а съ нимъ всей египетской культуры, до сихъ поръ для науки необъяснимо. Мы хорошо знаемъ *эволюцію* искусства въ Египтѣ, отъ его простѣйшихъ, древнѣйшихъ проявленій, до наиболѣе совершенныхъ созданій позднѣйшихъ эпохъ; но зарожденіе египетскаго художества, его возникновеніе изъ примитивныхъ подѣлокъ первобытныхъ насельниковъ страны, не можетъ быть прослѣжено по памятникамъ. У насъ есть или примитивныя издѣлія, еще чуждыя элемента художественности, или, хотя и простѣйшія, но уже явно художественныя созданія, изъ которыхъ потомъ естественно разви-

* Объ эти работы имѣются въ русскомъ переводѣ и должны быть горячо рекомендованы всѣмъ, желающимъ ближе ознакомиться съ древнимъ Египтомъ: Джемсъ Г. Брэстедъ, «Исторія Египта», изд. М. и С. Сабашниковыхъ, М. 1915; Г. Масперо, «Египетъ», серія «Ars Una». к-во «Проблемы Эстетики» М. Марека, М. (1916). Оба изданія—иллюстрированныя. Для начинающихъ можетъ быть полезна и другая популярная книжка Масперо «Египетъ», въ изд. М. и С. Сабашниковыхъ, М. 1913. Что же касается основного труда Масперо, его «Древней исторіи народовъ Востока», то, къ сожалѣнію, его русское изд., К. Т. Солдатенкова, М. 1913, должно считаться въ значительной степени устарѣвшимъ и во многомъ не соотвѣтствующимъ современному состоянію египтологіи.

вается все искусство Мемфиса и Ѳивъ. Посредствующаго звена опять нѣтъ, какъ нѣтъ его между неолитическими поселеніями Крита и Кносскимъ лабиринтомъ. Мы застаемъ египтянъ уже обладающими элементами культуры, зернами, изъ которыхъ долженъ былъ вырости пышный цвѣтъ позднѣйшихъ вѣковъ, но какимъ путемъ были получены эти зерна, кто бросилъ этотъ сѣвъ въ благодарную почву египетской души,—мы не знаемъ.

Вотъ что говоритъ по этому поводу такой авторитетъ египтологіи, какъ Масперо (Ars Una, Египетъ, стр. 8—10):

«Древнѣйшія могилы, предшествующія исторической эпохѣ, до сихъ поръ не дали намъ ничего такого, что доказывало бы исключительное развитіе художественнаго чувства у первобытныхъ египтянъ. Предметы, добываемые въ могильникахъ, указываютъ на любовь къ украшеніямъ, къ разукрашенной утвари, но совершенно такую же, нисколько не высшую, какъ у большинства полуцивилизованныхъ племенъ... Ничто здѣсь не можетъ выдержать сравненія съ живописью и со скульптурой эпохи сѣвернаго оленя, находимой въ пещерахъ современной Франціи и Испаніи... И однако, какъ только отъ этихъ, лишенной точной даты, произведеній переходишь къ созданіямъ историческихъ династій, тотчасъ встрѣчаешь тысячи предметовъ и памятниковъ, которые, художественностью своего выполненія, даютъ египтянамъ, въ области искусства, исключительное мѣсто среди всѣхъ народовъ Древняго Востока. Тамъ, гдѣ раньше были лишь попытки трудолюбивыхъ ремесленниковъ-учениковъ, зачатки мастерства, не увѣреннаго въ самомъ себѣ,—внезапно появляются, почти безъ какой бы то ни было явной переходной стадіи, созданія истинныхъ мастеровъ-художниковъ и техника, доведенная до законченности и совершенства. Не должно ли заключить изъ этого, что, въ періодъ между двумя этими эпохами, какой-то, пришедшій извнѣ, народъ наложилъ свое вліяніе на жителей Египта, принеся имъ то пониманіе прекраснаго и то умѣніе реализовать его, какими до той поры египтяне не обладали?»

Самъ Масперо высказываетъ далѣе сомнѣнія въ справедливости своей гипотезы, но другой, которая могла бы ее замѣнить, все же не находитъ. Фактъ остается фактомъ. Даже выискивая черты сходства между грубыми примитивными издѣліями доисторическихъ эпохъ съ художественными созданіями временъ династическихъ, Масперо принужденъ сознаться, что—«то, что прежде создавалось чисто-инстинктивно, теперь стало являться, какъ результатъ сознательно направленной воли». Кто же сумѣлъ направить волю египтянъ къ исканію прекраснаго и къ его осуществленію? Кто полудикихъ обитателей Нильскаго оазиса, которые отставали въ дѣлѣ художества, отъ своихъ современниковъ, ютившихся въ пещерахъ Франціи и Испаніи, превратилъ въ народъ художниковъ, быстро занявшій первое мѣсто среди всѣхъ культурныхъ народовъ ранней древности и сохранившій это положеніе въ теченіе сорока вѣковъ? Что произошло въ Египтѣ въ ту эпоху, о которой молчитъ исторія,

но которая непосредственно предшествовала первымъ, извѣстнымъ намъ, историческимъ фактамъ?

Традиціонная египетская хронологія, предложенная еще Манеѳономъ (въ III в. до Р. Х.) и, въ общемъ, соблюдаемая и новыми историками, дѣлитъ египетскую исторію по *династіямъ* правившихъ фараоновъ. Новѣйшія изслѣдованія выяснили многое о временахъ «до-династическихъ» (предположительно, раньше 3.400 г. до Р. Х.), но все, что сохранилось отъ этихъ отдаленныхъ эпохъ, рисуетъ египтянъ тои поры народомъ, не ушедшимъ впередъ, сравнительно съ другими современными народностями Передней Азіи. Напротивъ, времена первыхъ династій (отъ 1-й до 6-й, предположительно отъ 3400 до 2475 г. до Р. Х.) выступаютъ, какъ эпохи изумительнаго культурнаго подъема. Историкъ Брэстедъ, признанный авторитетъ египтологіи, не находитъ словъ, чтобы достойно возвеличить этотъ періодъ, особенно время 3-ей—6-ой династіи, говоритъ о «замѣчательномъ развитіи матеріальной культуры въ теченіе этихъ четырехъ столѣтій», о «блескѣ и могуществѣ» Древняго Царства, о «небывалой высотѣ», достигнутой искусствами и ремеслами и т. под., утверждая даже, что эти вершины художественнаго творчества никогда позднѣе не были превзойдены самими египтянами (Брэстедъ, 1, 15). Всѣмъ памятны три величайшія пирамиды Египта близъ Гизе: Хеопса (Хуфу), Хефрена (Хафра) и Менкура. Трудно установить съ точностью время ихъ построенія, но несомнѣнно, что то была одна изъ древнѣйшихъ эпохъ египетской исторіи, и традиція, съ которой соглашается Брэстедъ, относитъ возникновеніе великихъ пирамидъ именно къ 4-ой династіи, къ XXIX и XXVIII столѣтію до Р. Х. Египтяне временъ «до-династическихъ» были небольшимъ народцемъ, мало чѣмъ выдѣляющимся среди другихъ, окружающихъ восточное побережье Средиземнаго моря и долину Двурѣчья; египтяне начала 3-го тысячелѣтія до Р. Х. оказались способны на архитектурный подвигъ, равнаго которому не знала вся древность и повторить который самъ Египетъ позднѣе уже былъ не въ состояніи.

На основаніи памятниковъ, можно прослѣдить, какъ вырабатывалось въ Египтѣ строительство пирамидъ. Первоначально то была невысокая квадратная «мастаба»; потомъ, черезъ наложеніе слѣдующихъ, все уменьшающихся этажей-слоевъ, возникла форма «ступенчатой пирамиды»; наконецъ, съ заполненіемъ ступеней и возведеніемъ остроконечной вершины, была установлена полная пирамидальная форма. Однако, знакомство съ этимъ историческимъ процессомъ ни въ коемъ случаѣ не объясняетъ, почему именно въ эпоху 4-й династіи пирамиды вдругъ получили размѣры, небывалые дотолѣ и не повторенные въ будущемъ. И раньше, до фараоновъ 4-ой династіи, уже сооружались полныя пирамиды; но онѣ были безмѣрно меньше, чѣмъ каменныя горы, воздвигнутыя Хеопсомъ, Хефреномъ и Менкура. Позднѣе, послѣ 4-ой династіи, египтяне также продолжали строить пирамиды, позднѣйшіе фараоны также выказывали притязаніе обезсмертить свое имя созиданіемъ гигантскихъ каменныхъ

усыпальницъ для своей мумiи, но всѣ слѣдующiя пирамиды тоже безмѣрно меньше Хеонсовой, не могутъ итти съ ней, по размѣрамъ, ни въ какое сравненiе. Разница подавляла сознанiе, египтяне позднѣе отказывались вѣрить, что это они—сами, ихъ предки, воздвигли каменныя чудеса въ безплодной пустынѣ. Строители великихъ пирамидъ, въ историческомъ Египтѣ, почитались существами божественнаго происхожденiя, а самыя Гизехскiя пирамиды—созданiемъ сверхъестественныхъ силъ.

Какъ бы подробно ни возстанавливали мы эволюцiю пирамидальнаго зодчества, все же загадкой останется тотъ фактъ, что *вдругъ* для Египта явилась возможность создать одно изъ семи «чудесъ свѣта»: на берегахъ Нила, въ большой отдаленности отъ мѣстъ, гдѣ можно добывать потребный для строительства матерiалъ, возвести искусственныя горы изъ гигантскихъ каменныхъ глыбъ по опредѣленному, строго выполненному, плану, съ замѣчательнымъ, вполнѣ достигнутымъ, техническимъ совершенствомъ. Вдругъ рождаются въ Египтѣ фараоны, задумывающiе такое небывалое предпрiятiе; вдругъ появляются зодчiе, дерзающiе на такой подвигъ и оказывающiеся способными его осуществить успѣшно; вдругъ открываются сношенiя съ далекой заморской страной (Пунтъ), откуда, особымъ флотомъ и по вновь проложеннымъ дорогамъ, везутъ нужный матерiалъ, добытый въ спецiальныхъ каменоломняхъ; вдругъ находятся сотни тысячъ рабочихъ рукъ, покорныхъ единой волѣ; главное же,—вдругъ строители оказываются во всеоружiи необходимыхъ математическихъ, чисто-геометрическихъ и разнаго рода техническихъ познанiи, безъ которыхъ немыслимы подобныя сооруженiя, а въ распоряженiи тѣхъ же строителей оказываются приспособленiя для перевозки тяжелыхъ глыбъ на протяженiи тысячи верстъ, всевозможные инструменты для рубки и тески твердаго камня, мощныя машины для подъема страшныхъ тяжестей на высоту сотыхъ этажей, мастерскiя для выработки мѣдныхъ листовъ, которыми были облицованы стороны пирамидъ, и многое другое, подобное. Египтяне сразу проявляютъ себя народомъ высоко-культурнымъ, обладающимъ огромными познанiями, большимъ техническимъ навыкомъ и неизмѣримыми средствами; великiя пирамиды встаютъ къ небу, на диво всѣмъ будущимъ путешественникамъ, вплоть до современныхъ туристовъ... Но проходитъ одно столѣтiе, полтора столѣтiя, и такъ же *вдругъ*, такъ же внезапно, отважное строительство кончается. Никто изъ позднѣйшихъ фараоновъ не рѣшается соперничать съ Хеопсомъ. Египетъ, какъ государство, растетъ, крѣпнетъ, превращается въ имперiю, включившую въ свои предѣлы значительную область Передней Азiи и часть Эгейскихъ острововъ; египетская культура расцвѣтаетъ ярко и пышно, подчиняя своему вліянiю окрестныя страны; наука и искусство въ Египтѣ дѣлаютъ гигантскiе шаги впередъ; но подвигъ древнихъ строителей остается непревзойденнымъ. Въ XXIX вѣкѣ до Р. Х. египтяне *могли* строить великiя пирамиды, въ послѣдующiе вѣка—*не могли*. И хочется повторить вопросъ Масперо: «Не должно ли заключить изъ этого,

что въ періодъ между двумя этими эпохами (т.-е. между «додинастической» и эпохой послѣ первыхъ династій) какой-то пришедшій извнѣ народъ наложилъ свое вліяніе на жителей Египта, принеся имъ то пониманіе, въ данномъ случаѣ, великаго и то умѣніе реализовать его, какихъ до той поры египтянене обладали?»

Разумѣется, историки не могли не обратить вниманія на тотъ поразительный фактъ, что величайшія пирамиды были построены въ древнѣйшій періодъ. Исторія, по выраженію одного критика, «стоитъ вверхъ ногами»: на зарѣ своей цивилизаціи египтяне оказываются болѣе могущественными, нежели во дни расцвѣта! Но всѣ попытки объяснить этотъ фактъ были до сихъ поръ рѣшительно неудовлетворительными. Легко сказать,—какъ и говоритъ большинство историковъ,—что въ эпоху 4-ой династіи Египетъ былъ централизованнымъ государствомъ, и фараоны могли располагать силами всей страны, впослѣдствіи же распался на рядъ феодальныхъ княжествъ, и фараонъ утратилъ свою абсолютную власть. Такое объясненіе будетъ совершенно произвольнымъ: что Египетъ позднѣе пережилъ распаденіе на феодальныя, полунезависимыя области, это—намъ извѣстно на основаніи разныхъ документовъ; но что Египетъ былъ, при 4-ой династіи, сильно-централизованнымъ царствомъ, это—выведено только изъ самаго существованія великихъ пирамидъ. Получается «порочный кругъ», «circulus vitiosus»: отъ существованія великихъ пирамидъ заключаютъ къ централизованности древнѣйшаго Египта, а потомъ этой централизаціей хотятъ объяснить возможность возникновенія великихъ пирамидъ въ древнѣйшемъ Египтѣ! * Въ дѣйствительности же, никакія объективныя данныя не позволяютъ намъ заключить, что въ самомъ Египтѣ, временъ первыхъ династій, имѣлись силы матеріальныя и, особенно, духовныя, достаточныя для построенія Гизехскихъ чудесъ. Эти силы мы принуждены искать внѣ Египта, въ сторонненъ вліяніи, такъ какъ великія пирамиды, въ египетской исторіи, стоятъ совершенно особнякомъ. Надо добавить, что самое пріурочиваніе ихъ къ именамъ опредѣленныхъ фараоновъ, особенно же—къ опредѣленнымо годахъ, крайне гадательно. Ошибка въ датировкѣ возможна на нѣсколько вѣковъ, а такая перестановка времени значительнъ измѣнила бы всѣ соображенія объ условіяхъ, при которыхъ возникли Гизехскія пирамиды...** По-

* Что это каррикатура, могутъ доказать страницы, посвященныя Хеопсу (Хуфу), такого осторожнаго и вдумчиваго историка, какъ Брэстедъ. Сказавъ, что Хеопса *считаютъ* строителемъ величайшей пирамиды Брэстедъ откровенно сознается: «Мы не знаемъ почти ничего о другихъ его дѣяніяхъ». Однако, тотчасъ же, добавивъ, что Хеопсъ, *быть можетъ*, началъ впервые разработку залежей алебастра въ Хатнубѣ, и что *преданія временъ Птоломеевъ* (т. е. распространенныя $2^1/_2$—тысячелѣтія спустя) изображаютъ Хеопса строителемъ храма богини Хаторъ, въ Дендера, Брэстедъ дѣлаетъ неожиданный выводъ: «*Отсюда ясно*, что всѣ производительныя силы страны были всецѣло въ его (Хеопса) распоряженіи и подъ его контролемъ». (Брэстедъ, I, 125).

** Надписи, сохранившіяся на великихъ пирамидахъ, сдѣланы много

этому всего справедливѣе со стороны историковъ было бы сознаться, что ничего опредѣленнаго о построеніи большихъ пирамидъ имъ неизвѣстно.

Однако, и гипотеза «сторонняго вліянія» вызываетъ нѣкоторыя возраженія. Если даже допустить, что Египетъ, въ ту отдаленную эпоху, подчинялся воздѣйствію «пришедшаго извнѣ народа», остается необъяснимымъ, почему этотъ народъ направилъ свои силы и силы покореннаго Египта на воздвиженіе каменныхъ горъ въ долинѣ Нила. Зачѣмъ владыки завоеватели тратили время и огромныя средства, строя въ далекой колоніи гигантскія гробницы для мѣстныхъ царей? Или, если предположить, что великія пирамиды были возведены самими египтянами, только *послѣ* испытаннаго воздѣйствія со стороны другого, болѣе культурнаго народа, почему это воздѣйствіе дало такое неожиданное направленіе замысламъ и стремленіямъ древнѣйшихъ египтянъ?— На эти вопросы приходится отвѣчать вопросами же: что такое пирамида? зачѣмъ вообще ее строили? каково ея конечное назначеніе?

Обычно пирамиды считаются огромными могилами. Но, какъ бы мы ни преувеличивали египетскій «культъ смерти» и желаніе египтянъ сохранить тѣло умершаго царя, все же есть несоизмѣримая несообразность между цѣлью и употребленными для того средствами (какъ мы уже отмѣтили то по поводу эгейскихъ купольныхъ гробницъ). Цѣль—сохраненіе муміи фараона; средства—двадцать лѣтъ работы, сотни тысячъ, а, вѣроятнѣе, милліоны привлеченныхъ къ дѣлу рукъ, заново проложенныя дороги для перевозки матеріала и, какъ результатъ, каменныя чудеса-горы. Неужели египтяне, во всемъ остальномъ скорѣе народъ-практикъ, не умѣли достичь цѣли,—сохраненія муміи,— болѣе простыми средствами? Вѣдь стали же они довольствоваться позднѣе, въ эпоху имперіи, т.-е. высшаго расцвѣта власти фараоновъ, гораздо болѣе скромными, хотя все же великолѣпными, гробницами, высѣченными въ скалахъ! Не могли же египтяне, временъ 4-ой династіи, не понимать, что надежно сберечь мумію царя возможно и безъ тѣхъ грандіозныхъ затратъ и трудовъ, какихъ потребовала пирамида Хеопса.

Противорѣчіе бросается въ глаза и было замѣчено уже давно. Рядъ писателей уже высказалъ мнѣніе, что основное назначеніе пирамидъ было гораздо болѣе возвышенное, нежели

вѣковъ послѣ ихъ построенія. Вообще, нельзя довѣряться надписямъ на древнѣйшихъ памятникахъ Египта, такъ какъ позднѣйшіе фараоны весьма нерѣдко дѣлали новыя надписи на старыхъ памятникахъ. Въ лучшемъ случаѣ, писалось имя того фараона, который, по традиціи, считался строителемъ даннаго памятника, но иногда написанное имя старательно стиралось, выскабливалось, и замѣнялось новымъ (именемъ правящаго фараона или его предка). Примѣровъ этого приведено много у того же Брэстеда. Имя фараона Хафра на большомъ сфинксѣ было поставлено четырнадцать столѣтій спустя послѣ его созданія, въ эпоху Тутмоса IV.—Въ наукѣ высказывалось даже мнѣніе (впрочемъ, подтвержденное слабо), что великія пирамиды на два тысячелѣтія старше, нежели то обычно принимается (Dutens и др.).

служить прочной могилой. Это мнѣніе прекрасно выражено К. Д. Бальмонтомъ, который лично бывалъ въ Египтѣ, видѣлъ пирамиды, думалъ надъ ними, прочелъ едва ли не все, написанное о нихъ. «Египтологи,—говоритъ Бальмонтъ,—единогласно утверждаютъ (это, однако, преувеличеніе: *не* единогласно), что пирамиды—не болѣе, какъ царская гробница, огромный каменный уютъ для муміи фараона. Да позволено мнѣ будетъ думать, что египтологи утверждаютъ совершенную неправду. Присутствіе саркофага въ пирамидѣ не есть указаніе рѣшающее. Присутствіе гробницы какого-нибудь христіанскаго царя въ христіанской церкви развѣ превращаетъ церковь въ кладбище и развѣ дѣлаетъ соборъ исполинскимъ склепомъ? Пирамида божественна; она—храмъ безгласнаго моленія, она—вѣчный знакъ устремленія души отъ человѣческаго къ сверхчеловѣческому, она—зодческій псаломъ, завершительнымъ стихомъ своимъ, завершительнымъ остріемъ своимъ, касающійся Неба... Молитвенный, храмовой характеръ пирамидъ совершенно очевиденъ... Пирамида есть четырекратно повторенный треугольникъ, возносящійся въ Небо. Троичность была священна для египтянина, какъ она священна для христіанскаго сознанія. Мы говоримъ: Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, Богъ-Духъ Святой; египтяне молитвенно говорили: Осприсъ, Исида, Горъ. Священна для египтянина и четвертичность. Четыреугольникъ есть священный знакъ бога Фта, Открывателя. И кругъ, раздѣленный на четыре части, есть священный знакъ матери звѣздъ, богини неба, Нутъ...» (К. Бальмонтъ, Край Озириса, М. 1914, стр. 125 и сл.)

Говоря иначе, пирамиду можно разсматривать, какъ нѣкій гигантскій символъ. Строители пирамидъ хотѣли въ нѣкоторомъ внѣшнемъ знакѣ, способномъ просуществовать тысячелѣтія, запечатлѣть опредѣленное ученіе, имѣющее, въ своей основѣ, столь распространенную въ древности, символику чиселъ. Тѣ, которые строили пирамиду, или тѣ, которые побудили ее воздвигнуть, почитали это ученіе, — вѣроятно въ тѣ времена тайное, эсотерическое,—высшей истиной, сокровеннымъ познаніемъ сущности вещей, т.-е. самымъ драгоцѣннымъ, чѣмъ только можетъ обладать человѣкъ. Ради сохраненія этого ученія, ради того, чтобы передать его грядущимъ поколѣніямъ, стоило, конечно, принести какія угодно жертвы, принять на себя какой угодно трудъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ увѣренъ, что онъ обладаетъ *истиной истинъ*, тайнымъ знаніемъ, которое въ концѣ концовъ разрѣшаетъ всѣ загадки, всѣ вопросы о жизни и смерти о земномъ и божественномъ, о сущности бытія и элементахъ вещества,—неужели такой человѣкъ поколеблется сдѣлать все, для него возможное, чтобы только сберечь эту тайну, не дать ей погибнуть, сохранить ее для будущихъ временъ? Книги могутъ исчезнуть, устное преданіе забыться, вѣрованія исказиться до неузнаваемости, но каменный символъ пирамиды будетъ стоять вѣка и сотни вѣковъ, вѣчно. Народъ-учитель воздвигалъ

или заставлялъ воздвигнуть пирамиды, какъ свое завѣщаніе народу-ученику. «Когда насъ уже не будетъ съ вами,—какъ бы говорили строители пирамидъ египтянамъ,—когда всѣ, слышавшіе наше живое слово, уже будутъ давно лежать въ могилахъ,—грядущія поколѣнія по этимъ каменнымъ буквамъ сумѣютъ возстановить основы нашей мудрости, и по нимъ пытливый умъ, восходя отъ малаго къ большему, возвысится до познанія всѣхъ тайнъ вселенной!»

Идея, воплощенная въ пирамидахъ,—та самая, которой позднѣе училъ эллиновъ Пиѳагоръ, именно, какъ ученію, воспринятому отъ египетскихъ жрецовъ. Та же самая, по существу, идея оживала потомъ во всѣхъ мистическихъ ученіяхъ древности, средневѣковья и новаго времени, вплоть до нашихъ дней, когда у нея тоже находятся свои, и вовсе не малочисленные, адепты. Въ пирамидѣ затаены тѣ основныя числовыя отношенія, которыя играютъ такую большую роль въ пиѳагорействѣ и новѣйшемъ «оккультизмѣ». Мы находимъ въ пирамидѣ числа: 2—двѣ діагонали основанія, 3—стороны треугольниковъ, 4—стороны квадратнаго основанія, 5—пять точекъ, четыре при основаніи, одна при вершинѣ, 7—четыре и три, 8—восемь реберъ, 9—трижды три, 12—трижды четыре, и т. д. Иначе это истолковывается: святая троица (Осирисъ, Исида, Горъ), или священный «тернеръ» посвященныхъ; четыре стихіи, четыре страны свѣта или священный «кватернеръ» посвященныхъ; семь планетъ, семь цвѣтовъ радуги, семь основныхъ музыкальныхъ звуковъ; двѣнадцать знаковъ зодіака, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ пирамида таитъ въ себѣ идею вѣчнаго устремленія отъ земли къ небу. Такимъ образомъ, пирамида есть каменный символъ, въ которомъ изложены заповѣди нѣкоего религіозно-мистическаго ученія, какъ бы то же, чѣмъ была Моисеева «скрижаль» съ десятью заповѣдями, только безмѣрно увеличенная въ размѣрахъ и понятная всѣмъ племенамъ, на какомъ бы языкѣ они ни говорили *).

---

*) Подробнѣе мистики такъ объясняютъ символъ пирамиды. Ея основаніе—четыреугольникъ, т. е. священный «кватернеръ», число четыре, означающее все, зависящее отъ ф о р м ы, или ближе: вещество, форму, символъ, усвоеніе (адаптацію). Стороны пирамиды — треугольники, т. е. священный «тернеръ», число три, означающее сущность вещей, или ближе: начало активное (дѣйствующее), пассивное (воспринимающее) и результатъ (слѣдствіе). Въ пирамидѣ тернеры поставлены н а д ъ квартернеромъ: знакъ, что сущность господствуетъ надъ формой. Сочетанія четырехъ и трехъ даетъ священное число семь, которое считалось лежащимъ въ основѣ всякаго фенсмена (явленія), подобно тому, какъ бѣлый солнечный лучъ распадается на семь основныхъ цвѣтовъ. Числу семь, по числу семи планетъ, извѣстныхъ древнимъ, халдеи усвоили высокое значеніе: считали семь основныхъ музыкальныхъ звуковъ (наша гамма отъ д о до си), семь дней недѣли и т. под. Число два считалось знакомъ человѣка, состоящаго изъ двухъ элементовъ, души и тѣла; въ пирамидѣ два (двѣ діагонали) заключены въ четырехъ (квадратъ основанія); знакъ, что человѣкъ заключенъ въ стихіяхъ, и т. под. Короче говоря, изъ разсмотрѣнія пирамиды, дѣйствительно, ухитрялись выводить цѣльное міросозерцаніе. Такого рода толкованіе пирамиды дано во многихъ сочиненіяхъ современныхъ мистиковъ (см., напр., популярное изложеніе въ извѣстной книгѣ Папюса). Но, что уже древніе искали въ пирамидѣ числовыхъ сим-

Въ пирамидѣ хранился прахъ фараона. Это дѣлало пирамиду священной и для непосвященнаго и тѣмъ вѣрнѣе оберегало ее отъ всякаго на нее посягательства. Но помѣщеніе муміи въ глубинѣ пирамиды было лишь второстепеннымъ дѣломъ. Съ одной стороны, это давало объясненіе народу, зачѣмъ строятъ пирамиду, съ другой—это позволяло какъ бы использовать гигантское сооруженіе для ближайшей цѣли. Но сами «строители пирамидъ» должны были знать, что именно они дѣлаютъ, какой идеѣ служатъ; построеніе пирамидъ (первыхъ, великихъ) было религіознымъ подвигомъ, служеніемъ Истинѣ, какъ Богу, выполненіемъ повелѣній тѣхъ властителей, которые были окружены ореоломъ почти божественнаго величія. Безъ такой психологіи врядъ ли какой бы то ни было фараонъ рѣшился бы предпринять подобное неимовѣрно-трудное дѣло и согласился бы 20 лѣтъ угнетать весь свой народъ на каторжныхъ работахъ по воздвиженію своей могилы. А работники, трудившіеся надъ возведеніемъ безсчетныхъ каменныхъ этажей, хотя и не сознавали ясно назначенія пирамиды, должны были вѣрить, что выполняютъ дѣло священное, трудятся «Бога-для»: только это могло дать милліонамъ рабочихъ терпѣніе для завершенія ихъ безпримѣрнаго въ исторіи подвига.

Конечно, отсутствіе какихъ-либо «документальныхъ» данныхъ оставляетъ толкованіе пирамиды, какъ религіознаго символа, только гипотезой. Но эта гипотеза получаетъ сильную поддержку въ томъ фактѣ, что Гизехскія пирамиды—не единственныя на землѣ. Пирамиды Египта не—таинственное исключеніе, но только наиболѣе яркій примѣръ того историческаго явленія, которое наблюдается въ рядѣ другихъ странъ и у ряда другихъ народовъ. Притомъ, поразительнымъ образомъ, явленіе это хронологически оказывается вездѣ болѣе или менѣе одновременнымъ. Мы находимъ пирамиды на разныхъ концахъ земного шара, и время построенія ихъ всюду падаетъ приблизительно на ту же эпоху, къ которой (положимъ, предположительно) относятъ «великія пирамиды» Хеопса, Хефрена и Менкура: начало 3-го тысячелѣтія до Р. Х. Эта «перекличка пирамидъ», это совпаденіе зодческихъ замысловъ у различныхъ племенъ, не можетъ не наводить на серьезныя раздумія. И гипотеза «каменныхъ символовъ» становится уже близкой къ «вѣроятности».

Мы видѣли аналогію египетскихъ пирамидъ въ купольныхъ гробницахъ Этеіи, имѣющихъ, надъ входомъ, даже линейной «отображеніе» пирамиды, въ формѣ равнобедреннаго треуголь-

---

воловъ, видно изъ герметическихъ книгъ, изъ идей пиѳагорѣйцевъ и неоплатониковъ, изъ преданій объ ученіи Зороастра, изъ отдѣльныхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Плутарха, Плинія, Павсанія, Апулея и др.—Происхожденіе символики чиселъ должно искать, вѣроятно, въ наблюденіяхъ надъ звѣзднымъ небомъ и періодами обращенія свѣтилъ. Въ такомъ случаѣ символика чиселъ восходитъ къ ученію вавилонянъ, первыхъ астрологовъ, (т. е. астрономовъ) на землѣ. (См. объ этомъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о культурѣ Вавилоніи и о пирамидахъ этрусковъ).

ника. Но уже не подобіе, а въ полной мѣрѣ пирамиду мы вновь находимъ на другомъ концѣ земли, въ дѣвственныхъ лѣсахъ Центральной Америки. Въ этомъ «Новомъ Свѣтѣ», казалось бы, столь чуждымъ Египту, передъ путникомъ тоже высятся, среди тропическихъ стволовъ и опутавшихъ ихъ ліанъ, каменныя горы пирамидальной формы. Правда, мексиканскія пирамиды имѣютъ мѣстныя отличія: ихъ сразу можно отличить отъ египетскихъ, такъ какъ у большинства вершина срѣзана и обращена въ площадку для жертвоприношенія; но общій замыселъ строенія тотъ же самый: та же символика чиселъ, воплощенная въ камнѣ, то же устремленіе отъ земли къ небу, и въ довершеніе сходства, та же, какъ въ Египтѣ, оріентація пирамиды по меридіану данной мѣстности. Востокъ и Западъ сталкиваются въ единой идеѣ. Гизехскимъ пирамидамъ откликаются, черезъ океанъ, пирамиды американскія.

Какой же народъ и въ какую эпоху воздвигъ каменныя горы въ лѣсахъ Мексики и въ степяхъ Юкатана? Испанцы, открывшіе и завоевавшіе Америку въ концѣ XV вѣка, нашли въ Мексикѣ культурное государство ацтековъ, у которыхъ были большіе города, была своя наука и свое искусство, зачатки литературы, и были большія богатства, груды золота, награбленныя предками. Пораженные такимъ зрѣлищемъ, испанцы-конквистадоры не стали вникать въ исторію ацтековъ: важнѣйшимъ дѣломъ для завоевателей казалось—покорить эти царства испанской коронѣ и захватить въ свои руки собранные золотые запасы. Какъ извѣстно, это и удалось успѣшно Фердинанду Кортецу, разрушившему царство Монтецумы, и его послѣдователямъ. Только позже, изысканіями миссіонеровъ и ученыхъ, выяснилось, что царство ацтековъ, въ сущности,—молодое: оно насчитывало едва пять столѣтій своего существованія. Зато стояло оно на развалинахъ дѣйствительно-древняго культурнаго міра,— царства или царствъ народа *майевъ*. Эти майи, жившіе культурной жизнью въ центральной Америкѣ задолго до появленія тамъ ацтековъ, и были строителями мексиканскихъ и юкатанскихъ пирамидъ.

Нынѣ исторія Америки до Колумба, въ общихъ чертахъ, выяснена. Американскіе и европейскіе (преимущественно—французскіе) ученые сумѣли, по скуднымъ, дошедшимъ до насъ даннымъ, возстановить всѣ основныя перипетіи въ судьбахъ племенъ, населявшихъ Новый Свѣтъ въ теченіе 3—4 тысячелѣтій до Р. Х. Мы знаемъ, что ацтеки и сапотеки, — точнѣе, племена нагуа, къ которымъ принадлежало и племя, основавшее позднѣе царство ацтековъ,— вторглись въ Мексику съ Сѣвера, приблизительно, въ серединѣ IX в. нашей эры, т. е. въ эпоху европейскаго средневѣковья. Нагуа нашли въ этой странѣ издревле существующую цивилизацію и высоко-культурную жизнь: рядъ великолѣпныхъ городовъ, съ торжественными каменными дворцами и храмами, мощеныя дороги, водопроводы, библіотеки, разнообразныя созданія искусствъ и ремеслъ, народъ, ведущій развитое сельское хозяйство, обширную сухопутную и мор-

скую торговлю, причастный всѣмъ интересамъ умственной жизни. Майи занимали эти страны уже въ теченіе тысячелѣтій, хорошо обработали поля, проложили пути по дѣвственнымъ лѣсамъ, завели большой флотъ для заморскихъ сношеній; въ то же время майи разрабатывали науку, имѣли прочныя государственныя установленія и подчинялись національнымъ традиціямъ, успѣвшимъ, за долгіе вѣка, пустить крѣпкіе корни въ душѣ народа. Однимъ словомъ, майи, въ эпоху своей гибели, въ IX в. по Р. Х., были старымъ культурнымъ народомъ, стоявшимъ гораздо выше по своему развитію, нежели современные имъ народы далекой Европы *).

Подъ натискомъ полудикихъ кочевниковъ, майи, давно утратившіе воинственность, принуждены были медленно отступать. Завоеватели захватывали майскіе города и разрушали ихъ, майи же основывали новыя царства, далѣе къ югу, преимущественно на Юкатанѣ, но лишь для того, чтобы и вновь построенныя столицы также сдѣлались добычей хищныхъ грабителей. Борьба длилась столѣтія, но ко времени прибытія въ Америку испанцевъ нагуа сокрушили послѣдніе слѣды независимости майевъ. Жалкіе остатки прежде великаго народа держались лишь кое-гдѣ на Юкатанѣ; въ Мексикѣ майи были почти истреблены или обращены въ низшее сословіе пастуховъ и земледѣльцевъ. Зато ацтеки, подъ вліяніемъ болѣе культурнаго, побѣжденнаго ими народа, въ свою очередь цивилизовались, переняли у майевъ начатки ихъ науки, вообще усвоили, до нѣкоторой степени, ихъ культуру, хотя и внесли въ нее сильную примѣсь національной жестокости (человѣческія жертвоприношенія и т. под.). Постепенно царство майевъ исчезло подъ новымъ, выросшимъ на его мѣстѣ, царствомъ ацтековъ, которое одно и было принято конквистадорами за представителя всей древнеамериканской цивилизаціи.

Однако, говоря о культурѣ древней Америки, должно разумѣть никакъ не цивилизацію ацтековъ, все же довольно скудную, но древнюю культуру майевъ. Первый ударъ былъ нанесенъ ей, какъ мы сказали, въ серединѣ IX в. нашей эры. Но отъ этой даты приходится провести длинную черту въ глубь прошлаго, чтобы опредѣлить начало майской цивилизаціи и время ея наивысшаго расцвѣта. Къ сожалѣнію, письмена майевъ до сихъ поръ не дешифрованы, и майскія книги, хранящіяся нынѣ въ музеяхъ Америки и Европы, все еще остаются тайной для науки; но нѣкоторые знаки и особенно система счисленія у майевъ опредѣлены уже съ полной достовѣрностью. Это даетъ основаніе для нѣкоторыхъ хронологическихъ вычисленій. Замѣтимъ, кстати, что мудрая система счисленія майевъ давала имъ возможность изображать числа любой величины (что было недо-

*) Авторъ этой статьи слушалъ курсъ исторіи майевъ въ Парижѣ въ College de France, въ 1902 г., и пользовался для настоящей работы своими записками. Читателямъ, для перваго знакомства съ исторіей до-Колумбовой Америки, можно рекомендовать популярную «Исторію человѣчества», подъ ред. Г. Гельмольта. т. I, русское изд. Спб. 1902.

ступно, напр., для древнихъ эллиновъ), и что майи обладали крайне совершеннымъ календаремъ, не позволявшимъ ошибиться даже на одинъ годъ въ теченіе тысячелѣтій. Благодаря всему этому, мы точно знаемъ, что одинъ изъ храмовъ майевъ, въ Мексикѣ, на которомъ сохранилась соотвѣтствующая надпись, былъ воздвигнутъ въ 3750 году, считая отъ майской эры (намъ неизвѣстной). Нѣтъ причины думать, что храмъ, на руинахъ котораго прочтена эта надпись, былъ однимъ изъ новѣйшихъ, что онъ былъ построенъ передъ тѣмъ самымъ временемъ, когда майи должны были уйти изъ Мексики, подъ натискомъ нагуа. Но, даже относя построеніе этого храма къ IX в. нашей эры, мы получимъ (вычитая 800 изъ 3750) самое начало 3-го тысячелѣтія до Р. Х., какъ ту эпоху, отъ которой майи вели свое лѣтоисчисленіе. Очень вѣроятно, что данная эра была чѣмъ-нибудь въ родѣ «основанія города» у римлянъ или «первой олимпіады» у эллиновъ. Если даже эта дата и была вычислена впослѣдствіи, искусственно, какъ дата «сотворенія міра»—у древнихъ евреевъ, все же остается тотъ фактъ, что сами майи считали свое историческое бытіе тысячелѣтіями, при чемъ древнѣйшій періодъ ихъ исторіи падалъ на 3-е тысячелѣтіе до Р. Х., эпоху, когда въ Европѣ достигали своего расцвѣта города-лабиринты на Критѣ и египетская цивилизація въ долинѣ Нила *).

Наука не даетъ еще средствъ точнѣе опредѣлить время возникновенія майскихъ дворцовъ, храмовъ и пирамидъ. Но, по аналогіи, мы знаемъ, что ничто въ мірѣ не появляется внезапно. Вѣроятно, и майи пережили длинный путь культурнаго развитія, прежде чѣмъ пришли къ тѣмъ величественнымъ сооруженіямъ, развалины которыхъ понынѣ поражаютъ взоры любопытнаго туриста. И врядъ ли мы очень ошибемся, отнеся расцвѣтъ майской цивилизаціи на 2-ое тысячелѣтіе до Р. Х., на тѣ времена, когда критскіе миносы и египетскіе фараоны соперничали между собою въ блескѣ и величіи своихъ царствъ. Къ этой эпохѣ можно, конечно, приблизительно, пріурочить наиболѣе замѣчательныя руины Уксмаля; къ болѣе позднему времени—не менѣе замѣчательныя развалины Паленке, въ Никарагуа **). Надо добавить, что развалинъ этихъ—огромное количество, какъ и должно ожидать въ странѣ, гдѣ въ теченіе 25 вѣковъ жилъ культурный на-

*) Есть и другія доказательства древности цивилизаціи майевъ. Намъ извѣстно, что въ концѣ 1-го тысячелѣтія нашей эры, въ Анагуакѣ, существовало государство толтековъ (одного изъ племенъ нагуа), находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ майской культуры, которая была, слѣдовательно, древнѣе. Намъ извѣстно также, что, за нѣсколько вѣковъ до своего паденія, майи раздѣлились на рядъ отдѣльныхъ царствъ, настолько обособленныхъ, что жители одного не понимали нарѣчія другихъ; для такого видоизмѣненія языка потребенъ долгій періодъ времени. Между тѣмъ культура майевъ вездѣ—одинакова, едина и, слѣдовательно, выработалась до ихъ распаденія на царства.

**) Любопытныя подробности о современномъ состояніи древнихъ развалинъ въ Мексикѣ см. въ книгѣ К. Д. Бальмонта, «Змѣиные цвѣты», М. 1910. Тамъ же вопроизведены фотографіи съ этихъ развалинъ и нѣкоторыхъ предметовъ майскихъ и ацтекскихъ древностей (въ 1-мъ, большомъ изд., 2-ое изд.—безъ иллюстрацій).

родъ. Мощная тропическая растительность служитъ естественной хранительницей руинъ. Какъ въ Египтѣ древніе храмы были сохранены подъ грудами песка, такъ въ Центральной Америкѣ ихъ сберегли деревья и лианы, опутывающія непроницаемой чащей остатки грандіозныхъ сооруженій древности. Сила растительности такова, что всего черезъ годъ, много черезъ два, послѣ того, какъ руины бываютъ раскрыты любознательнымъ археологомъ, онѣ оказываются вновь подъ непроглядным завѣсомъ вѣтвей, листвы и цвѣтовъ.

Подъ этой надежной охраной пролежали десятки вѣковъ въ дѣвственныхъ дебряхъ Центральной Америки разнообразнѣйшіе предметы, по которымъ мы можемъ теперь, до нѣкоторой степени, возстановить бытъ древнихъ майевъ. Здѣсь находятъ куски и черепки драгоцѣнной утвари, тонкой и изящной работы, статуи и рельефы, фрагменты фресковой живописи, вещи, какъ служившія въ домашнемъ обиходѣ и свидѣтельствующія о жизни богатой и усложненной, такъ и служившія для религіозныхъ обрядовъ и указывающія на культъ развитой и давно ставшій традиціонно-неизмѣннымъ; наконецъ, здѣсь же были найдены, въ довольно большомъ числѣ, книги майевъ, частью иллюстрированныя, чтеніе которыхъ когда-либо прольетъ въ науку потоки неожиданнаго свѣта. Но наиболѣе замѣчательнымъ остаются все же руины самыхъ строеній, повидимому, дворцовъ и храмовъ. Эти руины, какъ останки лабиринтовъ и какъ египетскія пирамиды, доказываютъ прежде всего солидныя познанія майевъ въ математикѣ и въ техникѣ. Такъ, напр., маіи любили покрывать стѣны своихъ зданій запутаннымъ рельефнымъ орнаментомъ, часто помѣщеннымъ на большой высотѣ отъ земли, что было бы невозможно безъ заранѣе обдуманнаго плана всей постройки, безъ должнаго навыка въ строительствѣ и безъ нѣкоторыхъ машинъ и приспособленій. Знали маіи и уступчатый сводъ, тотъ самый, который употребляли эгейцы въ своихъ купольныхъ гробницахъ. Наконецъ, майскія пирамиды говорятъ намъ не только о совершенствѣ зодчества, но, по нѣкоторымъ деталямъ постройки, обязательно повторяющимся, и о серьезныхъ познаніяхъ въ астрономіи.

Можетъ быть, наиболѣе яркое представленіе о томъ, чѣмъ были маіи, даетъ одна деталь ихъ зодчества. Въ рельефный орнаментъ, украшающій стѣны дворцовъ, маіи часто вправляли огромные го-рельефные человѣческіе лики. Эти каменныя маски не наложены сверхъ штукатурки стѣны, но составляютъ, своимъ основаніемъ, необходимую часть самой кладки,—слѣдовательно входили въ первоначальный планъ зданія. Исполнены эти гигантскія личины съ рѣдкимъ совершенствомъ, съ полнымъ знаніемъ анатоміи человѣческаго лица и съ большой художественной экспрессіей. Понынѣ туристы, пораженные, останавливаются передъ этими памятниками сѣдой древности Новаго Свѣта. Гдѣ-нибудь, въ непроходимой чащѣ мексиканскаго лѣса, вдругъ возстаетъ передъ путникомъ громадная бѣлая стѣна, и съ нея, высоко отъ земли, глядитъ внизъ изваянное лицо нѣкоего невѣдо-

маго намъ царя или героя давно-погибшаго народа. Говорятъ, что есть горькая скорбь въ выраженіи лица большинства этихъ масокъ, которыя смотрятъ на насъ какъ бы изъ глубины тысячелѣтій...

Но, какъ ни удивительно, что на американскомъ материкѣ, не имѣвшемъ на исторической памяти никакихъ сношеній съ культурными центрами Стараго Свѣта, могла выработаться и пышно расцвѣсти самостоятельная цивилизація, это еще не представляетъ никакой загадки. Можно восхищаться неистощимостью человѣческаго генія, на разныхъ концахъ земли торжествующаго свои побѣды надъ природой и ея тайнами, но самая эволюція духовной жизни майевъ съ перваго взгляда представляется совершенно естественной и аналогичной тому, что мы знаемъ о народахъ нашей части свѣта. Болѣе внимательное изслѣдованіе, однако, открываетъ здѣсь черты, которыя всего труднѣе было бы ожидать a priori. Именно, изслѣдованіе культуры майевъ открываетъ въ ней цѣлый рядъ сходствъ и аналогій съ культурами Стараго Свѣта,—египетской, эгейской, месопотамской, эструской, индусской. Не только майскія пирамиды повторяютъ собою пирамиды Гизехскія, но въ бытѣ майевъ, въ ихъ вѣрованіяхъ, въ системѣ ихъ наукъ и въ пріемахъ ихъ художествъ—находятся и подробности и основныя явленія, которыя буквально совпадаютъ или крайне сходны съ тѣмъ, что мы видимъ въ Египтѣ, на Критѣ, на берегахъ Евфрата. Такое открытіе дѣлаетъ изъ майевъ историческую загадку. Повидимому, между Старымъ Свѣтомъ и Центральной Америкой, на всемъ протяженіи вѣдомой намъ исторіи до Колумба, не было никакихъ сношеній, ни прямыхъ, никосвенныхъ *). Народы Америки никакимъ путемъ не могли быть освѣдомлены о томъ, что совершается у народовъ Азіи, Африки и Европы. Откуда же возникли эти аналогіи и сходства въ культурахъ мексиканской и средиземноморской? Неужели должно всецѣло отнести ихъ на долю случая, введя въ исторію понятіе опредѣленно анти-научное? Или же должно искать tertium comparationis, нѣкую третью величину, которая, не будучи ни Старымъ Свѣтомъ, ни Новымъ Свѣтомъ, могла быть въ сношеніяхъ и съ тѣмъ и съ другимъ? Иначе говоря.

*) Вопросъ объ томъ, знала ли античная древность о существованіи Америки, не можетъ считаться безповоротно разрѣшеннымъ. У Платона, Плинія, Эліана, Прокла, Марцелла, Діодора и у нѣкоторыхъ другихъ античныхъ писателей встрѣчаются выраженія, позволяющія предположить, что древніе подозрѣвали о существованіи материка за Атлантическимъ океаномъ. Но свѣдѣнія эти были крайне неопредѣленны, и на исторической памяти не было сдѣлано ни одной попытки достичь этого материка, вплоть до самаго паденія Римской имперіи. Первыми европейцами, посѣтившими Америку, были, повидимому, скандинавскіе викинги, которые, въ X вѣкѣ нашей эры, достигли съ Исландіи сначала—Гренландіи, потомъ—и береговъ Лабрадора. Послѣ того викинги стали наѣзжать за добычей въ сѣверныя области Сѣверной Америки, которую называли «землей скерлинговъ», устраивали тамъ колоніи, гдѣ иногда зимовали, и проникали даже довольно глубоко во внутренность страны (такъ, въ штатѣ Миннесота былъ найденъ камень съ норвежской надписью, помѣченной 1362 годомъ).

не должно ли искать тотъ таинственный «иксъ», который уже былъ выдвинутъ аналогіями между Эгейей и Египтомъ?

Поставленный вопросъ пріобрѣтаетъ еще большую остроту, если обратить вниманіе, что египтянами, эгейцами и майями не исчерпывается семья народовъ, культуры которыхъ, въ древнѣйшія времена, уже оказываются связанными между мобою тайными аналогіями. Мы въ третій разъ встрѣчаемъ пирамиду, опять въ Старомъ Свѣтѣ, на холмахъ и въ долинахъ Этруріи; тамъ же стоятъ тріумфальныя арки этрусковъ съ такими же горельефными масками, какія помѣщены на стѣнахъ майскихъ дворцовъ; календарь майевъ обнаруживаетъ родство съ лѣтосчисленіемъ вавилонянъ; орнаменты, обычные въ Центральной Америкѣ, повторяются на постройкахъ древняго Кавказа; майскія письмена—въ книгахъ древнѣйшей Индіи; черты китайскаго художества отражаются въ произведеніяхъ народовъ аймара, населявшихъ когда-то современное Перу, въ Ю. Америкѣ, и т. д. Бѣглый обзоръ всѣхъ древнѣйшихъ культуръ человѣчества покажетъ единство началъ, лежащихъ въ ихъ основаніи.

8. Историческія аналогіи.

Въ томъ обширномъ періодѣ исторіи, который, по привычкѣ все еще означается однимъ общимъ названіемъ «древность», мы принуждены теперь различать, кромѣ отдѣльныхъ, рѣзко разграниченныхъ эпохъ, два основныхъ дѣленія: во-первыхъ,—исторію эллино-римскаго міра, то, что недавно считалось всею древностью, или «классическую древность»; во-вторыхъ,—исторію предшествовавшаго времени, только за послѣднее полъ-столѣтіе открытую наукѣ, или «раннюю древность». Эта «ранняя древность», въ которую входитъ исторія Египта, Эгейи, Вавилонскихъ державъ, всего «Древняго Востока» и всего «Древняго Запада», идетъ, приблизительно, отъ XIII в. до Р. Х. въ глубь временъ и обнимаетъ столѣтія 2-ое, 3-ье, 4-ое, можетъ быть, 5-ое и 6-ое до Р. Х. Она отдѣлена отъ классической древности явнымъ рубежомъ, на которомъ съ міровой сцены сходятъ одни народы и цивилизаціи, чтобы уступить мѣсто другимъ, развивающимъ иныя начала и ставящимъ себѣ иныя цѣли. Но, погибая, ранняя древность исчезла, конечно, не безслѣдно: она оставила свое наслѣдіе, которымъ воспользовался эллино-римской міръ, и по отношенію къ нему древнѣйшіе народы земли были учителями и завѣщателями.

Въ настоящее время, наука уже достаточно разработала исторію ранней древности, особенно ея послѣдняго періода, отъ XIII по XX вѣкъ до Р. Х., чтобы можно было отчетливо представить себѣ условія жизни тѣхъ эпохъ. Мы знаемъ, что народы и государства 2-го и 3-го тысячелѣтія до Р. Х. отнюдь не жили, какъ-то предполагалось ранѣе, замкнутой, обособленной жизнью, а, напротивъ, находились въ постоянныхъ и оживленнѣйшихъ между собою сношеніяхъ. Они вели организованную международную торговлю, по традиціоннымъ, сухо-

путнымъ и морскимъ путямъ; правительства сносились другъ съ другомъ письмами и посольствами; образовывали военныя коалиціи, заключали договоры, устанавливали трактатами границы, пошлины, права чужеземцевъ и т. под.; частныя лица посѣщали чужія страны, то какъ странствующіе купцы, то какъ любознательные путешественники; художники и ремесленники заимствовали у своихъ зарубежныхъ собратій пріемы работы, стили и образцы; ученые обмѣнивались новѣйшими открытіями въ области науки и т. д. Наиболѣе сильныя государства составляли «концертъ державъ», волѣ котораго принуждены были подчиняться царства меньшія, а тѣ, въ свою очередь, вступали въ союзы, чтобы сообща бороться съ могущественными сосѣдями. «Тель-эль-Амарнскій архивъ» (о которомъ намъ приходилось упоминать неоднократно) позволилъ намъ заглянуть въ великодержавную политику фараоновъ, XIV в. до Р. Х., воочію увидѣть международную жизнь 2-го тысячелѣтія и убѣдиться, что она, по существу, близко напоминаетъ политическія отношенія современности.

При всемъ томъ, послѣдніе 10—12 вѣковъ ранней древности, XX—XIII, были ознаменованы цѣлымъ рядомъ потрясеній, приведшихъ въ движеніе всю переднюю Азію и еще болѣе способствовавшихъ смѣшенію и сближенію между собою народовъ. Вавилонская держава, въ XVIII в., подверглась нашествію коссеевъ, постепенно ослабла и, къ концу періода, была покорена ассиріянами, молодымъ воинственнымъ народомъ. Египетъ, столѣтіе спустя, въ XVII в., подпалъ подъ власть дикихъ гиксосовъ, которые владѣли страной фараоновъ больше столѣтія и были окончательно вытѣснены лишь въ концѣ XVI и началѣ XV вѣка. Въ этотъ же періодъ, на верхнемъ Евфратѣ, утвердилась держава народа митани, достигшая своего высшаго могущества въ XV в. и павшая въ XIV в., подъ ударами хеттовъ. Эти хетты, движеніе которыхъ началось еще за три столѣтія ранѣе, одно время играли очень важную роль въ исторіи Передней Азіи. Заключивъ союзъ съ царствомъ Кадешъ, въ которомъ историки видятъ остатки изгнанныхъ изъ Египта гиксосовъ, хетты вели великодержавную политику и могли соперничать съ сильнѣйшими изъ государствъ. Воспріимчивые и способные, хетты быстро цивилизовались, выработавъ своеобразную культуру изъ смѣшенія началъ египетскихъ, халдо-вавилонскихъ, сирійскихъ и національныхъ, повели обширную торговлю, къ чему обладали особенными склонностями, и сдѣлались дѣятельными посредниками между Западомъ и Востокомъ. При посредствѣ именно хеттовъ, элементы эгейско-египетскіе проникали далеко въ глубь Азіи, въ Эламъ, на Кавказъ, въ Индію и еще дальше, до самаго Китая. Въ XV вѣкѣ, фараонъ Тутмосъ III нанесъ хеттамъ сильный ударъ и обратилъ ихъ царство въ вассала Египта: но окончательно сокрушено значеніе хеттовъ было только въ XIII в., послѣ побѣдъ неутомимаго завоевателя Сети I. Въ тѣ же эпохи, параллельно, разыгрывались драмы

меньшихъ народовъ и государствъ: Элама, хаббри, яфетидовъ, евреевъ, финикійцевъ и др. *).

Естественно, что въ такомъ водоворотѣ событій одни и тѣ же сѣмена разносились далеко по міру, давая сходные всходы на разныхъ концахъ земли. Вотъ почему непосредственнымъ вліяніемъ однихъ народовъ на другіе, прежде всего, можно и должно объяснить сходныя черты и аналогіи въ культурахъ различныхъ расъ и племенъ, дѣйствовавшихъ въ эпохи ранней древности. Совершенно неизбѣжно, что въ бытѣ, въ религіи, въ государственныхъ установленіяхъ, въ научныхъ познаніяхъ, въ художествахъ и мастерствѣ рѣшительно всѣхъ народовъ 2-го и 3-го тысячелѣтія усматриваются явленія близкія или тождественныя. Но при всемъ томъ, однихъ подражаній и заимствованій все же оказывается недостаточно для объясненія всѣхъ «историческихъ аналогій», установленныхъ наукой. Мы видѣли это на примѣрѣ Эгеи и Египта, еще разительнѣе— на примѣрѣ Стараго Свѣта и культуры американскихъ майевъ. Къ тому же выводу приводитъ изученіе и другихъ культуръ, расцвѣтавшихъ въ теченіе «ранней древности».

Всего больше собрано пока фактовъ по связи культуръ эгейской и египетской съ культурами Передней Азіи: малоазійскими и халдо-вавилонскими. Такъ, замѣчено, напр., что и у эгейцевъ и у семитовъ Двурѣчья (Мессопотаміи) особо чтилась одна и та же богиня пола и что эгейскія изображенія этой богини совпадаютъ съ вавилонскими идолами Истаръ (и финикійской Астарты); что у эгейцевъ и въ Передней Азіи существовалъ одинъ и тотъ же культъ Богини-Матери, позднѣе получившій большое значеніе въ Римской имперіи; что эгейцы поклонялись богу грома и молніи, передавъ этотъ культъ эллинамъ въ образѣ Зевса Громовержца, тогда какъ богъ-громовикъ былъ высшимъ божествомъ у большинства малоазійскихъ племенъ (добавимъ, что тотъ же культъ римляне заимствовали у этрусковъ, съ именемъ Юпитера Гремящаго, Iuppiter Tonans), и т. д. Подобныя же аналогіи отмѣчены въ обрядахъ (почитаніе «двойного топора», распространенное, какъ въ Эгеѣ, такъ по всей Передней Азіи), въ бытѣ, въ искусствѣ и т. п. **). Такихъ фактовъ извѣстно уже такъ много, что нѣкоторые историки готовы были считать всю эгейскую культуру сколкомъ съ вавилонской, и эта теорія даже пользовалась одно время успѣхомъ въ наукѣ ***).

---

*) Общій очеркъ исторіи Древняго Востока можно найти въ прекрасной работѣ,—строго-документальной, истинно-научной и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ доступной и неспеціалисту,—проф. Б. Тураева, «Исторія Древняго Востока», 2 части, Пгд. 1912 и сл.

**) Факты собраны въ указанномъ выше курсѣ проф. Фармаковскаго, гдѣ и подробная библіографія предмета.

***) Среди историковъ возникло даже особое теченіе, извѣстное подъ названіемъ «панвавилонизма», придававшее халдо-вавилонской культурѣ первенствующее значеніе во всей ранней древности. Основателемъ и наиболѣе сильнымъ поборникомъ такихъ взглядовъ считается берлинскій проф. Гуго Винклеръ. По-русски см. его книжку: «Вавилонская культура въ ея отношеніи къ культурному развитію человѣчества», М. 1913.

Въ настоящее время, мнѣніе о вавилонскомъ вліяніи на Эгеію и вообще на Западъ сильно поколеблено и едва ли не опровергнуто окончательно. Формулируя новые научные взгляды, проф. Фармаковскій пишетъ: «О вліяніяхъ Востока на Западъ должно судить болѣе осторожно. Многое, въ чемъ усматривали въ микенской культурѣ вліяніе Востока, оказалось въ Европѣ болѣе древнимъ, чѣмъ тѣ азіатскіе памятники, на которые ссылались для доказательства». Возникло даже противоположное мнѣніе, по которому вся культура Передней Азіи развивалась подъ воздѣйствіемъ эгейцевъ. Защитники этого послѣдняго воззрѣнія ссылались, между прочимъ, на культуру филистимлянъ, во многихъ отношеніяхъ близкую къ эгейской. Пророкъ Іеремія (XVII 4), прямо называетъ филистимлянъ «остатокъ острова Кафтора», т. е. Кипра, гдѣ были эгейскія колоніи, и о томъ же говоритъ пророкъ Амосъ. Полагали, что филистимляне были народъ эгейской культуры, переселившійся въ Сирію и распространившій оттуда крито-микенскія начала. Эта гипотеза, разумѣется, не выдержала критики, такъ какъ непомѣрно преувеличивала значеніе небольшого народца. Тѣмъ не менѣе данныя археологіи остались неопровергнуты; вновь открытые, древнѣйшіе европейскіе памятники все же свидѣтельствовали, что замѣченныя историками аналогіи въ эгейской и вавилонской культурѣ никакъ не слѣдствіе подражаній Запада Востоку. Эгейцы, прежде, чѣмъ пришли въ соприкосновеніе съ вавилонянами, уже знали ту же «богиню пола», вавилонскую Истаръ, поклонялись богу-громовнику, чтили символъ «двойного топора» и т. под. Причины этихъ аналогій приходилось искать глубже.

Разумѣется, часть сходствъ съ правдоподобіемъ объясняется совпаденіемъ. Одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя слѣдствія. Такъ, напр., первобытнымъ народамъ, подъ какими бы широтами они ни жили, свойственно обожествлять такое грозное небесное явленіе, какъ громъ и молнія. Съ другой стороны, кое-что все же можетъ быть оставлено на долю заимствованія. Вполнѣ допустимо, напр., что одинаковое устройство дома, съ мегарономъ посерединѣ, у эгейцевъ и малоазіатскихъ племенъ занесено въ Азію тѣми же самыми филистимлянами, переселившимися съ Кипра на материкъ. Уже труднѣе истолковать полное тождество въ изображеніяхъ богини пола, Истаръ, съ голубочками или съ храмомъ, если исключена возможность прямого подражанія. Еще страннѣе, что эгейцы, придя на берега Греціи и на острова Архипелага, уже чтили символъ «двойного топора», въ то же время почитавшійся въ Малой Азіи. Вообще, разсмотрѣвъ ближе весь рядъ отмѣченныхъ аналогій, историки принуждены были сознаться, что, послѣ всѣхъ истолкованій, получился нѣкоторый «остатокъ», уже необъяснимый ни заимствованіями, ни случайнымъ совпаденіемъ. Такой остатокъ можетъ быть объясненъ только допущеніемъ какой то третьей силы, находившейся внѣ Эгеіи и внѣ Вавилоніи.

Однако, народы Двурѣчья такъ тѣсно были связаны со

всѣми событіями въ исторіи Древняго Востока, что такой выводъ не вполнѣ доказателенъ. Всегда можно допустить, что нѣкоторые факты изъ исторіи Вавилоніи ускользнули отъ вниманія науки, и что, будь они извѣстны, необъяснимыя аналогіи оказались бы результатомъ прямого воздѣйствія вавилонянъ на эгейцевъ *). Гораздо убѣдительнѣе такія же аналогіи, подмѣчаемыя въ культурахъ народовъ, которыя жили въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ ранней древности и, слѣдовательно, отъ великихъ потрясеній 3-го и 2-го тысячелѣтія. На Западъ отъ Месопотаміи, Эгеіи и Египта таковъ древній культурный міръ *этрусковъ* въ Италіи. Не такъ еще давно въ наукѣ былъ распространенъ взглядъ, согласно которому этруски считались выходцами изъ Малой Азіи, приплывшими, по совершенно непонятной причинѣ, около 1000 л. до Р. Х., на Аппенинскій полуостровъ. Нынѣ это мнѣніе опровергнуто свидѣтельствами египетской письменности: у насъ есть памятники эпохи Рамсеса II, т. е. XIV в. до Р. Х., въ которыхъ упоминается притомъ, какъ издавна знакомый, народъ *турушa*, названіе, скрывающее, несомнѣнно, τυρρηνοί эллиновъ и etrusces римлянъ. Современная наука признаетъ этрусковъ, если не автохтонами Италіи, то давними ея поселенцами, пришедшими скорѣе съ Запада, съ береговъ Атлантическаго океана, откуда пришли и эгейцы. Хронологія этрусской исторіи еще не установлена: можетъ быть, этруски разселились по Италіи лишь немногимъ позднѣе того, какъ эгейцы заняли свое новое мѣстожительство; во всякомъ случаѣ во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., этруски уже прочно сидѣли въ Италіи и обладали уже высокимъ уровнемъ національной культуры **).

Этруски были въ сношеніяхъ съ египтянами, торговали съ ними, поставляли имъ наемныхъ воиновъ, но все это уже въ послѣдніе вѣка ранней древности. Между тѣмъ аналогіи въ культурѣ этрусковъ съ египетской и, отчасти, эгейской относятся опять преимущественно къ области религіозныхъ представленій и культовъ, т. е. восходятъ къ первымъ періодамъ

*) Можно говорить о вліяніи первой Вавилонской державы, могущество которой относится къ началу 3-го тысячелѣтія до Р. Х., ко временамъ завоеваній Саргона I Агадійскаго и его сына Нарамсина (около 2800 г. до Р. Х.). Одинъ памятникъ упоминаетъ о походѣ Саргона Агадійскаго «по западному морю», продолжавшемся три года. Поборники теоріи панвавилонизма видятъ въ этомъ свидѣтельство о покореніи Саргономъ острововъ Архипелага, которые въ ту эпоху уже были заселены эгейцами. Если принять такое толкованіе, воздѣйствіе Вавилона на Эгеію получитъ свое объясненіе. Та же надпись говоритъ о завоеваніи областей Арменіи. Однако, выраженія надписи—неопредѣленны, и позднѣйшіе историческіе факты не подтверждаютъ господства вавилонянъ на эгейскихъ островахъ.

**) Этрусскамъ и ихъ культурѣ посвящены отдѣлы во всѣхъ основныхъ работахъ по исторіи древнѣйшаго Рима. Для первоначальнаго знакомства можно рекомендовать извѣстный трудъ проф. В. Модестова: «Введеніе въ римскую исторію», Спб. 1904, съ хорошей библіографіей, хотя уже нѣсколько устарѣвшій. Дѣльная статья о этрускахъ помѣщена въ коллективномъ трудѣ подъ ред. Гельвальда «Исторія культуры», русск. изд. Спб. 1899. Много фактовъ собрано въ статьѣ Skutsch въ Энциклопедіи Pauly-Wissowa, подъ словомъ Etrusces.

сознательной жизни народа. У этрусковъ, какъ у египтянъ и эгейцевъ, мы находимъ вновь то, что назвали «культомъ смерти». Этрурскія кладбища занимаютъ обширныя пространства и украшены съ замѣчательной роскошью. И на этихъ кладбищахъ возвышаются не только совершенныя подобія эгейскихъ купольныхъ гробницъ, но и подлинныя пирамиды, здѣсь, въ третій разъ, послѣ Египта и Мексики, встающія передъ историкомъ. Этрусскія гробницы и эгейская «Сокровищница Атреевъ», по выраженію одного изслѣдователя, «строены словно по одному и тому же плану, однимъ и тѣмъ же архитекторомъ». По описанію античныхъ авторовъ, существенную часть этрусской «гробницы Порсенны» (не сохранившейся до нашего времени) составляла настоящая ступенчатая пирамида со срѣзаннымъ верхомъ, гдѣ была устроена площадка для жертвоприношеній, какъ на пирамидахъ майскихъ. Нынѣ эта «гробница Порсенны», въ древнемъ Клусіи, представляетъ собою огромный курганъ, 250 метровъ въ окружности, съ цѣлой сѣтью подземныхъ корридоровъ, переходовъ и комнатъ, т. е., полную аналогію съ критскими лабиринтами. Позднѣйшимъ образцомъ этрусскаго пирамидальнаго зодчества является, уцѣлѣвшая до нашихъ дней, «гробница Гораціевъ и Куріаціевъ», въ Альбано, гдѣ мы видимъ уже вполнѣ законченную пирамиду. Кромѣ того, многіе этрусскіе памятники, имѣющіе сами по себѣ ту или иную форму, заканчиваются наверху маленькой правильной пирамидой. Такихъ маленькихъ пирамидъ особенно много въ Орвіетто. Въ хоръ съ гизехскими и майскими пирамидами, такимъ образомъ, сливаютъ свой голосъ и пирамиды этрусскія.

Помимо пирамидъ и купольныхъ гробницъ, этрусская культура представляетъ и другія сходства съ Эгейей и Египтомъ, отчасти — съ культурой майевъ. Этруски въ архитектурѣ пользовались техникой «ложнаго свода» и свои города окружали стѣнами такой же стройки («пеласгическими» или «киклопическими»), какъ дворцы въ Микенахъ и Тиринѳѣ. Общественный строй этрусской жизни, съ его дѣленіемъ на замкнутыя сословія, напоминаетъ строй жизни въ Египтѣ и, сколько намъ то извѣстно, въ эгейскихъ государствахъ. Что въ своей живописи этруски отличали фигуры мужчинъ и женщинъ тѣми же самыми красками, какъ египтяне,— это могло быть результатомъ прямого подражанія. Но можно ли видѣть заимствованіе въ томъ, что на своихъ тріумфальныхъ аркахъ этруски любили помѣщать такія же горельефныя маски, какія украшаютъ стѣны майскихъ дворцовъ? Наконецъ, существуетъ множество явленій римской культуры, аналогичныхъ египетскимъ которыя, правда, могли быть переняты римлянами непосредственно изъ Египта, но могли перейти въ Римъ и отъ этрусковъ, такъ какъ быть ихъ намъ еще недостаточно извѣстенъ.

Мы могли бы продвинуться и еще дальше на Западъ. Мало изслѣдованная культура *друидовъ* въ древнѣйшей Галліи (Франціи) снова даетъ нѣсколько любопытныхъ аналогій съ удаленными отъ нея культурами Востока. Археологическія находки

на Пиренейскомъ полуостровѣ (въ Испаніи и Португаліи) тоже наводятъ на различныя важныя соображенія (напр., даютъ поводъ искать тамъ пра-родину и эгейцевъ, и этрусковъ). Но древнѣйшая исторія Запада пока не достаточно изучена. Очень вѣроятно, что будущимъ историкамъ предстоитъ сдѣлать много неожиданныхъ выводовъ на основаніи фактовъ, которые откроются для нихъ тщательнымъ изслѣдованіемъ ранней древности на европейскихъ берегахъ Атлантическаго океана; однако, въ наше время осторожнѣе не пользоваться еще скудными матеріалами, относящимися къ этой области. Здѣсь все — только догадки и многообѣщающіе намеки...

Обращаясь въ противоположную сторону, на востокъ отъ эгейскаго побережья и Египта, мы тоже встрѣчаемъ въ ранней древности рядъ культурныхъ центровъ, связанныхъ разнообразными аналогіями съ разсмотрѣнными раньше. Какъ извѣстно, не такъ давно, благодаря, главнымъ образомъ, поистинѣ геніальнымъ прозрѣніямъ акад. проф. Н. Я. Марра, для науки открылся какъ бы новый міръ: культура яфетидовъ на Кавказѣ и въ областяхъ древней Арменіи. Исторія получаетъ возможность наблюдать эту культуру именно во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., но она, несомнѣнно, — гораздо древнѣе, и начало ея теряется въ 3-мъ, если не въ 4-мъ тысячелѣтіи. Акад. Марръ показалъ и доказалъ, что, во всякомъ случаѣ до возникновенія второй Вавилонской державы, въ области Кавказскихъ горъ и вокругъ озера Вана, уже существовала старинная и мощная культура народовъ не-арійскаго, не-семитическаго и не-монгольскаго происхожденія; по аналогіи съ названіями «семиты» и «хамиты», акад. Марръ далъ этимъ народамъ названіе «яфетиды». Изученіе яфетидской культуры еще только начинается, но уже теперь дало наукѣ не мало крайне цѣнныхъ выводовъ. Для насъ яфетидскія царства интересны, какъ культурный міръ, находившійся, подобно Этруріи, въ «сторонѣ отъ большихъ дорогъ ранней древности», но во многомъ обнаруживающій свою несомнѣнную связь съ другими Средиземноморскими культурами *).

Пока еще трудно возстановить хронологію яфетидовъ. Но несомнѣнно, что ихъ царства уже клонились къ упадку, слѣдовательно уже давно пережили и считали въ далекомъ прошломъ времена своего расцвѣта.— въ XII в. до Р. Х., въ эпоху войнъ халдскаго царя Туглатъ-Паласcара (около 1100 г. до Р. Х.) По надписямъ этого царя, мы знаемъ, что онъ совершилъ рядъ походовъ на царство Наири, расположенное вокругъ Ванскаго озера и далѣе на С.-В., къ массиву Кавказскихъ горъ,—

*) Находились ли царства яфетидовъ подъ властью Вавилона въ эпоху Саргона I и Нарамсина,—спорно, какъ и господство этихъ царей надъ Архипелагомъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что древнѣйшіе яфетидскіе тексты (такъ называемыя Ванскія надписи, еще не дешифрованныя) писаны клинообразными знаками, можетъ служить доводомъ въ пользу такого предположенія. Съ другой стороны, самое происхожденіе клинописи не выяснено окончательно: она могла возникнуть, какъ въ Мессопотаміи, такъ и въ области Кавказа.

царство, своеобразная культура котораго была позднимъ цвѣткомъ культуры обще-яфетидской. Проводя отъ этой даты линію въ прошлое, мы получаемъ, подтверждаемую данными археологіи, эпоху конца 3-го и начала 2-го тысячелѣтія до Р. Х., т. е., опять тѣ же времена, когда расцвѣтали города - лабиринты на Критѣ. Изъ другихъ надписей халдскихъ и ассирійскихъ царей мы узнаемъ названія другихъ яфетидскихъ царствъ, и среди нихъ, какъ особо - значительное, царство. Урарту, позднѣе отожествляемое, конечно, географически, съ Арменіей. Процвѣтаніе этихъ царствъ предшествовало халдо-вавилонскому могуществу, и различныя косвенныя данныя позволяютъ заключить, что былъ періодъ, когда яфетидскіе народы стояли въ центрѣ всего умственнаго движенія современности, на далекое пространство, вплоть до береговъ Іордана и до семирѣчья въ Индостанѣ.

Акад. Марръ, въ своихъ изысканіяхъ, шелъ преимущественно филологическимъ путемъ. Въ VIII в. до Р. Х., въ эпоху такъ называемаго Киммерійскаго движенія народовъ, царства Урарту, Наири и др. были завоеваны пришедшими изъ Европы фригійцами, народомъ арійской расы. Изъ слія нія побѣжденныхъ племенъ яфетидскаго корня и завоевателей арійцевъ возникли новые народы, въ томъ числѣ армяне, а изъ смѣшенія языка побѣжденныхъ автохтоновъ съ языкомъ пришлыхъ побѣдителей возникли новые языки, въ томъ числѣ армянскій. Филологическій анализъ древнѣйшихъ армянскихъ говоровъ позволяетъ установить, какія идеи, представленія и названія были настолько утверждены въ языкѣ мѣстнымъ населеніемъ, что были восприняты и пришлецами завоевателями, и какія, наоборотъ, были принесены въ Азію изъ Европы. Такой анализъ показываетъ, что въ древне - армянскихъ діалектахъ, яфетидскаго происхожденія слова, означающія: небо, землю, воду, душу-дыханіе, глаголы, выражающіе душевные аффекты, названія растительнаго міра, термины обработки земли и строительства, именованія металловъ, въ томъ числѣ золота, серебра, мѣди, названія животныхъ, связанныхъ съ культомъ, какъ быкъ, овца, вообще термины религіи; далѣе— коренныя армянскія слова (а не вошедшія въ языкъ позднѣе изъ языковъ персидскаго и сирійскаго) для понятій счета, числа, нѣкоторыя числительныя и большинство терминовъ родового быта. Напротивъ, слова чисто арійскаго происхожденія мы находимъ въ области военнаго дѣла, каковы названія оружія, воиновъ, и въ области государственнаго строя и управленія. Все это позволяетъ заключить, что яфетиды, въ культурномъ отношеніи, далеко превосходили покорившихъ ихъ фригійцевъ. Народъ, создавшійся изъ смѣшенія побѣдителей и побѣжденныхъ, удержалъ въ своемъ новомъ языкѣ яфетидскіе корни почти для всего отвлеченнаго, духовнаго; арійскіе же термины для дѣла войны и правленія могли быть приняты только потому, что фригійцы образовали въ новомъ народѣ классъ правителей и сословіе воиновъ. Съ другой стороны тотъ же филологическій анализъ показываетъ,

какъ глубока и разностороння была яфетидская культура въ эпоху борьбы съ фригійцами: религія, семейныя отношенія, строительство, отвлеченныя понятія числа, различеніе душевныхъ движеній и т. под.,— для всего этого въ языкѣ яфетидовъ существовали подходящіе термины, которымъ фригійцы не въ силахъ были противопоставить болѣе удобные или болѣе тонкіе *.

Данныя археологіи подтверждаютъ эти филологическіе выводы, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что культура яфетидовъ тоже не стояла особнякомъ въ современномъ ей мірѣ **. Къ числу археологическихъ находокъ послѣдняго десятилѣтія, говорящихъ особенно краснорѣчиво, принадлежатъ бронзовыя обивки поясовъ, въ большомъ количествѣ найденныя, при раскопкѣ могильниковъ, въ Елисаветпольской губерніи (близъ Калакента и Калабека), но также и въ другихъ мѣстностяхъ Кавказа,— близъ Майкопа, въ области Вана и т. д. Повидимому, такіе пояса были широко распространены по всему Кавказу, и рядъ данныхъ (характеръ стиля, родъ предметовъ, находимыхъ одновременно, и т. под.) заставляетъ относить время ихъ изготовленія къ 2-му тысячелѣтію до Р. Х. Сдѣланныя изъ бронзы (что также указываетъ на «бронзовый вѣкъ», предшествовавшій «желѣзному»), эти обивки покрыты богатымъ гравированнымъ орнаментомъ, который, по стилю, по мотивамъ, по трактовкѣ отдѣльныхъ фигуръ, связываетъ эти кавказскія издѣлія съ искусствомъ Эгейи и Египта. Самая форма поясовъ — та самая, какую мы видимъ на статуэткахъ поздне-минойской культуры. Въ орнаментъ входятъ очень часто — излюбленная эгейскими художниками спираль, обычные у нихъ розетки и фестоны, наконецъ, и крестъ съ загнутыми концами (свастика). Въ цѣломъ, это — точно такіе же пояса, какіе выдѣлывались въ Микенахъ, встрѣчаются въ Египтѣ, найдены въ руинахъ хеттскихъ поселеній (на статуѣ, изображающей одного хеттскаго царя X в.). Вполнѣ возможно, что троянско-эгейскій царевичъ Парисъ, когда похищалъ Прекрасную Елену изъ дворца отсутствующаго царя Менелая, былъ подпоясанъ такимъ самымъ поясомъ, какіе носили яфетидскіе вельможи на отдаленномъ Кавказѣ.

Но украшенія поясовъ состоятъ не изъ однѣхъ геометрическихъ формъ, — разнаго рода кривыхъ линій, спиралей, зуб-

---

* Работы акад. Н. Я. Марра по вопросу о яфетидахъ разсѣяны по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ. Сжатое, но глубоко-содержательное изложеніе основныхъ взглядовъ Н. Я. Марра дано имъ въ статьѣ «Кавказскій культурный міръ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1915 г. (и отдѣльной брошюрой), откуда мы и заимствуемъ приводимые примѣры.

** Все, слѣдующее дальше, представляетъ сжатое изложеніе нашей статьи «Сфинксы и вишапы», помѣщенной (на армянскомъ языкѣ) въ армянскомъ журналѣ, издающемся въ Баку, «Горцъ», 1917 г. Тамъ указаны и всѣ источники, на которыхъ основаны наши выводы, въ томъ числѣ работа Б. Фармаковскаго: «Архаическій періодъ въ Россіи», Пгд. 1914, давшая намъ наиболѣе важные факты.

цовъ, крестовъ, розетокъ; въ орнаментъ входятъ также элементы растительнаго и животнаго міра, еще болѣе подчеркивающіе связь яфетидскаго міра съ Эгейей и Египтомъ. На поясахъ нерѣдко изображаются лошади, покрытыя особой попоной-панцыремъ, съ металлическими чешуйками и бляхами; точно такіе же боевые панцыри на лошадяхъ изображаются на рисункахъ хеттовъ и египтянъ. Обычны въ орнаментѣ поясовъ мотивы быковъ и птицъ; тѣ же мотивы повторены на вазахъ съ Кипра, гдѣ процвѣтала «поздне-минойская» культура. На саркофагахъ того же Кипра встрѣчается мотивъ сопоставленія льва и змѣи; этотъ же мотивъ воспроизведенъ и на поясахъ. Но всего изумительнѣе—изображенія животныхъ фантастическихъ. Такъ, кавказскіе художники изображали то звѣря съ двумя головами на двухъ концахъ тѣла, то звѣря, хвостъ котораго заканчивался треугольными листками или змѣиной головой, то еще звѣря, у котораго концы ногъ были не съ когтями и не съ копытами, а съ головами грифоновъ. Совершенно такіе же звѣри изображены на нѣкоторыхъ памятникахъ до-историческаго Египта, а очень на нихъ похожіе—на цилиндрахъ хеттовъ, на издѣліяхъ эгейцевъ и въ искусствѣ этрусковъ. Изображеніе чудовища, на одной эгейской пластинкѣ, считаемое Минотавромъ, близко напоминаетъ звѣря съ одного изъ кавказскихъ поясовъ. Трудно допустить, чтобы «игра воображенія» привела художниковъ двухъ разныхъ странъ къ однимъ и тѣмъ же фантастическимъ образамъ. Гораздо вѣроятнѣе, что кавказскіе мастера или имѣли передъ собою эгейскія и египетскія издѣлія что, или, и египто-эгейцы и яфетиды, слѣдовали однимъ и тѣмъ же, третьимъ, образцамъ.

Недавно также, въ Закавказьѣ, обратили на себя вниманіе археологовъ огромныя каменныя рыбы-чудовища, называемыя армянами «вишапы»; ихъ находятъ, въ довольно большомъ числѣ, въ области Вана. Совершенно такихъ же рыбъ-драконовъ выдѣлывали скульпторы древнѣйшаго Египта. Армянинъ, видя въ музеѣ древне-египетскія изваянія, не можетъ не воскликнуть: «да вѣдь это—наши вишапы!» И Рамсесъ Великій, и Тигранъ Великій, одинаково, должны были считать этихъ рыбъ-чудовищъ созданіемъ своихъ предковъ. Рядомъ съ «вишапами» часто находятъ оригинальныя каменныя плиты съ изображеніемъ распластанной и перекинутой шкуры быка. Идентичныя плиты опять встрѣчаются въ искусствѣ Египта, 3-го тысячелѣтія до Р. Х., эпохи Наръ-Ме-Ра; у эгейцевъ же быкъ и все, относящееся къ быку, имѣло значеніе религіознаго символа. Такъ называемыя «могилы великановъ» на Алагязѣ (гора противъ Арарата) во многомъ заставляютъ вспомнить эгейскія гробницы. Въ 1912 г., въ Елисаветпольской губ., былъ найденъ одинъ изъ красивѣйшихъ поясовъ съ орнаментомъ изъ ромбовъ, образованныхъ спиралями. А около Вана (на возвышенности Топракъ-кале) собраны обломки фриза какого-то храма съ точно такимъ же оргаментомъ изъ ромбовъ, образованныхъ спиралями. Но, рядомъ съ этими ромбами, на фризѣ изображены фигуры быковъ,

виноградные гроздья и листья, пальметки и цвѣтъ лотоса. Лотосъ—обычный цвѣтокъ въ древнемъ Египтѣ, могъ быть возсозданъ кавказскимъ художникомъ лишь подъ чужимъ вліяніемъ. И, если до сихъ поръ не открыты на Кавказѣ изображенія сфинксовъ, то это, можетъ быть, простая случайность, такъ какъ сфинксы довольно обычны у подножія колоннъ въ искусствѣ хеттовъ, къ которому особенно близко художество яфетидовъ.

Остается напомнить библейскій разсказъ о Ноевомъ ковчегѣ, остановившемся на вершинѣ Арарата. Быть можетъ, въ легендѣ скрыто зерно исторической истины: то было воспоминаніе о той исключительной роли, какую играли «царства Араратскія» (тоже библейскій терминъ) въ культурной жизни ранней древности. По представленіямъ Библіи, весь родъ человѣческій вновь разселился по землѣ съ Арарата, и, слѣдовательно, оттуда разлилась вся земная цивилизація. Еврейскіе сказители, такъ видоизмѣнившіе халдейскія преданія о всемірномъ потопѣ, должны были помнить, что когда-то съ Арарата лился къ нимъ свѣтъ просвѣщенія, что оттуда ждали они откровеній науки и искусства. Народы, жившіе вокругъ Арарата,—яфетидскія племена,—представлялись древнѣйшимъ евреямъ, какъ самые просвѣщенные среди всѣхъ другихъ. Халдейскіе цари, сокрушивъ царства Наири и Урарту, разрушили одинъ изъ древнѣйшихъ на землѣ очаговъ цивилизаціи, и, вѣроятно, будущія раскопки на побережьяхъ Ванскаго озера принесутъ наукѣ столь же неожиданныя откровенія, какъ ожидаемыя археологическія открытія на другомъ концѣ земли, на крайнемъ западѣ Европы.

Какъ ни скудны пока данныя, относящіяся къ яфетидской культурѣ, они съ несомнѣнностью устанавливаютъ ея связь съ другими культурами Средиземноморья. Какъ во всѣхъ предыдущихъ примѣрахъ, связь эта только частью можетъ быть объяснена прямымъ подражаніемъ и заимствованіями. Воздвигая каменныя плиты съ распластанной шкурой быка, яфетиды, вѣроятно, не отдавали себѣ яснаго отчета, что они дѣлаютъ; они подчинялись древней традиціи, побуждавшей чтить (небеснаго) быка и шедшей изъ того же источника, которымъ было внушено быкопочитаніе минойцамъ. Въ образахъ «вишаповъ» и другихъ фантастическихъ чудовищъ отразились преданія глубокой древности; и яфетиды, и египтяне, и эгейцы, по традиціи, повторяли эти причудливыя изображенія, уже не понимая ихъ смысла, что и сохранило ихъ идентичность на протяженіи тысячелѣтій. Точно такъ же, въ общности основныхъ элементовъ орнамента, у кавказскихъ народовъ и въ эгейско-египетскомъ мірѣ (напр., въ пристрастіи къ фигурѣ спирали) нельзя не видѣть, рядомъ съ подражаніемъ, традиціоннаго воспроизведенія образцовъ, освященныхъ сѣдой стариной. Конечно, художники и ремесленники отдаленнаго Кавказа могли учиться по образцамъ всемірно-прославленнаго египетскаго искусства и по высоко-цѣнимымъ произведеніямъ эгейцевъ; но то было

бы роковое совпаденіе, еслибы, подражая, яфетидскіе мастера брали непремѣнно самыя существенныя и самыя древнія черты чужого художества. Другіе историческіе примѣры, въ сходныхъ случаяхъ, показываютъ иное (напр., подражаніе римскаго искусства греческому), и правдоподобнѣе искать единый общій истокъ яфетидскаго искусства и искусства эгейско-египетскаго.

Міръ яфетидовъ—не единственный культурный міръ этого типа, лежащій восточнѣе Месопотаміи. Сходные выводы дало бы намъ также разсмотрѣніе культуры Элама и особенно древнѣйшей Индіи. Но всего замѣчательнѣе, что тѣ же «историческія аналогіи» отмѣчены новѣйшими изслѣдованіями и въ культурахъ Дальняго Востока, у народовъ, разселившихся по берегамъ Тихаго океана, т.-е. у китайцевъ, японцевъ, племенъ Индо-китайскаго полуострова, Малакки, нѣкоторыхъ острововъ Полинезіи (о-ва Пасхи) и западнаго берега Ю. Америки. Недавно появившаяся блестящая книга португальскаго ученаго Феноллозе устанавливаетъ, какъ отнынѣ неопровержимый фактъ, что древнѣйшая, по его терминологіи, «Тихоокеанская» культура захватывала огромное пространство, оказывая могущественное вліяніе на всѣ народы, окружающіе Тихій океанъ и находясь въ таинственныхъ соотношеніяхъ съ культурами Средиземноморья. Самъ Феноллозе * склоненъ находить въ культурахъ эгейской, египетской и эллинской слѣды непосредственнаго вліянія на нихъ культуры Тихоокеанской... Весьма вѣроятно, что изслѣдователь, увлеченный своими, безспорно, любопытными открытіями, заходитъ въ своихъ выводахъ слишкомъ далеко. Но, что Дальній Востокъ не былъ чуждъ единству древнѣйшихъ культуръ человѣчества, это теперь можетъ считаться доказаннымъ.

Такимъ образомъ, весь «Старый Свѣтъ», древнѣйшія культуры трехъ материковъ, Европы, Азіи и Африки (въ ея с.-восточной части), оказались связанными таинственными нитями «историческихъ аналогій». Но мы уже видѣли, что эта связь продолжается дальше: она перекидывается въ «Новый Свѣтъ», захватывая народы центральной Америки, майевъ, а черезъ нихъ и ацтековъ. Книга Феноллозе прибавляетъ къ этому связь Тихоокеанской культуры съ древнѣйшей культурой Южной Америки **: Уже общность культуръ Стараго Свѣта, какъ мы видѣли, не можетъ быть полностью объяснена взаимнымъ вліяніемъ народовъ другъ на друга; присоединеніе же къ этой семьѣ народовъ американскихъ настоятельно требуетъ иного толкованія. Въ этомъ фактѣ загадка исторіи встаетъ во весь свой

* Въ нѣмецкомъ переводѣ книга озаглавлена: «Fenollose, «Ursprung und Entwicklung der chinesischen und japanischen Kunst». Verl. v. Karl W. Hiersemann. Leipz. 1913. Указаніемъ на эту, еще малоизвѣстную, работу мы обязаны просвѣщенной любезности И. С. Остроухова.

** Въ Ю.-Америкѣ носителями древнѣйшей культуры являются племена аймара. Ихъ цивилизація, паденіе которой относится къ I в. до Р. Х., представляетъ рядъ аналогій съ культурой китайской и съ культурой древнѣйшаго Индо-Китая. Что до государства инковъ, которое было найдено въ Ю. Америкѣ испанцами, то оно возникло лишь въ X в. нашей эры.

рость, и историки или должны удовольствоваться скромнымъ «ignoramus» («намъ это неизвѣстно») или пойти навстрѣчу отвергаемой ими старинной традиціи о культурномъ мірѣ, еще болѣе древнемъ, нежели «ранняя древность». Послѣ бѣглаго обзора культуръ «Стараго Свѣта», близость къ нимъ культуры древне-мексиканской становится особенно разительной: обнаруживается, сколькими разнообразными нитями древнѣйшая Америка была соединена съ міромъ Средиземноморья, отдѣленнымъ отъ нея непреодолимыми, въ тѣ времена, глубями океана.

Въ ряду аналогіи Стараго и Новаго Свѣта пирамиды занимаютъ, конечно, первое мѣсто. Какъ мы уже говорили, между пирамидами Гизехскими и Мексиканскими есть мѣстныя различія. Мексиканскія пирамиды, по большей части, не завершены: у нихъ срѣзана верхушка, обращенная въ площадку для религіозныхъ церемоній. Но такія же усѣченныя пирамиды встрѣчаются и въ Египтѣ и весьма распространены у этрусковъ. Мексиканскія пирамиды, по высотѣ, уступаютъ великимъ пирамидамъ 4-ой династіи. Но эти громады являются исключеніемъ и въ Египтѣ; напротивъ, этрурскія пирамиды, по размѣрамъ, вполнѣ подходятъ къ майскимъ. Кромѣ того, на берегахъ Нила, въ странѣ по преимуществу плоской, каменная гора представляетъ зрѣлище необычайное, привлекающее особое вниманіе; иначе было въ Мексикѣ, гдѣ проходитъ рядъ горныхъ кряжей, съ пирамидальными пиками въ нѣсколько тысячъ футовъ высотою, и въ Италіи, съ ея Аппенинами. Египетскія пирамиды служили усыпальницами фараонамъ; этрурскія пирамиды также воздвигались большею частью надъ гробницами; въ майскихъ пирамидахъ лишь изрѣдка находятъ мумифицированныя тѣла царей. Но мы уже называли, что служить гробницей было второстепеннымъ назначеніемъ египетскихъ пирамидъ: онѣ были символами тайнаго ученія.

Рядомъ съ этими, болѣе кажущимися, нежели дѣйствительными, отличіями, легко объяснимыми особенностями странъ и народовъ, сколько неоспоримыхъ и существенныхъ сходствъ! И въ Египтѣ, и въ Этруріи, и въ Мексикѣ, на четыреугольномъ основаніи возводятся четыре треугольника, обращенные вершинами къ небу: символъ вѣчнаго устремленія души отъ земного въ высь. И тамъ и здѣсь, воплощеніе въ камнѣ первичныхъ чиселъ: 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12... Эти числа являются внѣшнимъ выраженіемъ цѣлаго міросозерцанія и, вѣроятно, тѣсно связаны съ астрологическими религіозными представленіями, составляя выводъ изъ многовѣковыхъ наблюденій надъ звѣзднымъ небомъ *. Какъ египетскія пирамиды, такъ и майскія всегда

* Выше (см. примѣч. 4-ое предыдущей главы) мы указывали мистическое толкованіе чиселъ, входящихъ въ составъ пирамиды. Весьма вѣроятно, что происхожденіе этой мистики чиселъ—астрономическое, результатъ наблюденій надъ звѣзднымъ небомъ и особенно надъ движеніемъ планетъ. Въ Старомъ Свѣтѣ астрологія (т.-е. астрономія) всего полнѣе была разработана вавилонянами, и вавилонское ученіе («халдейское мудрствованіе», по выраженію Горація) даетъ ключъ къ мистическому толкованію пирамидъ,

обращены одной опредѣленной стороной на Востокъ и вообще оріентованы по меридіану данной мѣстности. Внутри пирамидъ, и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, устроены ходы и комнаты, въ общихъ чертахъ,—по сходному плану. Техника постройки вездѣ—одинаковая. Самое же важное то, что и для египтянъ, и для майевъ, и для этрусковъ пирамида—зданіе священное, особаго рода храмъ, соединенный съ идеей божества, и божества именно небеснаго, звѣзднаго.

Однако, пирамиды—не единственная аналогія въ культурѣ майевъ съ культурами Стараго Свѣта. Мы упоминали, что въ зодчествѣ майи пользовались, какъ египтяне, эгейцы и этруски, техникой «ложнаго свода». Спеціалисты находятъ поразительныя совпаденія въ орнаментѣ майскихъ строеній съ орнаментомъ египтянъ и эгейцевъ. Между прочимъ, майи употребляли, какъ элементъ орнамента и какъ нѣкій символъ, тотъ же самый знакъ, который получилъ широкое распространеніе въ Эгеѣ и былъ извѣстенъ въ Египтѣ и на всемъ Востокѣ: крестъ съ загнутыми концами (свастику). Испанцы-конквистадоры были крайне поражены, увидя на руинахъ древнихъ зданій въ завоеванныхъ ими земляхъ этотъ символъ христіанства, утвержденный народомъ, который никогда ничего не слышалъ о Христѣ. Первые проповѣдники христіанства въ Мексикѣ пользовались тѣмъ уваженіемъ, какимъ былъ окруженъ этотъ символъ у туземцевъ, чтобы доказывать всемірное значеніе крестной смерти Спасителя. Далѣе, въ письменахъ майевъ есть знаки, буквально совпадающіе съ знаками древнѣйшаго санскрита: достаточно поставить рядомъ эти буквы, чтобы тождество стало несомнѣннымъ. Одинъ египетскій медицинскій папирусъ содержитъ методы лѣченія (снятія катаракта съ глаза), совершенно одинаковые съ методами ацтекскихъ врачей, которые, по ихъ признанію, заимствовали ихъ у майевъ. Наконецъ, различные предметы, найденные въ руинахъ майскихъ городовъ, такъ называемыя «американскія древности», представляютъ множество

какъ египетскихъ, такъ и американскихъ. Въ основѣ вавилонскаго счета лежитъ число 360, составляющее 12 лунныхъ мѣсяцевъ по 30 дней. Этотъ «лунный» годъ отстаетъ отъ солнечнаго на 5 дней (съ часами). Обращеніе луны, отъ новолунія до новолунія, дѣлилось вавилонянами на части, по 5 дней каждая,—всего 6 такихъ частей въ каждомъ мѣсяцѣ изъ 30 дней. Вавилоняне называли число 60—s u s s, буквально: «одна шестая»; это указывало, что данное число (служившее вавилонянамъ тѣмъ же, чѣмъ въ нашей «десятиричной» системѣ служитъ десятка) взято какъ $1/6$ круга въ 360 градусовъ. Число 5 составляетъ $1/12$ отъ 60. Тѣ же числа: 5, 6, 12, 60, часто встрѣчаются и въ другихъ вычисленіяхъ планетнаго движенія. Къ нимъ были присоединены числа: 7—число извѣстныхъ вавилонянамъ планетъ, считая луну и солнце, 2—число этихъ двухъ «главныхъ» свѣтилъ (причемъ другихъ оставалось—5), и 3—число наиболѣе яркихъ неподвижныхъ звѣздъ, а также число, получаемое отъ дѣленія 6 на 2, 36 на 12 и т. д. Всѣмъ этимъ числамъ, какъ бы вписаннымъ въ небо, былъ усвоенъ мистическій смыслъ, также, какъ и ихъ простѣйшимъ комбинаціямъ, напр.: $3 \times 3 = 9$, $2 \times 2 = 4$ и т. под. До нашего времени эти идеи дошли въ дѣленіи круга на 360 градусовъ, часа на 60 минутъ, въ счетѣ 12 мѣсяцевъ, 7 дней недѣли, наконецъ, въ ученіи о троичности Божества, о 12 апостолахъ, о 4 евангелистахъ (съ Христомъ = 5), и т. под.

сходныхъ чертъ съ памятниками «ранней древности» въ Старомъ Свѣтѣ: тамъ—въ орнаментѣ, тамъ—въ пріемахъ ваянья, тамъ—въ самой формѣ сосуда, тамъ—въ употребленномъ символѣ и т. д.

Но особенно поразительно, что календарь майевъ можетъ быть удовлетворительно объясненъ только на основаніи вавилонскаго счета времени. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древней Вавилоніи, Гуго Винклеръ: «Въ астрономическихъ памятникахъ стараго міра мы не имѣемъ свидѣтельства о пользованіи Венерой (планетой) для календаря, т. е. для установленія цикловъ (исправляющихъ неравенство года солнечнаго и луннаго). Наоборотъ, мексиканскій счетъ времени—установленіе котораго составляетъ содержаніе дошедшихъ до насъ большихъ кодексовъ—покоится исключительно на ней. Стоитъ только всмотрѣться въ эту систему, чтобы увидѣть, что она покоится на подобныхъ же принципахъ (какъ вавилонская) и является, поэтому, составнымъ элементомъ древневосточной, *недостающія части которой она дополняетъ*.... Основой, «годомъ», служитъ у мексиканцевъ періодъ времени въ 260 дней. Этотъ періодъ объясняется, если разложимъ его на 13×20 единицъ, которыя можно сравнить съ нашими недѣлями и мѣсяцами. Число 20 указываетъ на связь съ вавилонскимъ луннымъ строемъ. Подчеркивая запретное на Востокѣ число 13, мексиканцы выдвигаютъ на первый планъ звѣзду Венеру (Люцифера). Это значитъ: мексиканская система связываетъ обѣ, въ лунно-солнечной системѣ принятыя системы, календаря. Число же 260, относящееся къ мексиканской системѣ, является, повидимому, и основнымъ числомъ, по которому считались библейскія доисторическія времена, а именно времена патріарховъ (Бытія, V. 11)».

Подобное истолкованіе этихъ, нѣсколько запутанныхъ, вопросовъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно здѣсь отмѣтить, что календарь майевъ, по авторитетному свидѣтельству, оказывается тѣснѣйшимъ образомъ связаннымъ съ астрономическимъ исчисленіемъ времени у вавилонянъ. Тотъ же историкъ приводитъ еще нѣсколько сходныхъ указаній на связь звѣздной науки Вавилона съ фактами, открытыми въ древнѣйшей Центральной Америкѣ. Авторъ даже дѣлаетъ рѣшительный выводъ: «Вавилонія была учительницей всего міра: не только старый міръ, но и древнія американскія культуры *невѣдомыми путями* получили оттуда свое знаніе». Присоединиться къ такому выводу мы, конечно, не можемъ, потому что пути, по которымъ вавилонское знаніе могло проникнуть къ майямъ, поистинѣ «невѣдомы». Исторія не позволяетъ думать, чтобы существовали какія бы то ни было сношенія между древней Месопотаміей и древней Америкой. Поэтому, принимая установленные нѣмецкимъ ученымъ факты, мы обязаны искать имъ иное объясненіе. Не «Вавилонія была учительницей всего міра», но должны были существовать какіе-то другіе «учители»,

которые равно сообщили свои знанія и Вавилоніи и Мексикѣ, и Старому и Новому Свѣту.

Послѣдній выводъ всего нашего обозрѣнія — опять тотъ же самый. Та общность началъ, которая лежитъ въ основѣ разнообразнѣйшихъ и удаленнѣйшихъ другъ отъ друга культуръ «ранней древности»: эгейской, египетской, вавилонской, этрусской, яфетидской, древне-индусской, майской, а, можетъ быть, также Тихоокеанской и культуры ю.-американскихъ народовъ, не можетъ быть вполнѣ объяснена заимствованіями однихъ народовъ у другихъ, взаимнымъ ихъ вліяніемъ и подражаніями. Должно искать въ основѣ всѣхъ древнѣйшихъ культуръ человѣчества нѣкоторое единое вліяніе, которое одно можетъ правдоподобно объяснить замѣчательныя аналогіи между ними. Должно искать за предѣлами «ранней древности» нѣкоторый «иксъ», еще невѣдомый наукѣ культурный міръ, который первый далъ толчокъ къ развитію всѣхъ извѣстныхъ намъ цивилизацій. Египтяне, вавилоняне, эгейцы, эллины, римляне были нашими учителями, учителями нашей, современной цивилизаціи. Кто же былъ ихъ учителями? Кого же можемъ назвать отвѣтственнымъ именемъ «учители учителей»?

Традиція отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.—Атлантида.

9. Атлантида.

1. Традиція.

Откуда идетъ традиція объ Атлантидѣ?

Для насъ древнѣйшимъ, письменнымъ свидѣтельствомъ остаются два діалога греческаго философа Платона (429—347 г. до Р. Х.), т. е. сравнительно очень поздняя запись, IV в. до Р. Х., отдѣленная отъ самаго бытія Атлантиды нѣсколькими тысячелѣтіями. Платонъ, однако, ставитъ свои сообщенія подъ авторитетъ гораздо большей древности. Объ Атлантидѣ онъ разсказываетъ въ двухъ своихъ разговорахъ: «Тимей» и «Критій». Въ обоихъ разсказъ вложенъ въ уста нѣкоего Критія, но и тотъ передаетъ преданіе не отъ своего лица, а какъ пересказъ того, что, три поколѣнія назадъ, сообщалъ и тогда же записалъ, мудрецъ Солонъ. А Солонъ, въ свою очередь, утверждалъ, что почерпнулъ свои свѣдѣнія у египетскихъ жрецовъ, когда жилъ и учился въ Египтѣ. Такимъ образомъ, традиція объ Атлантидѣ возводится у Платона къ египетскимъ записямъ, которыя могли преемственно восходить до 2-го и 3-го тысячелѣтія до Р. Х., ибо уже тогда египетская письменность достигла широкаго развитія. Все это даетъ эпоху, гораздо болѣе близкую къ тѣмъ временамъ, когда могли сохраняться достовѣрныя устныя преданія объ Атлантидѣ.

Что же разсказывали Солону египетскіе жрецы? — Быть можетъ, самое замѣчательное— то, съ чего они начали и что не имѣетъ прямого отношенія къ Атлантидѣ. Египетскіе жрецы сообщили любопытному греку фактъ, нынѣ считаемый за неоспоримую историческую истину, но въ свое время неизвѣстный ни Солону, ни Платону, записавшему его разсказы, ни позднѣй-

нимъ ученымъ, издателямъ и комментаторамъ Платона — именно, что эллины являются свѣжимъ цвѣткомъ на древѣ человѣчества и что задолго до событій, о которыхъ повѣствуютъ ихъ народныя преданія— миѳы, въ Элладѣ уже стояли сильныя государства и жилъ просвѣщенный народъ. Что это, дѣйствительно, было такъ, европейская наука убѣдилась лишь недавно, послѣ открытія эгейской культуры. Теперь мы знаемъ, что до прихода въ Грецію эллинскихъ племенъ, въ Микенахъ, въ Тиринѳѣ и въ самой Аттикѣ, на родинѣ Солона, процвѣтала богатая и сложная цивилизація эгейцевъ. Но сами эллины ничего опредѣленнаго объ эгейцахъ не помнили, считали древнѣйшими насельниками Эллады миѳическихъ пеласговъ, приписывали роскошь «золотыхъ» Микенъ своимъ предкамъ. Итакъ, сообщеніе египетскихъ жрецовъ начиналось съ настоящаго откровенія. Это ни въ коемъ случаѣ не измышленіе Платона, который явно передавалъ древнее преданіе, сохраненное все равно Солономъ или кѣмъ другимъ, не понимая подлиннаго значенія этого преданія, какъ не понимали его, до послѣдняго времени, и европейскіе ученые. Но, если сообщеніе начиналось съ истины, — есть основаніе съ извѣстнымъ довѣріемъ относиться и къ дальнѣйшимъ словамъ египетскихъ жрецовъ.

Указанное сообщеніе содержится въ діалогѣ «Тимей» *. Въ немъ нѣкто Критій (главное дѣйствующее лицо діалога) передаетъ мнѣніе своего дѣда, по имени тоже Критіи, что Солонъ оказался бы величайшимъ изъ эпическихъ поэтовъ, если бы все дѣло посвятилъ себя поэзіи, а не занимался ею только между дѣломъ **. «Славы его, говорилъ Критій старшій, тогда не превзошелъ бы ни Гесіодъ, ни Гомеръ, ни кто другой среди поэтовъ». Особенно восхвалялъ Критій - старшій ту поэму, сюжетъ которой Солонъ привезъ изъ Египта, но которой онъ не закончилъ. Она должна была повѣствовать «о величайшемъ изъ подвиговъ, когда-либо совершенныхъ Аѳинами». По словамъ Критія, «этотъ подвигъ долженъ былъ бы остаться и самымъ знаменитымъ, но время и смерть тѣхъ, кто его совершилъ, не позволили преданію дойти до нашихъ дней». Послѣднее объясненіе, конечно, неубѣдительно: иначе всѣ древніе подвиги должны были бы изгладиться изъ памяти людей. Дѣло въ томъ, что ни Солонъ, ни предполагаемый Критій, ни даже Платонъ не знали, что въ ту эпоху, къ которой относили они «величайшій изъ подвиговъ аѳинянъ», Элладу населяли еще не эллины. Преданіе, сохранившееся въ Египтѣ, могло относиться къ Аттикѣ, но никакъ не къ предкамъ «аѳинянъ». Героемъ подвига должно было

* Въ виду важности, для поставленнаго вопроса, діалоговъ Платона, мы излагаемъ ихъ въ дальнѣйшемъ почти дословно. Обоими діалогами мы пользовались въ изд. К. Ф. Германна (Лейпц. 1882, греческій текстъ), а «Тимеемъ» также въ изд. А. Ф. Линдау (Лейпц. 1828, греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ). Изъ новыхъ переводовъ мы имѣли подъ руками— нѣмецкій, Іеронима Мюллера (Лейпц. 1857), и французскій, Виктора Кузена (Парижъ, 1839).

** Какъ извѣстно, Солонъ писалъ стихи, и до насъ дошли обширные фрагменты его «элегій» (преимущественно на политическія темы).

быть одно изъ эгейскихъ племенъ, жившее въ Аттикѣ, на мѣстѣ будущихъ Аѳинъ. И не «время» было причиной, чтобы преданіе о подвигѣ забылось среди эллиновъ, а то, что оно принадлежало иной расѣ. Можетъ быть, въ лѣтописяхъ эгейцевъ извѣстіе о древнемъ событіи и было записано, но эллины уже не умѣли читать минойскихъ письменъ. Вотъ почему Солону пришлось черезъ Египетъ узнавать факты изъ древнѣйшей исторіи родной ему Аттики.

Въ связи съ такимъ (кажущимся) невѣдѣніемъ аѳинянъ о національной старинѣ, Платонъ и заставляетъ египетскаго жреца сказать Солону: «Вы, эллины, всегда останетесь дѣтьми, эллинъ никогда не будетъ старцемъ. Вы всѣ молоды душой, у васъ нѣтъ никакихъ по-истинѣ древнихъ преданій и никакой науки древней по времени». Напротивъ, египтяне, по словамъ жреца, дѣйствительно древній народъ; по разнымъ причинамъ, Египетъ уцѣлѣлъ отъ міровыхъ потоповъ («которыхъ было нѣсколько», говоритъ жрецъ) и другихъ стихійныхъ катастрофъ. Поэтому въ Египтѣ сохранились свидѣтельства объ истинно-древнихъ событіяхъ. «Все, что мы знаемъ, утверждаетъ жрецъ, о славныхъ, великихъ и вообще замѣчательныхъ событіяхъ у васъ (т. е. у аѳинянъ) или въ другихъ странахъ, все это у насъ записано и хранится съ древнѣйшихъ временъ въ нашихъ храмахъ». Къ числу такихъ, издревле записанныхъ извѣстій, сохраняемыхъ въ храмовыхъ библіотекахъ и архивахъ, принадлежитъ и сообщеніе о «величайшемъ подвигѣ» аѳинянъ, который Солонъ хотѣлъ сдѣлать сюжетомъ своей эпопеи. Этотъ подвигъ— не что иное, какъ *побѣдоносная борьба съ царемъ Атлантиды*. Итакъ, Платонъ всячески настаиваетъ, что источники его свѣдѣній восходятъ къ эпохѣ, близкой къ самому событію, являются чуть ли не лѣтописью, веденной современникомъ *.

По вычисленію жреца, собесѣдника Критія, Саисъ въ Египтѣ былъ основанъ черезъ 1.000 лѣтъ послѣ Аѳинъ. Отъ основанія Саиса, согласно съ храмовыми архивами, прошло (до дней Солона) 8.000 лѣтъ. Итакъ первыя Аѳины (эгейскій городъ на мѣстѣ Аѳинъ, въ Аттикѣ) были построены, по египетскимъ даннымъ, около 9.600 г. до Р. Х.,— дата, для насъ врядъ ли пріемлемая. Но жрецъ далѣе говоритъ, что за эти девять тысячелѣтій аѳиняне совершили много славныхъ подвиговъ, память о которыхъ также записана въ священныхъ книгахъ (египтянъ), тотъ же подвигъ, который плѣнилъ Солона, былъ однимъ изъ послѣднихъ передъ катастрофой, уничтожившей древнія (первыя, эгейскія) Аѳины. Это разсужденіе позволяетъ намъ значительно сократить число тысячелѣтій и, принимая разсказъ жреца (или Платона), не выходить за историческіе предѣлы 4-го или 5-го тысячелѣтія

* Замѣчательно, что, разсказывая другіе свои миѳы, Платонъ нигдѣ не прибѣгаетъ, такъ сказать, къ «критикѣ источниковъ», не пытается поставить свои разсказы подъ авторитетъ современной записи. Поступая иначе въ разсказѣ объ Атлантидѣ, Платонъ подчеркиваетъ, что имѣетъ въ виду не свое измышленіе, не аллегорію, къ которымъ прибѣгалъ нерѣдко, но историческій фактъ. Добавимъ, что иной формы «критики источниковъ» не знали и греческіе историки, какъ Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и др.

до Р. Х. Впрочемъ, египетскіе историки вообще были слабы въ хронологіи. Единой эры въ Египтѣ не было принято, счетъ велся по годамъ правленія фараоновъ, и даже въ исторіи самого Египта крайне трудно установить точныя даты. Поэтому нельзя удивляться неопредѣленности въ вычисленіи времени, когда произошло столкновеніе древнихъ Аѳинъ съ царемъ Атлантиды.

«Въ нашихъ книгахъ сказано, начинаетъ жрецъ свой разсказъ, какую мощную армію сокрушили Аѳины, надменно нападшую на всю Европу и Азію, придя изъ-за Атлантическаго моря (океана). Ибо это море было тогда пригодно для мореплаванія, и былъ передъ проливомъ, который вы (аѳиняне) называете Столбами Геракла (Гибралтарскій проливъ), островъ, больший, чѣмъ Либія (Африка) и Азія, взятыя вмѣстѣ. Съ этого острова легко можно было переправиться на другіе, а съ нихъ на твердую землю (материкъ), окружавшую это море. То, что находится за проливомъ, похоже на гавань съ узкимъ входомъ, но это— подлинное море, и окружающая его земля— подлинный материкъ. На этомъ островѣ, Атлантидѣ, властвовали цари, съ великимъ и дивнымъ могуществомъ; подъ ихъ властью былъ весь островъ и многіе другіе острова, какъ и нѣкоторыя части материка. Помимо того, по сю сторону (Гибралтарскаго пролива), они царствовали надъ Либіей (Африкой) вплоть до Египта и надъ Европой, вплоть до Тирреніи (т. е. до Тирренскаго моря, до Этруріи, иначе— надъ Испаніей и Франціей). Вся эта власть объединилась въ одну, чтобы поработить однимъ ударомъ нашу страну (Египетъ), вашу (Грецію) и всѣ народы, живущіе по сю сторону пролива. Тогда-то проявилась предъ всѣми доблесть и мощь вашего города (Аѳинъ). По своему значенію и превосходству въ дѣлахъ военныхъ, Аѳины получили главное начальство надъ всѣми эллинами (эгейцами). Но такъ какъ случилось, что другія племена не могли (немедленно) принять участіе въ борьбѣ, Аѳины однѣ пошли на великую опасность и, побѣдивъ враговъ, заслужили трофеи: кто еще не былъ порабощенъ, тѣхъ Аѳины спасли отъ рабства, а всѣмъ другимъ, живущимъ, какъ и мы, по сю сторону Столбовъ Геракла, великодушно даровали свободу. Позднѣе, при великомъ землятресеніи и потопѣ въ одинъ день и одну роковую ночь, островъ Атлантида исчезъ въ океанѣ. Поэтому море въ томъ мѣстѣ стало недоступнымъ для плаванія, по причинѣ огромнаго количества ила, оставшагося на мѣстѣ (опустившагося на дно) острова».

Таковъ разсказъ въ «Тимеѣ». Изъ него можно извлечь слѣдующіе важнѣйшіе факты: въ Атлантическомъ океанѣ, между Европой и другимъ «материкомъ» (Америкой), существовалъ большой островъ (эллины представляли себѣ Азію и Африку гораздо меньше ихъ дѣйствительныхъ размѣровъ, такъ что опредѣленіе: «больше Либіи и Азіи, взятыхъ вмѣстѣ», означаетъ просто «большой островъ». Народы, населявшіе этотъ островъ, властвовали надъ сосѣдними, надъ частью Америки (культура майевъ), надъ Западной Африкой (культура іорубовъ, о которой далѣе), и надъ Западной Европой, именно надъ Испаніей (от-

куда, вѣроятно, были родомъ эгейскія племена) и надъ Франціей (друидическая культура) вплоть до Италіи (культура этрусковъ). Различныя царства Атлантиды сдѣлали попытку распространить свое владычество далѣе на Западъ, для чего образовали военный союзъ, но были побѣждены народомъ, населявшимъ Грецію. Позднѣе Атлантида, во время какого-то великаго катаклизма, погибла, опустилась на дно океана, который сталъ съ того времени недоступнымъ для мореплаванія. Въ разсказѣ этомъ нѣтъ никакихъ внутреннихъ противорѣчій и, по существу, онъ не только вполнѣ пріемлемъ для историка, но даже бросаетъ свѣтъ на многіе темные вопросы древности, каковы, напр., аналогіи въ культурахъ эгейцевъ, этрусковъ, друидовъ, майевъ и т. д.

Въ другомъ діалогѣ Платона, оставшемся незаконченнымъ, «Критій», отъ лица того же Критія-младшаго, излагается уже не разсказъ египетскаго жреца, а поэма Солона, написанная со словъ этого жреца. Самыя событія переданы совершенно такъ же, какъ въ «Тимеѣ». «Согласно съ египетскимъ преданіемъ, говорится въ «Критіи», возникла общая война между народами, живущими по сю и по ту сторону Столбовъ Геракла. Во главѣ первыхъ (народовъ европо-азіатскаго міра) стояли Аѳины, и онѣ однѣ окончили всю войну. Во главѣ другихъ— цари острова Атлантиды. То былъ островъ больший, «чѣмъ Либія и Азія, который опустился на дно вслѣдствіе землетрясенія, такъ что на его мѣстѣ въ океанѣ встрѣчаютъ лишь илъ, останавливающій мореплавателей и дѣлающій море недоступнымъ (для кораблей)». Это ядро разсказа окружено обширными добавленіями. По обычаю греческой эпопеи, начинается поэма съ дѣяній боговъ, подѣлившихъ между собою всю землю, причемъ Атлантида досталась Посейдону. Затѣмъ идетъ подробнѣйшее описаніе Атлантиды, ея географическаго положенія, физическаго строенія, ея флоры, фауны, ископаемыхъ богатствъ, наконецъ, ея населенія и обозрѣніе исторіи Атлантиды. Именно на исторической части діалогъ обрывается, и наиболѣе любопытная его часть,— ближайшія по времени событія,— осталась недописанной, какъ недописана была и поэма Солона. Въ описаніе Атлантиды вставлено описаніе Аѳинъ и ихъ государственнаго устройства, въ ту же эпоху, причемъ въ этомъ послѣднемъ описаніи многое вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что мы знаемъ объ эгейцахъ и ихъ культурѣ. Такъ, напр., городъ Аѳины представленъ въ видѣ огромнаго «общаго дома», что напоминаетъ критскіе лабиринты, сказано, что женщины были равноправны съ мужчинами, что вполнѣ въ нравахъ эгейцевъ, и т. под. Эта вторая провѣрка свѣдѣній, сообщаемыхъ Платономъ, даетъ новый поводъ отнестись съ нѣкоторымъ довѣріемъ къ его извѣстіямъ объ Атлантидѣ.

Приступая къ описанію Атлантиды, Платонъ предупреждаетъ, что, какъ названіе самого острова, такъ и всѣ другія собственныя имена въ его разсказѣ— не подлинныя, а переводъ на греческій языкъ. Дѣло въ томъ, что египтяне, которые первые

писали исторію Атлантиды, перевели атлантскія имена на свой языкъ. Солонъ не видѣлъ надобности сохранить египетскія названія и вторично перевелъ ихъ по-гречески. Такъ возникли чисто-греческія слова «Атлантида» или «Посейдонія» (какъ также называли островъ по его первому властителю, Посейдону), имена греческихъ божествъ, Посейдона и др., выбранныя въ соотвѣтствіи съ названными египетскими богами, и т. под. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ всѣ названія— также греческія: Евеноръ, Левкиппа, Евменъ, Автохтонъ и др. Особенно много этихъ именъ въ первой части описанія, гдѣ излагается миѳъ о Посейдонѣ и его потомствѣ, заселившемъ Атлантиду и основавшемъ, съ теченіемъ времени, на ней 12 царствъ. Только одинъ разъ Платонъ приводитъ подлинное, «атлантское», имя «Гадейръ», добавляя: «въ греческомъ переводѣ— Евменъ». Спеціалисты-филологи находятъ въ имени «Гадейръ» семитическій корень, давшій финикійское названіе одного растенія.

Описываетъ Платонъ Атлантиду уже въ томъ ея состояніи, какого она достигла послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій культурной жизни, когда на островѣ было уже много раздѣльныхъ царствъ, множество богатыхъ городовъ и огромное населеніе, исчисляемое милліонами. Повидимому, описаніе имѣетъ въ виду послѣднюю эпоху въ исторіи Атлантиды, незадолго до ея гибели. Въ виду важности этого описанія, мы приведемъ его, по возможности, цѣликомъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ подробностей.

«Многое, говоритъ Платонъ (или Критій, или Солонъ, или, наконецъ, египетскій жрецъ, разсказывавшій Солону), приходило къ атлантамъ (такъ называетъ Платонъ жителей Атлантиды) извнѣ, въ виду обширности ихъ власти (т.-е. изъ чужихъ краевъ и изъ колоній въ Африкѣ и Европѣ); но островъ самъ производилъ почти все, нужное для жизни. Во-первыхъ, всѣ металлы, твердые и легкоплавкіе, годные для обработки, въ томъ числѣ тотъ, который нынѣ мы знаемъ лишь по названію: орихалкъ (точнѣе: орейхалкъ); залежи его находили во многихъ мѣстахъ острова; послѣ золота то былъ самый драгоцѣнный изъ металловъ *. Островъ доставлялъ для ремеслъ всѣ нужные матеріалы. Жило на островѣ большое количество домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей, между прочимъ, много слоновъ (объ этомъ послѣднемъ фактѣ—дальше). Всякаго рода животнымъ островъ давалъ обильное пропитаніе, какъ живущимъ въ болотахъ, озерахъ и рѣкахъ или на горахъ и въ равнинахъ, такъ и этимъ (слонамъ), хотя они огромны и прожорливы. Производилъ и доставлялъ островъ всѣ ароматы, нынѣ произрастающіе въ разныхъ странахъ, корни, травы, сокъ, текущій изъ цвѣтовъ и плодовъ. Имѣлся тамъ также плодъ, дающій вино (виноградъ), и тотъ, который служитъ пищей (хлѣбные

* «Орейхалкъ», буквально,—горная мѣдь, но по-латыни это слово переводится «aurichalcum», т. е.—золото-мѣдь. Далѣе мы укажемъ предположеніе, что орейхалкъ это—алюминій.

злаки), вмѣстѣ съ тѣми, которые мы тоже употребляемъ въ пищу, называя общимъ словомъ—овощи; были еще плоды, дающіе одновременно питье, пищу и благовонія (кокосовые орѣхи?), плоды съ корой, трудно сохраняемые и служащіе для забавъ дѣтей (какіе-либо орѣхи?), сладкіе плоды, которыми мы пользуемся на закуску, чтобы оживить аппетитъ, когда желудокъ уже наполненъ *. Таковы были божественныя и удивительныя богатства, какія, въ неисчислимомъ количествѣ, производилъ этотъ островъ».

Послѣ такого физико-географическаго описанія, Платонъ продолжаетъ: «При такихъ щедротахъ почвы, жители строили храмы, дворцы, порты и гавани для судовъ и постарались украсить свой островъ слѣдующимъ образомъ...» Далѣе идетъ описаніе столицы Атлантиды и ея политическаго устройства настолько точное и подробное, что трудно отказаться отъ мысли, не взято ли оно изъ отчета какого-нибудь путешественника-очевидца. У Платона не было поводовъ измышлять это описаніе, такъ какъ оно не нужно для цѣлей діалога (изобразить идеальное государственное устройство, своего рода «Утопію»), и многія черты въ описаніи слишкомъ характерны, чтобы быть измышленными. При чтеніи остается впечатлѣніе, что въ распоряженіи Платона былъ богатый и интересный матеріалъ, соблазнившій философа: онъ не устоялъ передъ соблазномъ и увлекся пересказомъ, даже въ ущербъ стройности своего діалога. Иначе трудно объяснить длинную вставку, прерывающую ходъ мыслей Критія.

Еще раньше (пересказывая мнѣ о Посейдонѣ и нѣкоей Клейто, его супругѣ, которые были первыми владыками Атлантиды) Платонъ сообщилъ, что вокругъ царскаго дворца было вырыто три концентрическихъ рва, наполненныхъ водою (канала), такъ что дворецъ стоялъ какъ бы на внутреннемъ островкѣ. Эти три, огромныхъ по протяженію, канала образовывали естественно четыре части твердой земли: 1) островъ, гдѣ стоялъ дворецъ, 2) круговую полосу земли («валъ» или «плотину») между третьимъ, наименьшимъ, каналомъ и вторымъ, 3) такую же полосу между вторымъ каналомъ и первымъ, наибольшимъ, и 4) полосу земли отъ перваго канала до моря или въ глубь страны **. Теперь Платонъ продолжаетъ: «Первой заботой жителей было перекинуть мосты черезъ каналы, окружавшіе древнюю столицу, и установить такимъ образомъ сообщеніе между царскимъ дворцомъ и остальной страной... Отъ моря до внѣшней

---

* Самая неясность, съ какой Платонъ описываетъ разные плоды и злаки, доказываетъ, что онъ говоритъ съ чужихъ словъ о вещахъ, ему самому неизвѣстныхъ; иначе, въ своемъ богатомъ словарѣ, философъ безъ труда нашелъ бы точныя опредѣленія для всѣхъ видовъ растеній.

** Вотъ подлинныя слова діолога: «Чтобы обособить и замкнуть со всѣхъ сторонъ холмъ, на которомъ жила Клейто, Посейдонъ выкопалъ кругомъ тройной ровъ, наполненный водой, заключивъ два вала въ ихъ изгибахъ, въ центрѣ острова, на равномъ разстояніи отъ земли, что дѣлало то мѣсто недоступнымъ, ибо тогда еще не знали кораблей и мореплаванія. Какъ богъ, онъ (Посейдонъ) заставилъ тамъ бить два источника, одинъ горячій, другой холодный.

страды города былъ выкопанъ каналъ, шириною въ 3 плеора, глубиною въ 100 нодовъ и 50 стадій въ длину *. Чтобы въ каналъ можно было войти прямо изъ моря, какъ въ гавань, былъ оставленъ входъ, пригодный для самыхъ большихъ кораблей. Черезъ пространства земли, которыя раздѣляли между собою каналы (окружающіе городъ), были прокопаны, рядомъ съ мостами, проходы, достаточно широкіе для прохода тріеры (большого корабля). Такъ какъ съ каждой стороны этого прохода земля поднималась достаточно высоко надъ уровнемъ моря, то были перекинуты съ одного края на другой крыши, позволявшія кораблямъ плыть подъ прикрытіемъ. Наибольшіе изъ круговыхъ проходовъ, тѣ, которые сообщались съ моремъ, были въ 3 стадіи ширины, какъ и часть земли, шедшая за ними. Два слѣдующихъ окруженія, одинъ—воды, другой—земли (т.-е. слѣдующій, второй, каналъ и полоса земли между нимъ и третьимъ каналомъ), имѣли, то и другое (т.-е. и вода въ каналѣ, и полоса земли) по двѣ стадіи. Послѣдній (третій, самый меньшій) каналъ, окружавшій островъ, былъ только въ одну стадію ширины. Наконецъ, самый островъ, гдѣ находился дворецъ, имѣлъ въ діаметрѣ 5 стадій».

«Этотъ (внутренній) островъ, пространство земли и прокопъ, имѣвшій 1 плеоръ въ ширину, были кругомъ обнесены каменной стѣной; въ стѣнѣ были устроены башни и входныя крытыя ворота, подъ которыми былъ проходъ въ море. Для этой постройки пользовались камнями бѣлыми, черными и красными, которые добывались изъ самой толщи острова и изъ двухъ сторонъ, внѣшней и внутренней, валовъ (плотинъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, были выкопаны для кораблей внутри два глубокихъ бассейна, которымъ самыя скалы служили крышей. Изъ этихъ сооруженій одни были сдѣланы изъ одного рода камней, а въ другихъ, чтобы придать имъ естественное украшеніе, смѣшивали цвѣта для удовольствія глазъ. Вся внѣшняя стѣна была, въ видѣ покрытія, облицована мѣдью; второе окруженіе—листовымъ оловомъ, а берега (внутренняго) острова—поясомъ изъ орихалка, сверкавшимъ, какъ огонь».

Платонъ переходитъ къ описанію дворца. «Цари, преемственно владѣвшіе дворцомъ, говоритъ онъ, безпрерывно его украшали, причемъ каждый старался превзойти своего предшественника, такъ что нельзя было видѣть это зданіе, не изумляясь величинѣ и красотѣ работъ... Посреди кремля былъ храмъ Посейдону и Клейто, старинное святилище, окруженное стѣной изъ золота. Въ немъ, по преданію, они (Посейдонъ и Клейто) зачали и родили 10 родоначальниковъ царскихъ династій (10-ти царствъ, на которыя дѣлилась Атлантида). Поэтому ежегодно 10 провинцій (царствъ) государства приносили этимъ божествамъ въ даръ новину (первый сборъ плодовъ). Храмъ Посейдона (т.-е мѣстнаго бога морей) имѣлъ въ длину стадію,

---

* Стадіи, обычно,—600 футовъ; въ стадіи было 6 плеоровъ или 400 подовъ; слѣдовательно, плеоръ—100 футовъ, а подъ—1 ½ фута.

въ ширину 3 плеора и соотвѣтственную высоту. Но въ его внѣшности было что-то варварское. Весь храмъ снаружи былъ выложенъ серебромъ, кромѣ акротерій (украшенія надъ фронтономъ), а онѣ были изъ золота; внутри сводъ былъ покрытъ слоновой костью, украшенной золотомъ и орихалкомъ. Было тамъ много золотыхъ статуй. Одна изображала бога, правящаго съ высоты колесницы, шестеркой крылатыхъ коней; статуя была такъ велика, что ея голова касалась храмового свода. Вокругъ сидѣло 100 нереидъ (т.-е. мѣстныя низшія богини моря) на дельфинахъ... Было еще много другихъ статуй, принесенныхъ въ даръ частными лицами. Вокругъ храма стояли золотыя статуи царей и всѣхъ царицъ, происходившихъ отъ 10 сыновей Посейдона, и другія, принесенныя въ даръ царями и гражданами, какъ изъ города, такъ изъ подвластныхъ ему странъ. Алтарь былъ по величинѣ и по работѣ достоинъ этихъ чудесъ, и весь дворецъ соотвѣтствовалъ величію государства и богатству украшеній въ храмѣ».

«Два неисчерпаемыхъ источника, продолжаетъ свое описаніе Платонъ, удовлетворяли всѣ потребности (города): одинъ горячій, другой холодный, замѣчательные по пріятности и цѣлебной силѣ воды. Кругомъ были построены дома и посажены деревья, красиво расположенныя по берегу канала. Для купанья были водоемы, открытые и, для зимняго времени, закрытые; были особые—для царской семьи и для частныхъ лицъ, еще другіе—отдѣльно для женщинъ, и еще—для лошадей и вьючныхъ животныхъ; каждый изъ нихъ былъ расположенъ и украшенъ согласно своему назначенію. Вода, выходившая изъ этихъ водоемовъ, была направлена для орошенія лѣса Посейдона, гдѣ плодородіе почвы производило деревья удивительной высоты и красоты; остальная вода была проведена вдоль мостовъ по акведукамъ на полосы твердой земли (между каналами). На этихъ полосахъ твердой земли или валахъ, которые образовывали какъ бы тоже острова (ибо были заключены между водой каналовъ), находились храмы многимъ богамъ, сады, гимназіи, именно, ристалища для мужей—на одномъ, для коней—на другомъ. На серединѣ большаго изъ этихъ острововъ находился большой ипподромъ, шириною въ стадію, а что до длины, то дорожка для лошадей составляла весь кругъ острова. Съ той и съ другой стороны поднимались казармы для воиновъ. Войско, на которое особенно расчитывали, имѣло, однако, свое мѣстопребываніе на первомъ изъ круговыхъ острововъ, самымъ близкомъ къ кремлю, а избранный, преданный отрядъ жилъ въ самомъ кремлѣ, подлѣ дворца. Внутреннія гавани были покрыты кораблями и снабжены въ полномъ порядкѣ нужными приспособленіями и провизіей. За городомъ, за предѣломъ трехъ каналовъ, трехъ оградъ и образованныхъ ими портовъ, была еще круговая стѣна. Она начиналась у моря и, идя по кругу наибольшей ограды и ея порта на протяженіи 50 стадій, закрывала въ той же точкѣ входъ въ каналъ со стороны моря. Это пространство было наполнено множествомъ домовъ,

близко стоявшихъ одинъ отъ другого. Каналъ и наибольшій изъ портовъ были покрыты судами и купцами, пріѣзжавшими со всѣхъ концовъ свѣта, коихъ толпа производила днемъ и ночью смѣсь всѣхъ языковъ и постоянный гулъ». (Это ли, замѣтимъ въ скобкахъ, не разсказъ очевидца!).

Послѣ описанія столицы, Платонъ переходитъ къ описанію всей страны. «Островъ (Атлантида), говоритъ онъ, былъ очень возвышенъ надъ уровнемъ моря, и берегъ поднимался недоступнымъ обрывомъ. Кругомъ столицы простиралась равнина, окруженная горами, доходившими до моря. Поверхность равнины была гладкая и ровная, форма—продолговатая: съ одной стороны въ ней было 3.000 стадій, а отъ центра до моря—2.000 стадій. Вся эта часть острова была обращена на югъ и защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Окружающія горы превосходили, по разсказамъ, числомъ, высотою и красотою все, что можно видѣть нынѣ. По равнинѣ было расположено много селеній, весьма богатыхъ и очень населенныхъ. Она орошалась озерами и рѣчками и была покрыта лугами, представлявшими прекрасныя пастбища для животныхъ дикихъ и домашнихъ. Многочисленные и разнородные лѣса давали разнообразный матеріалъ для всякаго рода работъ и подѣлокъ. Вотъ что природа и долговременныя старанія царей (т.-е. культура) сдѣлали изъ этой счастливой равнины».

«Ея форма была длинный четыреугольникъ, съ почти правильными сторонами; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ правильность (фигуры) была не совершенная, природа была исправлена тѣмъ, что былъ выкопанъ ровъ, окружавшій всю равнину. Что до глубины и ширины этого рва, то трудно повторить то, что сообщаютъ, при сравненіи съ другими работами рукъ человѣческихъ. Передамъ лишь то, что мнѣ самому (т.-е. Солону) говорили. Ровъ былъ глубиною въ плеоръ, шириною вездѣ въ стадію, а длина его обнимала всю равнину, т.-е. равнялась 10.000 стадій. Этотъ ровъ принималъ въ себя всѣ воды, стекавшія съ горъ, и описывалъ кругъ кругомъ равнины; два его края примыкали къ столицѣ, и отсюда онъ изливался въ море. Отъ одной стороны этого рва исходили другіе въ 100 подовъ, перерѣзывавшіе равнину по прямой линіи и впадавшіе въ ровъ, сосѣдній съ моремъ; эти меньшіе рвы были отдѣлены одинъ отъ другого пространствами въ 100 стадій. Еще другіе рвы, пересѣкавшіе первые наискось и направлявшіеся къ городу, служили для сплавки лѣса съ горъ и для перевозки другихъ продуктовъ страны, смотря по времени года. Притомъ, каждый годъ снималось двѣ жатвы, ибо земля была оплодотворяема зимою дождями, а лѣтомъ орошаема водою изъ каналовъ». (Описанные рвы, которые образовывали на равнинѣ правильную сѣть, были, очевидно, системой орошенія, дававшей полямъ влагу въ жаркіе мѣсяцы года).

Далѣе у Платона слѣдуетъ исчисленіе народонаселенія Атлантиды. Онъ исходитъ изъ того контингента войскъ, какой

могла поставить страна. «Было установлено, говоритъ онъ, что каждый участокъ равнины выбиралъ и поставлялъ одного начальника, а каждый такой участокъ имѣлъ 100 стадій, и всего считалось 60.000 участковъ (образованныхъ пересѣченіемъ каналовъ). Жители горъ и другихъ частей государства были, говорятъ, неисчислимы. Ихъ также раздѣлили, сообразно съ мѣстностями и селеніями, на отдѣльные участки, изъ коихъ каждый имѣлъ своего начальника. Каждый изъ начальниковъ поставлялъ одну шестую часть боевой колесницы, дабы число колесницъ было 10.000. Они поставляли кромѣ того двухъ лошадей съ ихъ всадниками, запряжку двухъ лошадей безъ колесницы, воина, вооруженнаго малымъ щитомъ, другого для управленія лошадьми, двухъ тяжеловооруженныхъ пѣхотинцевъ, двухъ лучниковъ, двухъ пращниковъ, двухъ легковооруженныхъ пѣхотинцевъ, воиновъ, вооруженныхъ камнями, другихъ—дротиками, по три каждаго рода, и четырехъ моряковъ для флота въ 1200 судовъ. Такова была военная организація страны, главнаго царства. Что касается 9 другихъ провинцій (вассальныхъ царствъ), то каждая имѣла свои особыя установленія». (Если подсчитать цифры, даваемыя Платономъ, окажется, что главное царство Атлантиды могло выставить армію въ 1.210.000 зеловѣкъ,—количество, которое не можетъ изумить въ наше время, но которое представлялось непомѣрнымъ въ эпоху, когда писался діалогъ).

Послѣднюю часть описанія составляетъ краткое изложеніе конституціи Атлантиды. «Каждый изъ 10 царей имѣлъ въ своемъ участкѣ (царствѣ) власть абсолютную надъ людьми и большею частью законовъ; онъ могъ, по своему усмотрѣнію, налагать всякаго рода наказанія и даже приговаривать къ смерти. Что касается общаго правленія островомъ (Атлантидой), и отношеній между царями, то здѣсь дѣйствовала воля Посейдона (т. е. традиція, идущая изъ глубокой древности), сохраненная въ законѣ и вырѣзанная первыми царями на орихалковой колоннѣ, которая находилась въ серединѣ острова, въ храмѣ Посейдона. Цари собирались на совѣтъ, поочередно, послѣ истеченія пятилѣтія и шестилѣтія, дабы чередовалось четное и нечетное число *. На этихъ совѣтахъ обсуждались общегосударственныя дѣла, разсматривалось, не нарушилъ ли кто-нибудь (изъ царей) законъ и судился его поступокъ. (Здѣсь слѣдуетъ подробное описаніе самого обряда суда, которое мы опускаемъ). Свои рѣшенія цари писали на золотой дощечкѣ, которыя вѣшались на колоннахъ храма, чтобы они служили памятникомъ потомству. Было много другихъ законовъ, относящихся къ отдѣльнымъ царямъ; вотъ главнѣйшіе. Имъ было запрещено воевать другъ съ другомъ; всѣ должны были соединяться противъ того, кто попытался бы изгнать изъ его царства одного изъ царскаго рода; должны были всѣ соединяться и для того, чтобы, какъ ихъ предки, со-

* Числа, образованныя изъ 2, перваго четнаго, и 3, перваго нечетнаго числа (ибо 1 за число не считалось): 2+3=5, и 2×3=6.

обща судить о войнѣ и другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ; высшая власть должна была всегда оставаться за прямымъ потомствомъ Атланта (предполагаемаго старшаго сына Посейдона и Клейтó); главный царь не могъ приговаривать къ смерти никого изъ своихъ родственниковъ безъ согласія большинства всѣхъ царей и т. д.».

«Такова была, говоритъ Платонъ въ послѣдней изъ написанныхъ главъ діалога, огромная мощь, которая возникла въ этой странѣ и которую божество направило противъ насъ (походъ атлантовъ на Элладу). Въ теченіе многихъ поколѣній, пока жители Атлантиды сохраняли нѣчто отъ своего божественнаго происхожденія, они повиновались законамъ и чтили божественное начало, общее имъ всѣмъ; ихъ души, привязанныя къ истинѣ, открывались лишь для благородныхъ чувствованій; ихъ благоразуміе и умѣренность блистали во всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ ихъ отношеніяхъ между собою. Не зная другихъ благъ, кромѣ добродѣтели, они мало цѣнили богатство и безъ труда почитали бременемъ золото и множество преимуществъ такого рода. Не обольщаясь радостями богатства и не теряя власти надъ собой, они придерживались умѣренности во всемъ; они прекрасно понимали, что согласіе съ добродѣтелью увеличиваетъ прочія блага и что слишкомъ настойчиво ища ихъ, ихъ теряешь, и добродѣтель съ ними. Пока они (атланты) слѣдовали этимъ началамъ и пока божественное начало въ нихъ господствовало, все имъ удавалось. Но, когда божественная сущность начала измѣняться въ нихъ по той причинѣ, что такъ много разъ соединялась съ человѣческой природой, и человѣческое взяло верхъ въ нихъ, они, не будучи въ состояніи выносить полное благополучіе, стали вырождаться... Тогда Зевсъ, богъ боговъ, кто правитъ согласно со справедливостью, и отъ кого ничто не скрыто, видя развращенность этой расы, когда-то столь добродѣтельной, захотѣлъ наказать ее... Онъ собралъ всѣхъ боговъ въ небесномъ святилищѣ, находящемся въ центрѣ міра, откуда онъ правитъ всѣмъ, относящимся къ роду живыхъ, и собравшимся сказалъ такъ...»

На этихъ словахъ діалогъ обрывается. Повидимому, окончаніе не утеряно, но вовсе не было написано Платономъ. Дальше, послѣ эпической сцены совѣщанія боговъ, въ духѣ Гомера, долженъ былъ слѣдовать разсказъ о походѣ десяти соединившихся атлантскихъ царствъ на Западъ, съ цѣлью покорить своей власти Египетъ и Элладу, и о борьбѣ съ атлантами древнѣйшихъ жителей Аттики «(аѳинянъ», по терминологіи Платона). Этотъ разсказъ могъ сохранить драгоцѣннѣйшія свѣдѣнія, дошедшія черезъ египетскую традицію, какъ объ атлантахъ и ихъ военной организаціи, такъ и о древнѣйшихъ эгейцахъ материка... Къ сожалѣнію, этого разсказа мы не имѣемъ и никогда имѣть не будемъ. Остается довольствоваться тѣмъ, что намъ дано. Описаніе Атлантиды, сдѣланное Платономъ, заключаетъ въ себѣ множество подробностей, крайне характерныхъ и пред-

ставляющихъ величайшій интересъ. Необходимо разсмотрѣть ихъ внимательно, чтобы рѣшить, что въ описаніи приходится отнести на долю вымысла, и что можно считать отголоскомъ, хотя бы искаженнымъ, исторической правды.

II. Критика традиціи.

Огромный авторитетъ Платона заставилъ, конечно, давно обратить вниманіе на его сообщеніе объ Атлантидѣ. Мнѣнія комментаторовъ діалога раздѣлились. Но лишь немногіе согласны были видѣть въ разсказѣ философа передачу чужого матеріала: большинство склонялось къ мысли, что все описаніе Атлантиды—миѳъ, измышленный самимъ Платономъ; отвергали не только существованіе египетскаго жреца или египетской книги, давшей матеріалъ для разсказа, но и существованіе поэмы Солона. Короче, разсказъ объ Атлантидѣ признавался сказкой, и таково понынѣ преобладающее мнѣніе въ наукѣ. Намъ, однако, кажется, что оно подлежитъ пересмотру, что есть много основаній смотрѣть на сообщеніе Платона совершенно иначе. Въ противность большинству историковъ, мы считаемъ два діалога Платона, «Тимей» и «Критій», важными *историческими* свидѣтельствами, сохранившими для насъ весьма древнюю традицію, въ основаніи которой лежатъ историческіе факты.

Разсказъ объ Атлантидѣ, правда, не является чѣмъ-либо исключительнымъ въ сочиненіяхъ Платона. У него встрѣчаются и другія описанія фантастическихъ странъ, облеченныя въ форму миѳовъ. Но ни одинъ изъ такихъ разсказовъ не обставленъ, подобно описанію Атлантиды, ссылками на источники, Платонъ, какъ бы предвосхищая будущія сомнѣнія и возраженія, заботится указать на происхожденіе своихъ свѣдѣній съ наибольшей точностью, какую только знали античные историки. Притомъ дважды, въ двухъ равныхъ діалогахъ, Платонъ повторяетъ одни и тѣ же указанія: преданіе объ Атлантидѣ пересказываетъ Критій-младшій; этому Критію сообщилъ преданіе его дѣдъ, Критій-старшій; а тотъ, въ свою очередь, узналъ его отъ Солона; наконецъ, Солонъ слышалъ преданіе отъ египетскаго жреца. Этого мало: устный разсказъ подтверждается письменными свидѣтельствами. Египетскій жрецъ черпалъ изъ «священныхъ книгъ, хранящихся при храмахъ», т.-е. изъ храмовыхъ архивовъ. Солонъ, услышавъ разсказъ, тотчасъ его записывалъ, Критій читалъ и перечитывалъ эти записи Солона. Такимъ образомъ, рѣчь идетъ не о разсказѣ по памяти, въ которомъ многое можетъ быть спутано, а о преданіи литературномъ, восходящемъ къ записямъ едва ли не современниковъ.

Далѣе, другіе миѳы Платона всѣ—гораздо фантастичнѣе. Это и естественно: создавая поэтическую сказку для иллюстраціи своей философской мысли, Платонъ не имѣлъ причины обуздывать воображеніе. Онъ придумываетъ, напр., извѣстную аллегорію о людяхъ, сидящихъ всю жизнь скованными въ пещерѣ—очень красивую, истинно-символическую, но безусловно невѣроятную, немыслимую въ реальной жизни. Совершенно иного

характера разсказъ объ Атлантидѣ. Въ немъ нѣтъ ни одной чисто-сказочной черты, ничего, чего не могло бы быть въ дѣйствительности. Мало того: даже разсказы путешественниковъ того времени зачастую гораздо менѣе правдоподобны. Среди грековъ ходили самые невѣроятные вымыслы объ отдаленныхъ странахъ, и этимъ фантастическимъ свѣдѣніямъ нерѣдко давали мѣсто въ своихъ книгахъ историки, географы и натуралисты. Достаточно вспомнить, что писали, вскорѣ послѣ Платона, историки Александра Великаго объ Индіи и другихъ земляхъ Центральной Азіи! Между тѣмъ въ разсказѣ объ Атлантидѣ—трезвое описаніе явленій, среди которыхъ нѣтъ ни одного, которое было бы само по себѣ невозможно.

Наконецъ, какъ уже было отмѣчено, предположеніе, что весь разсказъ вымышленъ Платономъ, опровергается его началомъ, гдѣ явно идетъ рѣчь объ эгейцахъ. Было бы невѣроятно, если бы Платонъ, давъ волю своей фантазіи, нечаянно совпалъ бы съ исторической истиной. Платонъ, какъ и всѣ греки, ничего не зналъ объ эгейскихъ царствахъ, которыя на почвѣ Греціи предшествовали эллинскимъ. Поэтому у Платона не могло быть никакихъ основаній къ тому, чтобы вымышлять сильное государство въ Аттикѣ за много вѣковъ до начала греческой исторіи. Напротивъ, египтянамъ, которые находились въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ съ эгейцами, были хорошо знакомы ихъ государства. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что свѣдѣнія Платона происходятъ дѣйствительно изъ египетскихъ источниковъ. Остается добавить, что самая манера рѣчи Платона указываетъ на пересказъ чужихъ словъ. Платонъ нѣсколько разъ повторяетъ: «Какъ говорятъ», «то, что мнѣ сообщали», самъ критикуетъ передаваемыя свѣдѣнія, говоря, напр., что имъ трудно вѣрится и т. под. Въ другихъ діалогахъ Платона этого нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ такой опредѣленной формѣ.

Но всего убѣдительнѣе доводы внутренніе, почерпаемые изъ самаго описанія и изъ полнаго соотвѣтствія его всѣмъ другимъ отрывочнымъ, свѣдѣніямъ и догадкамъ, какія у насъ есть относительно Атлантиды *. Достаточно принять, какъ гипотезу, какъ предпосылку, что традиція права, что существовалъ въ глубокой древности, предшествовавшей Египту и Эгеѣ, великій культурный міръ, оплодотворившій всѣ древнѣйшія цивилизаціи Запада и Востока, чтобы всѣ подробности въ разсказѣ Платона получили свой смыслъ и свое объясненіе. Многое изъ того, что самому Платону кажется сомнительнымъ, что онъ передаетъ съ оговорками, дѣлается понятнымъ и естественнымъ при такомъ предположеніи. Данныя, сообщаемыя Платономъ (или, вѣрнѣе, египетскими храмовыми архивами) удивительнымъ образомъ согласуются съ тѣмъ, что мы должны были бы a priori ожидать отъ тѣхъ, кого назвали «учители учителей». Историческіе несомнѣнные факты подтверждаютъ разсказъ Платона, а этотъ разсказъ

* Объ этихъ другихъ данныхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

объясняетъ историческіе факты и даетъ ключъ къ цѣлому ряду историческихъ загадокъ. Если допустить, что описаніе Платона —вымыселъ, надо будетъ признать за Платономъ сверхчеловѣческій геній, который сумѣлъ предугадать развитіе науки на тысячелѣтія впередъ, предусмотрѣть, что когда-то ученые историки откроютъ міръ Эгеиии и установятъ его сношенія съ Египтомъ, что Колумбъ откроетъ Америку, а археологи возстановятъ цивилизацію древнихъ майевъ, и т. под. Надо ли говорить, что, при всемъ нашемъ уваженіи къ геніальности великаго греческаго философа, такая прозорливость въ немъ намъ кажется невозможной и что мы считаемъ болѣе простымъ и болѣе правдоподобнымъ другое объясненіе: въ распоряженіи Платона были матеріалы (египетскіе), шедшіе отъ глубокой древности.

Начнемъ нашъ анализъ съ географическаго положенія, даваемаго Платономъ Атлантидѣ. По его словамъ, островъ лежалъ за Гибралтарскимъ проливомъ, слѣдовательно, между Европой и Америкой. Объ Америкѣ Платонъ не могъ ничего знать. Между тѣмъ онъ опредѣленно говоритъ, что съ острова Атлантиды можно было переправиться къ Западу, на материкъ, т.-е. именно въ Америку. Если бы Платону было нужно измыслить островъ Атлантиду исключительно для изображенія фантастической страны съ идеальнымъ государственнымъ устройствомъ, не было бы никакой надобности придумывать, кромѣ самого острова, еще какой-то западный материкъ. Явно, что описаніе составлено не одной игрой воображенія, но на основаніи опредѣленныхъ данныхъ. Позднѣе мы увидимъ, что данныя геологіи подтверждаютъ предположеніе, что въ недавнія, сравнительно, времена въ Атлантическомъ океанѣ, между Европой и Америкой, находился обширный кусокъ суши, позднѣе опустившійся подъ воду. Теперь же отмѣтимъ только то обстоятельство, что географическое положеніе Атлантиды прекрасно объясняетъ аналогіи, отмѣченныя въ культурахъ Стараго и Новаго Свѣта. Расположенные въ одинаковомъ разстояніи отъ Европы и отъ Америки, жители Атлантиды могли равнымъ образомъ оказывать вліяніе на ту и на другую. Берега Пиренейскаго полуострова, гдѣ находилась пра-родина эгейцевъ, и берега Мексики, гдѣ жили древнѣйшія майскія племена, были одинаково доступны атлантамъ.

Вліяніе Атлантиды на оба материка предполагаетъ существованіе у атлантовъ хорошаго флота. Въ описаніи Платона опредѣленно сказано, что въ гавани столицы атлантовъ находились «корабли со всѣхъ концовъ земли» и что военный флотъ Атлантиды состоялъ изъ 1200 судовъ. Косвенно это сообщеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что испанцы еще застали у ацтековъ большой флотъ изъ хорошо оснащенныхъ судовъ. Культура же ацтековъ была только тѣнью культуры майевъ, которая въ свою очередь должна была быть ничтожна въ сравненіи съ культурой атлантовъ, «учителей» майевъ. Кромѣ того, самое положеніе Атлантиды, острова, находящагося между двумя большими материками, должно было естественно вызвать у мѣстныхъ жите-

лей развитіе мореплаванія. Было бы странно и противорѣчило бы всѣмъ историческимъ примѣрамъ, если бы островные жители не были хорошими моряками. (Напомнимъ, что Атлантида была именно островъ, хотя и большой) *.

Описаніе флоры и фауны Атлантиды, сдѣланное Платономъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что можно ожидать отъ субъ-тропической страны, лежавшей, повидимому, къ сѣверу отъ экватора, и своей сѣверной оконечностью доходившей до широты Лабрадора. Въ растеніяхъ, описанныхъ Платономъ, можно найти много, понынѣ произрастающихъ въ Сѣверной Америкѣ **. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возбудить только упоминаніе о лошадяхъ и слонахъ, которыхъ, какъ извѣстно, въ Америкѣ, до привоза ихъ изъ Стараго Свѣта, не было. Однако, это упоминаніе скорѣе оказывается подтверждающимъ истинность описанія, нежели колеблющимъ его. Дѣйствительно, къ эпохѣ прибытія въ Америку испанцевъ, лошадей въ ней не было. Но археологія теперь доказала, что въ предшествующія эпохи лошадь въ Америкѣ водилась, и что разные виды ея вымерли на американской почвѣ, сравнительно, въ недавніе періоды. Кромѣ того Атлантида все же—не Америка, и ея фауна могла отличаться отъ американской. Не было въ историческія эпохи въ Америкѣ и слоновъ, но въ предшествовавшіе геологическіе періоды они тоже водились въ Новомъ Свѣтѣ. Кромѣ того, Платонъ опредѣленно указываетъ, что у атлантовъ были колоніи въ Африкѣ, классической странѣ слоновъ. Далѣе мы увидимъ, что новѣйшія археологическія открытія подтверждаютъ предположеніе объ атлантскихъ колоніяхъ на западномъ берегу Африки, въ области современной Гвинеи. Слоны же легко переносятъ перевозку: такъ, напр., ихъ много, слоновъ, было въ войскѣ Ганнибала, во время его похода въ Италію; позднѣе римляне постоянно ввозили слоновъ въ Италію и т. под.

Изъ металловъ, перечисляемыхъ Платономъ, останавливаетъ вниманіе таинственный орихалкъ. Было сдѣлано много предположеній объ томъ, что должно разумѣть подъ этимъ названіемъ. Кажется, вопросъ разрѣшается весьма правдоподобно, если допустить, какъ мы уже говорили, что орихалкъ это—алюминій. Античной древности алюминій былъ неизвѣстенъ (и вообще изученъ и полученъ «въ свободномъ состояніи» только въ XIX вѣкѣ), поэтому египтяне и могли говорить объ немъ, какъ о металлѣ, извѣстномъ лишь по названію. Правда, нынѣ для полученія алюминія пользуются силою электрическаго тока. Но мы не знаемъ ни того, не располагали ли атланты простѣйшими

* Мы уже говорили, что эллины считали Африку и Азію гораздо меньше ихъ дѣйствительныхъ размѣровъ. Африку (Либію) греческіе географы рисовали по размѣрамъ меньше половины Европы, а подъ Азіей разумѣли только Переднюю Азію. Поэтому выраженіе Платона: «островъ, больший, чѣмъ Азія и Либія, взятыя вмѣстѣ», означаетъ континентъ, приблизительно равный Западной Европѣ, безъ Россіи, Скандинавіи и Британскихъ острововъ.

** См. упоминаемую въ слѣдующей главѣ работу д-ра Унгера, ботаника, о флорѣ Атлантиды.

электрическими машинами (есть предположеніе, что ихъ знали въ древнемъ Египтѣ), ни того, нѣтъ ли иныхъ способовъ добыть алюминій. Въ видѣ же соединеній алюминій распространенъ повсюду и входитъ въ составъ очень многихъ горныхъ породъ. Алюминій по твердости близокъ къ цинку, по блеску не уступаетъ серебру, но гораздо легче его, и весьма легко поддается обработкѣ. Алюминію можно придать любую форму, онъ ярко блеститъ, не измѣняется отъ влажности, издаетъ при ударѣ ясный звукъ и т. д. Однимъ словомъ, алюминій вполнѣ подходитъ къ тому, чтобы считаться въ числѣ «благородныхъ» металловъ и соперничать съ золотомъ и серебромъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что географическая часть описанія Платона не заключаетъ въ себѣ внутреннихъ противорѣчій и отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія мы можемъ предъявлять теоретической Атлантидѣ. Совершенно то же придется сказать объ описаніи столицы атлантовъ и политическаго устройства ихъ страны. По разсказу Платона, столица Атлантиды, которой традиція даетъ названіе Города Водъ (по изобилію въ ней каналовъ) или Города Золотыхъ Воротъ (по внѣшней стѣнѣ, облицованной золотомъ),—и окружавшія ее сооруженія достигали размѣровъ исключительныхъ. Это не должно насъ останавливать. Не вездѣ ли, не во всѣхъ ли древнѣйшихъ культурахъ, въ которыхъ мы отмѣчали таинственное вліяніе «учителей учителей» на зарѣ исторіи встрѣчаются именно грандіозныя, превосходящія всякое ожиданіе сооруженія? Въ Египтѣ таковы великія Гизехскія пирамиды; въ Эгейѣ, на Критѣ, города-лабиринты, на материкѣ Греціи,—купольныя гробницы; въ Вавилоніи храмъ Бэла и замѣчательная система орошенія, превратившая Месопотамію, нынѣ пустыню, въ цвѣтущій садъ; у этрусковъ,—cloaca maxima (большая клоака) въ Римѣ, построенная въ эпоху, когда Римъ былъ подъ властью этрусковъ, сооруженіе, по утвержденію Моммсена, требовавшее еще больше труда, нежели великія пирамиды; въ Мексикѣ,—гигантскіе храмы съ горельефными ликами, и т. д. Безспорно, сооруженія Города Водъ—еще величественнѣе. Но не сказано ли, что «ученикъ не больше своего учителя!» Народъ, подъ вліяніемъ котораго въ отдаленномъ Египтѣ вырастали пирамиды Хеопса и Хефрена, могъ у себя «дома» создать еще большія чудеса зодчества и техники *.

Удивительнѣйшее сооруженіе атлантовъ—ихъ система каналовъ. Послѣ прорытія каналовъ Суэцкаго и Панамскаго, каналы Атлантиды не представляютъ собою ничего сверхъестественнаго. Это сооруженіе даже менѣе поразительно, чѣмъ, напр., желѣзная дорога, прокладываемая нынѣ на вершину Юнгфрау

* Поразительными сооруженіями являются и памятники мегалитическіе (дольмены, менгиры, кромлехи), относящіеся къ неолитической эпохѣ. Значеніе ихъ не вполнѣ установлено въ наукѣ, но обычно ихъ считаютъ надгробными (усыпальницами). Извѣстны дольмены, для воздвиженія которыхъ употреблялись камни въ 2.500 пудовъ вѣсомъ, доставленные за 30 верстъ. (А. Максимовъ).

въ толщѣ самой горы, или проэктованный тоннель подъ Ламаншемъ! Чтобы прорыть каналы Атлантиды, нужно было достаточное число рабочихъ рукъ (вѣроятно, рабовъ) и достаточное количество времени: тѣмъ и другимъ атланты могли обладать въ любомъ количествѣ. Можетъ быть, каналы проводились цѣлыми вѣками, изъ поколѣнія въ поколѣніе; потомъ дополнялись, расширялись, поддерживались, потому что отъ нихъ зависѣло плодородіе страны. По описанію Платона, каналы превращали главное царство Атлантиды въ нѣкоторую гигантскую Голландію, а столицу —въ гигантскую Венецію. Вся страна была обведена кругомъ широкимъ каналомъ и потомъ перерѣзана перекрещивающимися каналами, какъ шахматная дока, на 60.000 участковъ. Столица была окружена тремя круговыми каналами, очень широкими и глубокими, вполнѣ судоходными, а каждый такой каналъ обнесенъ стѣной, облицованной металломъ. Все это нисколько не сверхъестественно, но должно было быть очень красиво. Издали, съ моря, Городъ Золотыхъ Воротъ сверкалъ своими окруженіями. Наибольшій кругъ стѣны, обитый мѣдью, «горѣлъ какъ жаръ»; внутри блистала вторая стѣна бѣлымъ блескомъ листового олова; въ самой серединѣ, «какъ огонь», сіяла стѣна изъ орихалка, и, наконецъ, въ центрѣ, съ высокаго кремля, пылалъ храмъ Посейдона, выложенный серебромъ съ куполомъ изъ золота. Вѣроятно, то было единственное зрѣлище на фонѣ высокихъ горъ внутри страны и яркой зелени священныхъ рощъ, которыя украшали круговыя острова столицы.

Описаніе самой столицы также не выходитъ изъ рамокъ возможнаго. Это—тотъ же Кносскій лабиринтъ, только увеличенный во много разъ. Если допустить, что Городъ Золотыхъ Воротъ стоялъ нѣсколько тысячелѣтій (а все побуждаетъ думать такъ, когда и критскіе лабиринты насчитывали по 10—15 вѣковъ), размѣры, богатства и пышность столицы атлантовъ уже не кажутся чрезмѣрными. Городъ обстраивался исподволь, столѣтіе за столѣтіемъ, и какъ бы незамѣтно достигъ своей исключительной величины. Конечно, этотъ городъ былъ больше всѣхъ извѣстныхъ намъ столицъ древности: больше Вавилона, Ниневіи, Мемфиса, Ѳивъ, самого Рима; можетъ быть, превосходилъ и современные города,—Парижъ, Лондонъ, Нью-Іоркъ, Эти соображенія не могутъ служить доводами противъ существованія Города Водъ. Вспомнимъ, какъ въ XVIII вѣкѣ Гиббонъ принужденъ былъ доказывать своимъ современникамъ, что въ древнемъ Римѣ могло насчитываться милліонъ жителей: такая цифра казалась невѣроятной европейцамъ XVIII вѣка! Можетъ быть, сооруженія XXI вѣка превзойдутъ постройку атлантовъ, и нашимъ потомкамъ столица Атлантиды перестанетъ казаться чудомъ.

Впрочемъ, что же изображаетъ въ ней особенно чудеснаго Платонъ? Великолѣпныя купальни? внутренніе порты для кораблей? ипподромъ съ «боговой дорожкой» во много верстъ? огромные дворцы? Все это немногимъ превосходитъ «висячіе сады»

Семирамиды, Луксорскій храмъ, Колисей, Пантеонъ Агриппы и другія, частью уцѣлѣвшія до нашего времени, частью исторически засвидѣтельствованныя зданія. Наиболѣе поразительнымъ сооруженіемъ въ Городѣ Водъ былъ храмъ Посейдона. Онъ имѣлъ въ длину стадію, т.-е. около 600 футовъ или 85 саженъ: размѣры меньшіе, чѣмъ Кносскаго лабиринта, и во всякомъ случаѣ вполнѣ пріемлемые. Храмъ былъ выложенъ золотомъ и серебромъ, а его сводъ (куполъ)—слоновой костью съ золотомъ и орихалкомъ. Но конквистадоры нашли въ Мексикѣ, въ царствѣ Монтецумы, такое количество золота, которое дѣлало вполнѣ возможнымъ подобныя украшенія: ацтеки мѣрили золото огромными ковшами и сдавали его испанцамъ грудами. Громадна была статуя Посейдона, описанная Платономъ, но и она приближается по размѣрамъ къ статуѣ Зевса Олимпійскаго, изваянной Фидіемъ. Цѣлый лѣсъ другихъ статуй, наполнявшихъ храмъ и окружавшихъ его, по разсказу Платона, воздвигался столѣтіями: поколѣніе за поколѣніемъ прибавляло сюда новыя фигуры... Характерно, наконецъ, замѣчаніе Платона, что во внѣшнемъ видѣ храма было «нѣчто варварское»: греческій философъ явно описываетъ не свои идеалы, а нѣчто такое, на что самъ смотритъ со стороны, что онъ критикуетъ, какъ данное извнѣ.

Остается исчисленіе народонаселенія Атлантиды. Еще лѣтъ сто тому назадъ во времена Наполеона, цифры, сообщаемыя Платономъ, могли представляться чрезмѣрными. Современная война далеко опередила ихъ. Въ наши дни арміи въ милліонъ двѣсти тысячъ человѣкъ уже не кажутся слишкомъ большими. Да и въ древности, Ксеркъсъ велъ на Элладу большее войско. Чтобы выставить армію въ 1.200.000 воиновъ, странѣ достаточно обладать населеніемъ милліоновъ въ 20—25,—т.-е. быть, по современнымъ понятіемъ, вовсе не особенно населеннымъ государствомъ. Что же касается до военной организаціи Атлантиды и до ея «конституціи», изложенной въ діалогѣ, то для нашихъ цѣлей—не существенно, справедливы или нѣтъ были свѣдѣнія Платона. Можетъ быть, они, дѣйствительно, восходили къ тексту на колоннѣ въ Посейдоновомъ храмѣ; можетъ быть, были измышлены греческимъ философомъ или египтянами,—во всякомъ случаѣ, сами по себѣ эти основные законы никакъ не могутъ свидѣтельствовать, противъ бытія атлантскаго царства. И, вообще, во всемъ описаніи нѣтъ ни одной черты, которая обличила бы преднамѣренный вымыселъ: одно—болѣе вѣроправдоподобно, другое—менѣе, но все могло быть и все согласно съ нашими апріорными представленіями объ Атлантидѣ...

Мы вправѣ представлять себѣ жизнь въ древней Атлантидѣ, послѣднихъ періодовъ ея существованія, какъ утонченную жизнь высоко-культурнаго государства, перешедшаго черезъ рубежъ своего высшаго развитія и уже клонящагося къ упадку. Вѣка за вѣками цари Атлантиды упрочивали порядокъ въ своей странѣ и украшали свою столицу. Каждый царь воздвигалъ въ храмѣ Посейдона статуи своему предшественнику и бывшей царицѣ; граждане, по обѣту, также ставили рядомъ статуи великимъ

людямъ своего народа и жертвовали во храмъ разныя драгоцѣнности. Поколѣніе за поколѣніемъ художниковъ трудилось надъ возвеличеніемъ города: строились дворцы, башни, общественныя и частныя зданія; стѣны домовъ украшались фресками, въ залахъ блистали скульптурныя группы, тысячи золотыхъ, серебряныхъ и алюминіевыхъ бездѣлушекъ было разсѣяно всюду; издѣлія изъ слоновои кости, изъ морского жемчуга, изъ самоцвѣтныхъ камней довершали блескъ убранства въ домахъ и пышность одѣяній. Міровая торговля влекла въ Атлантиду сокровища со всѣхъ концовъ земли. Изъ Африки, гдѣ у атлантовъ были свои колоніи, везли слоновъ и чудесные мѣстные плоды; изъ подвластныхъ странъ Западной Европы—серебро, которымъ была такъ богата древняя Испанія, египетскія издѣлія, драгоцѣнныя эгейскія вазы; изъ Центральной Америки—золото и продукты благословеннаго климата Мексики, можетъ быть, маисъ; сама Атлантида, со своихъ безконечныхъ пастбищъ, съ безсчетныхъ нивъ, оплодотворяемыхъ правильнымъ орошеніемъ, изъ горныхъ нѣдръ, богатыхъ всевозможными минералами,—поставляла все, потребное для жизни, и все, желанное для роскоши. Страна, почти не знающая войнъ, богатѣла, ея селенія множились, ея населеніе возрастало...

Далеко съ моря сверкалъ передъ приближающимися моряками дивный Городъ Золотыхъ Воротъ, опоясанный своими блестящими стѣнами, на которыхъ горѣла мѣдь, блистало листовое олово и, «какъ огонь», вспыхивалъ орихалкъ. Какъ чудовищный костеръ, или какъ гигантскій маякъ возвышался въ центрѣ огромный куполъ храма Посейдона, поставленнаго на высокомъ холмѣ—Храмъ Прозрачнаго Свѣта, какъ его называетъ преданіе. Жители всемірной столицы наслаждались всѣми благами земли, передъ которыми даже жизнь въ критскихъ лабиринтахъ показалась бы, вѣроятно, бѣдной и скудной. Въ гимназіяхъ обнаженные юноши упражнялись въ бѣгѣ и борьбѣ; на ипподромахъ, по кругу цѣлаго острова, летѣли бѣговыя колесницы; въ мраморныхъ водоемахъ купальщики услаждали себя хрустально-чистыми струями цѣлебнаго источника; воины маршировали передъ прочными и помѣстительными казармами... Въ то же время неустанно продолжалась жизнь духовная: скульпторы ваяли свои статуи, живописцы писали свои картины, поэты слагали свои пѣсни, въ тиши библіотекъ мудрецы склоняли головы надъ фоліантами, содержавшими всѣ науки міра... А паруса всѣхъ народовъ стремились по грандіозному каналу къ центру вселенной, къ средоточію знаній, художествъ и богатствъ, къ чудесному Городу Водъ. Онъ казался поставленнымъ навсегда. Мощь его чувствовали и въ отдаленномъ Египтѣ, и въ критскихъ дворцахъ миносовъ, и на другомъ концѣ земли въ чертогахъ майскихъ владыкъ; можетъ быть, внимали повелѣніямъ царей Атлантиды и «маги» Вавилона, и повелители яфетидскихъ царствъ, и даже «сыны солнца», богдыханы Срединной имперіи... Атлантида, силой своего умственнаго превосходства, своимъ величіемъ, своей древностью, своимъ непререкаемымъ авторитетомъ, царила

надъ всѣми народами и царствами земли, какъ надъ своими вассалами и учениками.

Преданіе, дважды сообщаемое Платономъ и повторяемое нѣкоторыми другими источниками * говоритъ, что Атлантида погибла подъ вліяніемъ какого-то гигантскаго катаклизма, въ одинъ день уничтожившаго цѣлый материкъ со всѣми его городами, съ милліонами жителей... Что это свершилось именно «въ одинъ день и одну ночь» (какъ утверждаетъ Платонъ), разумѣется, сомнительно. Но что подобный катаклизмъ могъ произойти, въ сравнительно недавнюю эпоху, это подтверждаютъ данныя геологіи. Измѣренія дна Атлантическаго океана доказали, что какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ традиція помѣщаетъ островъ Атлантиды, находится подводное плоскогоріе, остатокъ обширнаго континента, опустившагося подъ воздѣйствіемъ вулканическихъ силъ. Какъ извѣстно, подобныя возвышенія и опусканія почвы продолжаются и до нашихъ дней, а въ прошлыя тысячелѣтія совершались гораздо чаще и въ гораздо большихъ размѣрахъ. Платонъ добавляетъ, что на мѣстѣ погибшей Атлантиды образовалось огромное скопленіе ила, сдѣлавшее мореплаваніе по океану невозможнымъ. Въ связь съ этимъ сообщеніемъ можно поставить тѣ «моря Саргассо»,—скопленія водорослей,—которыя понынѣ встрѣчаются въ Атлантическомъ океанѣ моряками и которыя, дѣйствительно, еще недавно затрудняли движеніе судовъ. И если, дѣйствительно, «гибель Атлантиды» была не медленно-совершавшимся процессомъ, а стремительной катастрофой, что-либо подобное «скопленію ила» Платона непремѣнно должно было образоваться на мѣстѣ исчезнувшаго материка. Эта деталь также можетъ быть отголоскомъ историческаго факта.

Такимъ образомъ, научная критика не только не подрываетъ довѣрія къ діалогамъ Платона, а, напротивъ, подкрѣпляетъ значеніе ихъ, какъ историческаго свидѣтельства. Сообщенія греческаго мыслителя оказываются въ согласіи съ такими данными науки, какія онъ, въ свое время, предвидѣть не могъ. Геологія, какъ наука, въ дни Платона еще не рождалась; между тѣмъ геологія вполнѣ подтверждаетъ, что на мѣстѣ, указанномъ въ діалогахъ, могъ и даже долженъ былъ прежде находиться большой островъ. Современная географія оправдываетъ показаніе Платона, что за Атлантидой, т.-е. далѣе на Западъ, лежала «твердая земля»,—Америка, существованіе которой не подозрѣвали греки. Наше болѣе широкое, чѣмъ въ древности, знакомство съ земными минералами дѣлаетъ естественнымъ извѣстіе, что въ распоряженіи атлантовъ былъ какой-то орихалкъ, обладающій свойствами «благородныхъ» металловъ,—извѣстіе, которое самъ Платонъ передаетъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Успѣхи техники новаго времени доказываютъ, что не было ничего сверхъестественнаго въ сооруженіяхъ Города Золотыхъ Воротъ и его окрестностей, въ то время какъ Платонъ едва рѣшается повторить разсказъ объ этихъ сооруженіяхъ, опасаясь, что ему не

* Арабскими; см. слѣдующую главу.

повѣрятъ. Данныя ботаники и зоологіи, палеонтологіи, минералогіи, даже лингвистики еще разъ свидѣтельствуютъ о правильности сообщаемаго философомъ. Наконецъ, самымъ сильнымъ доводомъ въ пользу истинности его разсказа остается свидѣтельство о сильныхъ государствахъ, стоявшихъ въ Греціи до прихода въ нее эллиновъ, т.е. прямое указаніе на эгейскій міръ, совершенно забытый классической Элладой. Тѣ, кто считаютъ Атлантиду басней, выдуманной Платономъ, какъ иллюстрація-аллегорія къ его ученію (кстати спросить: какому?), по меньшей мѣрѣ должны объяснить изумительной фактъ, что, давая просторъ фантазіи, сочиняя сказку, философъ нигдѣ не только не впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, но и не сказалъ ничего такого, что противорѣчило бы позднѣйшимъ выводамъ науки!

Единственно, что остается сомнительнымъ въ сообщеніяхъ Платона, это—его хронологія. Повторимъ, что такова участь всѣхъ хронологическихъ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ египетскихъ источниковъ. Къ сожалѣнію, въ этомъ пунктѣ современная наука пока не въ силахъ придти на помощь преданію, пополнить и исправить традицію своими данными. Между тѣмъ это—одинъ изъ кардинальнѣйшихъ вопросовъ всей «проблемы Атлантиды», и отъ его рѣшенія, въ значительной мѣрѣ, зависитъ успѣхъ дальнѣйшихъ разысканій. Если бы у науки была твердая хронологическая база, если бы намъ была извѣстна хотя бы только та эпоха, къ которой должно пріурочивать «гибель Атлантиды»,—мы уже могли бы придать имѣющимся у насъ фактамъ систематичность, и многое, о чемъ теперь говоримъ лишь гадательно, обосновать съ полною точностью. Напротивъ, однимъ изъ наибольшихъ затрудненій для того, чтобы принять вліяніе Атлантиды, какъ историческій фактъ, остается невыясненность того времени, когда они могли имѣть мѣсто. Эгейя, Египетъ, культура майевъ, этрусковъ, яфетидовъ, все это—явленія историческихъ эпохъ; Атлантида отодвинута въ доисторическое прошлое. Между ранней древностью и древностью атлантовъ зіяетъ пропасть въ нѣсколько тысячелѣтій, которую необходимо заполнить, чтобы установить связь между двумя мірами.

Если принять теорію Лихтенберга о пра-родинѣ эгейцевъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, необходимо допустить, что тамъ, на крайиемъ Западѣ Европы, арійскія племена и испытали на себѣ воздѣйствіе атлантской культуры. Но на Западъ арійцы были оттѣснены оледенѣніемъ европейскаго материка: слѣдовательно, ледниковая эпоха, притомъ, вѣроятно, ея послѣдній періодъ, есть та эпоха, въ которую Атлантида была еще жизнеспособна и дѣятельна. Это даетъ намъ такъ называемый terminus post quem, предѣлъ, *послѣ* котораго мы должны помѣщать фактъ гибели Атлантиды. Съ другой стороны, эгейцы пришли на побережья Эгейскаго моря, приблизительно, въ 4-мъ тысячелѣтіи до Р. Х.; начало египетскаго календаря падаетъ на конецъ 5-го тысячелѣтія (4.241 г. до Р. Х.), а въ началѣ 3-го тысячелѣтія великія пирамиды уже стояли на берегу Нила; майи вели свое лѣтосчисленіе съ начала 3-го тысячелѣтія (3.750 г. до построенія

храма, воздвигнутаго не позже IX в. по Р. Х.). Все это, какъ и другія сходныя сопоставленія, даетъ намъ terminus ante quem, предѣлъ, *раньше* котораго должна была совершиться катастрофа. Итакъ, гибель Атлантиды приходится помѣщать между концомъ ледниковаго періода въ Европѣ и 5-мъ тысячелѣтіемъ до Р. Х. Опираясь на цифры, сообщаемыя Платономъ, нѣкоторые авторы (изъ школы теософовъ) пріурочиваютъ, поэтому, гибель Атлантиды къ X тысячелѣтію до Р. Х., даже точнѣе—къ 9.654 г. до Р. Х. Но обоснованность такой даты крайне сомнительна, и правильнѣе—удовольствоваться неопредѣленнымъ выраженіемъ: «раньеш L-го вѣка до нашей эры».

Спеціалисты-геологи сильно расходятся въ опредѣленіи продолжительности ледниковаго періода или, вѣрнѣе, ледниковыхъ періодовъ въ Европѣ. Въ то время, какъ Рюто, напр., кладетъ на 4 ледниковыхъ періода 140.000 лѣтъ, Пильгримъ увеличиваетъ цифру почти вдесятеро (1.290.000 лѣтъ). Существованіе человѣка на землѣ засвидѣтельствовано даже въ періоды до-ледниковые (можетъ быть, вплоть до эоценовой эпохи). Наконецъ, для древнѣйшихъ памятниковъ человѣческой руки антропологи считаютъ возрастъ въ 50.000 лѣтъ—исчисленіемъ очень скромнымъ. Все это позволяетъ, не утверждая ничего, допускать глубочайшую древность атлантской культуры. Чтобы заполнить ту «пропасть между двумя мірами», о которой мы говорили, мы, можетъ быть, и должны приблизить катастрофу, погубившую атлантовъ, къ историческимъ эпохамъ, перенести ее съ X-го тысячелѣтія на IX—VI тысячелѣтіе до Р. Х.; но это не препятствуетъ самое развитіе и процвѣтаніе Атлантиды продолжить на десятки столѣтій въ прошлое отъ этой грани. Если культура Египта, чтобы совершить весь кругъ своей эволюціи, потребовала 40 вѣковъ, культура Эгейи заняла 25 вѣковъ, и даже отцвѣтшая быстро античная культура длилась не меньше 17—18 вѣковъ, то мы вправѣ приписывать атлантской культурѣ еще болѣе широкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, медленное развитіе. Числа, вродѣ 5 или даже 10 тысячелѣтій, не могутъ остановить на такомъ примѣрѣ. Быть можетъ, исторіи человѣчества предстоитъ раздвинуть свои предѣлы не на десятки вѣковъ, съ чѣмъ уже мирятся историки, а на десятки тысячелѣтій. Можетъ быть, во времена не только мамонтовъ, но и мастодонтовъ, на нашей планетѣ уже ярко блисталъ факелъ духовной жизни, человѣческая мысль уже пытливо вникала въ загадки вселенной, люди уже чтили завѣты истины, добра, красоты, и слабыя руки уже воздвигали памятники, безсмертные вложенной въ нихъ силой творчества *.

---

* Книги теософовъ даютъ даты совершенно точныя. За 800.000 лѣтъ до Р. Х., по свѣдѣніямъ теософовъ, закончилось процвѣтаніе культуры лемуровъ (еще первобытной), на материкѣ Лемуріи, находившемся на мѣстѣ современной Австраліи, и возникла культура атлантовъ, на материкѣ, который тогда объединялъ Атлантиду и Америку. Двѣ этихъ земли затѣмъ раздѣлились, и для атлантовъ наступилъ первый (древнѣйшій) періодъ ихъ развитія, на отдѣльномъ огромномъ островѣ Атлантидѣ, длившіися 60 столѣтій. Около 200.000 г. до Р. Х. произошла первая катастрофа, расколовшая Атлантиду на двѣ части

III. Поиски Атлантиды.

Хотя наука новаго времени относится къ традиціоннымъ извѣстіямъ объ Атлантидѣ отрицательно, тѣмъ не менѣе литература по этому вопросу — огромна. Ее составляютъ разнообразнѣйшіе комментаріи двухъ діалоговъ Платона, своды другихъ извѣстій, въ которыхъ можно видѣть хотя бы намеки на платонову Атлантиду, отчеты о путешествіяхъ, предпринимавшихся съ цѣлью открыть ея слѣды, и т. под. Всѣ эти сочиненія естественно распадаются на нѣсколько группъ: отдѣльно стоятъ трактаты, появившіеся до открытія Америки, и — послѣ Колумба; особо должно выдѣлить работы, написанныя по строго научнымъ методамъ—отъ произвольныхъ домысловъ и фантазій, какихъ появлялось не мало; наконецъ, еще особое мѣсто занимаютъ книги оккультистовъ и теософовъ, которые, въ концѣ XIX в., одни усердно занимались вопросомъ объ Атлантидѣ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ полнаго обзора этой литературы, такъ что мы можемъ дать только ея бѣглый очеркъ.

Въ основѣ всего, написаннаго объ Атлантидѣ, лежатъ два діалога Платона, подробно анализованные нами: «Тимей» и «Критій». Рядомъ должно поставить античный комментарій къ этимъ діалогамъ, преимущественно нео-платониковъ, какъ Лонгинъ, Нуменій, Оригенъ и особенно Проклъ, оставившій спеціальную книгу о «Тимеѣ». Комментарій этотъ, во многихъ отношеніяхъ крайне важный, не даетъ, однако, новыхъ фактовъ: комментаторы знаютъ объ Атлантидѣ лишь то, что сообщилъ Платонъ. Въ античной древности, о землѣ «по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ» (т. е. за Гибралтарскимъ проливомъ), большей, чѣмъ Азія и Либія (Африка) взятыя вмѣстѣ, иначе— о материкѣ или большомъ островѣ, окруженномъ архипелагомъ меньшихъ, въ Атлантическомъ океанѣ, писали еще: Страбонъ (кн. II, гл. 3), Плиній («Ест. Ист.», кн. II, гл. 92), Эліанъ («Разныя Исторіи», кн. III, гл. 18), Плутархъ, Діодоръ Сицилійскій, Амміанъ Марцеллинъ. Всѣ они выражаются неопредѣленно, такъ что трудно рѣшить, имѣютъ ли они въ виду Атлантиду Платона или до нихъ дошли смутныя извѣстія о материкѣ Америки. На дошедшихъ до насъ античныхъ географическихъ картахъ, ни Атлантида ни Америка нигдѣ не означены: на Западѣ карты кончаются океаномъ.

Открытіе Америки въ XV в., естественно, подало мысль,

Рута (сѣвернѣе) и Даитія (южнѣе); послѣ того, въ теченіе 12 столѣтій, длился второй (средній) періодъ атлантской культуры. Около 80.000 г. до Р. Х. произошла вторая катастрофа, въ которой погибъ островъ Даитія, а островъ Рута уменьшился и измѣнилъ свои очертанія. На этомъ островѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Посейдонія (а также Атлантида), въ теченіе $7\frac{1}{2}$ столѣтій, свершился третій (новѣйшій) періодъ атлантской исторіи, закончившійся въ 9564 г. до Р. Х., третьей катастрофой, когда, въ однодневномъ катаклизмѣ, островъ Посейдонія (Атлантида) погрузился въ глуби океана. На чемъ основана такая хронологія, теософы, въ своихъ сочиненіяхъ, не открываютъ.

что новонайденный материкъ и есть Атлантида Платона. Въ XVI—XVII вв. такое мнѣніе высказывали въ 1553 г. Гомара, въ «Исторіи Индій» (т. е. Америки), Френсисъ Бэконъ и Бирхероде, въ спеціальныхъ книгахъ объ Атлантидѣ (1638 и 1683 г.) и др.* Но въ томъ же XVII в., и потомъ въ XVIII в., выставлялись и иныя предположенія. Атлантиду Платона искали едва ли не на всѣхъ концахъ земли: на Ю.-З. берегу Африки— Кирхмейеръ (1685 г.), на Скандинавскомъ полуостровѣ— Рудбекъ (1675 г.), въ Палестинѣ— Куреній (1754 г.) и Бэръ (1762 г.), на Кавказѣ—Байи (1779 г.) и т. под. ** Всѣ эти сочиненія плоды свободной фантазіи ихъ авторовъ. Въ концѣ XVIII в., Делиль де Саль сдѣлалъ обзоръ всего, написаннаго до него объ Атлантидѣ, посвятивъ ей особую часть своего гигантскаго труда въ 52 томахъ: «Исторія всѣхъ народовъ міра или исторія людей» (1779 г.***. Нѣкоторые писатели, слѣдуям нѣнію, высказанному еще Нуменіемъ и Оригеномъ, видѣли въ разсказѣ Платона лишь аллегорію, при чемъ высказывали предположеніе, что Атлантиду надо искать просто въ Греціи, даже въ самой Аттикѣ: таково было мнѣніе Бартоли (1780 г.), позднѣе (въ 1829 г.) повторенное Латрейлемъ ****.

Въ XVIII в. начались и попытки истолковать сообщеніе Платона на основаніи точныхъ научныхъ данныхъ. Показаніе діалоговъ, что Атлантида лежала «за столбами Геракла», давало поводъ видѣть ея остатки въ островахъ, находящихся на Западъ отъ Африки. Въ этомъ смыслѣ на архипелаги острововъ Азорскихъ и Канадскихъ указывали Кадэ (1785 г.) и Сенъ-Венсепъ (1803 г.). Бранстонъ вершинами горъ затонувшей Атлантиды считалъ острова Вознесенія и Св. Елены. Сходнаго мнѣнія держался, повидимому, и Бюффонъ (1707—1778 г.), судя по возраженію, написанному Флуренсомъ, въ 1860 г., на основаніи рукописей, оставшихся послѣ знаменитаго натуралиста *****.Въ

---

* Gomara, «Historia de las Indias», Saragossa 1553.—F. Bacon, «Nova Atlantis», London 1638.—Bircherode, «Schediasma de orbe novo non novo», Altdorf 1683.—Мы приводимъ точныя заглавія всѣхъ упоминаемыхъ книгъ, какъ въ виду ихъ рѣдкости, такъ, особенно, въ виду отсутствія библіографіи предмета, не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ.

** Kirchmeier, «Exercitatio de Platonis Atlantide», Wittenberg 1685.—Olaus Rudbeck, «Atlantika sive Manheim, vera Japheti posteriorum sedds ac patria», 4 vol., Upsala 1675.—J. Curenius, «Atlantica orientalis», (шведское изд. 1754 г.; латинскій переводъ, Renhorn) Berlin 1764.—F. C. Bar, «Essai historique et critique sur les Atlantides», P. 1762 (переизданіе: Avignon 1835).—Bailly, «Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie», P. 1779.—Послѣднее сочиненіе какъ бы предугадываетъ открытіе яфетидской культуры.

*** Delisle de Sales, «Histoire nouvelle de tous les peuples du monde ou histoire des hommes», 52 vol., P. 1772. (Въ составъ сочиненія входитъ: «Histoire des Atlantes»).

**** Bartoli, «Essai sur l'explication historique donnée par Platon de sa republique et de son Atlantide». P. 1780.—Latreille, «Mémoire surdiversa sujets de l'histoire naturelle des insectes, de geographie ancienne et de chronologie», P. 1829.

***** Cadet, «Mémoire sur les jaspes et autres pierres précieuses de l'île de Corse», Bastia 1875.—Bori de Saint-Vincent, «Essai sur les îles fontanees et

началѣ XIX в., нѣсколько разъ говорилъ объ Атлантидѣ, въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, Александръ Гумбольдтъ (1769—1839 г.). Онъ считалъ, что миѳъ о гибели Атлантиды основанъ на историческомъ фактѣ: нѣкоего древнѣйшаго катаклизма, преувеличеннаго фантазіей. Соображенія А. Гумбольдта вызвали работу Крюгера (1855 г.) на тему, не была ли Америка открыта финикійцами. Рядъ писателей, историковъ, филологовъ и натуралистовъ продолжалъ поддерживать мнѣніе, что Атлантида— просто сказка, измышленная Платономъ, или, что вѣроятнѣе, Солономъ, желавшимъ одушевить аѳинянъ разсказомъ о подвигахъ ихъ предковъ. Изъ работъ такого рода наиболѣе заслуживаетъ вниманія книга Летрона (1831 г.)*

Въ серединѣ XIX вѣка появилась одна изъ обстоятельнѣйшихъ работъ объ Атлантидѣ, написанная русскимъ, но понѣмецки: А. С. Норовымъ: въ ней сдѣланъ кропотливый сводъ всѣхъ свидѣтельствъ объ Атлантидѣ изъ античныхъ и арабскихъ авторовъ.** Пути по какимъ извѣстія объ Атлантидѣ проникли къ арабскимъ писателямъ, не вполнѣ ясны. Оригинальную попытку сдѣлалъ Унгеръ (1860 г.), подойдя къ вопросу съ точки зрѣнія ботаника: въ его книгѣ, на основаніи современной и вымершей флоры Европы и Америки, установлено, какова должна была быть флора земли, лежавшей между этими двумя материками ***. Затѣмъ касались проблемы Атлантиды многочисленные новые издатели, комментаторы и переводчики Платона, въ томъ числѣ Мартэнъ, издавшій отдѣльную книгу о «Тимеѣ» (1841 г.), Беккеръ и его продолжатель Бэкъ, Зохеръ, Швальбе, Штейнгардтъ, І. Мюллеръи мн. др. **** Въ новѣйшее время возобновилъ мысль объ томъ, что Атлантиду должно искать въ Африкѣ,— Лео Фробеніусъ, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Также въ Африкѣ, на другомъ ея концѣ, искалъ Атлантиду Ш. Бунзенъ, въ своемъ сочиненіи о Египтѣ. *****

Особое мѣсто занимаютъ работы объ Атлантидѣ оккультистовъ и теософовъ, даже шире— вообще мистиковъ, книги которыхъ не включены нами въ приведенный перечень. Почти у всѣхъ

---

sur l'antique Atlantide», P. 1803.—Мнѣнія Брэнстона и Бюффона изложены въ книгѣ: P. Flourens, «Des manuscrits de Buffon», P. 1860.

* Въ соч. А. Гумбольдта см. особенно: «Vue des Cordillières», P. 1810, и «Examen critique de l'histoire de la géographie du nouveau continent» P. 1836 (I, 167).—Работа: Kruger, «Amerika bereits durch die Phoniker entdeckt», была напечатана въ журналѣ «Prutz, Deutsches Museum», 1855, №17. Мнѣніе Крюгера потеряло всякое значеніе для нашихъ дней; напротивъ понынѣ цѣненъ подборъ свѣдѣній въ книгѣ: Letrone, «Essai sur les idées cosmographiques qui se rattachent au nom d'Atlas», P. 1831.

** A. S. Norcff, «Die Atlantis nach griechischen und arabischen Quellen», Petersb. 1854. А. С. Норовъ—извѣстный политическій дѣятель, писатель, языковѣдъ и путешественникъ, бывшій министромъ народнаго просвѣщенія съ 1854 по 1858 г.

*** F. Unger, «Die versunkene Insel Atlantis». Wien 1860.

**** Martin, «Etudes sur le Timée de Platon», P. 1841. Работа Іеронима Мюллера указана выше.

***** Ch. Bunsen, «Aegyptens Stelle in der Weltgeschichte», VI. О книгѣ Фробеніуса—ниже.

писателей, примыкающихъ къ одному изъ развѣтвленій оккультизма, найдутся страницы, посвященныя Атлантидѣ. Эти писатели находятъ указанія и намеки на Атлантиду у всѣхъ старыхъ авторитетовъ оккультизма, какъ Аверроэсъ (XII в.), Альбертъ Великій (XIII в.), Раймондъ Люллій (XIII в.). Арнольдъ де-Вильневъ (XIII в.), Петръ Апонскій (XV в.), Агриппа Неттесгеймскій (XVI в.), Марсилio Фичино (XVI в.), Іоаннъ Тритгеймъ (XVI в.), Эммануилъ Сведенборгъ (XVIII в.) и др. Въ новое время объ Атлантидѣ, въ этомъ духѣ, писали: Элифасъ Леви, Фабръ д'Оливе, Луи Лукасъ, Блаватская, Мидъ, Скоттъ-Элліотъ, Папюсъ, Э. Шюре, Р. Штейнеръ и др.* Подробно разсматриваетъ возникновеніе культуры Атлантиды— Э. Шюре въ своей интересной книгѣ «Божественная эволюція», гдѣ авторъ начинаетъ обзоръ съ той геологической эпохи, когда человѣкъ (будущій атлантъ) былъ еще крылатымъ, ящерицеподобнымъ существомъ (отголосокъ одной естественно научной гипотезы). Многое, притомъ съ большими деталями, сообщаетъ объ Атлантидѣ въ своихъ лекціяхъ, популярный у насъ, Рудольфъ Штейнеръ. Наконецъ, съ именемъ Скоттъ-Элліотъ появилась спеціальная книга объ Атлантидѣ, въ которой изложена вкратцѣ вся исторія Атлантиды, съ древнѣйшихъ временъ до года ея гибели, описаны флора и фауна материка, изъяснены основные законы царства атлантовъ, ихъ религія, ихъ обычаи, образъ ихъ домашней жизни и т. д. Авторъ нигдѣ не открываетъ методовъ, какими получены имъ эти подробнѣйшія свѣдѣнія, ограничиваясь завѣреніемъ, что онъ писалъ не по произволу, но постоянно критически повѣряя получаемые выводы... Въ этой книгѣ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ оккультистовъ, приходится вѣрить автору на слово, поэтому наукѣ пока нечего дѣлать съ ихъ утвержденіями.

Есть, однако, одна общая черта между всѣми разсмотрѣнными нами сочиненіями, въ томъ числѣ теософскими и чистонаучными: всѣ они (кромѣ выдѣленной нами книги Лео Фробенiуса) исходятъ изъ литературнаго преданія. Историки, археологи, антропологи, естествоиспытатели, философы, мистики и публицисты, въ литературахъ всего міра, въ теченіе многихъ вѣковъ, на всѣ лады комбинировали скудныя свѣдѣнія, содержащіяся въ двухъ діалогахъ Платона, и тѣ немногія намеки, которыя можно извлечь по вопросу объ Атлантидѣ изъ другихъ писателей. Можно утверждать, что всѣ, какіе только мыслимы, выводы изъ этихъ данныхъ уже сдѣланы: врядъ ли возможно извлечь что-либо новое изъ этого заколдованнаго круга. Чтобы рѣшеніе вопроса подвинулось впередъ, необходимы были новые факты. Такіе факты и оказались въ распоряженіи науки съ конца XIX вѣка: это— эгейская культура, археологическія находки, относящіяся къ древнѣйшей эпохѣ, на европейской почвѣ,

*) E. Shuré, «L'Evolution divine», P. 1913.—W. Scott-Elliot, «Atlantis nach okkulten Quellen», Leipz. (1890, перев. F. P.; оригиналъ—по-англійски.) Книги Р. Штейнера есть въ русскомъ переводѣ.

болѣе точное обоснованіе египетской хронологіи и вообще болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о древнѣйшемъ Египтѣ, успѣхи въ изученіи американскихъ древностей, наконецъ, открытіе культуры яфетидовъ на Кавказѣ и значенія Тихо-океанской культуры, т. е. все то, что было нами использовано для нашего очерка. Сближеніе этихъ новыхъ фактовъ съ данными литературной традиціи позволяетъ освѣтить вопросъ съ новой стороны. Отнынѣ «проблема Атлантиды» выходитъ изъ области гаданій, становится опредѣленной исторической гипотезой и должна раздѣлить обычную судьбу всѣхъ вообще научныхъ гипотезъ, въ зависимости отъ того, будутъ ли вновь открываемые факты ее опровергать или подтверждать.

Поставить вопросъ въ наукѣ—значитъ, сдѣлать значительную часть работы. Въ дальнѣйшемъ предстоитъ уже комбинировать новые факты вокругъ опредѣленной гипотезы, искать новыхъ данныхъ въ опредѣленномъ направленіи, провѣрять полученные выводы съ опредѣленной точки зрѣнія. И есть всѣ признаки, что такое научное оживленіе вокругъ вопроса объ Атлантидѣ уже началось. Правда, до сихъ поръ эта проблема еще не вошла, такъ сказать, «въ кругъ зрѣнія» университетской науки. Но отдѣльные піонеры уже вышли отважно на поиски, и если ихъ исканія не увѣнчались пока рѣшительнымъ успѣхомъ, то уже самое появленіе такихъ искателей указываетъ, что прежнее индиферентное отношеніе къ вопросу миновало. Тѣ, кто слѣдятъ за литературой предмета, знаютъ, что за послѣднія десятилѣтія, то тамъ, то здѣсь, проскальзываютъ извѣстія о попыткахъ найти остатки и слѣды древней Атлантиды. Приходится читать даже о цѣлыхъ научныхъ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ съ этой цѣлью. Къ сожалѣнію, всѣ такія экспедиціи пока еще обязаны своимъ пронсхожденіемъ частной иниціативѣ и не всегда оказываются въ надежныхъ рукахъ, но важно то, что положено начало дѣлу исключительнаго значенія для науки. По всему судя, оно не должно заглохнуть, и можно расчитывать, что не далеко то время, когда вопросъ объ Атлантидѣ будетъ рѣшаться не только по даннымъ историческихъ аналогій, но на основаніи спеціальныхъ изслѣдованій, совершенно новыхъ фактовъ, подлинныхъ памятниковъ и непререкаемыхъ документовъ.

Намъ извѣстно о трехъ экспедиціяхъ, снаряженныхъ за послѣднія 10 лѣтъ на поиски слѣдовъ Атлантиды. Однако, изъ нихъ первая или не состоялась совсѣмъ, или не опубликовала результатовъ своихъ изслѣдованій; результаты второй, какъ мы сейчасъ увидимъ, возбуждаютъ къ себѣ серьезное недовѣріе; и только третья, при всей скромности своихъ задачъ, дѣйствительно обогатила науку и внесла новый свѣтъ въ темную область вопроса объ Атлантидѣ. Какъ бы то ни было, всѣ три попытки заслуживаютъ вниманія уже какъ первый опытъ— найти новые пути для разрѣшенія вѣковой проблемы.

Свѣдѣнія о первой экспедиціи проскользнули въ европей-

ской прессѣ передъ самымъ началомъ войны, весной 1914 г. Мы читали тогда въ парижскомъ «le Matin», что въ Англіи, на частныя средства, снаряжается экспедиція, имѣющая своей прямой цѣлью— искать слѣды погибшей Атлантиды. Предполагалось обслѣдовать восточныя части Тихаго океана и, прежде всего, острова Пасхи, представляющіе несомнѣнный интересъ для археолога. На этихъ островахъ находятся, въ немаломъ числѣ, огромныя, высѣченныя изъ толщи скалъ статуи. Хотя довольно грубой работы, эти статуи ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть признаны созданіемъ современныхъ туземцевъ, аборигеновъ острова или ихъ предковъ,— обычныхъ полинизійскихъ дикарей, стоящихъ на низшей ступени развитія. Слѣдовательно, когда-то острова Пасхи были заняты инымъ населеніемъ, гораздо болѣе культурнымъ, и археологу есть что дѣлать въ этой странѣ. Однако, по географическому положенію острововъ, врядъ ли можно ожидать, что они прольютъ свѣтъ именно на вопросъ объ Атлантидѣ: скорѣе тамъ должны были оказатся слѣды древней Тихо-океанской культуры..: Впрочемъ, о результатахъ задуманной экспедиціи намъ ничего неизвѣстно; можетъ быть, начавшаяся война не позволила ее осуществить.

Нѣсколько раньше, въ 1912 г., также газетныя извѣстія сообщили о другой экспедиціи, имѣвшей аналогичную цѣль: искать слѣдовъ Атлантиды. Во главѣ этой второй, нѣмецкой, экспедиціи стоялъ Павелъ Шлиманнъ, внукъ знаменитаго открывателя Трои, Генриха Шлиманна. Если это имя возбуждало довѣріе къ предпріятію, то все остальное, связанное съ этой экспедиціей, рѣшительно дѣлало ее подозрительной. Довольно сказать, что первые отчеты о результатахъ экспедиціи появились въ американской газетѣ: «New Iork Amerikan», 1912,— неожиданное мѣсто для обнародыванія научныхъ открытій, притомъ исключительной, якобы, цѣнности! Болѣе подробные отчеты были помѣщены потомъ въ лондонскомъ теософскомъ журналѣ: The Theosophist», 1912—1913 г., и затѣмъ перепечатаны теософской и оккультистической прессою всего міра *. Въ серьезной научно-исторической печати объ открытіяхъ Павла Шлиманна появилось, сколько намъ извѣстно, лишь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ, отнесшихся къ сообщеніямъ внука великаго дѣда крайне скептически. Но даже помимо этихъ внѣшнихъ соображеній, самыя сообщенія Павла Шлиманна, на первый взглядъ, болѣе, чѣмъ поразительныя и какъ бы окончательно разрѣшающія вѣковую проблему, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, полными научныхъ несообразностей и внутреннихъ противорѣчій.

По увѣренію Павла Шлиманна, его знаменитый дѣдъ оставилъ запечатанный конвертъ съ тѣмъ, чтобы его вскрылъ тотъ изъ членовъ семьи, кто дастъ торжественное обѣщаніе посвятить всю свою жизнь изслѣдованіямъ, указанія на которыя найдетъ въ этомъ конвертѣ. Павелъ Шлиманнъ далъ такую

* (Въ томъ числѣ и русскимъ «Вѣстникомъ Теософіи», 1913, № 3.

клятву, вскрылъ конвертъ и прочелъ находившееся въ немъ письмо. Въ письмѣ Генрихъ Шлиманнъ сообщалъ, что онъ предпринялъ изслѣдованіе остатковъ Атлантиды, въ существованіи которой не сомнѣвается и которую считаетъ колыбелью всей нашей цивилизаціи. Лѣтомъ 1873 года, Генрихъ Шлиманнъ, будто бы нашелъ, при раскопкахъ въ Троѣ, своеобразный бронзовый сосудъ, большихъ размѣровъ, внутри котораго были глиняные сосуды меньшаго размѣра, мелкія фигуры изъ особеннаго металла, *деньги* изъ того же металла и предметы, «сдѣланные изъ ископаемыхъ костей». На нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ и на бронзовомъ сосудѣ было написано «*финикійскими іероглифами*»: «Отъ царя Атлантиды Хроноса». Затѣмъ, въ 1883 г., Генрихъ Шлиманнъ обратилъ вниманіе въ парижскомъ Луврѣ на коллекцію предметовъ, найденныхъ въ Центральной Америкѣ. Среди нихъ оказались глиняные сосуды, совершенно такой же формы, какъ открытые, въ 1873 г. въ Троѣ, и предметы «изъ ископаемой кости» и «изъ особеннаго металла»; также «линія въ линію» совпадающіе съ троянскими; только финикійскихъ надписей на американскихъ предметахъ не было. «Особенный металлъ» оказался сплавомъ изъ платины, алюминія и мѣди, античной древности безусловно неизвѣстнаго. Наконецъ (объ этомъ, въ пересказѣ Павла Шлиманна, сказано совсѣмъ глухо), Генрихъ Шлиманнъ нашелъ еще какіе-то «папирусы», подтверждающіе дѣйствительность легенды объ Атлантидѣ. Въ результатѣ, Генрихъ Шлиманнъ поручалъ тому изъ своихъ потомковъ, кто будетъ читать это письмо, продолжать начатыя изслѣдованія, а, въ частности, разбить одинъ изъ сосудовъ его (Генриха Шлиманна) коллекціи и обратить особое вниманіе на содержащееся внутри.

Весь этотъ разсказъ возбуждаетъ недовѣріе. Онъ не согласуется съ характеромъ Генриха Шлиманна, до крайности славолюбиваго и не склоннаго таить отъ свѣта свои открытія, къ тому же столь замѣчательныя. Особенно трудно ожидать такой скрытности по отношенію къ находкамъ именно 1873 г., когда Г. Шлиманнъ заканчивалъ только первый періодъ своихъ раскопокъ и когда ему необходимо было всѣми средствами доказать ученому міру значеніе своихъ работъ. (Съ другой стороны, отнести таинственную находку къ 1873 г. было потому удобно, что въ этомъ году Генрихъ Шлиманнъ работалъ одинъ, иногда добывая клады собственноручно, тогда какъ позднѣе онъ былъ постоянно окруженъ сотрудниками, отъ которыхъ не могла бы укрыться такая цѣнная находка). Далѣе, несообразнымъ кажется присутствіе въ сосудѣ, древнѣйшихъ временъ, металлическихъ денегъ,—предмета, незнакомаго ранней древности. Но всего невѣроятнѣе представляется поразительная финикійская надпись. Мы уже указывали, что финикійцы появились на сценѣ міровой исторіи довольно поздно, около 1000 г. до Р. Х., т.-е. по меньшей мѣрѣ черезъ 3—4 тысячелѣтія послѣ прекращенія всякаго вліянія Атлантиды. Какимъ же образомъ могло случиться, что даръ «царя Атлантиды Хроноса» имѣетъ

на себѣ надпись на языкѣ, который вошелъ въ обиходъ сорокъ столѣтій спустя? Это столь же странно, какъ если бы о томъ, что наибольшая изъ пирамидъ построена Хеопсомъ, мы узнали изъ надписи, сдѣланной на языкѣ Пушкина или даже Ломоносова! Если же надпись на сосудѣ—не современна его отсылкѣ въ даръ, а сдѣлана сорокъ столѣтій спустя, значеніе ея, разумѣется, ничтожно.

Павелъ Шлиманнъ, однако, не усомнился, по его увѣренію, въ таинственной надписи и принялъ наслѣдіе дѣда. Указанный сосудъ былъ вскрытъ. То былъ «изъ маталла, похожаго на серебро», и также съ финикійской надписью: «Послано изъ Храма Прозрачнаго Свѣта». Послѣ того Павелъ Шлиманнъ организовалъ свою экспедицію «на поиски Атлантиды». Онъ посѣтилъ Египетъ, западные берега Африки и Центральную Америку. Вездѣ онъ производилъ (добавимъ: «будто бы», ибо объ нихъ что-то мало было слышно) раскопки и изучалъ мѣстныя собранія древностей. Въ Египтѣ П. Шлиманнъ видѣлъ коллекцію «старыхъ медалей», найденныхъ въ Саисѣ и совпадающихъ съ «монетами», открытыми въ бронзовомъ троянскомъ сосудѣ. На западномъ берегу Африки П. Шлиманнъ нашелъ голову ребенка, сдѣланную изъ того же сплава платины, алюминія и мѣди. Въ Парижѣ П. Шлиманнъ видѣлъ частную коллекцію американскихъ древностей, въ которой оказался сосудъ въ формѣ совиной головы, совершенно такой же, какъ завѣщанный дѣдомъ, съ такимъ же вложеннымъ въ него четыреугольникомъ. Наконецъ, въ Центральной Америкѣ П. Шлиманнъ открылъ надписи, которыя, какъ онъ утверждаетъ, «изумятъ весь міръ». Заключаетъ П. Шлиманнъ свои сообщенія гордыми словами: «Я открылъ Атлантиду».

Собственныя открытія П. Шлиманна еще сомнительнѣе, нежели тѣ, какія онъ приписываетъ своему дѣду. Если финикійская надпись на бронзовомъ сосудѣ, который былъ найденъ П. Шлиманномъ, могла быть сдѣлана позже, въ эпоху процвѣтанія Финикіи, то финикійскую надпись на четыреугольникѣ, задѣланномъ внутри сосуда въ формѣ совиной головы, нельзя объяснить ничѣмъ. Или этотъ сосудъ—недавняго происхожденія, не старѣе 1-го тысячелѣтія до Р. Х., и тогда онъ не имѣетъ отношенія къ Атлантидѣ, или въ немъ не могло заключаться надписи на языкѣ, на которомъ тогда никто не писалъ. Всѣ другія открытія П. Шлиманна старательно окутаны тайной. Парижская частная коллекція названа «секретной»; мѣсто раскопокъ въ Африкѣ не обозначено; о мексиканскихъ надписяхъ даже не сказано, на какомъ онѣ языкѣ и какъ удалось ихъ прочитать и перевести. Однимъ словомъ, провѣрить открытія Павла Шлиманна нѣтъ никакой возможности, и наукѣ пока считаться съ ними не приходится. Эти открытія должно отдать въ полное обладаніе теософамъ, которое радостно ими и воспользовались, меча громы противъ ученыхъ, не желающихъ признать, что, какъ они пишутъ, «Атлантида отнынѣ доказана».

Гораздо скромнѣе, но несравненно плодотворнѣе, результаты третьей (и послѣдней изъ извѣстныхъ намъ) экспедиціи, связанной съ поисками слѣдовъ Атлантиды. Эта третья экспедиція была предпринята, въ 1908 г., нѣмецкимъ путешественникомъ, человѣкомъ не претендующимъ на имя ученаго, Лео Фробеніусомъ. Результаты путешествія изложены самимъ путешественникомъ въ 4 огромныхъ томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: «И Африка говорила!..» * Въ этомъ сочиненіи авторъ очень просто разсказываетъ о своихъ скитаніяхъ по сѣверной и Юго-Западной Африкѣ, детально знакомитъ со всѣми раскопками, описываетъ найденные предметы: книги иллюстрированы частью рисунками съ натуры, сдѣланными авторомъ, частью точными фотографіями. Такимъ образомъ, достовѣрность сообщаемаго не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всѣ мѣста точно указаны и могутъ быть найдены на картѣ, указано и современное мѣстонахожденіе собранныхъ коллекцій, да и вообще правдивость Лео Фробеніуса никѣмъ не оспаривается. Правда, когда рѣчь заходитъ объ Атлантидѣ, авторъ высказываетъ предположенія, съ которыми не всегда можно согласиться. Но это уже вопросъ выводовъ изъ фактовъ, самые же факты должны быть отнынѣ стать общимъ достояніемъ науки.

По отношенію къ «проблемѣ Атлантиды», всего важнѣе открытія и находки, сдѣланныя Лео Фробеніусомъ на Юго-Восточномъ берегу Африки, между областями Того (нѣмецкая колонія, нынѣ занятая англичанами) и Либеріей (небольшое независимое негрское государство). Здѣсь, въ этомъ дикомъ краю, Фробеніусъ неожиданно нашелъ, по его выраженію, «остатки нѣкоей древней великой выродившейся цивилизаціи», слѣды «высокой культуры той эпохи, когда господствовалъ въ человѣчествѣ бронзовый вѣкъ». Племя, населяющее нынѣ эту страну, называетъ себя народомъ *іорубовъ*, и самъ Фробеніусъ безъ колебанія признаетъ этихъ полудикихъ іорубовъ «эпигонами атлантовъ». Онъ даже склоненъ думать, что вся платонова Атлантида и была изслѣдованной имъ страной іорубовъ, которая, въ доисторическія времена, могла быть островомъ, такъ какъ Сахара лишь недавно (съ геологической точки зрѣнія) поднялась изъ глубей океана, а раньше была дномъ моря, отдѣлявшаго Гвинею отъ Европы. Нѣтъ надобности заходить такъ далеко и отвергать прямое показаніе Платона, что Атлантида—«островъ за столбами Геркулеса». Правдоподобнѣе принять страну іорубовъ за *колонію* Атлантиды, тѣмъ болѣе, что и по сообщеніямъ Платона, подъ властью атлантовъ была часть Африки. Всѣ открытія Фронебіуса гораздо лучше согласуются съ такимъ мнѣніемъ, что страна іорубовъ—колонія Атлантиды,—нежели съ его собственнымъ утвержденіемъ, что это—вся Атлантида.

Раскопки Фробеніуса въ странѣ іорубовъ дали рядъ инте-

*) Leo Frobenius, «Und Afrika sprach...», Verl. «Vita», Berl. s. a. Первый томъ сочиненія озаглавленъ: «Auf den Trummern des klassischen Atlantis».

ревнѣйшихъ предметовъ, которые странно было извлекать изъ земли въ дикомъ краю экваторіальной Африки. Были найдены урны, внутри облицованныя стекломъ, бронзовыя скульптуры искусной работы, гротескныя терракотовыя головы и маски, типа, рѣзко отличающагося отъ негрскаго, съ причудливыми и тонко-выполненными прическами, притомъ тоже мастерской отдѣлки, съ большой экспрессіей въ выраженіи лица, затѣмъ различное оружіе, нынѣ невѣдомое дикимъ обитателямъ страны, мелкія поддѣлки изъ бронзы, и т. под. Всѣ эти вещи не носятъ на себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ позднѣйшаго финикійскаго вліянія, что чрезвычайно важно, ибо финикійцы, отважные мореплаватели, заплывали и за Гибралтарскій проливъ, устраивая колоніи или временныя стоянки по всему западному берегу Африки. Напротивъ, откопанные предметы въ разныхъ отношеніяхъ приближаются къ архаическимъ издѣліямъ Египта, а также къ этрурскимъ древностямъ. Приложенные къ книгѣ рисунки и фотографіи подтверждаютъ описаніе Фробеніуса. Поразительно, напр., изображеніе гротескныхъ головъ изъ терракоты. Это—уже высокое искусство, близкое къ лучшимъ протескамъ эгейцевъ. Въ то же время утонченныя прически, изображенныя скульпторомъ, указываютъ развитыя формы быта, безъ которыхъ такія причуды моды были бы невозможны. Точно такъ же экспрессія лица на этихъ статуэткахъ говоритъ о многовѣковомъ опытѣ художниковъ; такое мастерство не дается сразу никакому народному генію: оно есть результатъ долгой культурной жизни, медленной эволюціи національнаго искусства.

Сами іорубы, по описанію Фробеніуса, никакъ не обычные африканскіе дикари, а скорѣе «народъ, одичалый въ теченіе тысячелѣтій». Основныя черты, которыми путешественникъ характеризуетъ іорубовъ, это—гордая замкнутость, сила въ утвержденіи своей личности, полнота ея, глубокое развитіе самосознанія», іорубъ—необразованъ, въ европейскомъ смыслѣ слова, но онъ—духовно развитъ, какъ истинно-культурный человѣкъ. Въ религіи іорубовъ, нынѣ по внѣшности магометанъ, господствуетъ исконный монотеизмъ, отъ этого недавно воспринятаго ислама независящій. Какъ извѣстно, многія негрскія племена внѣшне принимаютъ исламъ, но остаются, по своему міросозерцанію, язычниками-фетишистами. Иное дѣло іорубы. у нихъ идеи ислама легли, какъ верхній слой, на давнее, древнее завѣщанное предками единобожіе. То единое божество, которому поклоняются іорубы, есть Богъ Грома, и обряды служенія ему, совершенно чуждые магометанскихъ формъ, обличаютъ искони идущее богослуженіе предъ единымъ «громовникомъ», которому въ каждомъ селеніи посвящается отдѣльная хижина-храмъ. Надо добавить, что во внѣшней культурѣ іорубы и теперь стоятъ значительно выше окружающихъ ихъ негрскихъ племенъ, іорубы умѣютъ выдѣлывать изящныя мануфактуры, достигаютъ большого искусства въ строительствѣ, очень чистоплотны, имѣютъ освященные традиціей законы, которымъ по-

винуются безусловно. Изучая іорубовъ, приходится не столько отмѣчать черты ихъ «одичанія», сколько удивляться, что народъ, который въ теченіе тысячелѣтій былъ отрѣзанъ отъ сношеній съ цивилизованнымъ міромъ, сохранилъ такую высоту духа и такъ много культурности. Видимо, въ свое время, культурные навыки были слишкомъ глубоко запечатлѣны въ душахъ предковъ!

Весьма замѣчательно, что типъ современнаго іорубскаго жилища вполнѣ, во всѣхъ подробностяхъ, совпадаетъ съ типомъ древне-этрурскаго дома. Въ Гвинеѣ, въ наши дни, оказывается самой обыкновенной та самая форма дома, которую римляне называли «этрурскій атрій», atrium tuscanianum или tuscum. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ, іорубы строятъ свои дома,—кстати сказать, гораздо болѣе прочные, нежели палаши окружающихъ дикарей,—совершенно такъ же, какъ до основанія Рима строили свои жилища обитатели древней Этруріи. Притомъ, сходство іорубовъ съ этрусками не ограничивается однимъ планомъ дома. Фробеніусъ приводитъ рядъ параллелей, правда мелкихъ, между обычаями іорубовъ и древне-этрурскими нравами. Особенно останавливается Фробеніусъ на сходствѣ (по его мнѣнію, даже «тождествѣ») религіи этрусковъ и іорубовъ. Онъ приводитъ отрывокъ изъ народной пѣсни (саги) іорубовъ, въ которой усматриваетъ полную параллель съ религіозными этрурскими миѳами о тѣхъ полубогахъ-полугерояхъ, имена которыхъ сохранили намъ римляне въ формѣ Декумана, Кардона и Турна... Да и самое центральное божество іорубовъ, ихъ «единый богъ-громовникъ», есть въ сущности тотъ же самый, принятый римлянами отъ этрусковъ, Юпитеръ Гремящій, Juppiter Tonans, который въ то же время былъ главнымъ богомъ и многихъ малоазійскихъ племенъ и высоко чтился эгейцами. Фробеніусъ увѣряетъ, что культуры этрусковъ и іорубовъ это—«культуры-сестры», идентичныя по своему существу. Если даже такое мнѣніе преувеличиваетъ найденныя аналогіи, все же неожиданное сходство въ древней культурѣ центральной Италіи и современной культуры маленькаго племени центральной Гвинеи—врядъ ли можетъ быть случайнымъ.

Открытія Фробеніуса еще разъ подтверждаютъ всю правдоподобность разсказа Платона. Что до сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ самой Атлантиды, это—естественно, такъ какъ вся страна атлантовъ погрузилась во глуби океана. Но Платонъ опредѣленно свидѣтельствуетъ, что подъ властью атлантовъ была часть Европы и часть Африки. Отъ этихъ «заморскихъ» колоній Атлантиды что-либо да должно было уцѣлѣть. Находки въ странѣ іорубовъ—первое звено (если не считать сомнительныхъ открытій П. Шлиманна) въ той археологической цѣпи, которая должна будетъ связать современность съ атлантской древностью. Благодаря открытіямъ Фробеніуса еще одно утвержденіе Платона оказывается исторически-вѣрнымъ: эти открытія объясняютъ присутствіе въ Атлантидѣ слоновъ, которые врядъ ли водились въ самой странѣ атлантовъ.

Кромѣ того, можно сдѣлать изъ наблюденій надъ іорубами и рядъ другихъ выводовъ; что атланты, дѣйствительно, обладали сильнымъ флотомъ, позволявшимъ имъ поддерживать сношенія съ отдаленными колоніями; что атлантская культура пускала глубокіе корни въ чужихъ народахъ; что, слѣдовательно, атлантское вліяніе было длительнымъ и т. под.

Путешествіе Лео Фрабеніуса доказало, что поиски слѣдовъ Атлантиды—предпріятіе не безнадежное. До послѣдняго времени, пока Атлантида, для большинства ученыхъ, оставалась «миѳомъ», «басней», сочиненной Платономъ или Солономъ, трудно было требовать, чтобы работники науки посвящали свои силы и свое время на освѣщеніе этого спорнаго вопроса. Нынѣ, когда въ исторіи накопилось множество новыхъ данныхъ, когда новѣйшія историческія открытія выдвинули рядъ новыхъ вопросовъ, когда отмѣченныя во всѣхъ древнѣйшихъ культурахъ «историческія аналогіи» властно *постулируютъ* существованіе Атлантиды,—должно измѣниться и отношеніе ученыхъ. Утверждать, какъ то дѣлаютъ теософы, что «Атлантида доказана», мы еще не вправѣ. Но несомнѣнно, что наука должна принять Атлантиду, какъ необходимую «рабочую гипотезу». Безъ допущенія Атлантиды, многое въ ранней древности остается неяснымъ, необъяснимымъ; признаніе міра атлантовъ разрѣшаетъ большинство загадокъ древнѣйшей исторіи. Какъ сказочный «сезамъ», слово Атлантида растворяетъ всѣ двери, раскрываетъ всѣ тайны. Становится понятнымъ единство всѣхъ древнѣйшихъ культуръ человѣчества; объясняется происхожденіе культуръ египетской и эгейской; разрѣшается загадка пирамидъ; вскрывается тайна аналогій между культурами Стараго и Новаго Свѣта; падаетъ свѣтъ на связь культуры яфетидовъ съ другими современными ей цивилизаціями, на путь развитія древнѣйшей Индіи, на значеніе Тихо-океанской культуры, и т. д., и т. д. Атлантида необходима исторіи и потому должна быть открыта!

Въ ожиданіи, пока глуби океана станутъ доступны непосредственному изслѣдованію, ученые должны обратить свое вниманіе на Западные берега Пиринейскаго полуострова, на Юго-Западное побережье Африки, на области Центральной Америки,— вообще, на всѣ тѣ страны, гдѣ вліяніе Атлантиды могло сказываться особенно ярко, на днѣ Атлантики понынѣ должны лежать развалины великолѣпныхъ городовъ царства атлантовъ, полныя дивными сокровищами, великими созданіями искусства, грудами истлѣвающихъ книгъ... Въ нѣдрахъ земли ждутъ кирки изслѣдователя разнообразнѣйшія произведенія атлантскихъ мастеровъ и ремесленниковъ, конечно, расходившіяся по всей землѣ; дары, которые посылались атлантскими владыками дружественнымъ царямъ, вещи, вывезенныя купцами и любопытными путешественниками, какія-нибудь надписи, которыми атланты ознаменовывали свои заморскіе походы, даже, можетъ быть, атлантскія рукописи... Археологамъ предстоитъ искать всего этого съ напряженнѣйшей энергіей. Не

исключена и возможность, что въ нашихъ музеяхъ уже теперь хранится созданія атлантовъ, какія— нибудь вазы, кинжалы, обломки статуй, и т. под.,— только мы не умѣемъ ихъ опознать, подобно тому, какъ первыя найденныя эгейскія вазы долгое время считались работами архаической Греціи. Съ этой точки зрѣнія важно было бы пересмотрѣть музейныя собранія ранней древности и произвести имъ переоцѣнку, въ свѣтѣ нашихъ знаній. Въ то же время геологи, географы и путешественники должны тщательнѣйшимъ образомъ изучить побережья Атлантическаго океана, чтобы наука дала намъ, наконецъ, точный отвѣтъ относительно эпохи, когда «за столбами Геракла» лежалъ исчезнувшій нынѣ большой островъ, и въ какомъ тысячелѣтіи, подъ вліяніемъ какой катастрофы онъ скрылся подъ поверхностью моря. Рядомъ, въ томъ же направленіи, найдется работа антропологамъ, ботаникамъ, зоологамъ, лингвистамъ,— ученымъ всѣхъ отраслей знанія.

Задача, ставшая нынѣ передъ наукой—громадна, но и благодарна. Вопросъ идетъ о происхожденіи всей цивилизаціи земли, о началѣ всѣхъ культуръ человѣчества. Всемірная исторія получитъ законченныя очертанія и законченный смыслъ лишь тогда, когда будетъ открытъ древнѣйшій культурный міръ, воздѣйствіемъ котораго объясняется культура Египта, Эгеіи, майевъ, Тихаго океана,—тотъ міръ, который мы предполагаемъ въ Атлантидѣ. Ради рѣшенія такой грандіозной задачи, стоитъ цѣлому поколѣнію ученыхъ направить свои труды въ одномъ направленіи. Мы твердо вѣримъ, что исторія нынѣ стоитъ на дорогѣ величайшихъ открытій. Атлантида, эта «гипотеза» сегодняшняго дня, должна стать историческимъ фактомъ завтра.

10. *Заключеніе.*

Мы вправѣ теперь набросать краткій очеркъ всеобщей исторіи человѣчества, за послѣдніе 10—15 тысячъ лѣтъ его культурнаго бытія.

Въ отдаленнѣйшую эпоху древности, которую, пока, мы еще не можемъ опредѣлить въ цифрахъ, центромъ культурной жизни на землѣ былъ материкъ, лежавшій въ Атлантическомъ океанѣ и населенный красной расой атлантовъ. Въ теченіе тысячелѣтій возрастала ихъ мощь и развивалась ихъ культура, достигнувъ высоты, которой, быть можетъ, не достигалъ послѣ ни одинъ изъ земныхъ народовъ. На Атлантидѣ стояли великолѣпные города съ многомилліоннымъ населеніемъ, процвѣтали науки, искусства, всѣ формы техники, жизнь гражданъ была разнообразна и утончена. Въ концѣ періода этого пышнаго развитія, атланты, обладавшіе сильнымъ флотомъ, вступили въ сношенія съ другими народами сосѣднихъ земель, частью покорили ихъ военной силой, частью наложили на нихъ могущественное вліяніе своей высокоразвитой культуры. Народы Центральной Америки (предки будущихъ майевъ) находились въ полной зависимости отъ Атлантиды, духовной и, кажется, политической; въ Юго-Западной Африкѣ, въ Гвинеѣ, у атлантовъ была большая колонія, откуда

они получали слоновъ и разныя произведенія страны; подчинились вліянію атлантовъ и пра-арійцы (между прочимъ, предки будущихъ эгейцевъ), которые, вслѣдствіе оледенѣнія Европы въ ледниковый періодъ, тѣснились на западномъ побережьи Пиринейскаго полуострова; вліяніе атлантовъ простиралось и далѣе на Занадъ, доходя до Египта, до равнинъ Месопотаміи, до Кавказскихъ горъ и еще глубже въ центръ Азіи; возможно, что атланты находились въ сношеніяхъ съ народами, жившими по берегамъ Тихаго океана, выработавшими своеобразную Тихоокеанскую (китайскую) культуру. Такимъ образомъ, народы всей земли, какъ къ средоточію и источнику знаній и власти, обращались къ Атлантидѣ. Оттуда разливался по землѣ свѣтъ науки, откровенія религіи, начатки художества. И, запечатлѣвая завѣты своихъ учителей, разные народы, на разныхъ концахъ земли, воспринимая религію будущей жизни («культъ смерти»), поклоненіе единому небесному богу («богу-громовнику» и «богу-солнцу»), уваженіе къ однимъ и тѣмъ же символамъ (крестъ съ загнутыми концами, спираль, треугольникъ), какъ внѣшніе выраженіе этихъ завѣтовъ, отдѣльные народы воздвигали въ своей странѣ каменные символы—пирамиды.

Въ 6-мъ или 5-мъ тысячелѣтіи до Р. Х., происходитъ какой-то гигантскій катаклизмъ на землѣ, въ силу котораго материкъ (или островъ) Атлантиды гибнетъ, исчезаетъ въ глубяхъ океана. Дѣйствительно ли этому предшествовалъ походъ соединенныхъ атлантскихъ силъ, съ цѣлью завоевать Востокъ Европы и Африки, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, Атлантида исчезаетъ со сцены исторіи, и народы, бывшіе у нея въ порабощеніи, духовномъ и матеріальномъ, получаютъ свободу. Но сѣмена атлантской культуры заложены слишкомъ глубоко въ душахъ народовъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ Атлантидой. Уменьшеніе ледяного покрова въ Европѣ позволяетъ племенамъ начать свое разселеніе. И въ свои новыя мѣстожительства эти народы несутъ завѣты Атлантиды, ею внушенныя начала. Наука, искусство, мастерство,—все это развивается въ различныхъ странахъ, подъ различными новыми вліяніями, но исходя отъ толчка, когда-то даннаго Атлантидой. Такъ расцвѣтаютъ культуры «ранней древности»: майская—въ Центральной Америкѣ, египетская—въ долинѣ Нила, эгейская—на побережьяхъ Эгейскаго моря и на материкѣ Греціи, малоазійскихъ племенъ—въ Малой Азіи, тѣ же вліянія сказываются въ болѣе удаленныхъ культурахъ: вавилонской—въ Месопотаміи, яфетидской, въ горахъ Кавказа и на берегахъ озера Вана, индійской—на Деканскомъ полуостровѣ, можетъ быть, и Тихо-океанской. Памятуя завѣты учителей, египтяне запечатлѣваютъ ихъ ученіе въ великихъ Гизехскихъ пирамидахъ, поклоняются Солнцу Аммону-Ра, свято чтутъ загробную жизнь («культъ смерти»). Эгейцы, подъ тѣмъ же воздѣйствіемъ строятъ свои купольныя гробницы, аналогіи пирамидъ, чтутъ бога-громовника, вѣруютъ въ жизнь за гробомъ. Быть можетъ, вспоминая столицу въ странѣ своихъ учителей, дивный Городъ Золотыхъ Воротъ, критскіе миносы пытаются

создать нѣчто подобное у себя на новой родинѣ, и строютъ свои запутанные лабиринты. Маленькія подобія лабиринтовъ создаютъ и этруски въ центральной Италіи, гдѣ они воздвигаютъ также и настоящія пирамиды. Такія же пирамиды воздвигаютъ майи въ Мексикѣ и на Юкатанѣ. Сотни аналогій связываютъ между собою всѣ другіе народы, получившіе толчокъ къ развитію изъ Атлантиды. Вотъ почему по всей землѣ оказываются раскинуты одни и тѣ же символы, одинаковые религіозные обряды, родственные стили художества.

Больше 25 вѣковъ длится расцвѣтъ этихъ культуръ ранней древности. Къ концу 2-го тысячелѣтія до Р. Х. наступаетъ конечный срокъ ихъ бытія. Около конца XII вѣка, дикія эллинскія племена, спустившіяся съ сѣверныхъ горъ, нападаютъ на эгейцевъ, занимаютъ ихъ мѣсто въ дворцахъ Микенъ и Тиринѳа, переплываютъ на Критъ, разоряютъ и предаютъ забвенію лабиринты; потомъ общимъ походомъ плывутъ подъ Трою и сравниваютъ съ землею этотъ послѣдній оплотъ минойскаго міра. Но захватывая и сокрушая, эллины учатся у побѣжденнаго народа; грабя, вбираютъ въ себя начала его культуры; присваивая себѣ богатства эгейцевъ, начинаютъ подражать ихъ мастерству, и постепенно создаютъ свою новую, эллинскую культуру, сохраняющую для будущихъ вѣковъ основы культуры эгейской... Два столѣтія послѣ, въ отдаленной Америкѣ, также надвигаясь съ сѣвера, дикіе кочевники нагуа обрушиваются на царства майевъ, тоже грабятъ и разрушаютъ ихъ города, тоже расхищаютъ ихъ сокровища, скопленныя вѣками, но такъ же подчиняются духовной власти болѣе просвѣщеннаго побѣжденнаго племени, чтобы изъ обломковъ майской культуры выработать свою, ацтекскую... Еще черезъ столѣтіе, родственные эллинамъ фригійцы проникаютъ дальше на Востокъ, до подножія Арарата и захватываютъ царства яфетидовъ, уже раньше потрясенныя походами халдскихъ царей. Фригійцы смѣшиваются съ покоренными яфетидами, подпадаютъ подъ ихъ духовную власть, и такъ вырастаютъ новые народы, армянскій и грузинскій, сберегающіе для слѣдующихъ поколѣній сѣмена яфетидской цивилизаціи... Около того же времени, на сценѣ міровой исторіи появляются персы. Они овладѣваютъ вавилонскими царствами, въ которыхъ смѣнялись различныя народности, усваивавшія попеременно единую вавилонскую культуру, а затѣмъ и Египтомъ. Нѣсколько позже, римляне побѣждаютъ этрусковъ, тоже воспринимая многое изъ ихъ культуры...

Культуры ранней древности гибнутъ всѣ въ промежутокъ между XII и VIII в.в. до Р. Х. Но не гибнетъ ихъ духъ. Эллины впитываютъ то, что было жизненнаго въ Эгейѣ; римляне учатся у этрусковъ; фригійцы подчиняются культурѣ яфетидовъ; персы воспринимаютъ многое у халдеевъ; ацтеки—у майевъ; по всей землѣ идетъ дѣятельное усвоеніе молодыми народами началъ древнѣйшихъ цивилизацій. Завоеванія Александра Македонскаго разноситъ эллинизмъ по всему Востоку. Въ царствахъ діадоховъ происходитъ сліяніе и смѣшеніе культуръ Запада и Востока.

Побѣдоносные римляне привлекаютъ къ этому обмѣну всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря. Въ культуру Римской имперіи вливаются какъ культуры Древняго Востока, такъ и культуры Сѣверной Африки (Карѳагенъ) и древней Италіи (этруски), и, наконецъ, культуры дальняго Запада (друидическая культура древнѣйшей Галліи). Египетскія откровенія соединяются въ Римѣ съ тайнами друидовъ, ученіе вавилонскихъ халдеевъ съ этрурскими гаданіями, эгейски-эллинскія преданія съ темными воспоминаніями испанскихъ лигуровъ. Вырастаетъ единая греко-римская цивилизація, тотъ античный міръ, въ которомъ, какъ въ огромномъ котлѣ свариваются въ одно цѣлое исканія и открытія многихъ тысячелѣтій. Античная древность длится 18 столѣтій (считая отъ похода подъ Трою до Юстиніана); этотъ періодъ начинающійся пѣснями Гомера, которыя еще полны воспоминаніями объ Эгейѣ, и кончающійся книгой блаженнаго Августина, въ которой уже заложено все Средневѣковье, образуетъ какъ бы единую гигантскую академію, гдѣ собраны, въ ихъ существенныхъ чертахъ, традиціи всѣхъ культуръ, вступавшихъ въ сношеніе со Средиземноморьемъ, вплоть до Индіи и Китая. Античная древность все это перерабатываетъ, все это сводитъ къ краткимъ формуламъ и какъ бы заготовляетъ сжатый «компендій» для поученія будущихъ поколѣній. *

Катастрофа такъ называемаго «великаго переселенія народовъ» отдѣляетъ античную древность отъ средневѣковья. Повторяется та же картина, какую міръ наблюдалъ въ эпоху паденія ранней древности. Точно такъ же новые народы, завоевывая и разрушая культурные центры, учатся у побѣжденныхъ, перенимаютъ ихъ культуру, подражаютъ имъ во всѣхъ областяхъ духовной жизни. Какъ гибель ранней древности продолжалась цѣлыя столѣтія, такъ и процессъ «великаго переселенія народовъ» заполняетъ собою больше трехъ вѣковъ. За это время, германскія племена, селящіяся въ бывшихъ провинціяхъ римской имперіи, впитываютъ въ себя греко-римскую цивилизацію. Античная древность становится прямымъ и несомнѣннымъ «учителемъ» рождающейся новой Европы. Но это вліяніе еще не всеобъемлюще въ теченіе того періода, который мы называемъ средними вѣками. Оно получаетъ новый толчокъ съ такъ называемымъ Возрожденіемъ искусствъ и наукъ. Открываются тайники Византіи, гдѣ почти тысячу лѣтъ лежали спрятанными книги и художественныя созданія древняго міра. Люди открыто провозглашаютъ Элладу и Римъ источниками всякой мудрости, стремятся сознательно учиться у нихъ. Высшими образцами объявляются античные поэты и художники, непререкаемымъ авторитетомъ—античные ученые. Гомеръ и Виргилій, Эсхилъ и Софоклъ, Пракситель и Скопасъ, Платонъ и Аристотель, эти

* Черезъ Римъ дошли до насъ, напр.: изъ Вавилоніи—дѣленіе часа на 60 минутъ, круга на 360 градусовъ, недѣли на 7 дней; изъ Эгейи—минойская идея буквенныхъ писемъ; изъ Индіи—десятичная система счисленія; изъ Египта, при посредствѣ евреевъ,—мистическое отношеніе къ числу 3, идея убитаго и воскресшаго бога (Озирисъ), и т. под.

имена дѣлаются священными. Вся наука, все искусство, вся философія новой Европы вырастаетъ на античной почвѣ. Все, чѣмъ мы живемъ понынѣ, имѣетъ своимъ источникомъ завѣщаніе античнаго міра. Къ какой бы области знанія или художества мы ни обратились, вездѣ въ основѣ мы находимъ античный образецъ. Эллада и Римъ были и остались «учителями» новой европейской культуры.

Такъ міровая исторія человѣчества представляетъ четыре гигантскихъ круга. Послѣдній изъ этихъ круговъ образуетъ нашъ современный міръ, который подраздѣляется на три части: новѣйшая эпоха, съ ея поразительными успѣхами техники, съ аэропланами, телефонами, кинематографами, телеграфами, паровыми дорогами; Новая Европа, отъ XIX до XVI вѣка, съ ея развитіемъ положительнаго знанія, и средневѣковье, съ его мистическимъ міросозерцаніемъ. Этотъ послѣдній кругъ, какъ на своей основѣ, покоится на античной древности, которая была его непосредственнымъ «учителемъ». Античный міръ, въ свою очередь, покоится на мірѣ «ранней древности», сыгравшей по отношенію къ нему такую же роль, какую античная древность —по отношенію къ намъ: ранняя древность была «учителемъ» античности. Наконецъ, сама ранняя древность опирается, какъ на свою базу, на древность Атлантиды, которая, какъ мудрый учитель, наставила всѣ народы земли, давъ имъ зачатки наукъ и художествъ. Мы учились у античности, античность у ранней древности, ранняя древность—у Атлантиды. Таинственные, понынѣ полумиѳическіе, атланты были учителемъ нашихъ учителей, и имъ мы вполнѣ вправѣ присвоить отвѣтственное наименованіе: «учители учителей».

Валерій Брюсовъ.

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ
БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ".

ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ, 64.

Имѣются на складѣ:

Изданія газеты «Новая Жизнь» подъ общей редакціей М. Покровскаго.

И. ХЕРАСКОВЪ. «Англія до и во время войны», ц. 2 р.

М. ПАВЛОВИЧЪ. «Азія и ея роль въ міровой войнѣ», ц. 1 р. 75 к.

Изданіе бар. Р. Розена:

«Миръ или война во что бы то ни стало», ц. 1 р.

«Европейская политика Россіи», ц. 3 р.

Заканчиваются печатаніемъ и скоро выйдутъ въ свѣтъ:

М. ГОРЬКІЙ. «Статьи 1905—1916 гг.», дополненное 2-е изданіе.

Г. ДЖ. УЭЛЛСЪ «Мистеръ Бритлингъ и война», ц. 7 р.

В. ШИШКОВЪ. «Тайга», повѣсть.

К. ТИМИРЯЗЕВЪ. «Красное Знамя».

Дѣтская иллюстрированная книга «Вильгельмъ Телль», ц. 3 р. 50 к.

9444

Издательство
„ПАРУСЪ".

Петроградъ. Невскій пр. 64.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу книги:

СБОРНИКЪ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, подъ ред. **М. Горькаго**, ц. 3 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, подъ ред. **В. Брюсова М. Горькаго**, ц. 6 р.

СБОРНИКЪ ФИНЛЯНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, подъ ред. **В. Брюсова и М. Горькаго**, ц. 6. р.

СБОРНИКЪ ПРОЛЕТАРСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, подъ ред. **М. Горькаго** и др., ц. 3 р.

М. ГОРЬКІЙ. «Въ Людяхъ», ц. 5 р.

М. ГОРЬКІЙ. «Русскія сказки», ц. 1 р. 75 к.

М. ГОРЬКІЙ. «Ералашъ» и др. разсказы, ц. 5 р.

И. А. БУНИНЪ. Полное Собр. Сочиненій, т. X, ц. 6 р.

Ж. ТЬЕРСО. «Празднества и пѣсни Французской Революціи», ц. 4 р.

В. МАЯКОВСКІЙ. «Простое какъ мычаніе», ц. 1 р. 50 к.

В. МАЯКОВСКІЙ. «Война и Міръ», ц. 2 р. 25 к.

П. МИЛЛЬ. «Монархъ», ц. 1 р.

М. ГОЛЬДШМИДТЪ «Еврей», пер. **М. Благовѣщенской**, ц. 2 р. 50 к.

Проф. П. Н. САКУЛИНЪ. «Реформа русскаго правописанія», ц. 1 р. 75 к.

Проф. Д. КУДРЯВСКІЙ. «Какъ жили люди въ старину», ц. 2 р.

«ВОЛКЪ ФЕНРИСЪ». Финансовая повѣсть, ц. 2 р.

Дѣтскій Сборникъ «ЕЛКА», подъ ред. А. Бенуа и К. Чуковскаго, въ папкѣ, съ иллюстр. лучшихъ художник., ц. 10 руб.

Иллюстрированная дѣтская книга «АЙВЕНГО», ц. 4 р.

Тип. Акц. О-ва Изд. Дѣла «Копѣйка», Петроградъ, Сайкинъ, 6, соб. д.

Лѣтопись

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

49508

№ 9—12.

СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ. 1917

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ
БИБЛИОТЕКИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР